

Алтайские

ПИСАТЕЛИ

ДЕТЯМ

АНТОЛОГИЯ

Том 1

Уважаемые читатели!

Вы держите в руках уникальную книгу – антологию детской литературы Алтайского края.

В разносторонней и многожанровой литературе Алтая, отражающей своеобразие края, его природные богатства, историю и культуру, особое место занимают книги для детского чтения. Фонд детской литературы, представленный широким кругом имен и стилей, является свидетельством мощного культурного потенциала региона, его активной творческой жизни. Достойное место на книжной полке заняли произведения М.И. Юдалевича, Л.И. Квина, Р.И. Рождественского, А.П. Соболева, В.С. Сидорова, В.М. Шукшина, В.Б. Свинцова, В.М. Башунова, И.Е. Фролова, И.А. Атаманова, Н.Н. Чебаевского, И.С. Злышко, востребованные несколькими поколениями детей, а также произведения А.О. Никольской, Е.М. Ожич, И.В. Цхай, Ю. Тарасавы, В.А. Новичихиной, О.В. Такмаковой, которые еще будут проверены временем. И это далеко не полный перечень авторов разного уровня изданий. Задача антологии – привлечь внимание к творчеству наших земляков, вызвать интерес к чтению посредством знакомства с их произведениями.

По словам В.А. Сухомлинского, «чтение – это окошко, через которое дети видят и познают мир и самих себя». Надеюсь, что издание станет для многих юных читателей источником увлекательного открытия окружающего мира и постижения себя как его частицы.

*Губернатор Алтайского края,
Председатель Правительства Алтайского края
А.Б. Карлин*

A stylized, handwritten signature in black ink, consisting of several fluid, connected strokes.

Управление Алтайского края по культуре и архивному делу
Алтайская краевая универсальная научная библиотека им. В. Я. Шишкова
Алтайская краевая детская библиотека им. Н. К. Крупской

Алтайские
ПИСАТЕЛИ —
Детям

Антология
в двух томах

Том I

Кемерово
2017

ББК 83.3(2Рос-Рус)6
А-521

12+

*Издание подготовлено по заказу и при финансовой поддержке
Правительства Алтайского края
в рамках Губернаторского издательского проекта*

Редакционный совет:
Л.В. Санкина, Э.П. Хомич, Л.Н. Зинченко
Художественное оформление и дизайн: К.М. Паршина

А–521 Алтайские писатели – детям : антология в 2 т. Т. 1 / Упр.
Алт. края по культуре и арх. делу, Алт. краев. универс. науч. б-ка
им. В. Я. Шишкова, Алт. краев. дет. б-ка им. Н. К. Крупской. – Ке-
мерово : Технопринт, 2017. – 527 с. : цв. ил.

Двухтомная детская литературная антология подготовлена к 80-лет-
нему юбилею Алтайского края. В издании собраны лучшие произведения
писателей — наших земляков: сказки, стихи, рассказы, повести, написан-
ные интересно, живо и с большой любовью к своей малой родине.

Книга предназначена для внеклассного и семейного чтения, рассчита-
на на детей младшего возраста, школьников и даже взрослых. Отобранные
тексты сопровождаются краткой информацией об авторах и списком их про-
изведений, рекомендуемых для чтения.

ББК 83.3(2Рос-Рус)6

ISBN

© КГБУ «Алтайская краевая универсальная научная
библиотека им. В. Я. Шишкова», 2017
© КГКУ «Алтайская краевая детская библиотека
им. Н. К. Крупской», 2017
© К. М. Паршина, художественное оформление,
дизайн, 2017

ЧИТАТЕЛЯМ: ДЕТЯМ, РОДИТЕЛЯМ И ПЕДАГОГАМ

Дорогой читатель! В твоих руках – литературно-художественное издание с благозвучным названием. Антология адресована юным книголюбам России, проживающим на территории живописного края. И – не только им: взрослым тоже будет интересно ознакомиться с новой детской книгой.

Приятно держать в руках книгу, составленную из произведений, авторы которых – твои земляки. Приятно увидеть художественное отражение малой родины, с удивлением заметить, что не такая уж она и маленькая – территория детства. Тебе здесь многое знакомо. Вот, например, заветные места для рыбалки – заводи Усть-Порозихи и Чистюньки, а в селе Малиновое Озеро, как на карте, отмечены грибные места и ягодные поляны. А какие великолепные места для «третьей охоты» в деревне с волшебным названием Фунтики! Помнится, в горах Чарышского района, отдыхая в селе Малый Бацелак, ты видел настоящего медведя. У кого-то может быть другая география воспоминаний, но и они вошли в книгу аллюзиями, реминисценциями, ассоциациями. Образ родины открывается и через другие её составляющие: лиризм, свет авторской любви к людям и братьям нашим меньшим. Малая родина волнует, переполняет щемящим чувством радости и гордости за край, за людей, в нём живущих. Лирическое настроение книги создали писатели, чья творческая жизнь связана с Алтайским краем. Уже одно это обязывает читателей знать писателей по именам.

Антология является неоспоримым свидетельством того, что на Алтае есть профессиональные детские писатели и есть детская ли-

тература. Так составила коллекция художественных текстов, своего рода памятник книжной культуры. Тематически и концептуально связанное с «взрослой» антологией [3], издание представляет собой уникальный опыт художественного осмысления региональной детской литературы.

Над антологией работали специалисты по детской литературе: литературоведы, библиотекари, писатели. Понятно, что в условиях издательского формата антологии сложно показать творчество всех авторов в подробной описательности. В первую очередь составители выделили имена детских писателей и детские книги, эстетически программные и концептуально значимые для литературного процесса края. В отборе оказались в большинстве своём писатели, чьи книги изданы большими тиражами и красочно иллюстрированы. Вопрос отбора и размещения литературного материала в антологии – вопрос не праздный, если помнить, что композиция такого издания берёт на себя воспитательные и педагогические функции. Составители не ставили перед собою задачу собрать коллекцию раритетных изданий. Главное, что надо было сделать, – во-первых, воссоздать полную картину региональной детской литературы, во-вторых, представить статусных писателей, причастных к этому явлению. Всего антологией озвучено 43 автора. Не претендуя на универсальность, издание демонстрирует попытку авторов-составителей самим материалом рассказать о какой-то части проблем и животрепещущих вопросов, так или иначе затрагивающих адресата, и тем самым создать повод для размышлений. Антология просвещает и учит, а это обязывает читателей читать и думать.

О ДЕТСКОМ ТЕКСТЕ И ДЕТСКОСТИ, О ДЕТСКОЙ КНИГЕ И ДЕТСКИХ ПИСАТЕЛЯХ АЛТАЙСКОГО КРАЯ

«Антология» (с греч. – «собрание цветов, букет») в современном понимании слова означает сборник небольших по объёму произведений, созданных разными авторами. Первое упоминание самого термина относится к середине I века до н. э. Автор-составитель антологии, о которой идёт речь, каждого из представляемых им поэтов ассоциировал с определённым цветком. Таким образом появилось название, ставшее со временем общеупотребительным для коллективного издания любого типа, будь то хрестоматия, сборник или альманах. Современ-

менное толкование антологии отмечает полноту освещения литературного процесса конкретного периода, определённого направления, течения, жанра и считает её самым авторитетным изданием среди всех других коллективных сборников. На издания XVIII века, подготовившие появление антологий, указывают специалисты отечественной литературы и зарубежные ученые (М. С. Костюхина, Б. Хеллман и др.).

Интенсивное развитие литературной антологии пришлось на XIX, золотой век классики. О первой детской литературной антологии «Розовый букет, составленный из лучших цветков русской поэзии. Золотой подарок для юных читателей» адресаты узнали в двадцатом столетии, когда концепт детства стал феноменом культуры, а детская литература, отражая картину мира в художественной традиции предыдущего века, достигла небывалого расцвета. Художественные тенденции изображения детства, становясь приоритетными, определяют пространство образовательного детского чтения.

С позиций современной науки XX век оценивается как золотой век детской литературы и детских изданий, антология – в их числе, именно она становится модным знаком книжной культуры (И. Н. Арзамасцева и др.). Всё это, так или иначе, свидетельствует об органическом соответствии типа издания, в формате которого составители решили представить читателям детскую литературу Алтайского края.

Отражая практику литературного детства в движении времени, антология убедительно свидетельствует, что детская литература вошла в XXI век, имея сложившуюся жанрово-стилевую систему, что, в свою очередь, позволяет говорить о формировании литературной школы или направления.

На всех этапах развития детской литературы специалисты исследуют феномен детского писателя (И. П. Лупанова, Е. О. Путилова и др.). Детский писатель пишет о детстве не по остаточным воспоминаниям, для него детство – не время и не период жизни, а имманентное состояние души. Он «детский» в чистом значении этого слова. «Детский» в словосочетании «детский писатель» – не столько свойство профессиональное, сколько свыше данный талант, а значит, толкованию не подлежит. «Детство – это не возраст, детство – состояние души» [10].

Репертуар, представленный в антологии, входит в актуальную культуру края. Приоритетная тема репертуара – особенности детского восприятия окружающего мира. Педагогическая задача – воспитание

в молодом читателе чувства родины. Благодаря своему уникальному географическому положению, наш край обладает особой силой притяжения, он оставляет неизгладимый след в творчестве детских писателей. Тексты детской антологии передают территориальное самосознание авторов, литературные произведения писателей расширяют границы русской культуры.

В воспитании патриотов малой родины образ эпического Алтая педагогически значим, поскольку несёт в себе огромный нравственно-духовный потенциал. Понимая это, детский писатель должно внимание уделяет пейзажному содержанию книги, в ней, как правило, география родного края опозитивирована и пропущена через призму «непосредственного детского восприятия». «Непосредственность детского восприятия» определяет характер специфики пейзажа и её изучения: вопрос, который вписан наукой в реестр актуальных проблем литературы для детей. Детские писатели края отразили не только функциональную близость детского пейзажа к пейзажу «взрослой» литературы, но и показали их различие. Описание детского пейзажа напрямую зависит от «высоты детского роста» читателя, которому адресован текст. Пейзажи малышовой литературы – пейзажи «на вырост», они даны в линейном изображении, их описание предельно лаконично и не развёрнуто. Как правило, преобладает пейзаж без эпитетов – глагольный пейзаж, точнее, картина природы. Не случайно одна из первых познавательных книжек, адресованных ребёнку, имела название «Божий мир в картинках». К. И. Чуковский, чей авторитет специалиста детской литературы непререкаем, выделяет в качестве важного свойства «детского текста» визуализацию картинок, из словесного описания которых складывается «детский текст». Книги алтайских мастеров малышовой литературы, прежде всего писателей В. М. Нечунаева и В. А. Новичихиной, являются тому примером.

Познавательно-ознакомительная функция отличает книги Василия Нечунаева («Воробьиные качели»), Валентины Новичихиной («Планта детства»), Ольги Такмаковой («Большие тайны маленьких людей»), Ольги Кан («Ух-ты!») и других писателей дошкольной адресации.

Пейзаж растёт в объёме вместе с читателем. Так, в литературе, адресованной младшему и школьному возрасту, он обретает дополнительную описательность и становится более объёмным, а в подростковой прозе получает статус литературного приёма. Пейзаж имеет

силу магнетического воздействия на читателя и благодаря яркости запечатленных картин природы сохраняет память детства. Пафос автора в этом случае заключается в том, чтобы рассказать о малой родине как о самой большой и самой красивой стране на свете. В этом контексте актуально звучит тезис детского писателя о воспитании эстетически грамотного читателя («Егорка и Змей Добрыныч» Юстасии Тарасавы и «Это всё для красоты» Ольги Колпаковой).

Педагогическое участие автора в формировании читательской состоятельности проявляется ненавязчиво и реализуется художественно тонко, без «лобовой атаки» и «барабанного оптимизма» в стихах для детей таких поэтов, как Владимир Башунов и Валерий Тихонов. В круге детского чтения тексты производят впечатление детской лирики. Пожалуй, у каждого или почти у каждого большого поэта-лирика (в точном значении этого слова) найдутся пейзажные стихи, достойные того, чтобы войти в круг детского чтения (см., например, стихи Александра Зуева, Натальи Николенковой).

Примеры разнообразных пейзажей рассыпаны в текстах детской литературы Алтайского края: Кулунда, Змеиногорск, Ясная поляна, Яровое – это не только географические названия, но и природная память описываемых мест, узнаваемых по территориально знаковым приметам нашего общего дома, топика знакомых улиц, исторические и литературно-культурологические реалии. Не каждое селение может похвастаться, например, тем, что создавалось по указу императрицы Екатерины, а на Алтае – три таких села.

Детский пейзаж активно участвует в организации алтайского (барнаульского, змеиногорского и др.) текста. Городские и сельские картины в исполнении детских писателей хронотопически индивидуальны и типологически значимы. К примеру, пейзаж Юстасии Тарасавы имеет не только ярко выраженную эстетическую окраску – он создаёт настроение, несёт определённую психологическую нагрузку. С функцией пейзажа напрямую связана тема «сказочной деревеньки, где живёт детство». Характеристику пейзажа задают тема и жанр.

Детская антология Алтайского края обеспечивает образовательный, познавательный и воспитательный процессы, формы и жанры детской литературы живут в ней по общественным законам в согласии с состоянием общества и культуры. В этом ещё одна персональная особенность детской литературы.

Отражая продвижение литературы для детей, антология показывает её в генетике с большой «взрослой» литературой, как «литературу в литературе». Все составляющие издания, обретая общность и единство, формируют единый текст детской антологии, что находит отражение в её композиционной организации.

В основе большинства литературных антологий лежит хронологический принцип, позволяющий отслеживать эволюцию рассматриваемого явления. Хронологический порядок внутри раздела даёт возможность проследить эволюцию творчества писателя.

«Алфавитное» построение постулирует ценность каждого отдельного текста и его контекстов, способствуя тем самым расширению информационного поля. Рекомендательная библиография – обязательное условие для антологии, выдержанное составителями с профессиональной ответственностью. «Алфавит писателей» детской литературы как композиционный приём помогает не только выделить отдельное творчество, но и обозначить общие для каждого автора художественные контуры.

История литературного детства показывает, что юных читателей, как правило, интересует не опыт прошлых лет в интерпретации старшего поколения, а современные реалии. В современной литературе книгоочей ищет ответы на свои вопросы и вопросы своих сверстников. Логику взрослых, таким образом, побеждает мотивация литературного детства, траекторию которого можно выстроить с помощью внутренней хронологии и исторического экскурса.

Проблематично точно указать точку отсчёта в развитии детской литературы края, её первые опыты скромные и робкие. Этому есть объяснение: литература о детях и для детей долгое время находится в стадии формирования круга детского чтения. Помимо адаптированной и переводной литературы в него входили былины Алтая, сказки бытовые, волшебные и сказки о животных [5]. Раритетные тексты сказок, собранные учеными края, восходят к середине XVIII века. На местном материале был создан главный труд по алтайскому фольклору – «Былины и исторические песни». Фольклорный материал, прежде всего сказки Алтайского округа, как и сказки Горного Алтая, ставшие самостоятельным чтением, по сей день пользуются успехом у юных читателей и продолжают волновать творческое воображение писателей.

Фонды детской литературы края хранят произведения, написан-

ные по мотивам алтайских сказок и легенд писателями разных поколений, – от раритетного текста «Волшебной галки» Марка Юдалевича до коронованной «Кадын – владычицы гор» Анны Никольской. Информационные источники подтверждают просветительский пафос образовательной литературы для детей и называют количество изданных книг: к началу XIX века их было более восьмисот. Хронограф первую информацию о школьниках Барнаула датирует 1881 годом: «...в Барнауле учится 550 детей. В алтайском округе 1 ученик приходится на 195 лиц мужского населения и 1 девочка-ученица на 1914 женского». А в 1885 году «...при Нагорной школе открыта первая в городе народно-школьная библиотека. В ней насчитывалось около 500 томов», собранных с помощью благотворителей. Большинство учащихся – реальные читатели первых детских художественных произведений на Алтае. Круг чтения составили: поэма И. Тачалова «Егорка» (1905), первый большой рассказ Г. Д. Гребенщикова «Из детских лет» (1907). До 1919 года круг детского чтения пополнился рассказом А. Новоселова «Санькин марал» и тремя выпусками детских сказок. В 1925 году по итогам конкурса (инициатива Сибкрайиздата) на лучшее художественное произведение для детей отмечены премиями пьесы Е. Н. Хвощинской («Сёмка чеснок») и Г. М. Пушкарева («Беспризорка») (по материалам критика алтайской литературы В. Д. Соколова). Дебютная проза в основном представлена небольшими рассказами или маленькими повестями, избирательно, но регулярно публикуемыми альманахом «Алтай». 20-е и 30-е годы XX века, в целом продуктивные для детской литературы, на Алтае пройдут в контексте общих тенденций литературы.

Ориентировочно с середины XX века мы уже можем отследить развитие детской литературы в рамках общего литературного процесса и в контексте социализации¹. Историческая сибирская энциклопедия

¹ Общественное внимание к качественной детской литературе привлекли конкурсы различных уровней, благодаря которым читатели могут ориентироваться в выборе книг. Немаловажную роль сыграл краевой конкурс на издание литературных произведений, который проводится с 2009 г. «в целях государственной поддержки авторов отечественной литературы, воспитания любви к родному краю и популяризации его культурного наследия, повышения общественного престижа литературного творчества в крае». Благодаря такой поддержке были изданы детские книги Василия Нечунаева, Ирины Цхай, Юстасии Тарасавы, Валентины Новичихиной, Ольги Такмаковой, Елены Ожич, Любови Акимовой, Елены Бызовой, Сергея Матюшенко, Александра Остапова, Ольги Колпаковой, Ольги Кан и др. Алтайские писатели становятся лауреатами и дипломантами литературных конкурсов, проводимых за пределами региона. Так, только 2011 год принес несколько побед: дипломантами четвертого международного конкур-

дия называет этот период «расцветом детской литературы Сибири», связывая его с появлением «целой плеяды талантливых авторов, пишущих для юной аудитории» [6]. В списке значатся и писатели Алтайского края. Среди факторов успешного развития краевой литературы детства следует назвать интеграцию – взаимодействие различных литературных форм и жанров как регионального, так и общего литературного процесса [4].

В 1950 году в Барнауле проходит неделя детской книги, обозначившая «литературные личности» краевого детства, в частности, Марка Юдалевича и Ивана Шумилова. Начиная с этого времени, в литературе о детях и для детей намечается подъём, что позволит ей быть замеченной и читателями, и критикой в оттепельные 60-е годы XX века. В литературу пришли новые писатели, зазвучали имена «трёх Николаев» (Дворцов, Павлов, Чебаевский), каждый из этого созвездия освоил жанр детского рассказа, в котором представлены незатейливые истории из детского быта. Рассказы разных авторов объединяет не только поэтика повседневности, но и уважение к каждому ребёнку, признание его индивидуальности. Намечается тенденция к «именным заглавиям»: «Прочтите о Вите», «Костя, Майя и другие», «О Феде

са детской и юношеской литературы имени А. Н. Толстого (2011–2012) стали Анна Никольская в номинации «Проза для детей» (повесть «Кадын – владычица гор»), Сергей Бузмаков в номинации «Художественная проза для юношества» (книга «За вздохом») и Константин Филатов в номинации «Познавательная книга для юношества» (исторические исследования «Древо жизни. Деяния Шумерских царей» и «Дионисий: великий тиран Великой Греции»). Елена Ожич – дипломант международного литературного конкурса им. В. Крапивина (сборник «Города, которых нет»). Владислав Пасечник завоевал одну из главных российских литературных наград, вручаемых молодым писателям, – премию «Дебют–2011». Победу в номинации «Крупная проза» ему присудили за историческую повесть «Модэ», которая в сокращенном – «детском» – варианте вошла в короткий список первого сезона Всероссийского конкурса на лучшее произведение для детей и юношества «Книгуру». В 2016 г. повесть Юстасии Тарасавы «Просыпаемся мы» отмечена премией Международного конкурса сказок для детей «Сказки волшебного лотоса» – 2016 (Владивосток), а сказка о знаменитом мышке Ирины Цхай отмечена Гран-при V Международного конкурса «Новые сказки – 2015». Особую роль в популяризации творчества региональных детских писателей играют журнальные публикации. Журнал «Барнаул литературный» в 2010 г. познакомил читателей со сказками Н. Афонасьевой, В. Бережинского, Е. Ожич. Литературно-художественный и краеведческий журнал «Барнаул» часто обращался к детской литературе, а тексты, адресованные детям, маркировал подзаголовком «Для детей». В 2011 г. электронный литературно-художественный журнал «Пикет» открыл новую рубрику «Детская страничка», в которой были опубликованы стихотворения Алеси Белик и рассказы Святослава Логинова. В мае 2010 г. появился иллюстрированный литературный журнал для детей и взрослых «Жёлтая гусеница».

и медведе», «Егор-фантазёр», «Петя Иванов», «Коля-коллекционер» Марка Юдалевича, «Павлик», «Федькин авторитет» Александра Гусева, «Федька Сыч теряет кличку» Виктора Сидорова. Позже появятся рассказ Виктора Сидорова «Димка-буксир», рассказы о Данилке Анатолия Соболева, рассказы и повести Юрия Козлова и «маленькие рассказы» Николая Чебаевского, в которых нетрудно заметить тенденцию к малым эпическим формам. Поэтика имени или заглавия подчёркивает индивидуальность персонажа и главное свойство его характера. Герой такого качества обретает популярность, его литературное имя начинает работать на репутацию автора. Дети в изображении писателей края – маленькие граждане малой и большой Родины. Они всегда в курсе событий страны: поднятие целины, освоение космоса, производственные успехи взрослых – ничто не ускользнет от пытливых и любознательных жителей Алтая, готовых искать для Родины руду, золото, осваивать целинные земли. В круг детского чтения этого периода вошли: повесть для детей Марка Юдалевича «Андрейка на целине», приключенческая повесть «Алтайские робинзоны» Анны Киселёвой, энергичная история «Целинные земли», рассказанная Львом Квином, – о беглецах, решивших во что бы то ни стало лично поднимать целину. Социализация как персональная особенность детско-подростковой литературы писателей Алтайского края делала её заметным явлением литературного процесса России.

Во второй половине XX века заметным явлением в литературе Алтая становятся сказки о животных и растениях. В лирико-философских сказках этого периода заметен растущий интерес к «мельчайшим элементам природного мира: дождевой капле, снежинке и пр.». В этом жанровом ряду сказки обретают познавательный характер: «Почему папоротник не цветёт» (1953), «Как у ежа иглы появились» (1953) – авторы Иван Злышко и Нина Головина. Специалист по детской литературе О. И. Плешкова отмечает значимость коллективного, общественного, с постепенным нарастанием лирического начала, обращением к личности персонажа. Мифологема реки в сказке о Еже предвосхищает знаменитую сказку Сергея Козлова «Ёжик в тумане» и не менее знаменитого героя, путешествующего по реке жизни («Сказки о Ёжике и Медвежонке») [5].

Успехи «большой литературы для маленьких» исторически связаны с раритетными именами детских писателей Валентины Новичи-

хиной и Василия Нечунаева. Каждый из них являет собой пример позитивного писателя, оптимистично настроенного по отношению к миру и бережно оберегающего психику ребёнка. Солнечные тексты таких писателей излучают счастье. Детские писатели России Сергей Махотин и Михаил Яснов, разделяя заповедь К. И. Чуковского, считают главной своей профессиональной обязанностью быть счастливым. «Счастливое детство» как парадигма перестаёт быть общим правилом. «Счастливое детство» – категория нравственная, для литературного детства обязательная, существует вне идеологем («воспитание правдой», «коммунистическое воспитание» и др.) и «лакировки действительности», «счастливое детство» – главный концепт современной детской литературы, её книжный канон [10].

Поэзия детства, обширный стихотворный мир для детей, поэтическое многоголосье, которым располагает культура Алтайского края, сформированы при участии «счастливых детских писателей». «Настоящий детский писатель, по убеждению нашей землячки Анны Никольской, – это большой ребёнок». Детписы, считает она, – самые интересные и удивительные люди... Что значит – «настоящий детский писатель», как понимать – «писателем надо родиться»? Точных ответов нет, но обсуждение вопроса присутствует: «Все мы родом из детства, а наиболее патриотичные – родину не покидают до самой смерти», – в афористичной манере выразил мнение многих российский писатель Юрий Татаркин.

Детская книга вообще и детская книга писателей Алтайского края, в частности, – особый вид книжной культуры, феномен которой заключается в том, что она детская по своей сути, то есть по модели детского мышления и речи. Статус детской книги заслуживают далеко не все детские издания, но вот для тех, кто пишет о детях от случая к случаю, не исключена возможность войти в круг чтения. К примеру, в нашем варианте это могут быть отдельные произведения Станислава Вторушина, Анатолия Кирилина, Юлии Нифонтовой, Александра Пешкова, Владимира Коржова, Анны Самойловой и, возможно, других авторов из тех, кого выберут юные читатели или их педагоги.

В детской книге Алтайского края есть свои открытия, одно из которых имеет отношение к литературе о подростках. В детской прозе, по природе своей подвижной, игровой, освоение новизны происходит заметно и результативно, особенно в периоды социальных перестро-

ек. В послевоенное время литература Алтайского края характеризуется повышенным интересом к подростку, его психологии, нравственной состоятельности.

Талантливые прозаики: Лев Квин («Мальчишечьи тайны»), Виктор Сидоров («Сокровища древнего кургана», «Слабо!»), Анна Киселёва («Алтайские робинзоны») – вошли в историю литературы как авторы произведений о подростках. Писатели выступили в роли доверенного лица своих персонажей и записали их истории «с краткими пояснениями и толкованиями без единой капли выдумки». Их проза – оригинальная онтология подросткового литературного детства, алтайская робинзоада – персональная особенность литературы края, классика детства.

В ряду произведений литературной оттепели особое место занимает творчество Льва Квина. Его «Мальчишечьи тайны» обратили на себя внимание критики новым подходом к решению темы подростка. Первое, что сделал писатель, – отказался сочинять развлекательные произведения облегчённого конфликта, ушёл от схемы героического образа, отдав предпочтение жанрам путешествия и приключения. Лев Квин, помогая подросткам адаптироваться к новой жизни, позволяет им быть просто «оболтусами». Позиция автора читается в заглавии, где она подчёркнута графически (двоеточием), что усиливает визуализацию названия: «Озорники: весёлые рассказы о мальчишках». То есть мальчишкам послевоенного времени «разрешается» смеяться, играть и путешествовать в своё удовольствие. Обращает на себя внимание гедонистическая функция подростковой прозы Квина.

Писатель считает, что новое время требует нового жанра. В реальной и каждодневной жизни герои подростковой прозы, любители приключений, всегда найдут повод стать робинзонами новой действительности. «Оболтусы», робинзоны, озорники – здесь улыбка автора, с которой он рассказывает о мальчишках и оценивает их поступки. Не полемизируя, не вступая в дискуссии, писатель сбросил с себя «взрослость» – почувствовал себя персонажем озорных, весёлых рассказов. Таким образом, в подростковую литературу, благодаря Квину, пришли школьники с чувством собственного достоинства, исчезла советская формула по отношению к ним – «педагогически запущенные» дети. Герои Квина, независимые и целеустремленные, более всего дорожат свободой. Может быть, поэтому писатель не заостряет семейные

проблемы и не ставит вопросов о роли школы, а отпускает своих героев в свободное пространство, не ограничивая их в выборе самостоятельных решений. Более того, Лев Квин, уважая своих героев, учит читателей деликатному отношению к проблемам подростка. Уважать подростков и шире – уважать детство – в этом главный пафос автора. Неслучайно выделяются в системе действующих лиц те, у кого «много детства». Признание Квина «У меня у самого полным-полно детства» говорит о понимании им детства как свойства природы, как фермента порядочности.

Классика литературного детства – реалья культурного пространства Алтайского края, громко заявившая о себе в 60-е годы прошлого столетия, и сегодня не растратила своей актуальности.

С подростком нового типа знакомят читателей составители сборника «В. М. Шукшин «Далёкие зимние вечера» (2014). Характер шукшинского подростка определяет поступок, и как герой действия он осознаёт ответственность за дом, родных и близких, за село и земляков. «Я сын, я брат, я отец. Сердце мясом приросло к жизни», – эти слова писателя могли бы повторить его персонажи. Кредо шукшинского подростка: быть хозяином, мужчиной, гражданином. Шукшинская типология подростков – авторская школа позитивного взросления, степень которого проверяется и подтверждается каждодневным трудом, причём не только физической, но и нравственной состоятельности. Созданная на местном материале «школа позитивного взросления» вошла в число персональных открытий литературы края.

Отталкиваясь от традиций Квина и Шукшина, свою школу для подростков «открывает» Владимир Свинцов. Ориентируясь на интересы и пристрастия подростков, писатель создаёт живые незабываемые картины окружающего мира и смотрит на него как бы из детства, которое описывает по памяти. Такой взгляд на мир придаёт его описаниям качество достоверности. Подростковая литература, не пренебрегая предыдущим опытом, переживает период поиска новых форм и новой поэтики. Свинцов – бывалый охотник и заядлый рыбак – щедро делится своими секретами, стиль его рассказов лапидарен, язык скуп, индивидуальный почерк – анималистичен. Школа Свинцова – школа товарищества. «Ищу друга!» – программная фраза, концептуально реализованная в заглавиях сборника: «Мой друг Сенька», «Мама Вася», «Олежкины каникулы» и др.

Самое тревожное противоречие детской литературы – двоемирие. «Дети внушают оптимизм. За подростков боязно», – выразил общую тревогу писатель России Михаил Яснов. Практика показала, что герои «нежного возраста» одновременно могут быть послушными паиньками и бунтарями, сокрушающими все авторитеты. Скорректировать «праздник непослушания», убеждены детские писатели, может книга. С её образом связаны мечты, фантазии, идеалы подростка. Таким образом, новый подход в изображении подростка вносит изменения в хромотопное решение проблемы: действие выносится за пределы дома, что усиливает социализацию и влияет на образ времени. В авторской подаче – наступило время читать. В том числе читать Квина, Шукшина, Свинцова. В таких точках чтения литературный процесс сопровождается дискуссиями и творческими поисками. В таком контексте двоемирия Свинцов рассматривает мир братьев наших меньших как самый гармоничный.

Триада Квин – Шукшин – Свинцов воспринимается как формула убедительных успехов подростковой литературы, тем более что за каждым из писателей стоит школа. Подростковые книги указанных авторов воспринимаются читателями без осуждения, что обеспечивает внутреннее «межпоколенческое сближение». В этом секрет притяжения к детским текстам взрослых читателей.

Начало нового этапа – рубежа XX-XXI веков специалисты детской литературы называют «временем глобального переосмысления истории и культуры». Региональная литература даёт о себе знать новыми именами и расцветом малышовой поэзии [9]. Следующая яркая вспышка в развитии детской литературы Алтайского края приходится на первое-второе десятилетие XXI века.

Контекст традиций расширяет информационное поле антологии и создаёт условия для озвучивания результатов творческих поисков молодых писателей Алтая. «Педагогическое фэнтези» Елены Ожич («Старый город»), философские сказки и притчи Ирины Цхай («Поющая радуга»), детская речь в стихах Ольги Кан («Ух-ты!»), реминисцентность текста Анны Никольской («Приключения чёрной таксы»), сюжетный перевёртыш Елены Бызовой («Большое приключение маленькой девочки») – опыт жанровых и стилевых достижений литературы Алтайского края, вошедший в литературный процесс. Каждый из детских писателей вошёл в литературу под знаком своей оригиналь-

ности. По имитации детской речи узнаваем текст Ольги Такмаковой («Большие тайны маленьких людей»). Торжественно-наивную интонацию раннего детства содержат стихи Валентины Новичихиной, мифологию повседневной жизни Ирины Цхай («Поющая радуга») не перепутаешь с поэтикой обыкновенного Василия Нечунаева («Ларочкино море»). Успех детской книги как авторской стал очевиден в дуэтом исполнении: писатель и иллюстратор. В детскую литературу края пришли графики и живописцы, чьи иллюстрации, как правило, соответствуют статусу детской книги: Ольга Матушкина (Московка), Тамара Плотникова, Александр Маркин, Лариса Рябинина, Елена Абдуллаева, Елена Черныш.

На литературной карте края детская книга заняла достойное место. Эти замечательные обстоятельства «спровоцировали» читательский резонанс, вызвавший в свою очередь интерес российского читателя к книге, изданной на Алтае. «Детское радио» России транслирует радиоспектакли по книгам Юстасии Тарасавы, знакомит радиослушателей с текстами детской книги Ирины Цхай. Книги Анны Никольской издаются на нескольких языках, ее повесть «Тайна мадам Кортни» хранится в библиотеке королевы Англии, а сказка «Кадын – владычица гор» вошла в Каталог рекомендательной литературы для российских школьных библиотек. В этот же список включена книга Елены Ожич «Старый город», по книге Юстасии Тарасавы «Просыпаемся мы» ставят спектакли и проводят уроки в школах Московской области. В 2015 году её книга «Просыпаемся мы» стала победительницей Международного конкурса «Сказки волшебного лотоса» в номинации «Родина – слово большое, большое». Ирина Цхай отмечена Гран-при по итогам V Международного конкурса «Новые сказки – 2015» за сказку о знаменитом мышонке. Анна Никольская отмечена первой премией за книгу «Марта и фантастический дирижабль» (2015).

Книги писателей Алтайского края, созданные на местном материале, выделяются яркой самобытностью художественного текста и оригинальным сюжетом. Они эстетически близки детскому восприятию, по содержанию позитивно познавательны, по оформлению – стильные.²

² Большую роль в поддержке детской книги Алтайского края играют его библиотеки. Инициаторами в организации и проведении мероприятий по привлечению общественного внимания к феномену «литературы в литературе» являются Алтайская краевая универсальная научная библиотека им. В. Я. Шишкова (АКУНБ) и Алтайская краевая детская библиотека им. Н. К. Крупской (АКДБ). Уникальный, не имеющий аналогов

Сборник рассказов В. М. Шукшина «Далёкие зимние вечера», изданный благодаря инициативе и поддержке Губернатора Алтайского края А. Б. Карлина к 85-летию великого русского писателя, признан победителем конкурса «Лучшая книга Алтая – 2014» в номинации «Лучшая книга для детей». Обратная связь в этой книге читается в письмах и рисунках учащихся художественных и общеобразовательных школ Алтайского края. Каждый рассказ сопровождается письмом к писателю и иллюстрацией текста. Студенческое оформление сопровождает тексты нашей детской антологии.

Как видим, детская литература края, являясь частью литературного процесса отечественной словесности, активно усваивает её духовные ценности, изучая творческую практику «взрослой» литературы, пробует экспериментировать с фольклорными формами, играть жанром и словом. Примером может служить яркая поэтесса Анны Никольской. Писатель легко включает читателя в игру жанровых модификаций. В основе текста Анны Никольской документально реальные детские письма, материалы различных газет, сайтов и тому подобных достоверных источников, а в его поэтике – коллаж с использованием фотографий, стиливой приём винтажного скрапбукинга – подчеркивают оригинальность эстетического оформления авторской концепции.

В изданиях Анны Никольской (серия о собаках, серия о Паласике, серия о Вгорошке) читатель найдёт массу примеров фантазийной визуализации. Это не только «уморительно смешные книги», но ещё и, выражаясь языком знаменитого российского детского писателя Андрея Усачёва, «обучательные». Необыкновенно талантливая, Никольская пребывает в постоянном поиске, любой предмет, любая деталь могут стать поводом для спонтанного сюжета, любая ориги-

в библиотеках России издательский проект по выпуску детских художественных книг в серии «Писатели Алтайского края – детям» (авторская идея Т. Н. Кушвид) разработал коллектив АҚДБ им. Н. К. Крупской. Проект реализуется на безвозмездной основе, в нём принимают участие известные художники-иллюстраторы и издатели Алтайского края, что позволило библиотекам Алтайского края иметь у себя в фондах лучшие образцы детской краеведческой книги. В рамках проекта изданы: В. Нечунаев «Ларочкино море»; В. Шукшин «Далёкие зимние вечера»; В. Тихонов «Моё Лукоморье»; В. Новичихина «Лесная ярмарка», «Приключения зелёного лягушонка», «Незабудка», «Про девочку Валю и чудесный замок под названием Библиотека» и «Разноцветный мир»; Е. Ожич «Звёзды, найденные в лесу», «Валяный сапожок» и «Ради любви к искусству»; В. Бычков «Конь» и «Пернатые»; О. Московка «Волшебная книга»; В. Крюкова «Кто устроил тара-рам?», «Новый день», «Живая азбука», «Лесная школа», «Муравей-путешественник» и «Чудеса вокруг»; Т. Шатских «Загадки с грядки» и др.

нальная тенденция становится фактом её творчества. В повестях «По Зашкафью кувырком», «Валя offline» Никольская обращается к темам библиотерапевтического направления и вносит в него своё видение проблемы. Библиотерапия для неё – не только лечебный процесс, направленный на восстановление здоровья, но и педагогический, в рамках которого воспитывается адекватное восприятие событий. Главная библиотерапевтическая концепция Никольской отражает её солидарность с первопроходцами этой темы. Не жалеть, а учить больных детей сопротивляться и преодолевать болезнь призывает ученый, врач, библиотерапевт и детский писатель отечественной словесности Николай Назаркин. Анна Никольская направляет своё творчество на сохранность детского жизнелюбия, создавая для этого эмоционально здоровый фон детского чтения. В этом плане у писательницы сложилась поэтика «светлых финалов». Понимая деликатность темы, Никольская делает всё, чтоб её книги дошли до тех, кто в этом случае идентифицирует себя с персонажами книг библиотерапевтической направленности.

На случай депрессивной самоизоляции в детской литературе есть весёлые книги и есть «нестрашные страшилки». В новейшей литературе детства смехотерапия проявляется как общая тенденция литературного процесса. Прежде всего, терапевтический потенциал имеет детская юмористика. Юмор, будучи «дополнительным зрением» (Виктор Голявкин), выполняет функцию психологической защиты ребёнка, служит оберегом его психики. Всегда побеждает тот, кто смеётся над своим Страхом – убеждён современный детский поэт Андрей Усачёв.

«Нестрашная энциклопедия чудищ, юдищ и бук» Анны Никольской – своеобразное юмористическое профилактическое пособие по страхотерапии. Систематизация известной и неизвестной нечисти потрясает разгулом авторской фантазии, а плотная реминисцентность текста – свидетельство литературной образованности писателя. Весёлые интерпретации, абсолютное чувство юмора, интеллектуальные «развивалки» – всё это завораживающе действует на юных читателей.

Работая с книговедческим аспектом антологии, отдельную книгу в антологии можно «подвигать», «поиграть» с ней, создать игровое поле и создать прецедент поэтики. Игра имеет при этом не формальный, а структурный смысл: игровое поле детской литературы. Свой-

ства этого механизма раскрываются на уровне поэтики, не случайно её называют игровой. Игровая стихия детской литературы соответствует её гедонистическому характеру, а функционально является одним из критериев отбора детских книг повышенного спроса.

Настроенные на мировосприятие ребёнка, современные детские писатели творчески осваивают игровую поэтику, продвигают сюжетные ходы в диалоге с воображаемым детским читателем. Уточним: читатель не только воображаемый. У таких авторов, как Тарасова, Ожич, Цхай, диалоги составлены (а некоторые и написаны) совместно с реальными сыновьями и дочками. Находок в этой области достаточно много, не заметить их нельзя.

В перечень успешных завоеваний и оригинальных открытий следует включить такие особенности как: ритмико-интонационное разнообразие и серьёзно-ироничная афористичность Василия Нечунаева («Фантазия-чудотазия»); сказочная анималистика Анны Никольской («Тузик, Мурзик и другие»), объёмность образного строя и детские неологизмы Валентины Новичихиной («Давайте познакомимся!»), повествовательная техника освоения пространства и двоимирия в творчестве Елены Ожич («Мой папа – мальчик»).

В случае указанных примеров адрес детской книги выверен с учётом возрастных и психологических особенностей адресата.

Также в современной детской литературе края есть пример документального освоения реальной личности подростка. Это книга «Я хочу послужить Отчизне. Никита Цветков. Рисунки. Сочинения. Воспоминания». Автор-составитель – Татьяна Цветкова. В центре повествования – светлый отрок, увлечённый пламенной страстью «послужить Отчизне». Знаковым изданием книжной культуры книга вошла в литературный процесс, исследуя новый тип подростка. Если предыдущий век был назван золотым веком ребёнка, то нынешний век – век подростка. Оздоровительный и воспитательный потенциал такой литературы очень высок. При дефиците «правильной» подростковой прозы ценность книги о Никите Цветкове во сто крат возрастает. Такие книги воспитывают в читателе способность пробуждать благородные и добрые чувства. Отношения межличностные, семейные взаимоотношения, а также школьные истории – важный поворот в подростковой литературе. Кроме того, в списки чтения подросткового и юношеского возраста входит познавательная и историческая литература – литера-

тура «взрослая», в том числе – адаптированная. В ряду авторов: Марк Юдалевич, Василий Гришаев, Петр Бородкин, Александр Родионов, Станислав Вторушин, Анатолий Кирилин, Владимир Коржов, Владимир Токмаков, Александр Пешков. В круге юношеского чтения вполне могут оказаться стихи «взрослой» поэзии: книги Ивана Жданова, Геннадия Панова, Владимира Башунова, Валерия Тихонова, Галины Колесниковой и др.

Так или иначе, авторы детских текстов участвуют в воспитании читателя, что проявляется художественно тонко, «без педагогических гвоздей» (Самуил Маршак). Примером такого качества может служить повесть в рассказах «Это всё для красоты» писательницы Ольги Колпаковой. У автора есть чёткое представление о детской книге, о чём красноречиво говорит грамотная организация повествования, объединяющая повествовательный и аналитический стили, художественный и просветительский пафос, авторская интонация доброжелательна и открыта для диалога с читателем. Ольга Колпакова предпочитает придать своим книгам исследовательский характер и, надо признать, владеет культурой оформления таких книг, умеет адаптировать их стиль под детское чтение. Исследовательский пафос сближает ее книги с книгами Юстасии Тарасавы, как сближает их материнское желание интеллектуального и духовного роста детей. Книги Юстасии Тарасавы, Елены Ожич, Ольги Колпаковой, Ольги Кан являются примерами «материнского текста».

К достоинствам детской книги Алтайского края следует отнести адресацию – Ирина Цхай «Поющая радуга»: сказки для маленьких и больших; Юстасия Тарасава «Приключения Сырного Мальчика»: книга-бilingва для детей и взрослых; Елена Ожич «Мышиный цирк»: сказки для детей и родителей; Ольга Колпакова «Это всё для красоты»: книга для взрослых и для детей; Ольга Кан «Ух-ты!». Опыт детской книги реализуется в двойной адресации: взрослая литература для детей, детская – для взрослых, и это показатель её качества.

Хорошее впечатление производит сказка «Ермошка Добродей и волшебные часы» Юлии Нифонтовой. Повесть-сказка (авторское определение жанра) интересна в организации и оформлении материала, оригинальна в креативном обновлении традиций. Писательница убедительна в обрисовке характеров и ситуаций, оригинально совме-

щает традиционные компоненты сказки с иными жанровыми формами – приключением, формами комического и лирического повествования, а также с элементами страшилок и потешек, что позволяет раздвинуть горизонты сказки, а это делает сказочный хронотоп более подвижным.

Следует признать, что в современном поколении детских писателей ещё не так много по-настоящему серьёзных имён. Однако понимание феномена «детская книга», статуса «детский писатель» и таланта «детскости» обнадеживает читательские ожидания, а скромные успехи детской литературы Алтайского края настолько убедительны, что создают впечатление её самостоятельности и автономности. Реалии достижений детской литературы подтверждают многочисленные издания детской книги и тиражное их количество, а также конкурсные победы регионального, федерального и международного уровней [8].

Формат вступительной статьи сдерживает возможности целостного анализа всех её составляющих. Остается надеяться на художественную убедительность произведений, называемых детскими, и тех, что пришли в детское чтение из классики.

*Эмилия Петровна Хомич,
кандидат филологических наук, профессор,
заведующая Центром «Детское чтение»
Алтайского государственного педагогического университета,
научный редактор антологии*

Литература:

1. Арзамасцева, И. Н. «Век ребёнка» в русской литературе 1900–1930 годов : монография / И. Н. Арзамасцева ; М-во образования Рос. Федерации, Моск. пед. гос. ун-т. – Москва : Прометей, 2003. – 404 с.
2. Костюхина, М. С. Золотое зеркало : русская литература для детей XVIII–XIX веков / Марина Костюхина; [Рос. гос. гуманитар. ун-т, Центр типологии и семиотики фольклора]. – Москва : О.Г.И., 2008. – 222 с., [8] л. ил., цв. ил.
3. Образ Алтая в русской литературе XIX–XX вв. : антология : [в 5 т.] / Упр. Алт. края по культуре и арх. делу, Алт. гос. ун-т ; [редкол.: А. И. Куляпин (гл. ред.) и др.]. – Барнаул : Изд. дом «Барнаул», 2012. – Т. 1–5.
4. Плешкова, О. И. Эволюция образа героя в сказках писателей Алтая второй половины XX века / О. И. Плешкова // Вестник Алтай-

ского государственного педагогического университета. – 2016. – № 1. – С. 88–94.

5. Сибирская литература для детей и юношества: тенденции и контекст развития (1950–2010-е гг.). Т. 1: коллективная монография / [Е. А. Полева, С. В. Бурмистрова, А. Н. Губайдуллина, Е. К. Макаренко, О. И. Плешкова, Ю. О. Чернявская и др. ; под ред. Е. А. Полевой]. – Томск : Изд-во Том. ЦНТИ, 2016. – 198 с.

6. Сибирская советская энциклопедия : [в 4 т.]. – Т. 1–3. – [Новосибирск], 1929–1932 ; Т. 4. – New York : Norman Ross, 1992. – XVIII с., 1082 стб., 1083–1106 с. – Предисл. на англ. яз. – [Прил.]: Сибирская советская энциклопедия. Т. V. Словник на буквы Т–Я: с. 1084–1106.

7. Хеллман, Б. Сказка и быль: история русской детской литературы / Бен Хеллман ; пер. с англ. О. Бухиной. – Москва : Новое лит. обозрение, 2016. – 560 с.

8. Хомич, Э. Скромное обаяние детской книги Алтая / Э. П. Хомич // Филология и человек. – 2014. – № 1. – С. 92–107.

9. Яновский, Н. Н. Материалы к словарю «Русские писатели Сибири XX века» : биобиблиогр. сведения / Н. Н. Яновский. – Новосибирск : Изд. дом «Горница», 1997. – 190 с. – Загл. обл. : Русские писатели Сибири XX века.

10. Яснов, М. Д. Путешествие в чудетство : книга о детях, детской поэзии и детских поэтах / Михаил Яснов. – Санкт-Петербург : Союз писателей Санкт-Петербурга : Дом дет. кн., 2014. – 359 с. : ил.

Александров
Александр Сергеевич

(р. 24.08.1939)

Родился в г. Барнауле. Учился в барнаульских школах № 25, 32. Окончил филологический факультет Барнаульского педагогического института.

Служил в армии. Работал в краевых изданиях «Молодёжь Алтая», «Алтайская правда» журналистом, заведующим отделом заринской городской газеты «Новое время».

Живёт в г. Заринске.

ПРО КОКС, БАТАРЕЮ И ГОРОД ЗАРИНСК

Не близко – не далеко, за сто километров от столицы нашего края, города Барнаула, растёт Всесоюзная ударная комсомольская стройка – Алтайский коксохим. Едешь два часа на электричке, и вдруг в степи вдалеке появляются очертания высоких труб и огромных зданий.

Часто можно услышать: «Коксохим строит вся страна». Со всех концов нашей родины приехали сюда молодые строители и монтажники возводить коксохимический завод. А зачем строят этот завод? Чтобы кокс получать.

Гори, кокс, ясно!

Идут по морям корабли. Высоко в небе летят самолёты. На другие планеты отправляются автоматические аппараты. Лётчики-космонавты подолгу живут в космических домах – орбитальных станциях. С помощью машин человек растит хлеб, добывает уголь, изучает глубины земли и океана.

Корабли, самолёты, аппараты, космические дома и спутники Земли, все машины должны быть очень надёжными. Поэтому и строят их из самых крепких материалов. Создатели умных машин применяют и сталь – один из сортов железа, самый прочный. Сталь получают из чугуна на металлургических заводах. А чтобы добыть чугун, в доменные печи загружают железную руду и кокс.

Близко не подойдёшь к такой печи. Когда кокс горит, сме-

шиваясь с воздухом, внутри домны очень жарко, словно греет маленькое солнце. Вот для чего нужен кокс: лучше расплавить руду. А что же такое сам кокс? Где и как его получают?

Печёт печь пироги

Пироги не простые – коксовые. Для этого и строят самый главный агрегат коксового завода – батарею. Выкладывают батарею из кирпичей, способных вытерпеть целую тысячу градусов и даже больше. Поэтому и называют кирпичи жаростойкими, огнеупорными или просто огнеупорами.

По самому верху батареи ходит по рельсам углезагрузочный вагон. Засыпают уголь в печь. Плотно закрывают.

Шестьдесят пять печей в батарее. В простенках каждой, с двух сторон, сгорает газ. От нестерпимого жара уголь спекается в пирог. Так и получается кокс – искусственное твёрдое топливо, печёный уголь.

Пирог готов! Распахивается дверь, и мощная машина – коксовыталкиватель – в момент выталкивает тяжёлой штангой раскаленный поджаренный пирог в специальный вагон. Жарко вагону от такого пирога! С удовольствием он встает в тушильную башню под прохладный душ.

Скоро кокс начнёт своё путешествие. Из Заринска пойдёт он по нашей стране, туда, где ждут его доменные печи. Счастливого пути!

Не счесть сокровищ...

Люди давно заметили: не только кокс образуется при нагревании, а ещё смола и коксовый газ.

Ты рисуешь карандашом. Тебе подарили на день рождения игрушку. Мама закрывает банку с твоим любимым вареньем капроновой крышкой. В школе и дома пишешь ручкой. А если заболеешь, доктор выписывает лекарство.

Много всяких ценных вещей можно получить, если переработать газ и смолу.

Тут тебе и пластмассы, и топливо, и взрывчатка, и всякие красители, и лаки, и даже электроды из графита для печей, в которых

плавят сталь. И ещё удобрения для полей, чтобы выше был урожай. И нафталин, чтобы не съела моль твои тёплые вещи.

Вот какие сокровища спрятаны, словно в какой-то сказочной пещере, в смоле и коксовом газе. Чтобы научиться добывать их, надо очень много знать и любить своё дело. И тогда перед тобой, как перед волшебником, откроется вход в страну, полную чудес, в страну Химию.

Расти, красавица!

Теперь рассказ о том, как батарею строили.

«Нашей красавицей» называли батарею огнеупоришки. Не раз меняла она свои наряды. Одевалась в строительные леса. Оберегали её от дождей и холода лёгкие серебристые панели... Работали на батарее и строители, и монтажники. Последний её наряд – строгая чугунная броня.

Не так просто было сложить первую батарею. Потребовалось девятнадцать тысяч тонн огнеупорного кирпича. Чтобы привезти столько за один раз, нужен состав почти в триста вагонов.

Днём росла батарея прямо на глазах. А ночью на стройке ярко светили прожекторы: это подвозили на батарею кирпичи и раствор.

Подойдешь близко и... словно очутишься на космодроме. Темнеют трубы и металлические конструкции, мелькают огоньки сварки.

День, когда батарея наконец выдала первый кокс, стал большим, радостным праздником для тех, кто её строил. Многие взяли себе на память по кусочку кокса. Посмотри, лежит на ладони лёгкий, серебристо-серый камушек. Не обойтись без него сталеварам никак. Не зря его зовут – хлеб черной металлургии.

Пройдут годы. Встанет над Чумышом огромный комбинат. И, может быть, тебе придется начинать на нём свою трудовую биографию.

Заре навстречу

Росла батарея, рос и завод, а в десяти километрах от завода поднимался этажами к небу, заре навстречу, совсем ещё юный город. И называли его Заринском.

Давным-давно, в далеком двадцатом году, когда отгремела гражданская война, в деревне Камышенка бедняки собрались в коммуны. Имя ей дали «Заря коммунизма». У коммунаров всё было первым: первая школа, первая изба-читальня, первый детский садик. Послали ходоков в Москву с письмом к Владимиру Ильичу Ленину – пришёл на поля коммуны первый трактор.

Шли годы. Коммуна стала колхозом «Заря коммунизма». Через поля пролегла железная дорога от Алтая до Кузбасса. В память о коммунарах железнодорожную станцию называли Заринской. А потом и молодой городок в степи на левом берегу реки Чумыш стал носить имя – Заринск.

Это сейчас в Заринске есть улицы и проспекты, а начинался он, как и все города, с первого колышка. Первым всегда трудно. Это сейчас их, первопроходцев, знает каждый заринец: мастер Любовь Ушакова, бригадир Иван Таратынов, инженер Юрий Кулиев, первый начальник стройки Василий Бажура... Для них, как и для коммунаров, все было первым: и первый дом, и первая дорога, и первая улица, что называется теперь проспектом Строителей. Первые ключи от квартир – первые новосёлы...

Строили жилые дома, магазины, детские садики. Всё нужно: школа, больница, баня, столовая.

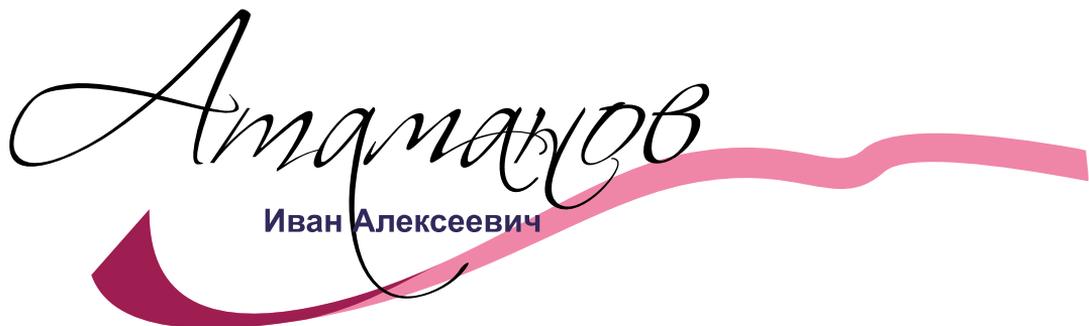
Когда ты подрастёшь, то, может быть, приедешь в Заринск в гости. Тебя встретит новый железнодорожный вокзал. Ты увидишь красивые здания торгового центра, гостиницы. Ты увидишь сияющий огнями Дворец культуры металлургов.

Самим заринцам видится город красивым и светлым, в зелени и цветах. Таким он и будет, город Всесоюзной ударной комсомольской стройки – город будущего.

Рекомендуем почитать

Александров, Александр Сергеевич. Про кокс, батарею и город Заринск / рис. Д. Авдеева. – Барнаул : Алт. кн. изд-во, 1983. – [15] с. : ил.

Атаманов
Иван Алексеевич

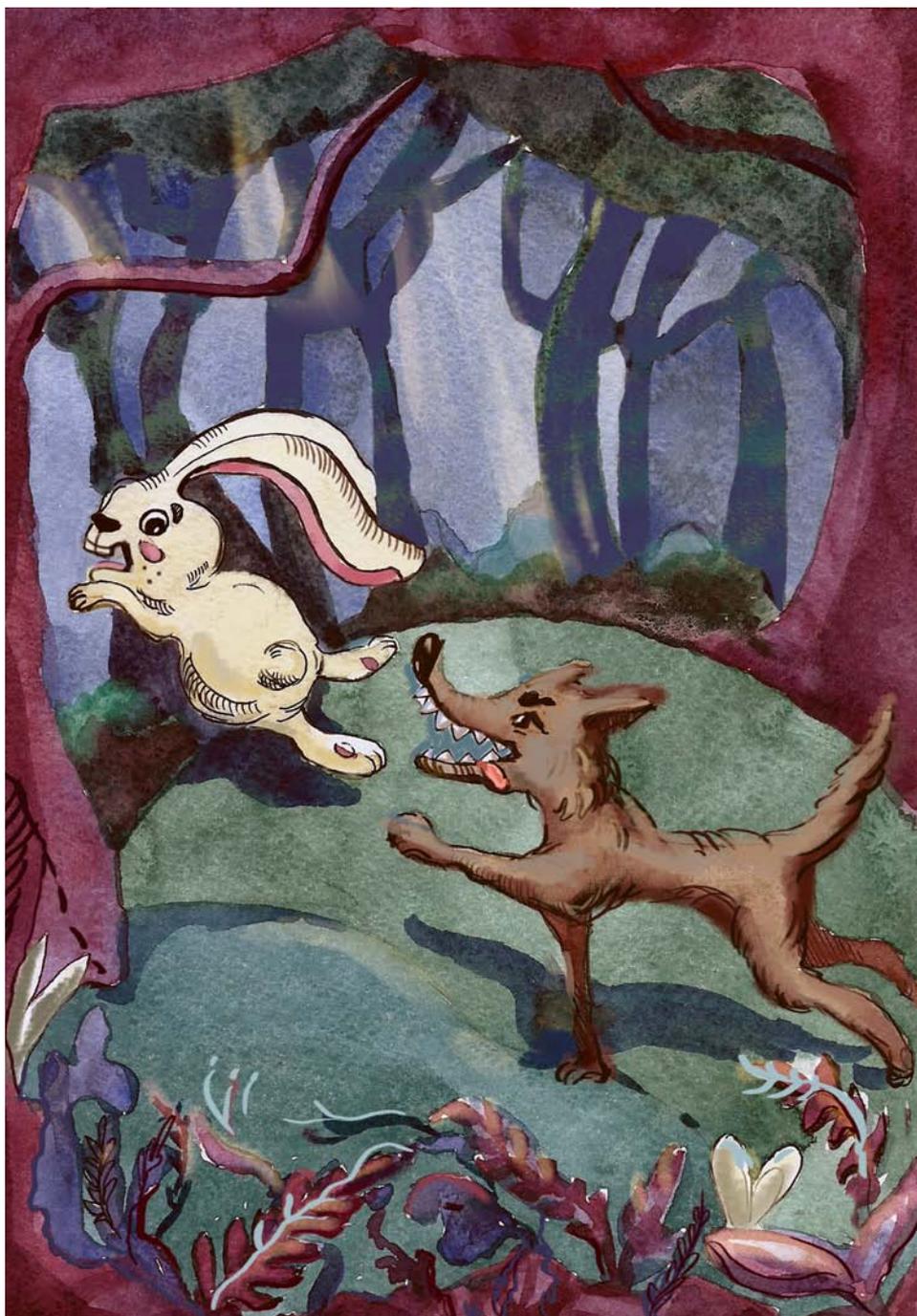

(06.09.1907–10.02.1984)

Родился в селе Тогул Тогульского района Алтайского края.

Окончил Бийский педагогический техникум, факультет русского языка и литературы Томского государственного педагогического института. С 1941 по 1943 в звании рядового воевал на Ленинградском фронте. Был ранен. Работал в Тогульской средней школе сначала учителем, затем заведующим учебной частью. Работал инспектором школ Тогульского района, директором вечерней средней школы, после ухода на пенсию – директором восьмилетней школы в посёлке Титово Тогульского района; вёл курсы по подготовке учителей начальных классов, литературный кружок, куда ходили Александр Харитановский, Николай Чебаевский, ставшие впоследствии известными писателями, членами Союза писателей.

Басни, частушки, фельетоны, рассказы и сказки И.А. Атаманова публиковались в районных газетах Алтайского края, в журнале «Мурзилка», «Литературной газете», «Сельской жизни».

ЗАЯЦ-ПУТЕШЕСТВЕННИК

 или в поле Заяц с Зайчихой. Было у них два маленьких зайчика. Однажды осенью Заяц и Зайчиха пошли добывать еду, а детей отвели в густой лесок.

– Не ходите далеко, – наказывали Заяц и Зайчиха. – Волки по полям и лесам рыщут. Лиса зубами щёлкает. Орёл добычу высматривает. Помните об этом и будьте осторожны.

Недолго играли зайчата под кустом. Один из них и говорит:

– Пойдём путешествовать по лесу, по полю – по всей земле.

– Нет! Нет! Что ты! Когда научимся у отца и матери, как делать петли и изгибы, как от врага убегать, тогда и пойдём.

– А я учиться не хочу. Я всё знаю, – задрал нос маленький зазнайка. – Вот, говорят, лиса – наш главный враг. А чем её ноги лучше моих? Если бежать придётся, я её обгоню... Говорят, у волка зубы острые, а чем у меня хуже? – и Зайчик показал свои длинные передние зубы. – И уши мои не хуже, чем у лисы, волка и даже медведя. И глаза мои не слабее, чем у других зверей... Не хочешь идти – оставайся, я пойду путешествовать.

И Зайчик поскакал куда глаза глядят, напевая придуманную им песенку:

Я учиться не хочу,
Так на свете проживу...

Скачет Зайчик и видит: сидит в поле Мышка и пшеничный колосок грызёт.

– Мышка, Мышка, посмотри, как я всё поле и лес один пройду.

– Иди своим путём-дорогой, не мешай, я делом занята. Фыркнул Зайчик и запрыгал дальше.

Я учиться не хочу,
Так на свете проживу...

Около леса увидел Заяц под кустом боярышника Бурундука. Зверёк запасал на зиму семена деревьев.

– Бурундук, Бурундук, посмотри, как я один по всему лесу пройду.

– Иди, иди, я занят, мне некогда.

Недалеко от Бурундука трудился Ёж. Ляжет на спину, нацепит на колючие иглы листочки и в таком наряде идёт в свою нору.

Только Зайчик запел: «Я учиться не хочу...», Ёж испугался, свернулся клубочком и притих. Листочки, которые он нёс на спине, прикрыли его. И Зайчик наступил на Ежа. Ёж пошевелился, иглы вонзились Зайцу в лапы.

– Ай-ой-ой!.. – закричал Заяц, прыгнул в сторону и попал кому-то под ноги. Скосил глаза – Волк. Обмер заяц, а Волк его цап за уши.

И откуда только сила взялась у Зайца, рванулся он, аж уши затрещали, и во весь дух домой.

С тех пор у Зайчика глаза косят – с испуга, а уши длинные – вытянулись, когда он от волка вырывался.

Зимой побелеет земля, побелеет Зайка, а кончики ушей всё равно тёмные – отметка, что побывали в зубах у Волка.

ЧУЖИЕ ПЕРЬЯ

Жил-был молоденький Воробышка. Жил, как все воробьи: чирикал, летал по огородам, искал где семечко, где крошки.

Однажды летом заметил он в одном из окон школы По-

пугая и удивился: «Какой хохол! Какие яркие перья! Сроду не видывал! Ты, наверное, один такой на свете?»

– Ну, что ты! – Попугай покачал красивым хохолком. – Это я в школе один, – а в тёплых странах нас, попугаев, побольше, чем здесь вас, воробьев!..

– Вот бы мне такой птицей стать, какой ещё на свете нет. Чтоб все глядели и диву давались: откуда, мол, эта птица чудесная!

Размечтался Воробьишка – удержу нет. Вернулся к себе под крышу, нахохлился: думает. Думал, думал и придумал! Полетел на птичий двор, там шум, крик, как на базаре. Подскакал бочком к Хохлатке и просит тоненьким голоском:

– Курочка-Хохлаточка, подари мне пёрышко!

– Зачем? – изумилась Курица.

– А я от всех птиц возьму по перу и буду не серым воробьишкой, а невиданной птицей...

– Глупенький!

Но всё-таки выдернула Хохлатка у себя перо и подала Воробьишке. Обрадовался Воробьишка, схватил его и унёс в гнездо. Потом подлетел к Петуху:

– Петя-Петух, дай мне пёрышко.

– Кукареку!.. Зачем тебе, Воробьишка, моё перо?

– Хочу походить и на тебя, и на курицу, и на других больших птиц.

– Глупый ты, Воробей!..

Выдернул Петух перо из хвоста, отдал ему. Отнёс Воробей петушиное перо в гнездо и снова на двор. Долго прыгал возле Индюка. Страшно было – больно важная, сердитая птица этот Индюк. Хвост топорщит, дуется. Наконец Воробей насмелился:

– Индюк, а Индюк!..

– Дур-рак... Что тебе надо?! – пробормотал Индюк. Испугался Воробей, отскочил, а потом опять за своё:

– Индюк, Индюк, дай пёрышек!.. Не хочу быть Воробьем, хочу на тебя походить...

– Бери, глупыш, да на глаза не попадайся.

Просил Воробей перо и у Попугая, но красавец Попугай забился в угол клетки и долго не соглашался дать ему хоть одно перышко. Чего только не предлагал Воробей взамен: и зерно овсяное, и хлебные крошки, и подсолнечное семечко. Уговорил-таки: сунул Попугай Воробью своё перо и опять в угол.

Воробей сделал себе куриный хохол, петушиный хвост, индюшечьи крылья, попугаечью грудь и отправился к братьям-воробьям.

– Видели ли вы где-либо такую чудо-птицу?.. – гордо начал Воробьишка.

– Уходи от нас, чучело, не хотим мы с тобой знаться... Таких воробьев не бывает.

– Чик-чирик... – обиделся Воробей, – и уйду, уйду, уйду!.. Буду жить с синицами.

Прилетел Воробей к синицам.

– Здравствуйте, синицы-сестрицы!.. Я хочу жить с вами в одной стае...

– Что ты... что ты... – зашумели синицы. – Зачем нам такое пугало?

– Чик-чирик, чик-чирик... уйду, уйду!.. Жить буду с чижам...

Прилетел Воробей к чижам.

– Чижичижики, разрешите жить вместе с вами...

– Это что за гадкая птица! Улетай поскорей, а то как накинемся все...

Рассердился Воробей на птиц, вернулся в своё гнездо над крышей сарая. Расчирикался-раскричался:

– Воробьишки-плутишки, чижики-пыжики, синички-невелички! Улечу от вас в жаркие страны, где живут попугаи... Там-то меня примут...

Взмахнул Воробей крыльями и полетел на юг. Но недалеко улетел. Дунул ветер, заломил Воробью перья, и шлёпнулся он в грязную лужу. Закричали, засмеялись птицы, повыдергали из Воробьишки чужие перья и помогли выбраться из лужи.

С тех пор Воробьишка никогда не наряжался в чужие перья.

ЛЯГУШКА И БАРБОС

Большой серый Барбос жил около дома в конуре и охранял двор. Однажды ночью услышал он в цветнике подозрительный шорох и хруст, подкрался, прыгнул и прижал лапами что-то холодное и мокрое.

– А-а, Лягушка. Так это ты наши цветы по ночам ломаешь. Теперь я расправлюсь с тобой.

– Отпусти меня, Барбосушка, – взмолилась Лягушка.

— Нет, не отпущу. Сколько ты цветов поломала, сколько красоты погубила.

Заплакала Лягушка.

– Не хотела я этого. Как наступит ночь, поднимаются в воздух все мошки да комары, где их и искать, не знаю. Вот и брожу по дворам.

Смягчился Барбос, отпустил Лягушку.

– Ладно, коли так. Иди на болото, там всегда мошек да комаров много. Лови их себе на здоровье.

Заквакала Лягушка от радости и ускакала.

Через несколько дней пошёл Барбос с хозяином в лес и наткнулся в траве на змею. Отскочить не успел, укусила его змея в нос. Заскулил Барбос, нос огнём горит, бросился к болотному ручью. Глядь, на кочке Лягушка.

– Что случилось, Барбосушка?

– Беда – змея меня укусила. Видно, скоро умру.

– Не горюй, я тебя выручу. Есть в этом болоте трава. Похожа она на осоку. Поешь её – и вся болезнь пройдёт.

Бросился Барбос траву искать. Долго искал, но всё-таки нашёл. Поел – правда, лучше стало. Ещё поел – вроде ещё лучше. И остался пока на болоте. Живёт день, живёт другой. На третий день тощий, взлохмаченный, прибегает домой.

– Барбос! Барбос! – обрадовался хозяин. – Ишь ты, как повеселел! Поправился?

Барбос только прыгает да хвостом машет. Так хозяин и не узнал, чем Барбос лечился, но с тех далёких пор лягушки живут в болоте, а собаки умеют лечиться от укуса змеи.

ЛЕНИВЫЙ ВОРОБЕЙ

Воробей устроил себе гнездо над окном Гришиного дома. Летом то зерно пшеничное клевал, то семечки из подсолнечника вытаскивал. Каждый день сыт был.

Зимой труднее стало: всё замело снегом. Но и зимой синицы, снегири и зяблики находили себе пищу. Да и школьники помогали птишкам: в садах и у домов развешивали кормушки.

Прикрепил под окном такую кормушку и Гриша. Стал в ней кормиться Воробей. Вылетит из своего гнезда, поест, порезвится и назад.

– Хорошо так жить... – радовался ленивый Воробей. – Я теперь не буду далеко летать и искать пищу, как другие, – готовой хватит в кормушке.

Иногда Гриша приходил из школы поздно. Синицы, зяблики и снегири, покружившись около кормушки, улетали искать еду. Только Воробьишка терпеливо ждал, когда придёт Гриша и насыплет крошек.

Как-то Гриша заболел. Птицы раз-другой собрались у пустой кормушки и разлетелись в разные стороны на поиски пищи. А Воробьишка нахохлился и остался ждать. «Никуда не полечу, – думал ленивец. – Придёт мальчик и накормит меня».

Но Гриши не было целый день. Не пришёл он и на завтра. Холодно Воробью голодному на морозе...

Только на третий день выздоровел мальчик. Утром пошёл он к кормушке, а в ней, распластав крылышки, лежал замёрзший Воробей.

Рекомендуем почитать

Атаманов, И. А. Чужие перья : [сказки] / [худож. В. Ворохов]. – Барнаул : Алт. кн. изд-во, 1963. – 11, [3] с : ил.

(18.11.1946 – 21.02.2005)

Родился в посёлке Знаменка Турочакского района Горно-Алтайской автономной области. Школьные годы прошли в с. Турочак.

В 1970 г. окончил филологический факультет Барнаульского государственного педагогического института, учился на Высших литературных курсах в Москве. Стихи начал писать ещё в школе. Первое стихотворение было опубликовано в 1963 г. Стихи В.М. Башунова печатались в журналах «Наш современник», «Москва», «Алтай» и др.; отдельные стихотворения публиковались в Венгрии, Болгарии, Чехословакии; переведены на украинский, казахский, алтайский языки.

Лауреат премии Международного Демидовского фонда (1995), муниципальных премий г. Барнаула (1998, 2004), краевой литературной премии им. В.М. Шукшина (1999), премии администрации Алтайского края за цикл радиопередач «Русский гений» об А.С. Пушкине (2000). Награжден медалью Петровской академии «За большой вклад в развитие литературы Алтая» (Санкт-Петербург), памятной медалью Благотворительного фонда «Энциклопедия Серафима Саровского» (Москва).

В.М. Башунов, единственный из алтайских поэтов, являлся членом Российской Академии поэзии в Москве.

Член Союза писателей России с 1977 г.

ЛЕСНЫЕ СТОРОЖА

Мель,

сторож цветов,

гудит.

Сыч,

сторож лесов,

глядит.

Сверху коршун тебя стережёт.

Снизу мох твой след бережёт.

Ух!

Тонкую ветку зря не крути –

пусть она вьётся.

Синюю речку зря не мути –

пусть она льётся.

Даже невольно
сделаешь больно –

словно живой

по-над травой

слышится вздох:

– Ох!

Снизу мох укажет твой след.

Сверху коршун закроет свет.

Снизу колючка в пятку войдёт

Сверху гром на тебя упадёт.

Ух!

ЧУКИ-ЧОК

Считалка

Чуки-чок,
Чуки-чок,
лопнул вызревший стручок.

Тётенька Горошина
очень огорошена:
разбежались её дочки
за капустные листочки.

Чуки-чок,
чуки-чок,
кто увидит,
тот – молчок!

ТС-С!

Слова встают на цыпочки,
на цыпочки в кружок.
Все бабочки,
все липочки
садятся на лужок.

Шумливый дождь под облаком
на ниточке завис.
А с коврика
по-доброму
медведи смотрят вниз.

И папа ходит шёпотом,
и пол не заскрипит,
и мама ходит шёпотом,
когда Наташа спит!

СВЕЙ

Шевелит бумажный змей,
ходит без дорог
тоньше тени
лёгкий Свей,
летний ветерок.

Всё руками задевает.
Всюду игры затевает.

Серебристую лозу
Тронет на реке.
Раскачает стрекозу
На лесном цветке.

Пыль свивается в кольцо –
Свей играет с ней.
Запалённое лицо
овекает Свей.

Упадёт бумажный змей,
флюгер отскрипит.
Утомленный за день Свей
в холодочке спит.

СОРОКИ-ВОРОНЫ

Плохо нынче дело:
Наташа заболела.

Выходить не велят,
дескать, ветры шалят,
пить лекарства велят,
дескать, гланды болят.

Остаётся одно
утешенье – окно.

А там –
гам!

Сидят сороки на заборах,
вороны на заборах,
проводят время в разговорах,
в тревожных разговорах.

– У р-ребёнка нынче жар-р-р!
– У него несчастный вид.
– С-карр-латина!
– Корррь!
– Катаррр!
– Нужен срррочно стрррептоцид!

Фр-р-р!
И разлетелись.
И не возвратились.
Сами разболелись?
Или насиделись
и наговорились?

ДОЖДИК

Тук-так
тут, там
щёлкнет дождик по кустам.
Там, тут
так-тук
разбежится перестук.

А потом как сыпанёт
в полном беспорядке,

оживляя огород,
распирая кадки.

Тучка дальше сдвинется.
Дождик дальше кинется.
Деревянный тротуар
заблестит.
Птичий праздничный базар
засвистит.

Просыхают небеса.
Отряхаются леса:

кап-кап –
с пихтовых лап,
донь-дин –
с пугливых осин,
дин-донь –
в мою ладонь.

ЛЕСНОЕ ЭХО

Выльет солнышко росу
на лужках покосных.
Заиграемся в лесу,
разбредёмся в соснах.

Но легко узнаю я,
где теперь мои друзья!

Ходит Эхо по лесу,
поверху
и
понизу,
собирает голоса,
называет адреса.

– Где же Вика?
...ежевика!..
– Где Марина?
...где малина!..
– Что у Севы?
...совы... совы!..
– У Ларисы?
...лисы... лисы!..
– Чур, ни слова обо мне!
...не... не!..
– Никому и никогда!
...да... да!.

ЛЕСНАЯ ДРЁМА

Синица ли пропела,
кукушка ли сказала,
что ягода поспела,
быть в гости приказала.

И Наташа с Игорьком
с банкою да туеском,
где шажком,
а где прыжком
обойдут полянки.

В холодке
на бугорке
сядут рядом на пеньке –
мало ягод в туеске,
мало ягод в банке!

Кружит Дрёма возле пня:
– Погостите у меня –
я на вырубке
во рву

земляники вам нарву,
принесу в ладошке белой
крупной-крупной,
спелой-спелой,
с чуть запекшимся бочком....

Спят Наташа с Игорьком.
Дрёма кружит и поёт.

Как же мама их найдёт?

ТАЙМЕНЬ

Льётся речка Ульмень.
Ходит в речке таймень.

Под заглохшим мостом,
гибким тальником
бьёт упругим хвостом,
алым плавником.

И летит в глубине
вольно и красиво,
как огонь по стерне,
сокол с неба синя.

Задержались у реки,
огляделись рыбаки.

– Что за речка?
– Ульмень.
– Есть таймень?
– Есть таймень!

Загорелись рыбаки:
– Или мы не мужики?

Ну-ка, сети заведём,
без тайменя – не уйдём!

Заводили сети
самолучшей пробы.
Усмехались:
– Эти
прошиби попробуй!

Как ты, милый, ни пойдёшь,
в наши руки попадёшь.
Ждали день.
Ждут другой.
Медлит гость дорогой.

Только вдруг
в реке испуг:
мелкие рыбёшки,
прочертя дорожки,
сыпанули к берегам...

– Сам идёт?
– Однако, сам!

Поплавки – попался в сеть! –
разом потонули.
Рыбаки схватили сеть,
резво потянули.

А потом у костра
сеть поразбросали...
И сияла в ней дыра –
поминай как звали!

Подивились рыбаки.
Покачнулись тальники.
Пескари и чебаки
потянулись в глубь реки.
И мелькнули,
далеки,
алым краем плавники.

Льётся
 речка
 Ульмень.
Ходит в речке таймень!

Рекомендуем почитать

Башунов, В. М. Поляна : стихи / худож. В. Еврасов. – Барнаул : Алт. кн. изд-во, 1970. – 48 с. : ил.

Башунов, В. М. Васильковая вода : стихи / [худож. Г. Эсге]. – Барнаул : Алт. кн. изд-во, 1975. – 110, [1] с. : портр., ил.

Башунов, В. М. Таймень : стихи / [худож. Л. Пастушкова]. – Барнаул : Алт. кн. изд-во, 1977. – 12 с. : ил.

Башунов, В. М. Три дождя : стихи / [худож. Б. Щербаков]. – Барнаул : Алт. кн. изд-во, 1979. – 111 с.

Башунов, В. М. Утренник : [стихотворение] / [худож. Н. Фролов]. – Барнаул : Алт. кн. изд-во, 1981. – 14 с. : ил.

Башунов, В. М. Погляди, светает : новые стихи / худож. В. Еранкин. – Барнаул : Алт. кн. изд-во, 1982. – 79 с. : ил.

Башунов, В. М. Живица : стихи / [худож. Т. Войткевич]. – Москва : Мол. гвардия, 1983. – 63 с. : ил.

Башунов, В. М. Деревенская тетрадка : стихи / худож. Е. Двоскина. – Барнаул : Алт. кн. изд-во, 1985. – [32] с. : ил.

Башунов, В. М. Возвращение росы : новые стихи / худож. А. Курдюмов. – Барнаул : Алт. кн. изд-во, 1986. – 111 с. : ил.

Башунов, В. М. Звезда утренняя, звезда вечерняя : стихи / худож. В. Руденко. – Москва : Современник, 1987. – 111 с. : ил. – (Новинки «Современника»).

Башунов, В. М. Жаль моя : стихи / [худож. А. Кальмуцкий]. – Барнаул : Алт. кн. изд-во, 1988. – 255, [1] с. : ил.

Башунов, В. М. Пейзаж : стихи / [худож. Л. Зубарева]. – Москва : Мол. гвардия, 1988. – 143 с. : ил. – (Восхождение).

Башунов, В. М. Тайное свидание : стихи. – Барнаул : Алт. кн. изд-во, 1991. – 95 с.

Башунов, В. М. Полынья : стихи. – Барнаул : ГИПП «Алтай», 1998. – 112 с. – (Серия «Русские сны»).

Башунов, В. М. Этюды о Пушкине. – Барнаул : [б. и.], 1999. – 72 с. : ил. – (Серия «Русские сны»).

Башунов, В. М. Авань : стихи / худож. А. Кальмуцкий. – Барнаул : Алт. полигр. комбинат, 2003. – 304 с. : портр. – (Библиотека журнала «Алтай»).

Башунов, В. М. Ау! : окликивания. – Барнаул : [б. и.], 2004. – 128 с. : портр.

Башунов, В. М. Третья стража = Tertium vigilia : стихотворения, этюды. – Барнаул : Алт. дом печати, 2004. – 144 с. : портр. – (Серия «Русские сны»).

Башунов, В. М. Избранное : [стихотворения, этюды] / вступ. ст. В. Курбатова. – Барнаул : [б. и.], 2005. – 352 с. : портр. – (Библиотека журнала «Алтай»).

Башунов, В. М. Избранное : поэзия, проза, публицистика / [предисл. Н. В. Карташевой] ; Междунар. фонд славян. письменности и культуры, Культур.-просветит. изд. программа «Русские сны». – Москва : РУСАКИ, 2011 (Барнаул). – 171, [6] с. : ил. – (Серия «Русские сны» ; вып. 1).

Башунов, В. М. Детская радость : [стихи] / [худож. Л. Дюпина]. – Барнаул : [б. и.], 2016 (Б-ка-фил. № 36 МБУ «ЦБС г. Барнаула»). – 28, [1] с. : ил. – К 70-летию со дня рождения В. М. Башунова.

(р. 06.05.1958)

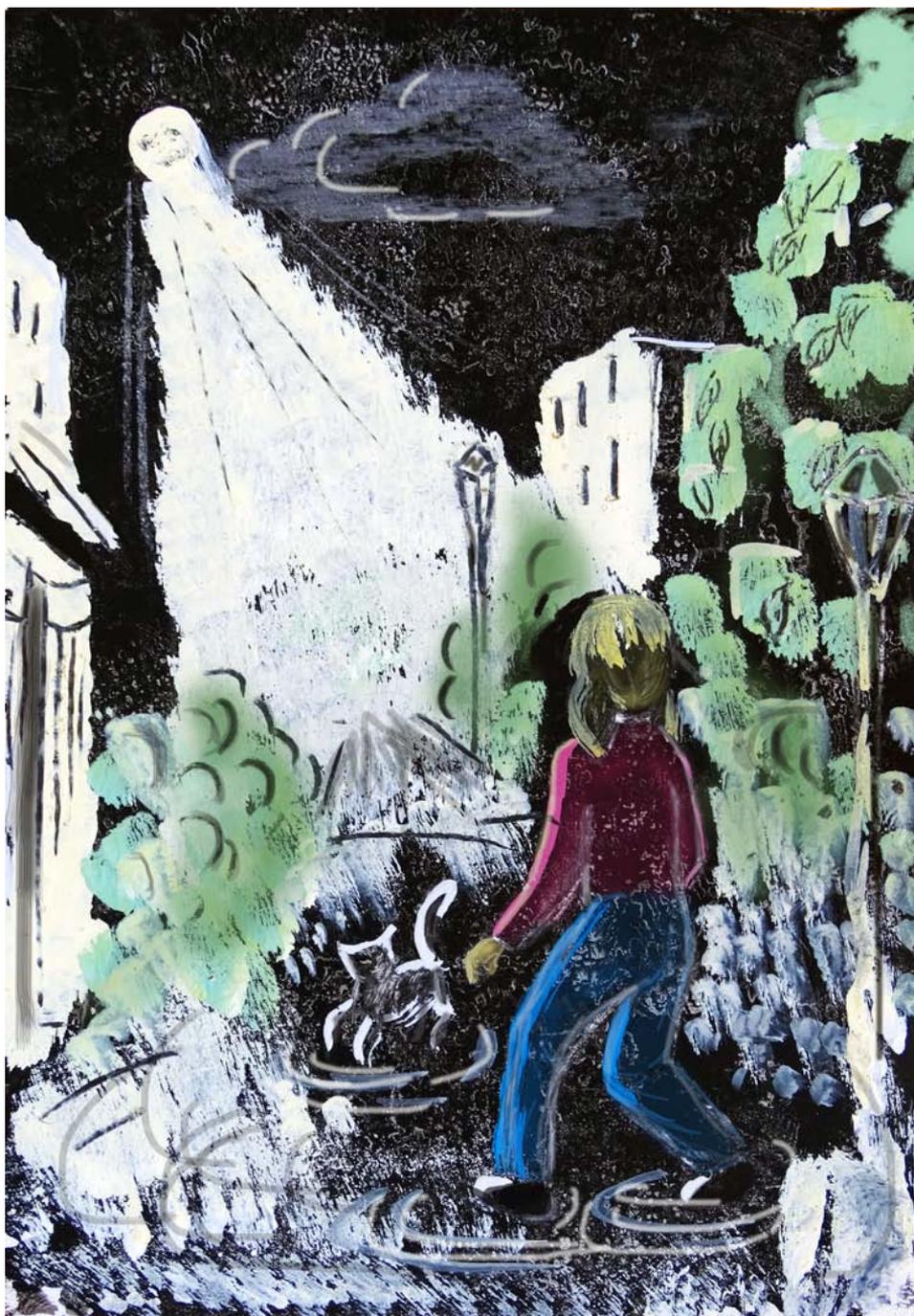
Родилась в г. Барнауле.

Рассказы Е.Ю. Бызовой публиковались в журналах «Алтай», «Фантастическая среда», «Притяжение», электронном литературно-художественном журнале «Пикет».

Победитель краевого конкурса на издание литературных произведений в номинации «Литература для детей и юношества» (2013, книга «Большое приключение маленькой девочки»), городского конкурса авторской сказки «Сами с усами» (2015, сказка «Про беленькую козочку»); лауреат конкурса «Ода еде» (журнал «Русский пионер»).

Член редакционной коллегии журнала «Фантастическая среда»; руководитель семинаров для начинающих писателей в литературном агентстве «НЕО-ЛИТ».

Член Союза писателей России с 2016 г.

БОЛЬШОЕ ПРИКЛЮЧЕНИЕ МАЛЕНЬКОЙ ДЕВОЧКИ

Маму вызвали на работу

та удивительная история началась с того, что маленькая Анюта осталась дома одна. Да, пожалуй, если бы в тот вечер её маму не вызвали срочно в больницу, где она работала врачом, или пусть бы даже вызвали, но кто-нибудь ещё из взрослых был в это время дома, то ничего бы, наверное, и не случилось. Но в том-то всё и дело, что приглядеть за Анютой в тот раз было просто некому: папа ещё не вернулся из экспедиции, а бабушка уехала на дачу.

Конечно, мама сразу же созвонилась с бабушкой, но что толку. Последняя электричка ушла час назад, а следующая будет только утром. Вот рано утром бабушка и обещала приехать. Но это утром, а сейчас-то что делать? По всему выходило, что всю ночь Анюта проведёт дома одна. И приходилось только надеяться, что она будет хорошо себя вести.

Всё это мама объяснила Анюте и попросила быть умницей, а это значит: двери никому не открывать, на улицу не выходить, спать лечь вовремя, не забыть почистить зубы и, вообще, не шалить.

Анюта обещала.

Она проводила маму до двери, помахала из окна вслед отъезжающей машине и пошла в свою комнату.

Жаль, конечно, что нельзя было пойти на улицу. Там

с друзьями и подружками время пролетело бы незаметно. А с другой стороны, и поздно уже, и дождь собирается – всё равно, все скоро разойдутся по домам.

Ничего. Анята найдёт, чем заняться.

Она поиграла немного, посмотрела мультики, полистала любимые книжки, отыскивая в них выученные накануне новые буквы, а когда прозвонил специально заведённый мамой будильник, переоделась в пижаму, почистила зубы и послушно отправилась спать, как и обещала.

Но вот беда – не спалось. И со светом, и без света, ну, вот никак. Анята укладывалась и так, и этак – бесполезно. А уж после того, как она попрыгала на кровати, спать и вовсе расхотелось, но, кажется, захотелось есть. «Пойду-ка я на кухню, съем что-нибудь вкусненькое, вдруг это поможет уснуть», – решила девочка и вышла из своей комнаты.

Повсюду в доме горел свет: в коридоре, на кухне и даже в гостиной. Это мама оставила, чтобы Аняте не было страшно. Просто смешно. Что она, маленькая что ли? Да ей уже почти шесть лет!

Шлёпая босиком, девочка отправилась на кухню и первым делом заглянула в холодильник. Из всего, что она там обнаружила, самым вкусным был вишнёвый сок, но сока не хотелось. В буфете Анята нашла шоколадные конфеты, но мама не разрешала есть их на ночь.

Приключения начинаются

Анята села за стол, подперев щеку рукой. Прямо перед ней стояла ваза с яблоками. Девочка выбрала самое большое и красное, повертела его в руках и осторожно надкусила. Яблоко весело хрустнуло кожуркой, но Анята не обратила на это никакого внимания. Она ела яблоко, болтая под столом ногами, и размышляла о своём житье-бытье. А поразмышлять было о чём.

Совсем скоро Анята пойдёт в школу. А как только она пойдёт в школу, у неё начнётся совсем другая, взрослая жизнь, так

все говорят. Но раз начнётся взрослая жизнь, значит, детство закончится, а с ней ничего интересного так и не произошло – никаких тебе приключений. Вот Алиса, например, побывала в Зазеркалье; Элли попала в Изумрудный город; Малыш познакомился с Карлсоном. Анята вздохнула. А ребята из Нарнии?.. Со всеми что-то происходит: кто-то встречает говорящих животных, у кого-то оживают игрушки, кто-то попадает в страну чудес просто, рассматривая картинки в книжке. А с ней ничего не случается, даже когда Анята остаётся дома одна.

И тут на подоконнике что-то зашуршало. Девочка прислушалась. Шорох повторился. На окне за шторой точно кто-то был. Вот только кто? Может быть, в цветочном горшке с геранью поселился маленький эльф.

Осторожно, чтобы не спугнуть, Анята подошла к окну и заглянула за штору. А там, развалившись на старых газетах, спал кот Иннокентий.

Какое разочарование. Даже если бы Кеша умел разговаривать, всё равно, ничего путного он бы не сказал потому, что свет не видывал кота глупее и ленивее. Да и зачем ему разговаривать и особо умничать, его и так все любят. Анята провела рукой по гладкой шёрстке.

– Милый глупый Кеша, если бы ты знал, как мне скучно.

Кот потянулся и, зевая, ответил:

– Насчёт «милый» – это правильно, а что «глупый» – так это смотря с кем сравнивать.

Анята в удивлении всплеснула руками:

– Кеша! Ты говоришь по-человечески?

– Вот ещё! Была охота язык ломать. Нет, милочка, это ты заговорила по-кошачьи.

– Я?! С чего бы это?

– Как это – с чего? – изумился кот. – А кто только что схру-пал волшебное яблоко?

– Волшебное? По-моему, самое обыкновенное, – неуверенно возразила Анята, растерянно поглядывая на огрызок, оставшийся на столе.

– Обыкновенное? Как бы не так. Тем более, что я сам его для тебя выпросил и лично проследил, чтобы его положили в нужное место и в нужное время. А это оказалось совсем не просто. Представляешь, что было бы, если бы это яблоко съела, например, твоя мама? Приходит она после этого на работу и хочет спросить больного, как он себя чувствует, а вместо этого говорит: «Мр-р-р мяу?»

Анюта хихикнула и тут же снова спросила:

– А у кого ты его выпросил?

– А сама как думаешь? У кого можно выпросить волшебное яблоко?

– Наверное, у волшебников, – предположила Анюта. – А зачем?

– Зачем? А кто ходил по дому с таким видом, будто у него болят все зубы сразу.

– Это мне было скучно, – вздохнув, пояснила Анюта.

– Кто облазил в доме все закоулки? Кто перевернул «вверх дном» все вещи в родительском шкафу? Кто...?

– Это я искала приключения, – нетерпеливо перебила кота девочка.

– Ты их нашла, – Иннокентий сел, обвив себя хвостом и гордо выпятив грудь с белой манишкой.

Записка для мамы и бабушки

Такого визга и топота дом не слышал почти целый год. Правда, тогда у Анюты был день рождения, на который пригласили всех её друзей и подружек, а сейчас она одна скакала по кухне и визжала, но шуму было не меньше.

Подбежав к подоконнику, Анюта схватила Иннокентия в охапку и крепко прижала к себе.

– Кешенька, милый, спасибо! Я так рада!

– Отпусти сейчас же, – прошипел кот. – И перестань так орать, пока соседи не вызвали полицию, – добавил он уже спокойнее.

Анюта сразу же замолчала, опустила кота на пол и прикрыла рот ладошкой, так, на всякий случай.

– Прости, пожалуйста, я как-то не подумала про соседей.

– Да, ладно. Чего уж там, – Кеша встряхнулся и пару раз лизнул растрёпанную шерсть на боку, потом удивлённо посмотрел на Анюту.

– Ну, и чего ты стоишь?

– А что нужно делать?

– Одеваться и – побыстрее. Или ты пойдёшь в пижаме?

– А мы куда-то пойдём?

– Конечно, пойдём. Всё самое интересное, что могло произойти дома, уже произошло.

Анюта задумалась.

– Ты чего? – спросил Кеша.

– Я обещала маме не выходить из дома, – и тут же с надеждой спросила, – но ведь мы же ненадолго?

– Это как получится, – с сомнением сказал Кеша. – Впрочем, ты можешь остаться...

– Нет, нет, нет... Что ты, что ты... Мы оставим записку.

Анюта сбегала за листом бумаги и ручкой, села за стол и задумалась. Кеша устроился рядом.

– Что же написать?

– Пиши, что хочешь, только не о том, что уходишь за приключениями, а то твои мама и бабушка такого себе нафантазируют, что к нашему возвращению съедят весь валидол и выпьют всю валерьянку.

– Да я и не собиралась писать про приключения. Я хоть и знаю уже все буквы, но длинные слова писать не умею.

– Тогда пиши короткие. Только побыстрее.

Анюта начала старательно выводить печатные буквы на бумаге.

– Кеша, ты не знаешь, как писать мягкий знак?

Кеша сделал вид, что не слышал.

– Кеша?!

– А? – откликнулся тот, почесав задней лапой за ухом. – А в чём проблема-то?

– Когда пишут мягкий знак, к палочке пририсовывают половинку кружочка.

– Ну?

– Так куда пририсовывать снизу или сверху?

– А есть разница?

Анюта кивнула.

– Тогда напиши и так, и этак, пусть мама с бабушкой сами выберут что правильно. Уж они-то знают.

Наконец, записка была готова. Выглядела она вот так:

«Я УШЛА ГУЛЯТЬ АНЮТА»

Хотела добавить «не волнуйтесь», но передумала – слишком большое и сложное слово.

Оставив записку, которая, по её мнению, должна была успокоить маму с бабушкой, посередине обеденного стола, девочка, подгоняемая котом, понеслась в свою комнату.

Что надеть?!

«Что же мне надеть?» – думала Анюта, перебирая свои вещи. Вот если бы знать, куда они отправятся. Может быть, её пригласят на бал или званый ужин, это ведь тоже приключение, тогда подошло бы вот это нарядное белое платье с кружевами и большим розовым бантом на поясе. А вдруг придётся разыскивать сокровища в какой-нибудь пещере в дремучем лесу, тогда от этого платья просто ничего не останется, кроме грязных лохмотьев. Нет, для дремучего леса это не годится.

И Анюта надела то, что обычно надевала на прогулку в парк: футболку, джинсовый комбинезон и кроссовки. Парк – это ведь почти что лес. К тому же, после прогулки в парке они с мамой частенько заходили в гости к маминой подруге тёте Наташе или в кафе поесть мороженое – чем не званый ужин.

Всё. Теперь она готова. Хотя, вот ещё что, Анюта надела джинсовую кепочку, а в карманы комбинезона положила конфету и парочку печений.

– Всё, Кеша, я готова.

– Тогда пошли.

У двери Кеша обернулся:

– Ключ не забудь.

– Какой ключ?

– От дома. Нужно же будет закрыть дверь.

Действительно, изнутри дверь открывалась и закрывалась и без помощи ключа, а вот снаружи это можно было сделать только ключом. Анюта поднялась на цыпочки, сняла ключ с крючка возле двери, и они с Кешей вышли из дома.

Пёс Кубик

Пока Анюта возилась с замком, из собачьей будки, потягиваясь и отчаянно зевая, выбрался большой и лохматый, неизвестной породы пёс Кубик.

Анюта, наконец, закрыла дверь и хотела положить ключ в один из карманов, но два из них были заняты (один конфетой, другой печеньем), а третий был таким маленьким, что ключ в нём не помещался.

– Куда же мне его деть, не в руках же нести? – ворчала Анюта.

– В руках нельзя – потеряешь, – сказал Кубик.

– Я что, теперь и по-собачьи понимаю? – удивилась девочка.

– Ты теперь по-всякому понимаешь и со всеми можешь разговаривать, – пояснил Кеша. – А ты думала, что каждый раз, как ты встретишь какого-нибудь зверя или птицу, или ещё кого-нибудь, я буду давать тебе волшебное яблоко? Так никаких яблок не напасёшься, да ты и не съешь столько. А ключ? Вон, отдай Шарику, пусть покараулит.

– Кубику! – хором поправили его Анюта и пёс.

– Ну, Кубику, – согласился кот ухмыляясь. Ему нравилось иногда подразнить добродушного приятеля.

– Ты не возражаешь? – спросила Анюта у Кубика.

– Нет, что ты. Клади в будку под коврик. А куда это вы с Иннокентием отправляетесь, на ночь глядя?

– Я не знаю, можно ли об этом говорить, – неуверенно ответила Анюта.

– Мне можно. Я никому не скажу, ты же знаешь, – заверил её пёс.

– Кеша обещал приключения. Вот за ними мы и пошли.

– Боишься?

– Совсем чуть-чуть.

– Не бойся. Кеша хоть и кот, и дразнится иногда, но доверять ему можно. Я его давно уже знаю. Думаю, всё будет хорошо. Я бы тоже с вами пошёл, да не могу – на работе. Дом охранять надо. Хозяева все разъехались, теперь и вы уходите. Вся ответственность на мне. Сама понимаешь.

– Эй! Долго вы там будете возиться? Нам идти нужно, – позвал Кеша.

– Ну, я пошла, – Анюта обняла пса.

– Удачи вам, – Кубик лизнул её в щеку.

Дойдя до калитки, Анюта оглянулась и помахала Кубику рукой, а тот в ответ завилял хвостом.

Сколько вопросов!

И вот они с Кешей идут по улице. Гроза, собиравшаяся весь день, пролилась над городом сильным, но коротким дождём. Этот дождь разогнал прохожих, смыл пыль с домов и деревьев, освежил цветы на клумбах, правда, в темноте их не было видно, но зато как они пахли! На асфальте то тут, то там сверкали небольшие лужицы.

Кеша шёл чуть впереди, Анюта за ним следом. Оба молчали. Коты, вообще, молчаливые животные, они разговаривают только в случае крайней необходимости, чего не скажешь о маленьких девочках. Анюта, хоть и не была болтушкой, но когда на языке и в голове вертится столько вопросов, поневоле заговоришь. Анюта и молчала-то всё это время только потому, что не могла решить, какой вопрос задать первым, а как только определилась, так сразу и спросила:

– Кеша, а куда мы идём?

– За приключениями.

– Это я знаю.

– Тогда зачем спрашиваешь?

– Я спросила, не зачем мы идём, а куда.

– А-а, ты в этом смысле.

Кеша замолчал и молчал так долго, что Анюта не вытерпела:

– Кеша, почему ты не отвечаешь? Это секрет что ли?

– Нет. Это не секрет. Просто я думал, как ответить тебе так, чтобы ты поняла. Мы идём туда, где живут разные волшебники, сказочные и совсем не сказочные существа, где оживают игрушки, и разговаривают вещи.

– Значит, мы идём в Волшебную страну?

– Вообще-то, это целый мир, такой же большой, как тот, в котором мы живём, но ты можешь называть его Волшебной страной, если тебе так больше нравится.

– А где она находится?

– Везде и нигде.

– Как же мы туда попадём?

– Иногда для этого достаточно просто выйти из дома, а иногда ты подходишь к какому-нибудь месту и понимаешь, что это вот то самое место, через которое можно попасть в Волшебную страну, как ты говоришь.

– А где же мы будем искать это место?

– Искать его бесполезно, его надо почувствовать. Если я ответил на все твои вопросы, то, пожалуйста, помолчи немного, мне нужно сосредоточиться.

– Хорошо, – вздохнула Анюта.

Она не успела задать и половины интересовавших её вопросов, и поняла только половину из полученных ответов. Ясно было одно, они идут в Волшебную страну, и, чтобы Кеша нашёл туда дорогу, Анюта должна немного помолчать. Да она ради этого готова целый год молчать. Нет, год – это, конечно, многовато. Ну, в общем, сколько надо – столько и будет молчать.

Лунная дорожка

Анюта огляделась по сторонам. Ночью город, освещённый фонарями и яркими рекламными огнями, выглядел совсем не так,

как днём. Он был нарядным, немного таинственным и от этого казался совершенно незнакомым. А каким звёздным было небо над головой! Анята таких крупных звёзд никогда ещё не видела.

Девочка посмотрела на землю и чуть не вскрикнула. Оказывается, она стояла на самом краю огромной лужи.

– Откуда же она тут взялась? Неужели здесь такой сильный дождь прошёл?

Лужа растеклась поперёк улицы от края и до края, затопив и проезжую часть, и оба тротуара. Вода в ней была спокойной и гладкой, как зеркало, и в этом зеркале отражались и звёзды, и луна, а ещё фонарный столб, и деревья, и дома только всё вверх ногами.

– Как здорово, – сказала Анята, заворожённо разглядывая зеркальную поверхность лужи.

– Да, вода, – задумчиво произнёс Кеша и вздохнул.

– Будем обходить? – понимающе спросила Анята, ведь всем известно, что кошки воду не любят.

– Посмотрим, – буркнул Кеша.

Он подошёл к самому краю лужи и осторожно, даже слегка брезгливо потрогал воду. От его легких прикосновений по воде пошла рябь, а может быть, это просто ветерок налетел. Так или иначе, но звёзды на поверхности заплесали, а дрожащее отражение луны превратилось в серебристую дорожку, которая, пробежав по воде от одного берега до другого, упёрлась прямо в то место, где стояли Анята и Кеша.

– Идём, – решительно сказал кот и ступил на лунную дорожку.

Девочка пошла за ним следом.

Лужа казалась такой глубокой, но воды на серебристой дорожке было совсем немного. Анята шла по ней, громко топая и поднимая фонтанчики брызг.

– Не брызгайся, – проворчал Кеша отряхиваясь.

Анята пошла медленнее и перестала топтать. Рябь на воде прошла, и её поверхность снова стала зеркальной.

И тут девочка заметила одну странность. В луже отражались совсем не те дома, которые стояли рядом с ней. Вот, например, справа громоздилась девятиэтажка, а в воде виднел-

ся очень симпатичный особнячок с колоннами у входа, и там дальше тоже не совпадало. А вот огромный тополь был и возле лужи, и в отражении. И фонарный столб был и там, и там. Звёзды тоже были одинаковыми...

Анюта даже остановилась, чтобы ещё раз внимательно всё сравнить.

– Кеша, – окликнула она своего приятеля, – что-то я не пойму, что происходит.

– Что такое? – недовольно отозвался кот.

Они уже почти подошли к противоположному берегу лужи, и Кеше явно не хотелось задерживаться здесь дольше, чем нужно.

– Посмотри, – Анюта повернулась в сторону девятиэтажки, чтобы показать обнаруженные ею несовпадения, и замерла с открытым ртом.

Справа от них стоял небольшой особнячок с колоннами у входа, а в луже отражалось девятиэтажное здание.

– Ой, – Анюта совсем растерялась, – как-то всё перевернулось, но всё равно не совпадает, ведь отражаться должно только то, что есть на самом деле...

– Послушай, Анюта, – плачущим голосом взмолился кот, – давай обсудим это на суше.

В это время небольшое облако закрыло луну. Серебристая дорожка сначала померкла, а затем и вовсе исчезла. Анюта и Кеша рухнули в воду. Оба одновременно взвизгнули. Кот, извернувшись, одним прыжком выпрыгнул на берег, благо до него было недалеко. Анюта пошла вперёд потихоньку. Вода доходила ей до колен. Ноги всё равно промокли, так что торопиться было некуда, а то ещё провалишься в какую-нибудь ямину.

«Да, хороша я была бы сейчас в белом платье и лаковых туфельках», – подумала Анюта, выйдя из лужи. С брюк ручьями стекала вода, в кроссовках хлюпало.

Что случилось, то случилось...

– Кеша, ты где? – Анюта огляделась по сторонам.

Кот сидел рядом с колонной на ступеньках того самого

особняка, который девочка увидела сначала в отражении, а потом наяву. Вода плескалась почти у самого крыльца. Аня аккуратно по кромке обошла воду и стала подниматься наверх.

Кеша энергично приводил себя в порядок. Выскочив из лужи, он, как следует, отряхнулся, а теперь вылизывал мокрую слипшуюся шерсть.

Аня присела рядом с приятелем и тоже по мере сил стала приводить себя в порядок. Она, как могла, отжала брючины. Сняла кроссовки и вылила из них воду. Носочки тоже были мокрые, пришлось и их снять. Аня, выжимая, скрутила их в тугие жгутики, а затем встряхнула.

Кеша молчал, и это понятно, рот-то у него был занят. А у Ани рот был свободен, и она решила заговорить, к тому же она почему-то чувствовала себя немного виноватой в том, что произошло.

– И куда эта дорожка подевалась? Была-была, и вдруг исчезла, – Аня вздохнула.

Кеша оторвался от своего занятия и внимательно посмотрел на девочку.

– Ты что, в самом деле, не понимаешь? Она же была из лунного света. Исчезла луна, и дорожки не стало, – снисходительно объяснил кот и продолжил вылизываться. Он уже практически весь был сухим и чистым, осталось только хвост привести в порядок.

– Наверное, нам не следовало останавливаться, не дойдя до края лужи, – размышляла Аня, обувая кроссовки.

Кеша, закончив разбираться со своим хвостом, встал и потянулся, убедился, что шерсть его стала такой же пушистой и блестящей, как и до купания, и только после этого глубокомысленно заявил:

– Во время приключений мешкать нельзя. Хорошо ещё, что дорожка исчезла, когда мы уже подходили к берегу, а не тогда, когда были на середине. Бр-р-р!

Он потоптался на месте, выгнув дугой спину и хвост, а затем добавил:

– С другой стороны, предсказать что-либо во время приключений невозможно. Что случилось – то случилось, и нечего об этом горевать. Ну, что? Ты готова идти дальше?

Анюта как раз управилась со шнурками. Она встала со ступеньки, топнула одной ногой, потом другой. Брюки были влажные, носки и кроссовки тоже, но вода с неё не текла и нигде не булькала. Идти можно.

– Пойдём, – согласилась Анюта, – а куда?

– Да мы, собственно, уже пришли.

Кот стал подниматься по ступенькам, ведущим ко входу в особняк. Анюта пошла за ним. Перед дверью они остановились. Кеша ждал, когда Анюта её откроет, а та, увидев вывеску, решила прочитать, что на ней написано.

Читать было трудно. Буквы были знакомые, но какие-то не такие. Слишком много завитушек. Вот если их убрать, то получится:

– Бю-ро При-к-лю-че-ний, – прочитала она по слогам. – Ух, ты!

В Бюро Приключений

Девочка взялась за ручку и потянула дверь на себя. Такая тяжёлая на вид она неожиданно легко распахнулась, и наши друзья вошли в особняк.

Вошли и оказались в небольшом холле. Ах, как здесь было красиво: на мозаичном полу стояли мягкие диванчики и кресла для гостей, на стенах висели зеркала в золочёных рамах, а наверх уходила широкая мраморная лестница, покрытая ковровой дорожкой.

В холле никого не было. Никто их не встретил и не сказал, куда нужно идти. Но Кеша, как видно, и сам неплохо здесь ориентировался. Он сразу направился к лестнице, и Анюта пошла за ним.

Она поднималась по ступенькам и размышляла про себя: «Интересно, куда мы идём и кого встретим? Может, всё-таки спросить? Мне ведь нужно знать, как себя вести, что отвечать, если меня о чём-нибудь будут спрашивать».

Анюта покосилась на своего спутника и уже хотела от-

крыть рот, чтобы задать свои вопросы, но вспомнила про лужу и решила воздержаться, тем более что они как раз были на середине лестницы. Конечно, вряд ли мраморная лестница может исчезнуть так же внезапно, как лунная дорожка, но рисковать не стоило.

Всё же о приходе гостей хозяева особняка, видимо, знали. Не успели гости подняться наверх, как перед ними распахнулись большие двустворчатые двери с массивными бронзовыми ручками. Друзья очутились в огромном и совершенно пустом зале со стрельчатыми окнами, расписным потолком и громадной хрустальной люстрой под ним. В противоположном конце этого зала стояло большое, похожее на трон, кресло с высокой спинкой. Прямо перед ним была маленькая скамеечка для ног, а справа небольшой резной столик.

В кресле сидела дама. В старинном роскошном платье и с пышной причёской, украшенной очень маленькими цветочными букетиками, она походила на сказочную королеву.

– Это что, королева? – спросила Анюта шёпотом. – Если это королева, то к ней нужно обращаться «Ваше Величество», да?

– Это волшебница Изольда. К ней нужно обращаться «госпожа Изольда». Будь предельно вежлива и не болтай лишнего, – так же шёпотом ответил Кеша.

Он выпятил вперёд белую манишку на груди, распушил хвост и, важно вышагивая, направился к трону волшебницы. Анюта заправила растрепавшиеся волосы под кепочку, расправила плечи, как учила мама, и не торопясь, пошла вслед за Кешей.

«Быть просто вежливой – это нетрудно, – думала она, – нужно будет поздороваться и поклониться, слегка присев. Но Кеша сказал, быть «предельно вежливой». Это как? Это, наверное, очень-очень вежливой».

Анюта заволновалась. Из вежливых слов она знала, кроме «здравствуйте» и «до свидания», ещё только «спасибо» и «пожалуйста». И всё. А, нет! Ещё «будьте здоровы» – так говорят, когда кто-нибудь чихает. Вот если бы волшебница чихнула, тогда Анюта смогла бы стать предельно вежливой.

Волшебница Изольда

Немного не дойдя до трона, Кеша остановился. Он церемонно раскланялся, выставив одну лапу вперёд. Анюта тоже поклонилась и очень вежливо сказала:

– Здравствуйте, госпожа Изольда.

Волшебница приветливо улыбнулась в ответ и кивнула. Цветочки, украшавшие её причёску, колыхнулись, и из одного букетика вылетела золотистая пчёлка. Она начала кружить над головой волшебницы, недовольно звеня крылышками.

Госпожа Изольда стала отмахиваться от пчёлки обеими руками, причём в одной была зажата красивая тонкая палочка, похожая на небольшую указку. Этой палочкой волшебница и задела случайно кончик своего носа.

Нос моментально позеленел и стал вытягиваться тоненьким хоботком. На нём появились почки и бутоны. Почки и бутоны сразу же распустились, и нос превратился в настоящую веточку с зелёными листьями и цветами. Ветка росла прямо на глазах, пуская всё новые и новые побеги.

Все растерялись. Даже странная золотистая пчёлка на секунду замерла в воздухе. А сама госпожа Изольда от неожиданности выронила свою палочку, по-видимому, волшебную. Она попыталась её поднять, но это оказалось совсем не просто потому, что из-за ветвистого носа волшебница ничего не видела.

– Ах, бездельник! Ах, негодник! Ну, погоди! Я тебя в такое превращу. Я тебе такое покажу. Будешь у меня знать, – причитала она, шаря по полу руками в поисках волшебной палочки.

Хохотунчик в кармашке

Пчёлка не стала ждать результатов этих поисков, а метнулась к застывшим перед тронном друзьям. И тут Анюта увидела, что никакая это не пчёлка. Это был маленький, размером с пчелу, мальчик в полосатом (жёлтое с чёрным) костюмчике, с золотистыми крылышками на спине и очень лукавым выражением на маленькой симпатичной мордашке.

Девочка даже рот открыла от удивления. Маленький проказник моментально этим воспользовался. Сверкнув золотистыми крыльями, он юркнул в приоткрытый рот Анюты.

Это было так смешно и щекотно, что девочка расхохоталась. Мальчишка жужжал у неё во рту, задевая за щёки и язык, стучался о зубы, и Анюта смеялась до слёз.

– Прекрати сейчас же! Госпожа Изольда может подумать, что ты смеёшься над ней, – прошипел Кеша.

Анюта, изнемогая от хохота, посмотрела на Кешу и помотала головой. Ответить она не могла потому, что боялась закрыть рот, чтобы ненароком не проглотить мальчишку, который никак не желал вылетать. Продолжая хохотать, она кое-как промычала:

– Ы-ма-у, – что означало «не могу».

Кеша внимательно посмотрел на Анюту и, кажется, понял, в чём дело.

– А ну-ка, наклонись ко мне.

Анюта наклонилась. Кеша заглянул к ней в рот, и, когда мальчик неосторожно высунулся из-за зубов, кот быстро взмахнул лапой и, зацепив коготком полосатую маечку, вытащил проказника.

– Так я и думал, – сказал Кеша Анюте, сразу же переставшей хохотать и вытиравшей слёзы. – К тебе в рот залетел Хохотунчик.

Анюта с интересом рассматривала маленького мальчика. Тот изо всех сил пытался освободиться, но у него ничего не получалось, Кеша держал крепко.

– Ну, что, голубчик, попался? – сказал он Хохотунчику. – Ох, и влетит же тебе теперь.

Все покосились на волшебницу. Госпожа Изольда уже нашла свою волшебную палочку и сейчас что-то бормотала себе под ветвистый нос, выписывая концом палочки какие-то замысловатые фигуры.

– Иннокентий Фёдорович, отпустите меня, пожалуйста, – взмолился хулиганишка. – Она же опять превратит меня в ка-

кой-нибудь глупый цветочек и воткнёт себе в причёску. Это такая скуотища, если б вы знали. А я больше не буду безобразничать, честное хохотунское!

– Поздно, – Кеша кивнул на волшебницу.

Заклинание госпожи Изольды начало действовать, её нос быстро уменьшался. Анята поняла, что ещё несколько мгновений, и волшебница обнаружит Хохотунчика. Он, конечно, проказник, и его следовало бы наказать, но Аняте стало жалко мальчишку. Сколько раз она сама, набедокурив и понимая, что заслуживает наказания, в тайне надеялась на какое-нибудь чудо, которое избавило бы её от стояния в углу, сидения в папином кресле, или что там ещё могли придумать взрослые.

Недолго думая, Анята схватила Хохотунчика и сунула к себе в нагрудный кармашек, тот самый, куда не поместился ключ от дома. А чтобы мальчишка ничего больше не натворил, она застегнула на кармашке молнию.

Говори волшебницам правду

Всё это она проделала, отвернувшись от волшебницы, а когда повернулась, то увидела, что ветвистый нос у госпожи Изольды уже исчез, и лицо её стало таким же, как прежде. Волшебница внимательно осмотрела себя в небольшое зеркальце, поправила причёску и строго взглянула на своих гостей.

– Мне показалось или, действительно, сейчас кто-то смеялся?

Аняту так и подмывало сказать: «Что вы! Вам показалось», но Кеша опередил её.

– Видите ли, госпожа Изольда, моей спутнице Хохотунчик в рот залетел. Она ничего не могла с собой поделаться. Вы же понимаете?

– Ах, вот оно что. А, кстати, где этот шалопай? Куда он подевался?

Анята почувствовала, как Хохотунчик задрожал и завопил у неё в кармане. Она решила, что обманывать волшебницу не стоит, поэтому ответила честно, прикрыв кармашек на груди рукой.

– Госпожа Изольда, очевидно, он спрятался, – и ведь это была суцая правда!

– Да, вероятно. Ничего. Я ещё разберусь с ним. Как тебя зовут, моя дорогая?

– Анята.

– Очень мило. Иннокентий Фёдорович рассказывал о тебе много хорошего. Он считает, что ты вполне заслуживаешь приключения. То, что ты его заслуживаешь, я и сама вижу, – улыбнулась волшебница, – а вот готова ли ты к нему? Не хотелось бы, чтобы приключение пропало. Даже в нашем волшебном мире они, к сожалению, случаются не так уж часто.

– Я готова, госпожа, вы не сомневайтесь, – горячо заверила Анята волшебницу.

– Хорошо. Идите в канцелярию и получите путёвку.

Волшебный офис

Друзья поняли, что разговор окончен. Очень довольные его результатом, они повернулись, чтобы идти в канцелярию, но оказалось, что идти никуда не нужно.

Роскошный, но совершенно пустой зал, который они только что пересекли, самым волшебным образом превратился в современный офис: пластиковые окна, небольшие яркие плафоны под потолком, невысокие офисные перегородки, отделяющие одно рабочее место от другого. И, главное – всюду были люди. Они сновали по узким проходам между барьерами, работали за компьютерами, печатали какие-то документы, разговаривали по телефону.

«Как у тётки Наташи на работе», – подумала Анята и тут же увидела, как, трепеща небольшими прозрачными крыльями и с бумагами в руках, взмыли в воздух две девушки. Они подлетели друг к дружке, смеясь, обменялись листками и вернулись на свои рабочие места. «Нет, такого в офисе у тётки Наташи точно не увидишь. Откуда же они все взялись?» Девочка оглянулась на волшебницу и с трудом узнала её в строгом костюме за большим письменным столом.

Госпожа Изольда оторвала взгляд от толстой папки с деловыми бумагами:

– Идите, идите. Третий стол справа. Голубая фея. Вас уже ждут, – и снова погрузилась в изучение документов.

– Пойдём Кеша, – позвала Анюта своего приятеля, но кот не ответил – его рядом не было.

– Ну вот, опять я замешкалась, – огорчилась Анюта.

Она огляделась по сторонам и увидела Кешу, с важным видом шагающего по проходу. Люди останавливались, приветливо здоровались с Иннокентием и спешили дальше.

«Надо же, – подумала Анюта, – нашего Кешу здесь все знают и уважают. Сама волшебница Изольда зовёт его по имени и отчеству – Иннокентий Фёдорович. А мы-то всегда считали его ленивым и глупым. Ой, как не хорошо!»

Голубая фея

Она увидела, как Кеша сворачивает в боковой проход, и бросилась за ним. Навстречу Анюте быстро шёл молодой человек. Он, очевидно, тоже был посетителем канцелярии, потому как подходил почти к каждому рабочему месту, о чём-то расспрашивал и шёл дальше, с недоумением озираясь по сторонам. Поравнявшись с Анютой, он и её спросил, не знает ли она, как пройти к фее Живой воды.

Девочка растерялась. И было отчего. У молодого человека вместо ног были копытца, а на голове маленькие рожки.

– А вы кто? – спросила она удивлённо.

Получилось не очень вежливо, но молодой человек не обиделся.

– Я фавн, – ответил он, улыбаясь, – зовут меня Рони, а тебя как?

– Анюта.

– Очень приятно. Так ты не знаешь, как найти фею Живой воды?

– Нет. Я сама разыскиваю Голубую фею.

– У Голубой феи я уже был. Сейчас свернёшь вот в этот проход, отсчитаешь справа третий стол и увидишь её.

– Спасибо, – поблагодарила Анюта и пошла в указанную сторону.

Следуя советам фавна, она без труда нашла Голубую фею. Ею оказалась симпатичная девушка в голубом платице.

– Где ты пропадаешь? – сердито спросил её вынырнувший неизвестно откуда Кеша.

– Я с фавном разговаривала, – объяснила Анюта. – А ты где был?

– Тебя искал. Ладно, пошли, вот она, Голубая фея.

Задание – Людоед!

Кеша, не задумываясь, вскочил на стол, за которым работала девушка, и уселся прямо на стопку документов. Фея возмущённо всплеснула руками.

– Иннокентий Фёдорович, ну, что за манеры у вас.

Она говорила строгим голосом, но Анюта сразу поняла, что фея не сердится на Кешу, а только делает вид. Глаза у девушки были весёлыми, и сама она едва сдерживала улыбку. Кеша тоже это сразу понял. Вместо того чтобы слезть со стола, кот разыграл целое представление: он втянул голову в плечи, прижал уши и зажмурил глаза, всем своим видом показывая, что ужасно переживает за свою оплошность и страшно боится «разгневанной» феи.

Девушка расхохоталась и почесала кота за ухом.

– Ох, и разбаловали тебя твои хозяева, Кеша.

– А вот, кстати, познакомьтесь – моя хозяйка Анюта, – пользуясь моментом, представил Кеша свою спутницу.

Голубая фея поздоровалась с девочкой и предложила устраиваться в кресле напротив.

– Ну, что же, друзья, вот ваша путёвка.

Фея взяла со стола сложенный вдвое лист плотной бумаги и протянула его Анюте. Сверху было написано большими буквами «ПРИКЛЮЧЕНИЕ № 0938-16 АЕ», а внизу буквами поменьше «участники: Анюта, Иннокентий Фёдорович». Весь разворот занимала фотография какого-то здания. Кеша перепрыгнул со

стола феи на спинку кресла, в котором сидела Аня, и они вместе стали внимательно рассматривать фотографию.

Ничего необычного на этом снимке не было, а был самый обыкновенный двухэтажный дом из красного кирпича под зелёной черепичной крышей, окружённый уютным сквериком. И всё. Никаких драконов, пещер, дремучих лесов и сундуков с сокровищами не было и в помине.

Аня вопросительно посмотрела на Кешу. Кот в недоумении пожал плечами.

– Это центральная детская библиотека, – стала объяснять фея. – На первом этаже размещается собственно библиотека, на втором – читальный зал, а в подвале – переплётная мастерская, вот туда-то вам и надо.

– А зачем? – спросила Аня.

– И что там вообще делают в этой мастерской? Переплетают косички девочкам, которые приходят в эту библиотеку? – недоумевал кот.

– Нет, Кеша, – возразила Аня. – Косички переплетают в парикмахерской, но я тоже не знаю, что такое переплётная мастерская.

– В этой мастерской ремонтируют старые потрёпанные книжки. Их подклеивают, подрезают, прошивают, чистят от пыли и пятен. Читатели ведь бывают разные, есть и такие, которые обращаются с книжками, мягко говоря, не очень бережно. И вот, когда ремонтировали книжку со сказкой про Красную Шапочку, произошла путаница.

– Какая путаница?

– А такая: вместо вырванной страницы из этой сказки вклеили страницу из другой, про Кота в сапогах. В результате в сказке про Красную Шапочку там, где должен быть домик старой больной бабушки, появился замок Лядоеда.

– Так, значит, нам нужно просто переклеить страницы в этой книжке, – разочарованно протянула Аня.

– Не всё так просто, – успокоила её фея. – Страницу переклеили сразу, как только заметили путаницу, и думали, что на

этом неприятная история закончилась. Однако, когда собрали и склеили книжку о приключениях Кота в сапогах, выяснилось, что Людоеда в замке нет.

– Как нет? А куда же он мог подеваться?

– Очевидно, остался в сказке про Красную шапочку. Представляете, что он там может натворить? Вот это и предстоит вам исправить.

– Как же мы с ним справимся? – растерялась Анюта.

– Ну, – Кеша поднял лапу, выпустил когти, посмотрел на них и снова спрятал. – Силой нам его, конечно, не одолеть, а вот попробовать перехитрить можно. Во всяком случае, моему коллеге Коту в сапогах это однажды удалось.

– Так-то оно так, – фея с сомнением покачала головой. – Только учтите, вам нужно не уничтожить Людоеда, а переправить из одной сказки в другую здоровым и невредимым. Это усложняет задание, но госпожа Изольда считает вас очень сильной командой и верит, что вы справитесь.

Зазвонил телефон. Девушка сняла трубку:

– Отдел регистрации и выдачи путёвок, Голубая фея. Да, они ещё у меня. Хорошо, я передам, – она положила телефонную трубку и обратилась к посетителям, – друзья мои, вас ждут в транспортном отделе. Поторопитесь. Его заведующий, джинн Брахишамхураддин ибн Маймун, собирается в командировку.

Кеша спрыгнул со спинки кресла и направился в проход между барьерами. Анюта задержалась на минутку, чтобы поблагодарить фею, и побежала вслед за котом.

Джинн Брахишамхураддин ибн Маймун

Изрядно набегавшись по канцелярии, они нашли джинна. В самом дальнем углу зала друзья обнаружили отгороженную пластиковыми панелями небольшую комнатку. На двери висела табличка. На табличке была нарисована волшебная лампа, из которой выглядывал весёлый джинн. Анюта приоткрыла дверь, и они с котом заглянули внутрь.

Посреди комнаты стоял низкий стол, а на нём – та са-

мая волшебная лампа. Рядом, прямо на полу, скрестив ноги по-турецки, сидел джинн. Он засовывал руку почти по локоть в горлышко лампы, доставал оттуда разные вещи и кидал их в раскрытый чемодан. Как раз, когда Анюта и Кеша заглянули в комнату, джинн что-то нашарил в лампе и вытащил наружу. Это оказался тостер. Джинн повертел его в руках, подумал и бросил обратно в лампу.

Заметив друзей, он вскочил им навстречу:

– О, драгоценные мои, вы пришли. Наконец-то! Где ваша путёвка?

Анюта подала её джинну.

– Ага! – воскликнул джинн, увидев фотографию на развороте. – ЦДБ.

– Что? Что? – не поняли друзья.

– Центральная детская библиотека – сокращённо ЦДБ. Да, вы заходите, заходите, – пригласил джинн.

В комнате, кроме стола, на котором стояла лампа, и диванчика, на котором едва помещался огромный чемодан с горой самых разнообразных вещей, был ещё стеллаж. Он тянулся вдоль одной из стен от двери и до окна. Все его полки были буквально забиты коробками и свёртками. Каждая коробка и каждый свёрток были помечены яркими наклейками.

– Какое же ВТС вам предложить? – джинн, глядя на полки, задумчиво потирал подбородок.

– Что, простите, вы хотите нам предложить?

– ВТС – волшебное транспортное средство.

Джинн любил сокращать слова и названия. Иногда он так увлекался, что его трудно было понять с первого раза. Хорошо ещё, что, видя затруднения собеседников, джинн сам расшифровывал свои сокращения, иначе с ним, пожалуй, невозможно было бы общаться.

– А какие... ээ-э... ВТС у вас есть? – спросила Анюта.

– О! Самые разные. Вот, например, ССС – семимильные сапоги-скороходы. Только, вряд ли, они вам подойдут.

Джинн достал с полки коробку, открыл её и вынул отту-

да пару весьма потрёпанных сапог с отворотами. Сапоги были мужскими и довольно большого размера.

– Да. Пожалуй, они нам не подойдут. Ни мне, ни Иннокентию.

Для наглядности Аня взяла один сапог и приставила его к своей ноге – сапог был раза в три больше.

– Ах, душа моя! Это пустяки – они меняют свой размер в зависимости от размера ноги нового хозяина. Проблема не в этом, свет очей моих, а в том, что за один шаг сапоги переносят своего владельца на семь миль ровно. Если учесть, что одна миля равна полутора километрам, а ЦДБ находится в двух кварталах от нас, то вам придётся изрядно попрыгать, прежде чем вы сможете попасть туда, куда вам нужно. Я вот думаю, не лучше ли вам воспользоваться ВКС (волшебный ковёр самолёт). Если правильно выбрать высоту, то, задействовав специфические аэродинамические свойства данного ВТС, можно...

У Аняты даже голова закружилась от такого обилия незнакомых слов. К тому же джинн во время разговора ни секунды не стоял на месте. Он всё время метался по комнате, иногда даже подлетая к потолку, брал коробки с полок, заглядывал в них и снова швырял на место.

– Подождите, – взмолилась Анята, – уважаемый Брахшум, ой, Брахмуш...

– Брахмуш..., – попытался подсказать Кеша, но тоже запутался и замолчал.

– Можно просто джинн, – махнул тот рукой.

– Уважаемый джинн, вы сказали, что библиотека, то есть ЦДБ находится в двух кварталах отсюда?

Джинн, зависнув у верхней полки, посмотрел на друзей сверху вниз и подтвердил:

– Да, бриллиант моего сердца, это именно так.

– Тогда, может, мы пешком дойдём?

Джинн, не говоря ни слова, рухнул на пол. Правда, буквально в сантиметре от пола он затормозил и только потом окончательно приземлился, вернее, приковрился – пол в комнате был застелен толстым ковром с мягким ворсом.

На лице джинна были написаны ужас, растерянность и обида одновременно.

– Правильно ли я вас понял, о, невянущие лотосы райского сада моей мечты? Вы хотите идти пешком? А для чего тогда существует ОТУ (отдел транспортных услуг). Если все участники будут сами добираться до места приключения, тогда выходит, ОТУ не нужен, и я заведующий ОТУ тоже никому не нужен. Я ни-ко-му не ну-жен.

Последнюю фразу он произнёс, всхлипывая, и по слогам. Рот джинна искривился, глаза наполнились слезами, веки часто-часто заморгали.

В это время в куче вещей, лежавших в раскрытом чемодане, произошло шевеление, и из груды атласных шаровар, расшитых бисером жилеток и другой разной всячины высунулся краешек клетчатого носового платка. Всклирывающийся джинн протянул руку к чемодану, и огромный платок юркнул к нему в ладонь. Джинн закрыл им лицо и разрыдался в голос.

Друзья опешили. Они никак не ожидали такого поворота событий. Оба, как умели, кинулись утешать джинна. Кеша тёрся о его туфли с загнутыми вверх на восточный манер острыми носками и мурлыкал. Анята гладила джинна по плечу и приговаривала:

– Да что вы, уважаемый джинн! Вы очень даже нужны. Это нам просто повезло, что библио... ой, ЦДБ находится так близко от, э-э-э, БП, а если бы ЦДБ находилась в другом городе, тогда нам очень пригодились бы ваши ВТС: и ССС, и ВКС...

Тут Анята замолчала потому, что заметила в углу за сундуком под самой нижней полкой кое-что интересное. Джинн, который к тому моменту уже перестал реветь и только тихонько всхлипывал, выглянул одним глазом из-за платка.

– Уважаемый джинн, а что это у вас там такое? – Анята показала в угол.

– Где? – джинн вскочил на ноги, потом снова повалился животом на пол, чтобы заглянуть под стеллаж

– А-а, это сувенир. Я привёз его из одной командировки.

Джинн выволок из-под полки трёхколёсный велосипед. Голос его был полон восхищения.

– Это удивительное транспортное средство. Оно может двигаться и перевозить человека без всяких там волшебных слов и заклинаний. Нужно только сесть вот сюда, – джинн показал на сиденье, – и крутить ногами вот эти штучки, – он приподнял велосипед и крутнул педали. – Я сейчас вам покажу.

Друзья и охнуть не успели, как громадный джинн взобрался на велосипед, чудовищно изогнув руки и ноги. Велосипед под ним скрипел и потрескивал, и всё же джинн успел немного проехать на нём, прежде чем завалился на бок.

– Вот, – сказал он, вставая. – У меня, правда, не было времени, освоить его как следует, но...

– Уважаемый джинн, а нельзя ли нам взять этот велосипед в качестве транспортного средства? – вмешался в разговор Кеша. – Видите ли, у моей хозяйки дома есть точно такой же, и у неё было достаточно времени, чтобы освоить его. Анюта, покажи любезному джинну, как ты умеешь ездить на велосипеде.

Анюта села на велосипед и сделала круг по комнате. Джинн заворожённо следил за девочкой, а когда она остановилась, воскликнул, всплеснув руками:

– О, Анюта, свет очей моих, ты самая лучшая велосипедистка в мире. Я бы с удовольствием отдал вам это ЧТП (чудо технического прогресса), которое вы называете велосипедом, но оно же не волшебное.

– Ну, так что же, – возразила Анюта, – мы ведь тоже не волшебники. Можем забыть заклинание, или перепутать в нём слова, что тогда? А на велосипеде уж точно доберёмся.

– Но ведь он рассчитан на одного, а вас двое.

– Да нет проблем.

Кеша запрыгнул Анюте на плечи и устроился там наподобие мехового воротника.

– Ну, так мы поехали?

– Счастливого пути!

Джинн распахнул перед ними дверь.

– Ой, а как мы вернём вам велосипед? – спохватилась Анюта. – Вы же уезжаете в командировку.

– Ерунда, оставите его возле входа в Бюро. Вернусь – заберу.

Крутой спуск

Анюта с Кешей так на велосипеде и поехали к выходу из канцелярии. Огромные двустворчатые двери бесшумно распахнулись перед ними и также бесшумно закрылись у них за спиной. Перед друзьями во всём своём великолепии предстало первое препятствие – длинная мраморная лестница, ведущая вниз.

Анюта остановила велосипед. Кеша заёрзал у неё на плечах.

– Что будем делать? Сможешь сама стащить велосипед с лестницы?

– Не знаю, – честно призналась девочка, – я попробую.

Не успела она договорить, как в воздухе раздался лёгкий хлопок, и появилось улыбающееся лицо джинна.

– А вы кое-что забыли, – рядом с головой показалась рука, помахала путёвкой, протянула её Анюте и снова исчезла.

– Ой, как же это мы? Спасибо.

Анюта сложила документ вдвое, затем сняла кепочку, сунула туда путёвку и снова нахлобучила кепку на голову.

– Я тоже кое-что забыл, – виновато признался джинн, а вернее его голова. – Я забыл вам сказать, как доехать до ЦДБ. От особняка направо до перекрёстка, а там свернёте налево, проедете два квартала и как раз попадёте в сквер перед ЦДБ.

– Большое вам спасибо, только вот попадём мы туда, очевидно, не скоро, – угрюмо заметил Кеша.

– Да? А что случилось?

– Лестница случилась, а велосипеды по лестницам не ездят, – объяснила Анюта.

– Ай-ай-ай, – огорчился джинн, – а ведь я считал это ЧТС (чудесное транспортное средство) совершенным. Ай-ай-ай...

В воздухе снова появилась рука джинна, подлетела к его голове и потёрла подбородок.

– О! А что, если вот так?

Он щёлкнул пальцами, ступеньки сложились, и лестница превратилась в довольно крутую мраморную горку, покрытую ковровой дорожкой. Мало того, входная дверь на первом этаже распахнулась, и ступеньки крыльца тоже сложились.

Анюта покрепче взялась за руль и убрала ноги с педалей. Кеша напрягся, вцепившись когтями в лямки Анютино комбинезона. Велосипед накренился вперёд, и начался спуск.

Скорость быстро увеличивалась. Ветер бил в лицо.

– А-а-а!.. – кричали все трое, в том числе и наблюдавший за друзьями джинн.

А Кеша ещё и уши прижал, и зажмурился. Анюте тоже очень хотелось закрыть глаза, но она должна была следить за дорогой.

Лестница наконец-то закончилась. Велосипед вылетел в холл на первом этаже. Анюта начала тормозить. Разогнавшаяся трёхколесная машина смогла остановиться только у раскрытой входной двери.

Девочка оглянулась, помахала джинну рукой, а затем снова крутнула педали и выехала на крыльцо. Ещё одна горка-лестница. Велосипед, как и в прошлый раз, накренился вперёд. Начался спуск, но это было уже совсем не страшно, потому что крыльцо было не такое крутое и намного короче лестницы. Правда, съехали они прямо в лужу, всё так же плескавшуюся возле первой ступеньки, но останавливаться не стали, а сразу свернули направо и поехали в сторону библиотеки.

На пороге приключений

На улице не было ни души. Ночь стояла ясная. Полная луна освещала и дорогу, и дома, и деревья в сквере, где на центральной аллее ещё и фонари горели, так что друзья без всяких приключений добрались до библиотеки и остановились у парадного входа.

– Приехали.

Кеша спрыгнул с Анютиных плеч, и девочка с облегчением вздохнула.

– Я и не думала, что ты такой тяжёлый, Кеша.

– А всё твоя бабушка: «Кешенька, попробуй вот это. Ну, съешь ещё кусочек, а то прямо исхудал весь». А я добрый – не могу отказать, когда меня о чём-нибудь просят.

Кеша так похоже изобразил бабушку, что Анюта рассмеялась.

– Да, что есть – то есть, наша бабушка кого хочешь загощает.

Велосипед они спрятали в кустах, так, на всякий случай, и направились ко входу в здание.

– Интересно, там есть кто-нибудь или нет, – размышляла Анюта. – А если никого нет, то как мы туда попадём?

– Ну, что я говорила? – Анюта подергала дверь. – Закрыто.

Она постучала сначала потихоньку, затем погромче. Ничего.

– Что будем делать? – спросила она кота.

– Надо подумать, – Кеша помолчал минутку, а потом добавил, – хотя, что тут думать? Как правило, в дом можно попасть не только через дверь. Всегда есть варианты. Ты постой тут, а я осмотрюсь.

Назвался груздем – полезай в кузов

Кеша ушёл. Анюта осталась одна.

Она привалилась спиной к двери и задумалась. Сколько с ней всего уже случилось за эту ночь. И хотя главное приключение ещё даже не началось, ей, если честно, уже захотелось домой.

Она представила свою комнату, полную любимых игрушек, интересных книжек и других очень важных и нужных вещей. Представила удобную просторную кровать с тёплым одеялом и пуховой подушкой, свою любимую пижаму, брошенную, кстати, на полу. «Если бы сейчас всё закончилось, я бы, кажется, не огорчилась», – подумала Анюта и вздохнула.

Не будем винить её за это. Ещё не известно, что было бы, окажись на месте Анюты кто-то другой. Возможно, этот кто-то уже давно бы раскапризничался, расплакался и запросился домой.

А Анюта, что же, ну, повздыхала немного. Такое бывает не только с маленькими девочками, а даже со взрослыми героями, причём совсем не сказочными. Назовём это минутной слабостью, и если герой настоящий, то он никогда ей не поддастся.

Вот и Анюта, тут же сама себя одёрнула: «Что это я разнюнилась, как маленькая. Сама ведь мечтала о приключении. Нет уж, милочка. Как там в этой пословице говорится? «Назвался груздем – полезай в кузов».

Анюта улыбнулась. Она вспомнила, как впервые услышала эту пословицу. Ей тогда представился большой гриб. Он забирался в кузов грузовика и приговаривал: «Я груздь. Я груздь». Рядом стояли маслята, белые, волнушки, лисички, но их в грузовик не пускали, и они с завистью смотрели на груздя.

Потом кто-то из взрослых ей объяснил, что раньше, давным-давно, кузовом называли такую большую плетёную корзину. И сразу всё стало понятно. Если ты назвался грибом – лезь в корзину, и все дела. Если напросился на приключения, значит, не ной, а держись до конца.

Библиотечный мышонok

В цветнике, разбитом под окнами библиотеки, что-то зашуршало, завозилось и стихло. Через секунду из цветочных зарослей вышел Кеша, держа что-то во рту. Анюта присмотрелась, и когда кот подошёл поближе, увидела, что он держит в пасти мышонка.

– Кеша, что это ты выдумал? Зачем ты его поймал? Уж не собираешься ли ты его съесть?

Кеша положил мышонка на асфальт, а когда тот попытался вскочить и убежать, придавил его лапой.

– Вообще-то, мыши – это самая полезная и питательная еда для котов, – Кеша облизнулся. – Но поймал я его не для этого. Да и что тут есть-то.

Кеша приподнял мышонка за хвост, тот и в самом деле был очень маленьким.

– Тогда зачем ты его поймал?

– А затем. Сдаётся мне, он живёт в этой библиотеке. Я его поймал как раз, когда он вылезал из щели, что между вентиляционной шахтой и стеной дома. Вот пусть и расскажет, как нам попасть внутрь.

– Да что же он тебе расскажет? Ты же его напугал до полусмерти. Дай его мне.

Анюта забрала мышонка, положила его на ладонь и стала гладить по спинке, приговаривая:

– Маааленький. Напугался? Не бойся. Кеша – добрый, он не причинит тебе вреда.

Мышонок лежал на ладони, не подавая признаков жизни.

– Щас я его, – Кеша привстал на задних лапах.

– Да подожди ты, – остановила его Анюта. – У меня же где-то есть печенье, может быть, оно приведёт его в чувство.

При этих словах хвостик мышонка едва заметно дрогнул. А когда Анюта достала печенье и поднесла его к мордочке малыша, тот моментально открыл глаза, сел на ладони и повёл носом.

– Что это так вкусно пахнет, сударыня?

– Это печенье. Хочешь?

– Да, если можно? Кусочек...

– Конечно, можно. Сейчас я опущу тебя на землю...

– Ох, нет! Не надо мне ничего. Только не опускайте меня.

– Почему? Что случилось?

– Он меня боится, – промурлыкал Кеша.

– Не бойся, мышонок. Кеша больше не будет тебя обижать.

– Сударыня, если бы Вас поставили рядом с тигром и сказали бы что, мол, он не кусается, не бойтесь. Как бы Вы себя чувствовали?

– Кеша, дай честное слово, что ты не будешь обижать мышонка.

– Ну, если мне тоже дадут печенье, то не буду. Кусок печенья будет гораздо сытнее, чем этот заморыш, – добавил Кеша так, чтобы его не слышали Анюта и мышонок.

– Поверим? – спросила Анюта малыша.

– Очень надеюсь, что он не нарушит своего слова.

Девочка поставила мышонка на асфальтовую дорожку и дала целую печенюшку, а вторую получил Кеша.

Хохотунчик напоминает о себе

Для себя Анюта достала конфету. Но стоило ей зашуршать фантиком, как в нагрудном кармане её комбинезона кто-то зашевелился, и послышался тонкий голосок:

– Эй, выпустите меня отсюда.

– Ой! Хохотунчик! Мы про тебя совсем забыли! – Анюта расстегнула замок-молнию на кармашке.

– То-то и оно что забыли, а я там чуть не задохнулся, между прочим. Они тут конфеты едят и печенье, а Хохотунчик сиди в пыльном и душном кармане. Тоже мне друзья-товарищи.

– Слушай-ка, друг-товарищ, – сказал Кеша, отрываясь от еды, – а ты сам-то ничего не забыл? Например, сказать спасибо за то, что тебя спасли от гнева волшебницы Изольды. Кстати, тогда карман не казался тебе таким уж пыльным и душным.

Хохотунчик раскрыл было рот, но так и не нашёл что сказать.

– Ой, да ладно вам. Не ссорьтесь. Извини, Хохотунчик. Мы действительно про тебя забыли, – призналась Анюта, – тут столько всего случилось.

– Нет. Это вы меня извините. Иннокентий Фёдорович прав. Спасибо вам, вы меня здорово выручили. Просто я сначала уснул в тёмном кармане, потом проснулся и услышал, как вы делите разные лакомства, а про меня и не вспомнили. Так обидно стало.

– Не обижайся, Хохотунчик. Вот угощайся, – Анюта протянула ему развёрнутую конфету.

Получив кусочек шоколадного лакомства, довольный Хохотунчик устроился у Анюты на плече.

Дедушка задремал...

Когда все перекусили, то стали решать, что делать дальше.

– Так что ты нам посоветуешь, мышонок? Как нам попасть в библиотеку? – спросила Анюта.

– А вы стучали в дверь?

– Стучали.

– И никто не отозвался?

– Нет.

– Странно. Сегодня как раз мой дедушка дежурит.

– Может быть, он отлучился куда-нибудь?

– Нет. Он служит ночным привратником в библиотеке уже много лет. Эта почётная должность передаётся в нашем роду из поколения в поколение. И ещё ни разу не было такого, чтобы дедушка так просто взял и ушёл с поста, тем более, когда в библиотеке никого, кроме нас, мышей, нет, вот как сегодня ночью, например. Правда, у него есть одна слабость, – поразмыслив, добавил мышонок. – Он дежурит на большом диване, который стоит недалеко от входной двери, мог и задремать.

– Да, что мы гадаем? – воскликнул Хохотунчик. – Сейчас я сам всё разузнаю.

С этими словами он подлетел к замочной скважине и, нырнув в неё, скрылся из глаз.

Пока ждали возвращения Хохотунчика, мышонок спросил у своих новых знакомых:

– А вам зачем в библиотеку, если не секрет, конечно? Срочно понадобилась какая-нибудь книга?

– Скорее мы ей понадобились, – пошутил Кеша.

– Нас сюда прислали из Бюро Приключений. Нам нужно попасть в переплётную мастерскую. Там в одной книжке перепутали страницы, и мы должны это исправить, – объяснила Анюта.

– А-а, слышал про эту историю.

Из замочной скважины показался Хохотунчик.

– Так и есть! – объявил он. – Дедушка твой на посту, но спит, как говорится, без задних ног, вернее лап. Я пытался его разбудить, даже за усы щекотал, он только чихнул и перевернулся на другой бок.

– Что же нам делать? Время-то идёт, – расстроилась Анюта.

– Я могу вернуться в библиотеку через ту щель, где вы меня поймали, сударь, – предложил мышонок. – К сожалению,

вы там пройти не сможете, но я попытаюсь открыть вам дверь.

– А мне так кажется, что если мы тебя сейчас отпустим, то вряд ли когда ещё увидим, – возразил кот.

– Иннокентий Фёдорович, я ведь вам поверил на слово, придётся и вам поверить мне.

– Кеша, у нас ведь нет другого выхода.

– Ну, пусть идёт, – неохотно согласился кот.

Мышонок убежал. Анята прижалась к двери, стараясь услышать, что происходит там внутри. Кеша устроился возле её ног и, кажется, задремал. Хохотунчик по-прежнему сидел на плече у девочки.

О пользе хорошего питания и физкультуры

Время шло, а дверь всё так же была заперта. Друзьям казалось, что прошла уже целая вечность с тех пор, как ушёл мышонок. На самом-то деле прошло всего минут пять, ну, может чуть больше.

Первым не выдержал Хохотунчик.

– Слетаю-ка я, посмотрю, что там происходит. А то, может, мы, действительно, напрасно ждём.

Мальчишка, сложив золотистые крылышки, снова нырнул в замочную скважину.

Через секунду он выглянул назад.

– Мышонок не может открыть дверь. Там такое колесо, его нужно крутить, а у него сил не хватает. Попробую помочь, – собщиц Хохотунчик и снова исчез.

– Ну, что я говорил – заморыш.

– Кеша, он же не виноват, что такой маленький.

– Дело не в размере.

– А в возрасте.

– И не в возрасте. Ел бы побольше каши и занимался физкультурой – был бы здоровым и крепким, хоть и маленьким.

– И тогда бы ты точно не удержался и слопал его, – засмеялась Анята.

– Не говорите глупостей, сударыня, – фыркнул Кеша.

Дверь открыта

А в это время мышонок и Хохотунчик старались сдвинуть с места большое колесо, к которому был привязан конец то ли очень тонкой верёвки, то ли очень толстой нити. Другой её конец был прикреплен к щеколде. Когда колесо вращали, нить наматывалась на него, щеколда поднималась, и дверь открывалась.

Общими усилиями мышонку и Хохотунчику наконец удалось сдвинуть колесо с места, и оно со страшным скрипом повернулось, наматывая нить.

От этого скрипа проснулся дедушка мышонка. Он сел на диване, повертел головой, соображая, где он, и что происходит. Разобравшись, что к чему, он слез с дивана и подошёл к друзьям.

– Что это вы тут делаете, молодые люди? – строго спросил он.

– Там девочка пришла. Мы ей дверь открываем, – объяснил мышонок деду.

– Какая девочка? Ночью одна пришла в библиотеку? Не морочьте мне голову!

– Она не одна. Она с ...

– Со спутником, – перебил мышонка Хохотунчик.

Он подумал, что дед, узнав про то, что его ожидает встреча с котом, ещё, чего доброго, передумает открывать дверь.

– Да. Со спутником, – поддержал мышонок. – У них, дедушка, путёвка из Бюро Приключений. Они пришли из-за той книги. Ну, помнишь, где страницы перепутали.

– Так что же вы сразу не сказали!

Дедушка без дальнейших вопросов налёг на колесо. Щеколда поднялась. Колесо застопорили.

Хохотунчик крикнул в замочную скважину:

– Всё! Можете заходить!

Анюта потянула на себя дверную ручку, и дверь распахнулась.

Боевой дед

Доброжелательная улыбка, с которой дедушка-мышь собирался приветствовать участницу приключения, моментально погасла – прямо на него надвигалась кошачья морда. Огром-

ные усы топорщились над клыкастой пастью, зелёные глаза сверкали.

Дедушка сначала растерялся, но быстро взял себя в руки.

– Внучек, беги! Я его задержу!

С этими словами он прыгнул на кота с явным намерением вцепиться зубами в кошачий нос.

Только дедушка не рассчитал свои силы, да и возраст дал о себе знать... Кеша быстро отпрянул, и старичок, не допрыгнув до кошачьей морды, рухнул на пол, сильно ударившись правой задней лапой.

Все сразу засуетились и загомонили.

Мышонок кинулся к деду, пытаясь выяснить, насколько сильно тот пострадал. Перепуганный Хохотунчик метался от одного к другому, стараясь никого не задеть крыльями, чтобы ненароком не рассмешить. Аня отчитывала Кешу за то, что тот напугал старика.

– Я напугал? – оправдывался кот. – Да я, наоборот, улыбался во всю пасть, как ненормальный. Вы его, вообще, предупреждали обо мне? – напустился он в свою очередь на Хохотунчика.

– Нет, – признался тот, – я думал, так будет лучше.

– Думал он, видите ли, – возмутился кот.

– Да помогите же мне, – пропищал мышонок.

Друзья виновато замолчали и склонились над мышонком и его дедушкой.

– Ну, как он?

– Что с ним?

– Это очень серьезно?

Мышонок успокоил своих товарищей:

– Он просто переволновался и немного ударился. Нужно переложить его на диван. Помогите мне.

Дедушка-мышь лежал на полу с закрытыми глазами и тихонько постанывал.

Аня осторожно взяла его на руки и перенесла на диван. Хохотунчик завис над пострадавшим и так быстро замахал крылышками, что от них пошёл лёгкий ветерок, обдувая боль-

ного. А мышонок где-то раздобыл целый напёрсток воды и теперь пытался напоить деда.

Старичок, наконец, отдышался, попил воды и улёгся поудобнее, стараясь не тревожить ушибленную лапу. Он обвёл взглядом собравшихся вокруг него друзей и слабо улыбнулся.

– Так это и был ваш спутник, сударыня? – обратился он к девочке. – Нечего сказать, выбрали вы себе товарища.

– Он, вообще-то, хороший кот, – стала оправдываться Анюта.

Кешу она благоразумно задвинула ногой за угол дивана, чтобы тот лишний раз не попадался деду на глаза.

– Ну, не знаю, не знаю, – проворчал дед. – В любом случае нужно было предупредить меня о нём. Представляете, что было бы с вашим котом, если бы я до него допрыгнул. Страшно подумать.

Мышонок захихикал, уткнувшись мордочкой в мягкий диван. Хохотунчик двумя руками зажал рот, чтобы не рассмеяться. Анюта, сдерживая улыбку, сказала:

– Дедушка, вам нужно отдохнуть. Может быть, вам удастся задремать.

– Что? Спать на дежурстве? Придёт же такое в голову, – проворчал старичок зевая.

Глаза его закрывались сами собой, и вскоре он уже сладко похрапывал.

– Пойдёмте со мной, я покажу, где мастерская, – шёпотом предложил мышонок.

В переплётной мастерской

Пройдя по залам и коридорам библиотеки, друзья спустились вниз по лестнице и попали наконец в просторное помещение, которое и было переплётной мастерской. Вот только в темноте ничего не было видно. Анюта включила свет, и сразу стало понятно, что здесь ремонтируют книги.

Чего тут только не было: разные механизмы и приспособления для разглаживания, подрезания, сшивания, склеивания

и даже для сгибания бумажных листов вдвое, а кроме того, компьютер с огромным монитором и мощным принтером, копировальная машина и небольшой печатный станок. На полках и в шкафах лежали пачки бумаги и картона, рулоны материи и куски кожи разной окраски и толщины. Здесь же находились книги, требующие ремонта. Некоторые из них были настолько растрёпанные, будто их не только читали, но ещё и ковры ими выколачивали.

Середину мастерской занимал большой длинный стол. На нём лежали две книжки. Девочка подошла ближе и увидела, что одна из них – это сказка про Красную Шапочку, а другая – о приключениях Кота в сапогах.

У кого есть идеи?

Анюта позвала друзей.

– Да, – сказал мышонок, – это те самые книжки.

Анюта взяла ту, в которой рассказывалось про Красную Шапочку, и раскрыла её. Сказка начиналась с иллюстрации – цветной картинке, на которой был изображён небольшой домик на фоне зелёного леса. Возле крыльца стояла женщина. Она передавала девочке в красной шапочке корзину и что-то говорила ей при этом. Под картинкой шли буквы. «Жила-была девочка...», – прочитала Анюта.

– Что же нам делать? Как попасть в книжку? – спросила она у друзей.

– Вы меня извините, – Хохотунчик был в недоумении, – но, может быть, мне кто-нибудь объяснит, зачем нам нужно туда попадать. Я, очевидно, что-то пропустил, пока сидел в кармане.

– Пока ты спал в кармане, – уточнил Кеша.

– Хорошо, пока я спал, – согласился Хохотунчик.

– Везёт же некоторым: если не спят, то хулиганят; если не хулиганят, то спят, – проворчал кот.

– Не ссорьтесь, пожалуйста, – остановила их Анюта. – Хохотунчик, я сейчас всё тебе объясню.

И Анюта рассказала о том, как перепутали страницы

в книгах. В результате в сказке про Красную Шапочку появился замок Людоеда вместо домика, в котором жила бабушка Красной Шапочки. Потом, когда страницы опять поменяли местами, домик старушки и она сама снова очутились в своей сказке про Красную Шапочку. Замок Людоеда занял положенное ему место в сказке про Кота в сапогах. А вот самого волшебника Людоеда в замке не оказалось. Очевидно, он куда-то выходил из дома, когда страницы переклеивали во второй раз и остался в чужой сказке.

– Вот такая история, – сказала Аня в заключении. – Теперь нам надо попасть в эту сказку, поймать Людоеда и вернуть его туда, где ему и положено быть.

Хохотунчик тут же предложил:

– Нужно взять эту книгу и как следует её потрясти. Может быть, Людоед сам из неё выпадет, он же ведь не из этой сказки.

Аня и мышонок засмеялись, а Кеша сказал с самым что ни на есть серьёзным видом:

– Гениально. Поздравляю тебя, Хохотунчик. Ты научился смешить не только щекоча своими золотистыми крылышками, но и, так сказать, на расстоянии, просто высказывая свои умные мысли вслух.

– А что я такого сказал? – рассердился Хохотунчик.

Аня решила вмешаться, пока приятели всерьёз не поссорились.

– Знаешь, Хохотунчик, ты не обижайся, но сказку мы тряхи не будем. Вряд ли мы вытрясем оттуда Людоеда, а вот книжку порвать можем запросто. Нужно придумать что-то другое.

Друзья примолкли. Перед ними лежала раскрытая книга. Внимательно рассматривая иллюстрацию, с которой началась сказка, они старались найти хоть какой-нибудь выход из затруднительного положения.

Первым опять не выдержал Хохотунчик. Он слетел с Аньиного плеча, как следует разогнался и с криком «Вперёд!» на полном ходу врезался в картинку... и отлетел в сторону, как муха от оконного стекла.

Всё произошло так быстро, что никто и глазом моргнуть не успел. А Хохотунчик, потирая ушибленный лоб, уже снова усаживался к Анюте на плечо. Он обвёл взглядом буквально остолбеневшую компанию и объявил:

– Пожалуйста, можете смеяться.

– Во всяком случае, теперь даже тебе должно быть понятно – голова дана не для того, чтобы разбивать её о преграды, а чтобы думать, как их преодолеть, – не удержался от замечания Кеша.

Книга открыта!

– Не знаю, поможет вам это или нет, – пропищал мышонок, – но мой дедушка как-то рассказывал, что когда он был таким же маленьким как я, его дедушка рассказывал ему одну историю, которую, в свою очередь, рассказывал ему его дедушка, что будто бы в каждой книжке есть свой привратник, который следит за порядком в сказке или истории. Вот если только это правда, и если бы нам удалось достучаться до этого привратника, может, он и смог бы нам помочь.

– А что, смотрите, – Анюта закрыла книгу и поставила её, привалив к настольной лампе. – Правда, похоже на дверь?

– Похоже, – согласились друзья.

Анюта открыла книгу, но ничего не произошло.

– Ещё бы знать, как эту «дверь» правильно открыть? – задумчиво произнес Кеша.

– А вдруг мышонок прав, и в книжке действительно живёт привратник? – продолжала размышлять Анюта, – тогда...

– Тогда нам остаётся только постучать...

– И если привратник не спит без задних ног... – вставил Хохотунчик.

Все засмеялись, вспомнив недавнюю историю с дедушкой мышонка.

– Ну, что? Стучать? – Анюта посмотрела на друзей.

– Давай!

Девочка постучала по переплёту согнутым пальцем.

– Кто там? – спросил глухой старческий голос.

– Получилось! – вся компания с облегчением вздохнула.

– Меня зовут Анюта. Со мной мои друзья. Помогите нам попасть в вашу сказку.

А Иннокентий добавил:

– Нас послала волшебница Изольда, чтобы поймать Людоеда.

Невидимый привратник помолчал, а затем торжественно произнёс:

– Входите!

Книга распахнулась сама, как раз на том месте, где друзья перед этим рассматривали иллюстрацию. Картинка прямо на глазах стала оживать: вот стронулись с места и медленно поплыли по синему небу белые барашки облаков, вот лес наполнился птичьим гомоном и зашелестел листвой, лёгкий ветерок взъерошил волосы Анюты и переплётную мастерскую наполнили запахи трав, цветов и разогретой на солнце хвои – дверь в сказку была открыта.

– Так, – сказал Кеша. – Мы с Анютой идём в сказку. Ты, мышонок, остаёшься здесь и следишь, чтобы никто не закрыл книгу.

– А я?! – воскликнул Хохотунчик.

– С нами полетишь. Будешь связным.

– Ура-а!

– Не ура! Залезай к Анюте в карман и сиди, пока не позовут.

Кеша был так непреклонен, а Хохотунчик был так рад, что его взяли с собой, в общем, обошлось без пререканий.

Трое друзей бесстрашно шагнули вперёд, а мышонок остался сидеть перед открытой книгой. Он смотрел, как уходят его товарищи, и нервно подёргивал носиком, принюхиваясь к незнакомым запахам сказочного леса.

Людоед растерялся

В тот день Людоед проснулся утром в своём замке в прекрасном настроении, даже не подозревая ничего о той путанице, которая случилась в книжках. Перед завтраком решил прогуляться по своим владениям. Он ведь был очень богат. Ему при-

надлежали обширные леса, где было полно всякой дичи; поля, где росла отборная пшеница; луга, где паслись стада коров.

«Заодно, – подумал Людоед, – прикажу зажарить мне на обед молодого бычка».

Когда у Людоеда было хорошее настроение, что случалось крайне редко, он обычно ел быков и баранов. Когда настроение было плохим, а это было почти всегда, он запросто мог слопать человека, рассердившего его. А уж когда Людоед свирепел, то даже его близкие друзья, а были и такие, хоть и немного, старались не попадаться ему на глаза.

Людоед вышел из замка и не поверил своим глазам. Всё вокруг было ему незнакомо.

– Что же это такое? – удивился он. – Может быть, я сплю?

Он пару раз ущипнул себя и зашипел от боли.

– Нет, не сплю. Ничего не понимаю.

Он огляделся ещё раз. Замок был тот же самый и ров вокруг него, и мост через ров, а вот дальше...

Сразу за мостом должна была начинаться мощёная дорога, ведущая через поля и луга, мимо больших и маленьких деревень до города, где жил король.

Так было всегда.

А сейчас прямо за мостом стоял густой лес, и вела туда не дорога, а узкая тропинка.

Людоед растерялся. Настроение у него быстро стало портиться.

– Пойду, осмотрюсь. Может, встречу кого-нибудь, кто мне объяснит, что здесь такое происходит, а не объяснит – съем и косточек не оставлю!

Людоед и Серый Волк

Озираясь, Людоед пошёл по тропинке в лес.

Вокруг, перелетая с одной ветки на другую, щебетали птицы. Цокала белка. Где-то в глубине леса стучал дятел. Из густой травы выглядывали нарядные цветочные головки, вокруг них жужжали пчёлы. Солнечные зайчики играли в прятки в густой листве.

Хорошо было в лесу. Красиво. Вот только Людоед шёл себе вперёд и не обращал на эту красоту никакого внимания.

Вдруг откуда-то из-за деревьев донеслось невнятное бормотание, а затем послышались осторожные шаги. Людоед остановился и прислушался. Кто-то шёл ему навстречу.

Людоед спрятался за дерево, немного подождал и осторожно выглянул. По тропинке медленно брёл Серый Волк. Низко опустив голову, он тщательно обнюхивал старые следы и рассуждал сам с собой, была у него такая привычка:

– Так, а здесь молодой заяц пробегал, уже не догнать. Эх, чтоб мне пораньше-то прийти. А вот опять её следы, той самой девчонки – Красной Шапочки. Только проходила она давно. Следы уже почти выветрились. Ничего. Скоро опять пойдёт. На этот раз мой хитрый план должен сработать, тут-то она мне и попадётся.

Людоед, увидев, кто идёт ему навстречу, ухмыльнулся, подмигнул сам себе и, обернувшись волком (он ведь был волшебником), вышел навстречу лесному зверю.

– Здорово, Серый, – сказал он волку.

– Здорово, – ответил тот, – а ты откуда тут взялся?

– Я... э-э-э... ну, я из соседнего леса.

– Издалека, значит.

Серый Волк уселся на тропинке и задумчиво почесал лапой за ухом.

– И зачем ты сюда пришёл? – спросил он.

– Да вот, решил здесь поохотиться, – ответил Людоед волку. – Слышал, в ваших краях есть богатые деревни, у людей много скота пасётся на лугах.

– Что-то я такого не припомню, хоть и живу здесь много лет. Лес у нас большой, живности всякой хватает, что верно – то верно. А вот про богатые деревни и большие стада от тебя первый раз слышу.

Серый Волк, в недоумении пожав плечами, собрался было продолжить свой путь, но Людоед преградил ему дорогу. Как и следовало ожидать, он страшно разозлился:

– Ах, первый раз слышишь?! – закричал Людоед, превращаясь в себя самого и хватая Серого за загривок.

Это было так неожиданно, что волк даже не попытался вырваться и убежать. Людоед поднял его высоко над землёй и начал трясти, приговаривая:

– Отвечай мне сейчас же, куда подевались мои деревни, мои поля и мои стада? Где это всё? Говори, а не то я тебя в порошок разотру!

Волк скулил, суча в воздухе лапами.

– Да нету у нас в округе ничего такого. Если вы шли к нам из соседнего леса, то сами видели. Вон там, – волк махнул лапой в одну сторону, – есть небольшая деревушка. А там, – волк показал туда, откуда пришёл Людоед, – маленький домик, где живёт одинокая старушка, и всё.

Людоед видел, волк так напуган, что не стал бы врать. «Наверное, это какой-то ненормальный волк, – решил он, – ведь в той стороне, где по его словам живёт одинокая старуха, стоит мой замок, я только что там был... Съесть бы подлеца, да ещё, чего доброго, живот разболится».

Людоед швырнул волка на землю.

– Убирайся отсюда! – прорычал он. – И скажи спасибо, что я не ем собачатину.

Серый Волк, едва отдышавшись, бросился наутёк, а расвирепевший Людоед потопал к себе в замок.

Дровосеки начинают действовать

Волк бежал, не разбирая дороги, от страха ничего не видя перед собой, и остановился только тогда, когда уткнулся носом в чьи-то сапоги. Это были дровосеки. Серый Волк всегда их побаивался, у них были такие большие железные топоры, но сейчас он даже обрадовался этой встрече.

– Смотри-ка, – сказал один дровосек другому, – волк.

– Что это с ним? – удивился его товарищ. – Эй, волк? Что с тобой приключилось?

– Там... – прохрипел волк, задыхаясь и едва переводя дух, – там такое..., там такой...

Кое-как успокоившись, волк, наконец, рассказал дровосекам о том, что с ним произошло.

Дровосеки внимательно выслушали, но ничего не поняли.

– Так это что же, в нашем лесу появился какой-то сумасшедший волшебник? Этого ещё не хватало. Что же ему нужно? И что теперь делать нам?

Дровосеки подумали-подумали и решили пойти в деревню предупредить людей, а уже потом идти на поиски волшебника и разбираться с ним.

Волк боялся оставаться в лесу один и попросил, чтобы его взяли с собой. Дровосеки сначала не соглашались:

– Да ты же там всех собак переполошишь и всех детей перепугаешь! Ну, ладно, раз уж ты так не хочешь оставаться в лесу, полезай в мешок.

Волк с радостью согласился. Один из дровосеков взвалил мешок на спину, и они пошли в деревню.

Где замок?!

А Людоед в это время вернулся к тому месту, где оставил свой замок и действительно чуть не сошёл с ума. Замка не было. Вместо него стоял маленький домик.

На самом деле, ничего страшного не произошло. Пока Людоед ходил в лес, в переплётной мастерской заметили путаницу и переклеили страницы так, как это должно было быть с самого начала. Но Людоед-то этого не знал. Ему такое и в голову не могло прийти.

Он страшно закричал, бросился к домику, вышиб дверь ногой, забежал внутрь и увидел испуганную старушку, которая сидела на кровати и со страхом смотрела на ворвавшегося к ней в дом свирепого незнакомца.

– Где мой замок? – заорал людоед, что было мочи.

Старушка охнула и упала в обморок.

– Да что же это такое?! Отвечай немедленно, когда тебя спрашивают! – Людоед подскочил к бабушке и, не дождавшись ответа, взревел. – Ах, так! Тогда я тебя сейчас съем, вредная старушенция!

Он хотел было связать бабушке руки и ноги, но решил, что она и так никуда от него не денется и, не теряя времени, отправился за дровами для костра.

Троюродный дядюшка Людоед

Дровосеки пришли в деревню как раз вовремя.

Дом, где жила Красная Шапочка со своими родителями, стоял ближе всех к лесу. Красная Шапочка поливала цветы под окнами дома, когда её мама вышла на крыльцо с корзиной в руках.

– Доченька, – сказала она, – будь добра, отнеси бабушке пирожки.

– Хорошо, матушка, – согласилась Красная Шапочка. Она была очень послушной девочкой.

Но тут во двор вошли дровосеки.

– Нет, нет, – сказали они, – сегодня в лес ходить нельзя.

– Почему? – удивилась мама Красной Шапочки.

– В лесу появился злой сумасшедший волшебник. Он так напугал Серого Волка, что тот до сих пор не может прийти в себя, – ответили дровосеки.

– А как же наша бабушка? Что будет с ней? Она ведь там совсем одна, – расстроилась Красная Шапочка.

– Мы сейчас возвращаемся к своим товарищам, которые работают на той стороне леса. Пойдём как раз мимо домика вашей бабули. Так что зайдём, предупредим. Не волнуйтесь.

– Матушка, может быть, я пойду вместе с дровосеками? Передам бабушке пирожки.

– Нет, доченька, я тебя не пущу.

– И правильно сделаете, сударыня, – сказала Анюта, заходя во двор вместе с Кешей.

Друзья слышали весь разговор, пока шли вдоль забора к калитке, и решили, что сейчас наступил самый подходящий момент, чтобы вмешаться.

– Правильно сделаете, сударыня, – повторила Анюта, – потому что этот злой волшебник ещё и людоед, и он очень опасен.

– Людоед?! – в ужасе воскликнула мать Красной Шапочки и крепко прижала дочку к себе.

Дровосеки, не ожидавшие такого поворота событий, слегка оторопели.

– А ты откуда это знаешь, девочка?

Анюта стала лихорадочно соображать, что бы такое сказать, чтобы ей поверили, и ляпнула первое, что пришло ей в голову:

– Видите ли, он мой родственник... дальний.

– Родственник?!

– Ага, – кивнула Анюта.

– Троюродный дядька, – вполголоса подсказал Кеша.

– Он мой троюродный дядя, – послушно повторила Анюта.

– И он совсем не сумасшедший. Просто он заблудился, и сейчас, наверное, очень нервничает, что никак не может попасть к себе домой.

– Заблудился? – переспросили дровосеки.

– Ну, да. Потерялся. Вот мы с Кешей, – Анюта показала на кота, сидевшего у её ног, – пошли его искать.

– Так может, вы заберёте своего нервного родственника домой? – предложили дровосеки.

– Да, мы бы с удовольствием, только как нам его найти? Лес такой большой. Может быть, вы нам поможете?

– К сожалению, мы не знаем, где он. Мы сами его не видели. Нам про него Серый Волк рассказывал.

А волк, всё это время сидевший в мешке, от нечего делать стал прислушиваться к разговору.

Сначала он ужасно расстроился. «Ну вот, – думал он, – у меня был такой прекрасный план, как сцапать Красную Шапочку и её бабушку, а из-за этого ненормального волшебника ничего не получится. Девчонку теперь не пустят в лес, а бабулю эти дровосеки так напугают, что она ещё полгода будет запира́ть двери на все засовы».

Потом, когда услышал, что Анюта готова забрать своего дядю Людоеда и увести его домой, он очень обрадовался. «Найти они его не могут. А следы-то на что?»

Волк даже хотел выпрыгнуть из мешка, чтобы предложить свою помощь, но вспомнил про деревенских собак и передумал. Он начал тихонько поскуливать и шевелиться в мешке, чтобы привлечь внимание дровосеков. Но первой это заметила Красная Шапочка и очень удивилась.

– Ой! – сказала она дровосекам, – у вас мешок шевелится.

А те, увлечённые разговором, не сразу поняли, о чём речь, а сообразив, вспомнили про волка.

Пока один из дровосеков пытался объяснить, почему шевелился мешок: мол, у них там инструменты всякие, верёвка; плохо уложили..., другой о чём-то вполголоса переговорил с волком.

– Так и есть, верёвка разматалась, – сказал он и добавил, – ну, что же, девочка, пожалуй, мы поможем тебе отыскать твоего дядю.

– Спасибо. Я так и думала, что вы мне не откажете, – обрадовалась Анюта.

Красная Шапочка уже давно хотела о чём-то спросить Анюту, да никак не решалась. Но потом всё же собралась с духом и спросила:

– Девочка, а ты не боишься, что, когда ты найдёшь своего дядю, он возьмёт и... – Красная Шапочка смутилась, но всё же продолжила, – и съест тебя.

– Очень надеюсь, что этого не произойдёт. Хотя, у дядюшки скверный характер, что и говорить. Когда он сердится, от него можно ожидать чего угодно.

– Я думаю, господа дровосеки не позволят обижать маленькую девочку в их присутствии, – заметила мама Красной Шапочки.

Дровосеки расправили плечи и, подкручивая усы, дружно заверили:

– Конечно, мы никому не позволим обижать маленьких.

Анюта улыбнулась и сказала:

– Тогда мне и вовсе нечего бояться. Я готова идти.

Компания дружно направилась к лесу, а Красная Шапочка и её мама махали им вслед, желая удачи.

Серый Волк взял след!

Дойдя до того места в лесу, где они встретили Серого Волка, дровосеки остановились.

– Кажется, здесь, – сказал один из них.

– Точно, здесь, – подтвердил второй.

– Что здесь? – не поняла Анюта.

– Здесь мы встретили волка, который видел твоего дядюшку.

– А где же он теперь этот волк? – Анюта огляделась по сторонам.

– Да где-нибудь поблизости, – сказал один из дровосеков, посмеиваясь в усы.

– Я думаю, если его позвать, он быстро здесь окажется, – добавил второй.

– Так давайте позовём, – живо откликнулась Анюта.

– А не испугаешься?

– Я постараюсь. Нам ведь всё равно без волка не обойтись. Кеша, ты как?

Кеша основательно потянулся, потом встряхнулся и сказал:

– Нормально. Если что, я залезу на дерево.

– Ну, раз так, Серый, выходи.

Дровосеки раскрыли мешок, и оттуда выпрыгнул волк.

– Так вот почему у вас мешок шевелился. У вас там волк сидел!

– Да. Нужно признаться, всё это время он сидел у нас в мешке. Это твой дядя так его напугал.

– Тогда и я вам признаюсь – никакой он мне не дядя. Но я действительно знаю, где он живёт. Если мне удастся уговорить Людоеда вернуться домой, у вас в лесу опять станет спокойно.

– Ты очень смелая девочка. Мы, конечно, будем рады тебе помочь. Но как ты собираешься уговаривать этого злодея?

Анюта вздохнула.

– Я пока не знаю, но обязательно что-нибудь придумаю. Нам бы только найти его.

– Не волнуйся, найдём. Волки ведь самые лучшие следопыты, – успокоили её дровосеки.

А Серый Волк, как только выбрался из мешка, сразу принялся за работу. Он то ходил кругами, обнюхивая траву, то высоко поднимал голову, ловя запахи, приносимые ветром; а то буквально бороздил носом землю, стараясь различить следы на ней.

Поначалу волка сильно раздражало присутствие девчонки и её кота. Съесть бы их и все дела. Однако, Серый ещё в молодые годы усвоил одну простую истину: «погонишься за двумя зайцами – ни одного не поймаешь». А тут ещё острые топоры за поясами у дровосеков. «Не успею зубами клацнуть – мигом изрубят на мелкие кусочки», – думал волк. Как ни странно, это помогло ему сосредоточиться.

– Нашёл! Идите за мной, – крикнул он, бросаясь вглубь леса.

Все побежали за ним.

Взяв след, волк быстро довёл своих спутников до того места, где встретил Людоеда. Немного покружил между деревьями и уверенно побежал дальше, точно в ту сторону, куда ушёл злой волшебник.

Не так-то просто развести костёр

Вскоре вся компания оказалась на краю леса, тут они и увидели злого волшебника. Возле небольшого домика, одиноко стоящего на опушке, Людоед пытался развести костёр.

Он был очень зол. У него сегодня всё не ладилось и ничего не получалось.

Для того чтобы разжечь костёр, нужно было нарубить дров. Чтобы нарубить дров, нужен был топор. Людоед перевернул вверх дном весь бабушкин дом, обыскал всё вокруг, но топора так и не нашёл. Он ведь не знал, что старушке топор давно уже не нужен, с тех самых пор, как дровосеки сами стали носить ей дрова.

И всё-таки в дальнем углу сарая в ящике, где лежал всякий хлам, Людоеду посчастливилось найти старый, ржавый и абсолютно тупой топор.

Он схватил его и побежал в лес. С горем пополам нарубил дров, перетаскал их к домику, и прямо во дворе принялся разводить костёр.

И опять беда. Дрова были сырые, и Людоед никак не мог их поджечь. Уж он мучился-мучился, но всё без толку – костёр дымил, дрова шипели, а огонь не разгорался.

Наконец появились маленькие язычки пламени. Людоед даже вздохнуть боялся, чтобы невзначай их не затушить. Так и сидел, как истукан, возле зарождающегося костра и не сводил с него глаз.

Анюта идёт к Людоеду

А в это время Анюта и её друзья, тоже не шевелясь и затаив дыхание, наблюдали за Людоедом. Поняв, что тот никуда не собирается уходить от костра, они сели в кружок за раскидистым кустом черёмухи, чтобы посоветоваться.

Сначала все молчали, обдумывая сложившееся положение, а потом разом заговорили. Кто-то предлагал накинуться на Людоеда всем сразу, пустив в ход зубы, когти и топоры, кто-то – напасть исподтишка, или устроить ловушку и заманить его туда.

Анюта выслушала всех и сказала:

– Мы должны доставить Людоеда в его замок живым и невредимым потому, что он там очень нужен.

– Неужели кому-то может быть нужен такой злодей? – удивились дровосеки.

– Представьте себе. Нас с Кешей затем сюда и прислали. Поэтому мы не будем рвать его зубами и рубить топорами. А сделаем мы вот что. Я сейчас пойду одна и попытаюсь его уговорить вернуться домой.

– Я пойду с тобой, – решительно заявил кот.

– Хорошо, – согласилась Анюта, – а то одной всё-таки страшновато.

– А если он не согласится и нападёт на тебя? – спросили дровосеки.

– Тогда я позову вас, – пообещала Анюта.

– А если он превратится в какого-нибудь зверя? – спросил Серый Волк.

– Если он превратится в какого-нибудь зверя, и этот зверь будет не крупнее меня, то я сам с ним разберусь, – гордо заявил Кеша.

– А если не крупнее меня, то я с ним разберусь, – заверил волк.

– Ну, а если крупней, то мы разберёмся, – сказали дровосеки, доставая из мешка большую прочную сеть. – Мы всегда её носим с собой на случай, если нападёт дикий зверь.

«О, как! Надо иметь в виду», – подумал волк, но вслух ничего не сказал.

– Как мы всё хорошо придумали, – улыбнулась довольная Анюта. – Ну, мы с Кешей пошли. А вы будьте начеку, если мне нужна будет ваша помощь, я махну вам рукой.

Дровосеки и волк согласно кивнули.

Кеша начеку

Анюта и Кеша вышли из леса и не спеша направились к домику.

Костёр у Людоеда наконец-то разгорелся как следует. Поленья весело потрескивали в жарком пламени.

Людоед сидел рядом, подбрасывая в огонь дрова. Он был так увлечён этим, что не заметил Анюту и Кешу. Когда девочка поздоровалась с ним, Людоед чуть не подпрыгнул на месте от неожиданности.

Увидев, кто к нему пришёл, он страшно обрадовался. «Неплохая добавка к моему обеду. Похоже, дела налаживаются. Только бы не спугнуть», – подумал Людоед и как можно любезнее сказал:

– Здравствуй, девочка. Как тебя зовут, и откуда ты пришла?

– Меня зовут Анюта, и мне очень нужно с Вами поговорить.

– Ну, что же давай поговорим, – согласился Людоед. – Присаживайся поближе к огню.

– Спасибо, мне и здесь хорошо.

Анюта старалась держаться от Людоеда подальше.

– О чём же ты хотела поговорить?

– Господин Людоед, я знаю, где находится ваш замок, и могу вас туда проводить.

– Что, в самом деле? Это хорошо.

Людоед не поверил девочке, но всё же решил пока её не есть. «Вдруг она и в самом деле приведёт меня домой, а съест её я всегда успею», – подумал он, а вслух сказал:

– Я бы пошёл с тобой прямо сейчас, но ужасно проголодался. Я сначала пообеду, а потом мы пойдём.

– Интересно, а что у вас на обед? – подозрительно спросила Анюта, видя, как Людоед подбрасывает в костёр поленья.

– О, сегодня ничего особенного не будет. Так, зажарю одну старуху и всё.

– Я так и думала. Только на этот раз ничего у Вас не выйдет, господин Людоед. Никто Вам не позволит съесть беззащитную бабушку.

– Что такое? – прорычал Людоед. – И кто же это мне помешает – мне, Людоеду-волшебнику – уж не ты ли, пигалица, или, может быть, этот облезлый кот?!

Кеша при этих словах выгнул спину и зашипел.

– А вот сейчас увидите, – Анюта махнула рукой.

Тотчас из леса вышли Серый Волк и два дровосека. Они окружили Людоеда. В руках у дровосеков сверкали топоры. Серый Волк скалил зубы.

– Ой, как страшно! Ой-ой-ой! – притворно заныл Людоед, а потом расхохотался и сказал зловеще, – а теперь страшно будет вам.

Бац! И вместо Людоеда появился разъярённый лев.

Громко рыча, он стал надвигаться на Серого Волка. Волк, ошетинившись, зарычал в ответ, но всё же немного отступил перед грозным противником. Лев замахнулся лапой, чтобы прихлопнуть волка, но не успел. Легкая и прочная сетка накрыла его. Лев дёрнулся в одну сторону, в другую и окончательно запутался.

– Ну, вот и всё, – сказали дровосеки, – злодей пойман.

– Как бы не так, – прорычал Людоед и превратился в маленькую проворную ящерицу.

Юркий зверёк без труда выбрался из сетки, кучей свалившейся на землю. Никто и охнуть не успел, но Кеша был начеку. Молниеносный бросок, и вот уже ящерица свисает из кошачьей пасти, аккуратно зажатая между острыми клыками.

– Вот теперь, кажется, действительно всё, – сказала Анюта.

Людоед попытался шевельнуться, но Кеша посильнее сжал челюсти, а девочка строго прикрикнула:

– Даже думать забудьте про Ваши фокусы. Кеша, между прочим, тоже проголодался и вполне может Вами перекусить, тогда узнаете, каково это.

Хитроумный план Серого Волка

Дровосеки стали укладывать свою сеть в мешок.

Волк покрутился немного возле костра и, морщась от дыма, сказал:

– Пойду я, пожалуй.

Анюта остановила его:

– Спасибо тебе, Серый Волк. Спасибо и вам, господа дровосеки. Без вашей помощи нам бы ни за что не справиться.

– Пожалуйста, – проворчал волк.

«Скорей бы уж вы убирались отсюда восвояси», – думал он, направляясь к лесу. У него было промелькнула мысль подкараулить девчонку с котом на обратном пути, но, подумав, пришлось от этого отказаться. Кеша ведь мог от испуга выпустить изо рта ящерицу, та превратилась бы опять в Людоеда, и всё бы началось сначала. «Ладно, уж, – решил волк, – пусть себе идут. А я... О!!!»

Судя по всему, волка посетила какая-то новая идея, и он улёгся под деревом разрабатывать очередной хитроумный план, по привычке разговаривая сам с собой.

– Что там говорил этот горе-волшебник про свои края, мол, деревни богатые, скот пасётся на лугах?

Он живо представил себе такую картинку: отбившиеся от стада телята и овечки; ребяташки, собирающие в лесу ягоду. Хорошая получилась картинка. Серый сглотнул слюну и облизнулся.

– Решено. Иду. Только как туда добраться? Они ведь меня с собой не возьмут. Я бы точно никого не стал брать, чтобы потом не пришлось делиться добычей. Как же быть? – спросил волк сам себя.

И сам же себе ответил:

– А так. Совсем не обязательно кого-то спрашивать. Пойду за ними потихоньку. Вот так.

А Анята в это время прощалась с дровосеками.

– Может быть, вас проводить через лес? – предложили они.

Девочка отказалась:

– Нет, спасибо. Мы теперь и сами дойдём. Дорогу знаем. А вам нужно ещё бабушке помочь. Надеюсь, с ней ничего плохого не случилось.

– Не волнуйся, мы о ней позаботимся.

– Ну, тогда мы пошли. До свидания, – Анята помахала на прощанье рукой.

– До свидания! – ответили дровосеки. – Вы храбрые ребята. Мы рады были вам помочь.

Дело для Хохотунчика

Анята и Кеша отправились в обратный путь.

Сначала Анята рассуждала вслух о том, какие они молодцы, как ловко справились со своим приключением, как ей всё понравилось, и сколько новых замечательных друзей у неё появилось, но потом замолчала. Говорить всё время одной не очень-то интересно, а у Кеши был занят рот.

Какое-то время дружья шли молча. Они были в самой чаще дремучего сказочного леса. Со всех сторон их обступали громадные вековые ели: ветви переплетались над головами путников, закрывая солнечный свет, а со стволов жуткими

серо-зелёными бородами свисал мох. В царившем полумраке тропинка под ногами еле виднелась.

«Ох, ну и лес. Если Баба-яга действительно существует, то именно в таком лесу она и должна жить. И как только Красная Шапочка ходит здесь одна?» – размышляла Анюта, и чем больше размышляла, тем страшнее ей становилось.

Она покосилась на Кешу. Кот уверенно шёл вперёд, внимательно глядя под ноги. «Вот молодец Кеша – ничего не боится. Да и чего бояться-то, – спохватилась Анюта, – ведь в сказке про Красную Шапочку никакой Бабы-яги нет». Страх сразу прошёл, и девочка приободрилась.

Однако, идти всё время молча было очень скучно, и тут Анюта вспомнила про Хохотунчика. Она заглянула в свой нагрудный кармашек и позвала:

– Эй, Хохотунчик, ты где там? Хохотунчик?!

Тот, зевая, выбрался из кармана и уселся на плече у Анюты.

– А где это мы? – спросил он, озираясь по сторонам. – Куда мы идём? Где Людоед?

– Ха, так ты всё проспал? – засмеялась Анюта.

– Сами же сказали мне сидеть в кармане и не высовываться. А что ещё можно делать в темноте, если не спать, – обиделся маленький проказник.

– Ну, хорошо, – согласилась Анюта, – отвечаю на твои вопросы по порядку. Мы сейчас в лесу. Идём обратно в библиотеку. Людоед у Кеши во рту.

Хохотунчик подлетел к Кеше.

– Вот эта зелёная ящерица и есть Людоед-волшебник? Ой, не могу! Ха-ха-ха!

Людоед приоткрыл один глаз и зло глянул на Хохотунчика. Кеша сердито зашипел. Хохотунчик метнулся к Анюте на плечо.

– Чего это они? – обиженно спросил он.

На что девочка ответила ему:

– Во-первых, нехорошо смеяться над побеждённым противником, а тем более дразнить его. Между прочим, до того, как стать ящерицей, он был огромным свирепым львом. Во-вторых,

даже сейчас он очень опасен. Я думаю, Кеше стоит немалых усилий держать его под контролем. Не надо ему мешать. Лети-ка ты лучше к мышонку и скажи, что мы скоро придём. Пусть он попытается открыть книгу с приключениями Кота в сапогах.

– Понял, – недовольно протянул Хохотунчик, а затем расправил свои золотистые крылышки и быстро полетел вперёд.

Главное, чтобы тебя услышали

Мышонок всё также сидел в переплётной мастерской перед раскрытой книгой. В задумчивости он покусывал забытый кем-то на столе карандаш.

«Интересно, – думал мышонок, – что там сейчас у них происходит? А вдруг они не смогли справиться с Людоедом. Что тогда делать? Наверное, нужно будет идти на выручку».

Мышонок поёжился, представив себе, сколько неведомых опасностей может таиться в незнакомом сказочном лесу. «Страшно. А что делать? Придётся идти. Не бросать же друзей в беде», – рассуждал он совершенно серьёзно и вдруг повалился на бок от хохота. Кто-то щекотал его за бока, за спину, за ушки.

– Ой, не могу! Ха-ха-ха! – мышонок, смеясь, катался по столу. – Ой, не надо! Хи-хи-хи! Пожалуйста! Хо-хо-хо!

– Эй! Хватит уже кататься с боку на бок! – услышал мышонок знакомый голос. – Мы там, понимаешь, людоедов ловим, а он тут разлёгся, грызёт карандаши и смеётся.

– Хохотунчик! Это ты? – обрадовался мышонок.

– Я. А ты думал, кто? – весело спросил Хохотунчик приятеля. – Вставай, будем вторую книжку открывать.

– Значит, всё хорошо? Вы поймали Людоеда?

– А то как же! Конечно, поймали.

– Здорово!

Мышонок подошёл к книге с приключениями Кота в сапогах и поскрёб коготками по переплёту один раз, другой. Друзья прислушались. Нет. Ничего не происходило.

– Наверное, ты тихо стучишь, – предположил Хохотунчик.

– А у меня громче не получается, – стал оправдываться мышонок.

Хохотунчик на секунду задумался, а затем скомандовал:

– Возьми свой огрызок карандаша и постучи им.

Мышонок возмутился:

– Почему огрызок? Я только слегка покусал его. Даже следов не осталось... почти.

– Не важно! – отрезал Хохотунчик, – бери этот слегка покусанный карандаш и стучи им по книжке.

Мышонок ухватил карандаш и, сердито пыхтя, потащил. Хохотунчик уцепился с другой стороны.

– Ох, и тяжёлый, – отдуваясь, сказал он, когда они опустили карандаш возле книги, – жаль, что ты только слегка покусал его, лучше бы отгрыз половину.

Мышонок усмехнулся. Отдышавшись, он ухватил карандаш поудобнее и как огромной дубиной со всей силы ударил им по переплёту.

Друзья замерли прислушиваясь.

– Кто стучит? – раздался мелодичный женский голос.

Друзья радостно переглянулись – получилось! Мышонок откашлялся и ответил привратнице:

– Это я Вас побеспокоил.

– И что тебе нужно?

– Вы не могли бы открыть вашу книгу, сударыня?

– Зачем? Если ты хочешь прочитать сказку, открой сам и читай в своё удовольствие.

– Нет, сударыня. Дело в том, что мои друзья: девочка Аня, мальчик Хохотунчик и кот Иннокентий Фёдорович по поручению волшебницы Изольды изловили-таки вашего Людоеда-волшебника.

– Вот как? Это очень хорошо, а мы уж и не надеялись. Конечно, я открою вам книгу, – сказала невидимая привратница.

Книга приветливо запахнулась, открыв большую красочную иллюстрацию, где был изображён окружённый рвом замок Людоеда. Через ров был перекинут мост, а дальше мощёная

камнем дорога вела к ближайшей деревне. По одну сторону дороги колосилась отборная пшеница, по другую был луг, где паслось большое стадо коров.

Картинка стала меняться, оживая, и скоро уже оттуда доносилось мычание коров, лошадиный топот и скрип колёс крестьянской телеги.

Подвиг Хохотунчика

Мышонок посмотрел на Хохотунчика.

– Ну, где же они?

– А вот и мы, – Анюта с Кешей вышли из сказки про Красную шапочку.

– Вы уже открыли книжку? Вот молодцы, – похвалила она приятелей.

Кеша хотел было войти в раскрытую книгу, но Анюта его остановила.

– Подожди, Кеша, если мы туда войдём, Людоед уже не даст нам оттуда выйти. Вон как он глазищами сверкает на нас.

Кот остановился и вопросительно уставился на девочку, мол, что делать-то.

Анюта, немного поразмыслив, сказала:

– Придумала! Я встану так, чтобы сразу захлопнуть книгу, а ты подойди к самому краю. Как только я скажу, сразу бросай Людоеда и отпрыгивай. Понял?

Кеша слегка кивнул и приготовился.

– Раз, два, три – бросай!

Кеша бросил Людоеда-ящерицу на траву и сразу же отпрыгнул. Анюта быстро захлопнула книгу.

– Смотрите! Смотрите! – неожиданно завопил Хохотунчик.

Он кричал что есть мочи, показывая куда-то за спины товарищей. Они оглянулись и увидели, как из книги про Красную Шапочку высунулась голова Серого Волка.

– Нет!!! – закричала Анюта.

– Мау-у-у!!! – заорал Кеша так громко и грозно, как обычно орут коты перед дракой.

– Пи-и-и!!! – запищал мышонок, приняв боевую стойку, которой научил его дедушка. Получилось не очень страшно и, может быть, даже немного смешно, но это только на первый взгляд – мышонок был настроен очень серьёзно.

Волк, увидев наших друзей, на секунду замер в нерешительности, и этого оказалось достаточно – Хохотунчик золотистой молнией метнулся к непрошеному гостю. Он задел крылышками огромные зубы, торчащие из волчьей пасти, пощекотал нос, подёргал за усы и отлетел в сторону.

Всё произошло так быстро, что волк ничего не понял. Он только почувствовал, что ему вдруг стало щекотно. Волк затряс головой, зажмурил глаза и сморщив нос, а потом засмеялся.

Раньше волк никогда не смеялся и совершенно не умел этого делать, а потому смех его скорее походил на кашель. И вот, пока волк кашлял, Анюта бросилась вперёд и захлопнула книгу.

– Ой, – сказала она, – кажется, я здорово стукнула его по носу.

– Ничего, в следующий раз не будет совать его, куда не просят, – проворчал Кеша, и все с облегчением рассмеялись.

Задание было выполнено, приключение закончилось, и вся компания с хорошим настроением направилась к выходу.

Золотые чернила

У двери Анюта щёлкнула выключателем. Светильники погасли, но в мастерской темнее не стало. Странно. Откуда свет? Друзья оглянулись и застыли в изумлении.

Светились две книги, лежащие на столе: «Сказка про Красную Шапочку» и «Приключения Кота в сапогах». Разноцветные лучи пробивались между страницами, освещая всё вокруг.

Внезапно книжки распахнулись и снопы яркого света, вырвавшись на свободу, залили комнату. Среди этого сияния появились две фигуры – молодая дама и седобородый старец. Пронизанные волшебным сиянием развевались их мантии, широкополая шляпа прикрывала благородные седины старца, по плечам молодой дамы струились белокурые локоны.

– Привратники, – догадалась потрясённая Анюта.

Да, это действительно были привратники. Невидимые никому, они незримо живут в своих книгах и следят за тем, чтобы в нужный момент все герои сказки или истории были на своих местах, и всё происходило так, как было задумано автором. Привратники почти никогда не покидают своих книг, но сегодня был исключительный случай, они вышли ненадолго, чтобы поблагодарить своих спасителей.

Сначала привратники церемонно раскланялись друг с другом, а затем обратились к друзьям.

– Мы счастливы приветствовать вас, отважные герои, и выразить вам нашу глубокую благодарность. Уважаемые участники приключения Анюта и Иннокентий Фёдорович, вы прекрасно справились с поставленной перед вами задачей. Мы готовы отметить это в вашей путёвке золотыми чернилами.

– Золотыми? – переспросила Анюта, подавая путёвку.

Старичок-привратник взмахнул рукой, и перед ним появились гусиное перо и чернильница. Он взял перо, обмакнул заострённый его конец в чернила – они действительно оказались золотыми – и начал что-то писать на обратной стороне путёвки.

Тем временем привратница объяснила Анюте, что отметка золотыми чернилами делается только тем участникам, у кого приключения связаны с выполнением сложных, а порой и опасных заданий, и которые, выдержав все испытания, справляются с ними.

– Между прочим, – сказала она, – такая отметка даёт право на внеочередное приключение, и, как правило, это приглашение на Сказочный Бал.

– Ой, как здорово! – обрадовалась Анюта. – Спасибо.

– Не стоит благодарности. Вы это заслужили.

Привратник закончил писать, взмахнул рукой, и перо с чернильницей исчезли. Затем он ловко сделал из путёвки бумажного голубя и осторожно подул на него. Голубь ожил и, расправив крылья, взлетел с ладони привратника. Сделав круг по мастерской, странная птица растаяла в воздухе.

– Ну, вот, – сказал привратник, – ваша путёвка с нашими самыми положительными отзывами отправилась в Бюро Приключений. И, как правильно заметила моя коллега, вы это заслужили.

– Спасибо, только мы с Иннокентием Фёдоровичем вряд ли справились бы с поручением, если бы нам не помогли наши друзья Хохотунчик и мышонок.

Привратница улыбнулась:

– Мы не забыли о ваших товарищах. Но поскольку им не нужен наш отзыв в бюро приключений, мы решили отблагодарить их несколько иначе, – и добавила, обращаясь к привратнику, – прошу вас, коллега.

Старичок откашлялся, разгладил бороду и торжественно произнёс:

– Мышонок, отныне тебе открыты все знания заключённые в книгах этой библиотеки. Тебе достаточно будет подойти к интересующей тебя книге, поскрести лапкой по переплёту и назвать своё имя, и каждый привратник почтёт за честь ответить на любой твой вопрос. Кстати, как тебя зовут?

Мышонок растерялся.

– Так и зовут – мышонок. Ещё дедушка называет меня внучком, а мама и папа сыночком.

– Значит, настоящего имени у тебя нет?

– Нет.

– А тебе самому нравится какое-нибудь имя?

– Да, Иу.

– Так тому и быть. Отныне ты – мышонок Иу. Со временем ты сможешь стать самым мудрым среди своих соплеменников, если, конечно, сам этого захочешь.

– Спасибо, – мышонок Иу был очень рад и своему настоящему имени, и подарку привратников.

– Что касается тебя, Хохотунчик, то мы подумали, что вряд ли тебе захочется часами сидеть на пыльных библиотечных полках, беседуя с привратниками. Мы просто выхлопотали тебе прощение у госпожи Изольды. Теперь ты свободен, можешь лететь, куда хочешь, и проказничать в своё удовольствие.

– Ура! – Хохотунчик от радости несколько раз перекувыркнулся в воздухе.

– А теперь нам пора. Прощайте.

Привратники исчезли, книжки захлопнулись, и сияние, исходившее из них, угасло. Друзья подождали немного, но больше ничего интересного не происходило, и они вышли из мастерской.

Прощание с друзьями

На выходе из библиотеки все остановились, чтобы попрощаться с мышонком.

Его дедушка мирно похрапывал на диване. Решили старичка не будить.

– Передашь ему от нас привет и наилучшие пожелания, – сказала Анюта мышонку, – а тебе – большое спасибо за помощь. Ты – настоящий друг. Я буду по тебе скучать.

Анюта погладила мышонка.

– Ну что, заморыш, – ухмыльнулся Кеша, – давай подрастай, может быть, ещё встретимся.

– Буду рад этой встрече, если, конечно, ваше обещание останется в силе.

– Какое обещание? – притворился удивлённым Кеша.

– Вы обещали, что... – начал было мышонок, но Кеша перебил его.

– Да помню, помню. Я обещал, что не буду тебя есть. Можешь считать это обещание бессрочным, – великодушно объявил кот. – Моя хозяйка права. Ты показал себя настоящим другом, отважным и преданным, а я своих друзей не ем. И вообще, скажу тебе по секрету, предпочитаю колбасу и сметану. Ну, счастливо тебе оставаться, а нам пора.

– Вы идите, – сказал Хохотунчик, – а я помогу мышонку закрыть дверь.

Анюта и Кеша вышли на улицу.

– Смотри-ка, уже светает, – заметила Анюта.

– Да, нам нужно поторапливаться.

– Ты, Кеша, стой здесь, жди Хохотунчика, а я пойду за велосипедом.

Анюта вывела велосипед из кустов, где он был спрятан на всякий случай. А тут и Хохотунчик вылетел из замочной скважины.

– Всё в порядке, – сказал он, – закрыть оказалось гораздо легче, чем открыть.

– Тогда поехали, – Анюта села на велосипед, – Хохотунчик, ты полезешь в карман или...

– Знаете, друзья, я тут подумал... в общем, я остаюсь здесь. Анюта и Кеша не поняли его.

– Где здесь? В библиотеке?

– Нет. Вот в этом сквере рядом с библиотекой. Скоро наступит день. Здесь будет полно детворы. Вот уж с кем похочем!

– Что же, пожалуй, ты прав, здесь тебе будет весело, – Анюта помолчала, а потом грустно добавила, – прощай, Хохотунчик, наверное, мы больше не встретимся...

– Ещё чего, – перебил он Анюту, – обязательно встретимся.

– Правда?! – обрадовалась девочка.

– Конечно! Только в вашем обычном мире я невидим, но когда тебе ни с того ни с сего вдруг станет очень смешно, так и знай, это я прилетал к тебе в гости.

– Буду ждать, – сказала Анюта.

– Удачи тебе, – пожелал Кеша.

– И вам удачи, – ответил Хохотунчик и, сверкнув золотистыми крыльями, полетел к ближайшей клумбе.

Девочка крутнула педали, и велосипед покатился вперёд, а Кеша побежал рядом, наотрез отказавшись ехать у Анюты на плечах.

Безвыходных ситуаций не бывает

Они оставили велосипед у крыльца Бюро Приключений, как договаривались с джинном, и подошли к луже. За то время, что их не было, она подсохла, явно уменьшилась в размерах и уже не выглядела такой глубокой, как прежде.

Дул небольшой ветерок и вода подёрнулась рябью. На её поверхности ничего не отражалось. Да, и чему было отражаться? Всё небо затянули серые тучи.

Напрасно Кеша ходил возле лужи и трогал лапкой воду – ничего не происходило. Ни серебристая лунная, ни золотистая солнечная дорожки не появлялись на её поверхности.

Сначала Анюта ходила следом за котом. Останавливался кот, и она останавливалась рядом, кот двигался дальше, и Анюта шла за ним. Однако, вскоре ей это надоело. Она села на ступеньку и оттуда стала наблюдать за Кешиными попытками найти дорожку. Наконец и у кота кончилось терпение. Он подошёл и сел рядом с Анютой.

– Не получается? – спросила девочка.

– Как видишь, – хмуро ответил Кеша.

– Как же мы попадём домой?

Кеша только плечами пожал. Анюта уже было собралась заплакать, но потом передумала. Что толку? Как говорится, «слезами горю не поможешь». Её папа, например, вообще считает, что безвыходных ситуаций не бывает – нужно только не падать духом и не опускать руки раньше времени. Папа у Анюты геолог. Он ищет в земле полезные ископаемые. Вот придет он из экспедиции и спросит: «Ну-ка, Анюта, расскажи, как ты тут без меня жила? Что интересного с тобой приключилось, пока меня не было?» И что она расскажет? Как сидела и плакала возле лужи? Фу, стыд какой!

– Кеша, – Анюта погладила кота, – ты, главное, не падай духом. Надо просто как следует подумать.

– Я думаю. Вот только придумать ничего не могу, – ответил кот.

– Давай думать вместе, – предложила девочка. – Знаешь, как говорят, «одна голова – хорошо, а две – лучше».

– Ну, давай вместе, – согласился Кеша.

Анюта стала вслух размышлять:

– Вот смотри. Сюда мы попали, пройдя через лужу. Так?

– Так.

– Значит, и обратно надо идти через лужу, – сказала девочка.

– А как идти, если нет дорожки? – спросил Кеша.

– Так ведь в прошлый раз дорожка исчезла под нами, а мы всё равно попали сюда. Это значит что?..

– Что? – не понял Кеша.

– Это значит, что дорожка нужна только для того, чтобы не замочить ноги. Ну, а раз её нет, придётся идти так.

– Как это так? А вдруг там глубоко? – Кеша поёжился.

– Давай я возьму тебя на руки, – предложила Аня. – Да ты не бойся. Я буду идти очень осторожно. Если станет слишком глубоко, мы вернёмся назад.

– Ну, давай попробуем, – неохотно согласился Кеша.

Кубик приходит на помощь

Они подошли к луже. Девочка взяла кота на руки и вошла в воду.

Мелкими шажками, крепко прижимая к себе кота, она стала продвигаться вперёд. Вот уже и середина лужи, и вода почти до колен, а вокруг ничего не меняется. Сжав зубы, чтобы не разреветься, Аня продолжала идти вперёд.

Шажок, ещё один, ещё два. «Да, что же это такое? Ещё немного и лужа кончится. Мне же домой нужно!» – Аня в сердцах топнула и тут же почувствовала, как кто-то ухватил её за штанину и сильно дернул. Аня ойкнула и, не удержав равновесия, бултыхнулась в воду. На секунду они с Кешей скрылись под водой. Аня не успела испугаться, как кто-то ухватил её за шиворот и буквально выдернул из лужи.

Девочка разжала руки, и мокрый Кеша, недовольно фыркая, спрыгнул на землю.

Аня огляделась, и первое что она увидела, был суеющийся вокруг них Кубик. Пёс метался от девочки к коту, виляя хвостом, радостно гавкая и норовя лизнуть Аню в лицо.

– Подожди, Кубик, – сказала девочка, – ты лучше объясни, мы ещё там или уже здесь.

Кубик, немного подумав, ответил:

– Скажем так, вы ещё здесь. А там, между прочим, бабушка приехала.

– Бабушка приехала?! – в голос воскликнули Аня и Кеша.

– Ну, да. Я вас ждал-ждал, а вас всё нет и нет. А тут бабушка. Ну, я и побежал вас разыскивать.

– Так это ты нас из лужи вытащил?

– Я.

– Молодчина, Кубик, – похвалила Аня, обнимая пса.

– Ага. Только давайте быстрее. Если бабуля обнаружит, что вас нет дома, тут такое начнётся, – поторопил друзей Кубик.

– Это точно. Кеша, бежим, потом причешешься! – позвала Аня кота.

Кубик, конечно, всех опередил. Когда Аня и кот, подбежали к дому, он уже ждал их там, держа в зубах ключ.

– Спасибо, Кубик.

Аня взяла ключ, тихонько открыла дверь, и они с Кешей вошли в дом.

Вот и дома!

Бабушка, напевая что-то вполголоса, разбирала сумки с овощами, которые она привезла с дачи. Чтобы попасть в свою комнату, Ане надо было пройти мимо кухни, а значит и мимо бабушки. Как сделать это незаметно?

– Я постараюсь её отвлечь, – прошептал Кеша и отправился на кухню.

– Мур-р-р, – Кеша подошёл к бабушке и потёрся о её ноги.

– Кешенька, золотко ты моё, проголодался? – спросила бабушка, открывая холодильник. Пока она доставала оттуда всякие вкусности для своего любимчика, Аня прошмыгнула в свою комнату.

Кеша тянул время, как только мог. Он не спеша ел всё, что давала бабушка: половину котлеты, рыбную голову, куриное крылышко, кусочек сыра. Всё это он запил молоком и понял, что больше ни крошки не сможет проглотить. Что же делать?

Тут бабушка, очень кстати, присела на стул. Кеша моментально запрыгнул к ней на колени, требуя, чтобы его срочно погладили. Бабушка без слов поняла своего любимца и, как всегда, не смогла ему отказать.

Так она и сидела у обеденного стола, поглаживая Кешу,

пока взгляд её случайно не упал на Анютину записку. Бабушка взяла её, прочитала раз, другой и страшно разволновалась.

– Как ушла? Куда? Когда?

Она сбросила Кешу с колен и пошла в комнату внучки.

Анюта, благодаря Кешиным стараниям, уже успела привести себя в порядок и лечь в постель.

– Анюта, ты спишь? – бабушка с облегчением вздохнула.

– Сплю, ба, – сонным голосом ответила девочка.

Ей для этого даже не пришлось сильно притворяться. Едва она легла в кровать, на неё навалилась такая усталость, что она еле ворочала языком.

– А это что такое? – бабушка показала Анюте записку.

Кеша, зашедший в комнату вместе с бабушкой, запрыгнул к Анюте на кровать и, устраиваясь на одеяле, хитро поглядывал на девочку, мол, теперь уж выпутывайся сама, всё, что зависело от меня, я сделал.

«Что же сказать бабушке?» – думала Анюта. Рассказать всё, как есть? Это займёт очень много времени, а ей так хочется спать. Но и обманывать она тоже никого не хотела. «Скажу-ка я сейчас половину правды, а вторую половину дорасскажу потом», – решила Анюта и ответила, зевая:

– А-а, это... Это мне с вечера никак не спалось, и мы с Кешей...

– Что с Кешей? Что с Кешей-то? Безобразие какое-то, ничего не поняла...

Бабушка ещё долго ворчала, но её уже никто не слышал. Анюта спала, уткнувшись носом в подушку, а Кеша – свернувшись клубком у неё в ногах.

Рекомендуем почитать

Бызова, Е. Ю. Большое приключение маленькой девочки : сказка / худож. Н. Лажинцева. – Барнаул [б. и.] , 2013 (Алт. дом печати). – 101, [2] с. : цв. ил.

(р. 29.11.1953)

Родился в деревне Филипковичи Рогачёвского района Гомельской области Белоруссии.

В 1976 г. окончил военное авиационно-техническое училище. Служил во многих гарнизонах Советского Союза. Во время службы в Советской Армии печатался в «Комсомольской правде», «Красной звезде» и др. Принимал участие в боевых действиях в Афганистане. Имеет правительственные награды.

С 1999 г. проживает в г. Барнауле. Литературной деятельностью занимается с 2008 г. Печатался в США, Канаде, Германии, Израиле. В России произведения выходили в журналах «Барнаул», «Алтай», «Волга. XXI век», «Литературный Башкортостан», «Школьник», в издательстве «Фома» (серия «Настя и Никита»). Победитель международного конкурса педагогического признания «Добрая лира» (2009, 2013), лауреат конкурса имени В. Каверина (2012), лауреат краевой литературной премии имени В.Б. Свинцова (2009) и других.

Член Международной Гильдии писателей, член Международного творческого объединения детских авторов.

ДРУЗЬЯ

И

з-за Колькиного дома солнце всходило, а за Лёшкиным домом садилось. Из этого географического факта следует, что Колька и Лёшка – соседи и живут они в одной деревне, на одной улице, напротив друг друга через дорогу. Кроме того, что они соседи, они ещё и друзья. Притом друзья настоящие, верные, крепкие. Все радости и беды делят пополам. С детства. Если кому-то из них счастливый случай посылал карамельку с начинкой, то вторая половинка карамельки обязательно находила своё успокоение во рту друга.

Было бы неверно утверждать, что вся их жизнь состояла из одних радостей. Конечно, нет. Были и неприятности. Правда, эти неприятности в начале их сознательной жизни чаще всего исходили от тоже соседа деда Корнея, но только не друга.

Во-первых, за домом деда Корнея солнце не всходило и не заходило. Оно за ним пряталось, ночевало, чтобы утром появиться из-за Колькиного дома. Однако этот прискорбный факт в биографии деда Корнея не мешал ему иметь очень хороший сад, в котором росло буквально всё: яблоки, груши, вишни, клубника, крыжовник. Да такое вкусное! Особенно первые яблоки – Белый налив. Когда дед Корней ловил друзей у себя в саду под яблоней, он брал крапиву и поступал совершенно несправедливо по отношению к ним. Было, конечно, больно, обидно. Но не виноваты же Колька с Лешкой, что такая вкусня-

тина растёт в саду деда Корнея. Или взять ту же клубнику. Если по картофельной борозде, которая ведёт прямо к клубничной грядке, на пузе пробирается один из друзей, то из соседней борозды обязательно будет слышно пыхтение его товарища.

Надо отдать должное деду Корнею. Когда созревали ягоды или яблоки, он шёл перед друзьями на попятную, подлизывался: обязательно угощал их то клубникой, то яблоками и даже мёдом. При этом говорил, что всё вкусно, когда созреет. Врал, конечно. Друзей-то он не проведёт. Они-то точно знают, когда и что вкусное. Да, своими поступками дед Корней особого уважения у Кольки с Лёшкой не вызывал.

Правда, в отношениях друзей была ещё одна несправедливость. Но это уже скорее историческая: Лёшка был старше Кольки на один год. Впрочем, над такими мелочами друзья не задумывались, пока Лёшка не пошёл в первый класс начальной школы у них же в деревне. И как только Колька с Лёшкой ни упрашивали учительницу посадить их вместе за одной партой: обещали хорошо учиться, клялись мыть руки и даже шею каждый день, учительница была непреклонна. Настоятельно рекомендовала Кольке подрасти и прийти в школу на следующий год. Тогда два товарища решили эту проблему быстро: объявили бойкот школе и собрались уходить домой. Кому нужна эта школа? Ведь жили же они без неё и ещё проживут. Но, видно, учительница думала совершенно иначе. Она бесцеремонно выставила Кольку за дверь, а Лёшку за ухо завела в класс и усадила за первой партой рядом с девчонкой.

Это было одно из серьезных испытаний их настоящей мужской дружбы. Но это было потом.

А сейчас наши друзья мирно гуляли по деревне, высматривая, где и чем можно развлечься. Искали приключений. Никаких конкретных планов у них не было. Надеялись на случай. И надо же было такому случиться, что навстречу им попался дядька Платон. Он жил через пять домов от Лёшки и Кольки. Поскольку совесть у друзей перед дядькой Платоном была чиста (до его сада очередь ещё не дошла), они смело шли навстречу судьбе и готовы были вежливо и культурно поздороваться со

старшим первыми, как и положено воспитанным и послушным детям. Но не тут-то было! Не успели друзья раскрыть рот для приветствия, как сильные руки дядьки Платона схватили по одному уху у каждого и начали их крутить.

– Ах вы, обормоты! Я вам покажу, как ко мне в клубнику лазить! – гневно гремел дядька Платон, а руки так накручивали уши, что друзья еле носочками ног доставали до земли. Во имя спасения ушей Колька и Лёшка ухватились руками за руки тирана и почти повисли на них. А уши уже трещали. Одновременно жертвы вопили, что есть мочи, что это не они, божились и клялись в чистоте своих помыслов в отношении его чертовой клубники и всего его огорода вместе с ним самим, чтоб он провалился! Из глаз брызнули слёзы. Мужество покинуло друзей. Они разревелись. Видно, этот факт отрезвляюще и убедительно подействовал на сознание недалёковидного взрослого мужчины. Он ослабил хватку, этого было достаточно, чтобы друзья оказались на свободе. Им было больно. Но сильнее была обида. В этот момент они ещё не осознали, но интуитивно поняли, что в жизни не так страшна боль, как страшна несправедливость. Это был первый жестокий урок. Второй урок, который преподнёс им дядька Платон – не надо угрожать. Надо действовать.

Друзья молча ушли на свой край деревни зализывать раны и вынашивать план мести. То, что месть будет и будет страшной, не обсуждалось. И это был их третий урок: зло должно быть наказано.

Сама природа шла навстречу юным мстителям. Ближе к вечеру, когда с поля пришли коровы и струи молока ударили по дну подойников, на деревню из-за леса со стороны реки напозла огромная грозовая туча. Удары молнии, раскаты грома возвестили о серьёзности намерений летней грозы: она обещала быть! В помощь ей вдруг пришёл ветер. Он ворвался на деревенскую улицу внезапно, мощно, заставляя всех срочно закрывать ставни, двери. Всё живое попряталось в дома, сараи, конуры. И только два юных сердца учащённо и радостно забились в ожидании грозы. Если бы они уже знали творчество М. Горького, то непременно из их уст можно было бы услышать:

«Пусть сильнее грянет буря!». Впрочем, возможно, великий писатель и сочинил своё творение именно к этому случаю.

Для успеха операции Кольке и Лёшке нужны были кирзовые сапоги. Решив эту проблему положительно и незаметно выскользнув из дома, друзья выдвинулись на исходную позицию за Лёшкин огород. От него до сада дядьки Платона было рукой подать. Пробираясь по меже от одного огорода до другого, друзья соблюдали все элементы военного искусства: где надо – пригибались, где надо – ползли, а при всполохах молнии замирали, как истинные партизаны, слившись мстительными телами с местностью.

Участвующий в операции на стороне друзей дождь не заставил себя долго ждать: сначала робко, а потом всё сильнее и сильнее обрушил потоки воды на предполагаемый плацдарм, скрыв всё вокруг от постороннего взгляда: и деревню, и огороды, и самих мстителей с их праведными помыслами о торжестве справедливости.

Таиться уже не было смысла. Почти в открытую под проливным дождём Колька и Лёшка достигли цели. Вот они – эти клубничные грядки дядьки Платона! При вспышках молнии можно было увидеть россыпи крупных красных или почти красных ягод клубники. Но ни на одну ягоду друзья не польстились. Мсть и только мсть двигала парнями. Жажда справедливости витала в ночи.

Став на край грядки и поставив сапоги пятками вместе, носками как можно больше врозь, друзья пошли в наступление на клубнику, буквально не отрывая ног от земли. Они тащили свою обувь по грядке, сминая и вырывая кусты клубники из земли, давили ягоды, превращая клубничную грядку в месиво.

Всё! Дело сделано, остальное доделывал дождь. Он ещё сильнее перемешал остатки ягод с землёй и водой и как можно надёжней смыл следы сапог Кольки и Лёшки.

С чувством исполненного долга и сознания торжества справедливости они пустились в обратную дорогу.

На следующий день наши герои своего обидчика не видели. Встреча состоялась только через два дня. Завидев идущего

по улице дядьку Платона, друзья предусмотрительно остановились, а затем разнесли на всякий случай свои уши по разные стороны дороги и замерли в ожидании.

Однако культура и великолепное воспитание парней не позволили им молча дожидаться развязки, и они, как и подобает младшим по возрасту, первыми поздоровались со взрослым:

– Здравствуйте, дядя Платон! – почти хором и вежливо произнесли Колька и Лёшка.

Дядька замер на месте. Он не ожидал такой наглости со стороны молодых людей, будучи твёрдо уверенным в том, что это именно они уничтожили надежду Платоновой семьи насладиться зимой клубничным вареньем. Но поведение парней породило червь сомнения в убеждении дядьки Платона. Он засомневался и на всякий случай ответил на приветствие друзей:

– И вам не хворать.

Но, видно, что-то удерживало его от признания полной непогрешимости этих плутоватых рожиц.

– Так это не вы грядку клубничную у меня затоптали? – спросил дядька, обращаясь к Кольке, и сделал шаг в его сторону. Колька принял позу для рывка из положения стоя, а за него ответил с другой стороны Лёшка.

– Да как вы могли подумать? Неужели у нас своей клубники нет, что ли?

– Ну, ладно, – примирительно сказал дядька Платон. – Я всё равно узнаю.

– Конечно, узнавайте. Как будто мы одни в деревне, да? – поддержал его Колька.

До этого случая никто не говорил Кольке и Лёшке о том, что наглость – второе счастье, но сейчас друзья стали это подзревать. На уровне подсознания.

Спустя несколько дней на головы друзей выпало ещё одно испытание, по сравнению с которым надранные дядькой Платоном уши казались им милой шуткой: у Лёшки разболелись зубы. Или один зуб? Он точно не мог сказать, потому что болели, казалось, все зубы во рту. Болели так, что правая сторона

лица распухла, закрыв не только щёку, но и правый глаз и даже ухо. Бабушкой Лёшки было принято единственно верное решение: срочно вести внука в больницу к зубному врачу. Но чтобы это осуществить, его надо отмыть, особенно усыпанные цыпками ноги. К зубной боли добавилась боль от потрескавшихся ног. Лёшка уже не плакал, он просто выл. Стоящий рядом Колька искренне переживал за друга, но помочь ничем не мог. Правда, он один раз попытался подсказать бабушке, как надо мыть ноги внуку. Но то ли бабушка не поняла Кольку, то ли у неё было не то настроение, только вместо благодарности она шлёпнула его мокрой тряпкой чуть ниже спины и выставила за дверь. Оставить одного друга с его болью Колька не мог и в качестве моральной поддержки вызвался провожать его до больницы, однако был остановлен грозным окриком бабушки.

Пиная песок на улице босыми ногами, он остался дожидаться друга дома. Колька сочувствовал Лёшке и немного ему завидовал: не каждый день доводилось им вырывать зубы в больнице! И вдруг Кольку осенило! А ведь и он может быть с распухшим лицом и ему может быть больно! Колька решительно направился в конец огорода, где стояло несколько ульев с пчёлами деда Корнея.

Когда Лёшка вернулся из больницы, где ему вырвали зуб, его встретил друг с распухшей физиономией, с заплаканными глазами-щелочками и разинутым в довольной улыбке щербатым ртом.

Выслушав Колькину историю, и по достоинству оценив его мужество и воздав должное наглости пчёл деда Корнея, Лёшка поведал другу о том, что он видел, как рвали зуб дочери дядьки Платона Анютке. Ровесница Лёшки, она была тоже у зубного врача.

– Представляешь, девчонка, а не заплакала даже, – восхищенно сказал Лёшка. – Может зря мы ей клубнику-то?

– Оно, конечно. Но и уши не казённые! Если бы чужие, тогда ещё куда ни шло...

– А давай покажем Анютке нашу поляну с земляничкой у Данилова болота?

- И поможем ей нарвать ягод, да?
- Завтра с утра?
- По рукам?
- По рукам!

Друзья ударили по рукам. Они уже твёрдо знали, что настоящие мужские дела всегда скрепляются крепким рукопожатием.

КОНЬ

Если прижаться губами к замёрзшему стеклу, потом подуть на это место, то в окне появится круглая дырочка, в которую видны улица, калитка и Колькин дом напротив, через дорогу. Такую процедуру шестилетний Лёшка уже проделывал не один раз. Он высматривал своего лучшего друга Кольку: не идёт ли он к Лёшке. Но его все не было. И Лёшке приходилось всякий раз или прогревать старую дырочку, или, припав губами к стеклу, делать новую, потому что старая быстро затягивалась льдом. «Если бы Колька знал, что я в гостях видел, он бы, конечно, прибежал. Да ещё как!» – думал Лёшка, с надеждой высматривая в окно своего дружка.

Дело в том, что Лёшка вчера вечером приехал с бабушкой от своего дяди Володи, который живёт в большом городе. И у них там есть электрический свет! Во всех комнатах лампочки под потолком и светло от них, как днём! А ещё – телевизор, по которому он посмотрел весёлый фильм. Главное чудо – телевизор. Вот чудо так чудо!

Мама с бабушкой не те слушатели, с кем можно было обсудить такие чудеса. Они только и знают один ответ: «Отцепись, репей. Не до тебя. Займись лучше делом». А какое у Лёшки может быть дело? Вот если бы на улицу, тогда конечно. Или сходить к Кольке. Но на улице сильный мороз, и Лёшку из дома не выпускают. «Наверное, и Кольку тоже», – думал Лёшка, но все равно прогревал дырочку в окне в надежде, что Кольке, может быть, повезёт больше.

Мама с бабушкой то и дело бегали в сарай. Там должна была отелиться корова Зорька. И ещё они мелко крошили солому, заливали её кипятком в бадейке, размешивали там же бул-

ку хлеба и уносили корове. Это называлось «делать пойло». Лёшка знал, что кормить корову нечем. «Хоть бы соломы хватило до весны», – не раз он слышал и от бабушки, и от мамы. А ещё они говорили, что и у колхоза нет кормов, скотинадохнет.

На той неделе Колькин папа, дядька Петро, рассказывал, что на правлении решили раздать коней по дворам, может, хоть так уцелеют кони до весны, будет, на чём пахать.

– Хотя и у людей откуда корма, откуда сено? У всех одинаково то жгло солнцем, то гнило в прокосах. Свою скотину не знаешь, как спасти, – заметил на это другой сосед – дед Корней. – Была бы хоть картошка, а то уже семенную моя хозяйка варить начала, а ещё только февраль. Как дожить до весны – одному Богу ведомо.

Лёшка жил с бабушкой Химкой и с мамой. Вообще, бабушкино имя Ефимья Михайловна, но все в деревне звали ее бабой Химкой. Лёшка называл её бабушкой и обращался к ней только на «вы». Так было принято в их семье. Даже Лёшкина мама Ольга, обращаясь к бабушке, говорила: «Мама, вы».

– Нет в доме мужика, вот и мучаемся, – говорила бабушка. – Некому и сена заготовить.

– А я? – спрашивал в таких случаях Лёшка, – я же мужик!

– Конечно, кто бы спорил. Вон, посмотри, сопли по полу таскаешь, конечно, мужик, – соглашалась с внуком бабушка.

Лёшка шмыгал носом, вытирал рукавом не вовремя выскочившие сопли и уходил, обиженно сопя. Вечно эта бабушка над ним смеётся. Ну, где же Колька? Лёшка приник губами к стеклу, стал прогревать дырку, чтобы посмотреть на улицу. Наконец дырка была готова, сейчас можно и посмотреть. Кольки не было. Но был конь. Прямо посередине улицы медленно шёл высокий, светло-коричневого цвета конь Герой. Кого-кого, а лошадей на колхозной конюшне местная ребятня знала очень хорошо. Лёшка не мог ошибиться – это был Герой. Конь шёл, то припадая головой к земле, то поднимая её, смотрел по сторонам. Как будто что выискивал. Наконец он остановился на том месте на дороге, откуда начиналась протоптанная в снегу тропинка, что вела прямо к их дому. Лёшка затаил дыхание:

неужели конь пойдёт к ним? Вот Герой поднял голову, повернул её в сторону Лёшкиного дома и вдруг свернул с дороги и пошёл прямо к нему. Он подошёл к калитке и остановился, как будто достиг конечной цели. Встал, переминаясь с ноги на ногу.

– Бабушка, бабушка! – закричал Лёшка. – А к нам конь пришёл! Вон посмотрите!

– Какой конь? Что ты мелешь? – бабушка подошла к окну и заглянула в проделанную Лешкой дырочку.

– Господи! И правда. Ольга, иди, посмотри, – всплеснула бабушка руками и опустилась на стоящую вдоль стенки скамейку.

Ольга накинула на спину телогрейку и вышла во двор. Перед калиткой стоял худющий, кожа да кости, конь Герой. Это был очень спокойный и покладистый конь, с которым легко могли управиться и дети, и женщины. Он стоял, опустив голову. Судя по всему, уходить не собирался. Или уже не было сил уйти.

Ольга вернулась в дом, села на скамейку рядом с бабушкой.

– Он пришёл просить поесть, – ни к кому не обращаясь, сказала Ольга. И вдруг разрыдалась, прижавшись к бабушке.

– Что ж это делается, о Господи? Самим есть нечего, – запричитала бабушка.

Лёшка, глядя на плачущих женщин и поняв своим детским чутьём, что здесь происходит, разрыдался вместе с ними.

Первой успокоилась бабушка. Она встала со скамейки, подошла к столу, взяла булку хлеба и стала его нарезать ломтями. Потом сложила нарезанный хлеб в тазик и приказала Лёшке:

– На, отнеси коню. Пускай ест из тазика. Так не накрошит и всё съест. Да оденься, антихрист.

Лёшка мигом оделся, схватил тазик и побежал во двор к коню. Герой как будто ждал Лёшку. Он поднял голову и потянулся через калитку к хлебу. Пока конь ел, Лёшка не выпускал из рук тазик. Ни одна крошка хлеба не упала на снег. Съев хлеб и, видно, поняв, что ждать больше нечего, конь развернулся и обрёл в сторону конюшни.

Когда на следующий день Лёшка стал хвастать Кольке, что к ним приходил Герой и Лёшка его кормил, Колька не проявил к этой новости никакого интереса. Скривив в ухмылке свой

щербатый рот, он заявил:

– А у нас в сарае уже третий день стоит кобыла Сойка, я и не хвостаю.

С тех пор конь стал приходиться к Лёшкиному дому ежедневно. Как только утром выпускали коней из конюшни, Герой напрямик направлялся к ним. Как и в первый раз, он подходил к калитке и молча ждал. Каждый раз бабушка бранилась, мама всхлипывала, но всегда нарезали хлеб и отправляли Лёшку кормить коня.

В середине марта конь перестал приходиться: из соседнего района привезли немного сена, соломы и коней не стали выпускать из конюшни.

А корова Зорька отелилась тёлочкой. Но из-за бескормицы телочку пришлось зарезать на мясо, потому что у коровы не было молока. Потом бабушка приглашала дядьку Петра и деда Корнея, они подвесили Зорьку на веревках в сарае под брюхо, чтобы она не пала на ноги от голода.

Когда потеплело и появились проталины, коней и коров стали выпускать в поле. Бабушка крестилась и говорила:

– Вот и слава Богу! Дождались-таки весны!

Лёшка тоже был рад теплу. Вместе со своим дружкой Колькой он днями пропадал на улице, то пуская ручьи, то плавая на льдинах.

А когда пришло лето, на семейном совете было решено: хватит Лёшке гонять собак, пора и делом заниматься. Тем более что осенью ему идти в первый класс, пускай зарабатывает на тетрадки.

– Его сверстники уже пошли в бригаду на работу. Пускай и он идёт водить коня, – подвела итог семейного совета бабушка.

Лёшка был на седьмом небе от счастья. Ещё бы! Все школьники на лето приходили на работу в колхоз. Работы всем хватало. Таким, как Лёшка, доверяли водить коня у ребяташек повзрослее, которые уже стояли за плужком-окучником и окучивали картошку или свеклу. А чтобы конь шёл ровно, не выходил из борозды, нужны были такие, как Лёшка. Они брали коня под уздцы и вели его строго по борозде.

В первый рабочий день Лешка был назначен в помощь к десятилетнему Грише, которому уже доверяли окучивать, а потом и боронить картошку в садах. Таких пар было шесть.

В обязанности помощников входило: поймать коня на лугу, что вдоль речки недалеко от конюшни, где они паслись после ночи, накинуть на голову коню уздечку, распутать коня и привести его на конюшню. Здесь надо было надеть коню хомут, засупонить, то есть стянуть супонью хомут, и зацепить плужок. Только потом можно было сесть на коня верхом и ехать к месту работы. Старшие ребяташки до работы добирались на велосипедах.

Конюх дед Тихон критически оценил Лёшку, как будто никогда не видел, хотя только вчера кнутом гонял его и Кольку с чердака на конюшне.

– Так, работничек. Иди, лови Героя. Ты его спасал, а он из тебя человека делать будет. Долг платежом красен, – засмеялся дед Тихон и подал Лёшке хомут и уздечку. Лёшка просунул руку в хомут и поволок его к плужку. Надо было идти ловить коня.

Взяв уздечку, Лёшка пошёл на луг. Сказать, что он трусил, значит ничего не сказать. Он боялся, да еще как! А вдруг конь не подпустит к себе или не даст надеть уздечку – поднимет голову и всё. Или ещё хуже: возьмёт и убежит от Лёшки. Это же будет такой позор, что страшно подумать. Все будут говорить: «Да он коня поймать не может!» Такое не пережить. Лёшка уже готов был расплакаться. Однако когда увидел, что Герой лежит, отдыхает, настроение у него сразу изменилось. Смело подойдя к коню, мальчик сразу же надел уздечку, пока конь лежал, и стал гладить его шею.

– Молодец, Герой! Хороший коник. Ты меня уже забыл, да? Ну, давай вставай, – начал просить его Лёшка и дергать за узду.

Конь вскочил сразу, рывком, и, гордо подняв голову, стал потягиваться. В этот момент Герой был очень красив! Он высоко поднимал голову, немного наклоняя её вперёд, сам весь вытягивался, всё тело его напрягалось, хвост пружинился. Лёшка залюбовался конём. Может, поэтому его называли Героем, таким

он был красивым.

Распутав коня, Лёшка осмелел. Привести коня за уздечку – это и дурак сможет, решил он. А вот если приехать на конюшню верхом – другое дело. Все друзья от зависти попадают!

Лёшка начал осуществлять свой план. Вокруг – ни пня, ни деревца. Значит, надеяться надо только на себя.

Перекинув уздечку через голову Героя, Лёшка уцепился руками за холку и гриву, стал подтягиваться на руках. Конь стоял, не шелохнувшись. Первая попытка успехом не увенчалась. Надо сказать, что вся ребятня в деревне летом ходила босиком. Лёшка не был исключением. Во второй попытке Лёшка опять уцепился за холку и за гриву Героя, стал подтягиваться на руках, одновременно упираясь своими босыми ногами в переднюю ногу коню. Опять неудача. Тогда конь подогнул передние колени, и его спина стала досягаемой. Лёшка мигом уселся на неё, не веря в своё счастье.

Нёс его Герой бережно. То ли потому, что наездник был слишком мал, то ли вспомнил лютую зиму и тазик с хлебом, который Лёшка выносил ему каждый день. Кто его знает?

Рекомендуем почитать

Бычков, В. Н. Везунчик : [роман]. – Барнаул : Алт. дом печати, 2010. – 290 с.

Бычков, В. Н. Лосиная верность : [рассказ] / худож. Н. Кондратова. – Москва : Фома, 2010. – 21, [3] с. : ил. – (Настя и Никита ; вып. 35).

Бычков, В. Н. Вишенки : роман / [авт. предисл. С. Филатов]. – Барнаул : Алт. дом печати, 2011. – 313, [1] с. – (Сибирская библиотека).

Бычков, В. Н. Конь : рассказ / худож. О. Московка ; Алт. краев. дет. б-ка им. Н. К. Крупской. – Барнаул : [б. и.], 2014. – 20 с. : ил. – (Писатели Алтайского края – детям).

Бычков, В. Н. Пернатые : [рассказ] / худож. И. Мехоношина ; Алт. краев. дет. б-ка им. Н. К. Крупской. – Барнаул : [б. и.], 2015 (Алт. дом печати). – 28 с. : ил. – (Писатели Алтайского края – детям).

(р. 17.05.1964)

Родился в с. Тюменцево Алтайского края в семье учителей. После окончания Тюменцевской детской школы искусств учился в музыкально-педагогическом институте (г. Усть-Каменогорск). Работает преподавателем музыки и пения в Тюменцевской школе искусств, учителем музыки Тюменцевской средней общеобразовательной школы. Член клуба «Учителя-новаторы Алтая», созданного по инициативе Губернатора Алтайского края.

Лауреат региональных фестивалей самодеятельных композиторов «Песни Иткульского лета» (2001, 2002), краевой литературной премии имени Н. Черкасова (2006), премии журнала «Барнаул» (2007), краевой литературной премии имени Г. Егорова (2010), краевой литературной премии имени Г. Панова (2009). За плодотворную просветительскую деятельность удостоен губернаторской премии им. С.П. Титова (2008). Лауреат XX краевого конкурса «Учитель года Алтая – 2010», губернаторской премии лучших педагогических работников (2011), победитель конкурса лучших учителей приоритетного национального проекта «Образование» (2011), Почетный работник общего образования Российской Федерации (2009), Заслуженный учитель Российской Федерации (2012).

Член Союза писателей России с 2004 г.

ВЫШИВАЛА БАБУШКА

В^{1.}ышивала бабушка на платке узоры –
Стаи журавлиные над зелёным бором,
В небе солнце красное, чтоб земле прогреться...
Вышивала бабушка не иглой, а сердцем.

Припев:

И хранит её платок не молчание,
А её простой души посещение.
Вышивала мне платок на прощание,
Подарила мне платок – как прощание.

2.
Вышивала бабушка не святые лики.
Вышивала бабушка листья земляники,
Жёлтые подсолнухи, не дворцы, не золото –
Всё, чем сердце наполнилось, чем была богата.

Припев:

И хранит её платок не молчание.
Вот и жизнь моя с тех пор – обретение.
Подарила мне судьба не прощание,
А любовь земную и всепрощение.

МОЙ ДЕДУШКА

Шепчет бабушка мне у плиты обелиска:
«Вот и дедушка твой, самый первый по списку.
Вот и дедушка твой со своими друзьями,
Поздоровайся с ним, хоть и нет его с нами...»
Он за правду погиб – он сражался с врагами.
А могли бы сказать: «Повезло его маме»,
А могли бы сказать: «Повезло его детям –
Не погиб на войне, жить остался на свете».

Он стоял бы сейчас, поправляя медали.
Он стоял бы живой, не из бронзы и стали.
Говорил бы он мне: «Пой, любимый мой внучек,
Солнце жизни твоей не закатится в тучку.
Солнце жизни твоей будет добрым и ярким.
Не закроют его самолёты и танки,
Не изранят штыки ни один его лучик,
Не остудят снега, принесённые тучей...»

Шепчет бабушка мне у плиты обелиска:
«Вот и дедушка твой, самый первый по списку...»
Вот и дедушка мой со своими друзьями.
Я здороваюсь с ним, хоть и нет его с нами...

Я – СОЛДАТ!

Нет памяти достойней на Руси,
Чем память о Победе в сорок пятом.
У нас любую бабушку спроси,
Она вам скажет, что вдова солдата.
Ещё расскажет, как неравный бой
Вёл муж её с фашистом-супостатом
Под Сталинградом или под Москвой,
Оставшись в вечной памяти солдатом.

Как был конверт к лицу её прижат,
А сын, что ростом меньше автомата,
Сквозь плач кричал: «Я сам теперь солдат!
Ты, мамка, отпусти меня в солдаты!..»

С тех пор прошло уже так много лет,
Что дети той войны дедами стали.
Но снова вместо книжек и газет
Их внуков ждут посмертные медали.
Нет города такого на Руси,
Медвежьего угла, убогой веси,
Куда бы самолёт не заносил
Бесценный груз с тяжёлой цифрой «200».

Салюты над могилами гремят –
Хоронят мужа, сына или брата...
Но шепчет русский мальчик: «Я – солдат.
Ты, мамка, отпусти меня в солдаты».

ДОЧКЕ

В ранец не вмещаются учебники.
А вставать утрами... кто захочет?
Может, зря придумали волшебники
Запятые, буквы, цифры, точки?

Солнце над землёй лучами дразнится.
Солнце подсмотреть в окошко хочет,
Как проснётся дочка-первоклассница –
Мой волшебный аленький цветочек.

Как войдёт, держась за руку мамину,
В жизнь под песню школьного звонка...
Не спешу будить, догадкой раненный –
Слишком быстро подрастает дочка.

НЕ ТРУСЬ, МОРЯК!

Как здорово морские капитаны
Морской походкой ходят по земле.
А позади моря и океаны
И служба на военном корабле.
Как здорово носить морскую форму
И слушать крики чаек над волной.
По морю плыть и не бояться шторма
И возвращаться с гордостью домой.
Пусть буря проверяет нас на прочность,
И ветер прочь несёт от маяка.
Не трусь, моряк, ведь я-то знаю точно,
Что буря – это пыль для моряка.

Я сделаю бумажный пароходик
На зависть всем военным кораблям.
Он будет плыть и при любой погоде
Спротивляться бурям и штормам.
Он выстрелит из всех своих орудий,
И разбегутся в панике враги.
Известно, победителей не судят,
А вёсла сушат только слабаки.
Пусть буря проверяет нас на прочность,
И ветер прочь несёт от маяка.
Не трусь, моряк, ведь я-то знаю точно,
Что буря – это пыль для моряка.

БОГАТЫРСКАЯ

Наши деды говорили в старину:
«Отпустите нас, невесты, на войну.
Без отваги нет и браги,
Запылились наши флаги.
Отпустите нас, невесты, на войну!»

Наши деды говорили матерям:
«Не исчезнуть на Руси богатырям.
Богатырскими делами
Землю русскую прославим.
Не исчезнуть на Руси богатырям!»

Знает враг и знает славный наш народ –
Богатырская рука однажды бьёт.
Заедаем славу щами
И не шутим с калачами –
Богатырская рука однажды бьёт!

ДОЖДИК В ЛЕСУ

Скок-поскок по веткам дождь...
В лужах кольца кружатся...
И никак не обойдёшь
Кружевные лужицы.

Дождь намотан на пенёк,
На сучки, на ёлки...
И корзина, как клубок,
В ручках у Алёнки.

Перепутались следы
И промокли ножки.
Перепутались грибы
В мамином лукошке.

Распушилось всё вокруг
В небе туча-пряха...
Где же солнышко-утюг?
Вымокли рубахи!..

Мы растём как на дрожжах –
Мы уже большие!
Мы на папиных плечах
Добежим к машине!

СОЛНЕЧНЫЙ ЗАЙЧИК

Дочке

Скачет, скачет по квартире
в тишине ночной –
Одинокий в целом мире –
зайчик солнечный.
Мир снегами запорошен,
звёзды в валенках.
И откуда ты, хороший,
Друг наш маленький?
Что за солнечная птица
на своих крылах
Принесла тебя резвиться
в наших зеркалах?
Почему в такую темень,
что заставило?
Или снова правит время
не по правилам?
Всех часов на свете тише
этот час ночной.
Дочка спит и сладко дышит
долгой тишиной.
Вот бы хлопала в ладошки:
«Ай, да паинька!..
Не боится даже кошки,
Наша заинька...»
Скачет, скачет по квартире
в тишине ночной
Одинокий в целом мире
зайчик солнечный.
Словно маленький глазочек
сердца чистого...
Видно, снова снятся дочке
сны лучистые.

ДОБРОТА

Доброта приходит в гости
Без зонта и без сапог.
Разгрызёт шнурки и кости
И уляжется у ног.
Доброту зову я Гришей,
Нежно глажу по спине...
Он не будет в доме лишний,
Потому что верит мне.

Доброта мне скажет: «Мяу» –
И увяжется за мной.
Съест котлетку, съест сметану!
Бант на шее, хвост трубой!
Доброту зову я Васей,
Нежно глажу по спине...
Он согласен, он согласен,
Потому что верит мне.

Доброта стучит в окошко,
Я впущу её скорей.
Обморозил клюв и ножки
Этот глупый воробей.
Назову его я Гошей
И поглажу по спине...
Он хороший, он хороший,
Потому что верит мне.

Словно цветик-семицветик,
Словно аленький цветок,
Доброта живёт на свете.
Ты ищи её исток
В колыбельных песнях мамы,
В песнях Родины своей
И в глазах у самых-самых –
Самых преданных друзей.

КОЛЫБЕЛЬНАЯ

Улетели прочь недели,
Словно птицы-соколы.
Бродят зимние метели
Рядышком да около.

Я тебе свечу оставлю,
Птица Счастья вещая.
Закрывай покрепче ставни,
Время занавешивай.

Сохранит незримый кто-то
Сны твои нехитрые,
Переложит их на ноты,
Защитит молитвою.

Вьюги белые стреножит,
Злобу их сведёт к нулю.
Пусть напрасно не тревожат
Песню колыбельную.

САЗАН

Владимиру Свинцову

Мой умный пёс по прозвищу Сазан
Не злой и не царапается вовсе.
Не ходит на охоту, как на промысел,
Но признаёт охотничий азарт.

Мой славный пёс по прозвищу Сазан
Чуть-чуть ворчит, что имя, как у рыбы.
Ворчит, но не кусается. А вы бы
Смогли друзей царапать и кусать?

Мой верный пёс по прозвищу Сазан
Готов за друга на костёр и дыбу,
В глаза мне смотрит преданно... А вы бы
Смогли так преданно смотреть в глаза?

ЧУДЕСНАЯ СТРАНА

Как хочется, чтоб в дом вошли и Лунтик, и Смешарик,
Раскрасить ночь в зелёный цвет и в розовый – луну.
Так хочется!.. Так хочется надуть воздушный шарик –
Взлететь на нём и улететь в волшебную страну.

Мне палочку волшебную подарит мир волшебный,
И звонкие каникулы, и радугу с небес.
И стану я ответственным и добрым, как волшебник!
И всех прощу, и всех впущу в страну своих чудес.

И бабушку, и дедушку, и кошку, и собаку
Я приглашу с собой лететь – мне скучно одному.
Чтоб не обиделся никто, никто чтоб не заплакал,
Возьму родителей своих, всю школу, всю страну!

Мне палочку волшебную подарит мир волшебный,
И звонкие каникулы, и радугу с небес.
И стану я ответственным и добрым, как волшебник!
И всех прощу, и всех впущу в страну своих чудес.

МАМА

Опять эти листья срываются с веток
И кружатся над головой.
Но вновь ничего не случится на свете,
Когда она рядом со мной
Среди суеты, среди шума и гама,
Среди тишины октября...
По имени – мама, по отчеству – мама,
Любимая мама моя.

О дальних походах дочитаны книжки,
Бумажный не радуется змей.
Но знаю, что видишь во мне ты мальчишку,
Который гонял голубей,
Который читает про мыло и рамы
Листок своего букваря...
По имени – мама, по отчеству – мама,
Любимая мама моя.

А если придётся нам снова с врагами
Сражаться в смертельном бою
За русское слово, за небо над нами,
За веру святую свою, –
То будет хранить до победы до самой
Великая сила твоя
По имени – мама, по отчеству – мама,
Любимая мама моя.

ЛЕС – НАШ ДОМ!

1.

Резиновые гномики и плюшевые мишки
Грустят на книжных полочках в квартирах городских.
А мы спешим по ягоды – девчонки и мальчишки,
Нам вновь легко и весело на просеках лесных!

Припев:

Стихи, загадки, песенки нас ждут в лесу зелёном,
Оранжевые дождики, волшебные цветы!..
Пусть звонкий лес – зелёный лес! - нам станет
добрым домом,
Который будем мы любить, как детство, – я и ты!

2.

Вот ёжики без ножигов выходят на опушку,
И не боятся ёжики ни волка, ни лису.
Оставим смелым ёжикам домашние ватрушки –
Ведь ёжикам без ножигов не просто жить в лесу.
Припев.

3.

Мы не шалим рогатками и в лес не носим спички,
Не оставляем фантики и мусор на пеньках.
Нам звонко и приветливо поют лесные птички...
И рады дети всей земли деревьям и зверькам!
Припев.

РАДУЙСЯ

1.

Пусть серый день становится цветным,
И радуга качается над нами!
Мы радостью наполним этот мир
И звонкими своими голосами!

Припев:

Маленькому лучику во мгле,
Маленькой дождевке на ладони,
Радуге на ясном небосклоне
Радуйся, как чуду на земле!..

2.

Мы разные, как радуги цвета!
Мы разные и этим интересны!
Мы разные, но наши голоса
Сливаются в любимых наших песнях!

Припев.

Рекомендуем почитать

Власов, А. В. Движение души : стихи / вступ. ст. С. Ключникова. – Барнаул : Алтай, 2003. – 63 с. – (Книжная серия «Август»; 2002, вып. 1).

Власов, А. В. Дыхание времени : стихи. – Барнаул : А.Р.Т., 2005. – 63 с. – (Книжная серия «Катунь» ; вып. 1).

Власов, А. В. Я - солдат! : сб. песен. – Барнаул : [б. и.], 2006. – 46 с. : муз. пр. – (Серия «Катунь» ; вып. 1).

Власов, А. В. На волшебных островах : сб. песен для детей. – Барнаул : АК ИП КРО, 2012. – 51 с. : муз. пр.

Власов, А. В. Цветы для мамы : стихи / ред.-рец. и авт. предисл. Ю. П. Перминов. – Барнаул : [б. и.], 2014 (ИПП «Алтай»). – 88 с. – (Литературный фонд «Август» ; вып. 52).

Власов, А. В. Чудесная страна : стихотворения и рисунки для раскрашивания / [вступ. ст. Л. Зинченко ; худож. А. Н. Гнилицкий]. – Барнаул : [б. и.], 2016 (Алт. дом печати). – 40 с. : ил. – (Литературный фонд «Август. Испытание временем» ; вып. 59).

Володин

Геннадий Григорьевич

(18.12.1936 – 22.09.2013)

Родился в г. Барнауле. Окончил топографический техникум, срочную службу проходил в Германии. Работал корреспондентом, литературным сотрудником, ответственным секретарём, редактором газеты. Несколько лет руководил краевым литературным объединением при газете «Молодёжь Алтая» и при краевой писательской организации.

Стихотворения издавались с 1955 г. в районной, краевой, центральной периодике; в коллективных сборниках, издаваемых в Берлине, Алма-Ате, Кемерово, Горно-Алтайске. Признанный мастер поэтического перевода с немецкого и алтайского языков.

ЛЮБИТЕЛЬ МУЗЫКИ

медведях рассказывают разное. Особенно о том, что они очень уж музыку любят. Один таёжный охотник уверял меня в том, что, если по каким-то причинам птицы покинут лес, то первыми за ними уйдут медведи: не могут они жить в глухом лесу. Рассказывают, что видели мишку, который сидел, прислонившись ухом к телеграфному столбу, и слушал, как гудят-позванивают провода. Третьи наблюдали, как медведь, встав на край пропасти, бросал камни вниз и слушал, как они гулко бухали на дне, вызывая глухое и протяжное эхо.

А вот недавно в глухом селе, расположенном в самой глубине тайги, произошёл случай ещё интересней.

Собрались как-то вечером парни и девушки на мосту. Сидят на гладких перильцах, песни поют да пересмеиваются. А баянист знай себе играет одну песню за другой, чтобы молодёжь не скучала.

Стемнело совсем. Брусничины звёзд усыпали небо. Молодёжь начала танцевать. Завидует танцующим друзьям баянист, но заменить его некому. Вот и пришлось ему сиднем сидеть.

Вдруг одна из девушек как завизжит, да как бросится бежать. А через какой-то момент всех с моста словно ветром сдуло. Только ничего не понявший баянист как сидел на перилах, так и остался сидеть. А когда понял, в чём дело, уходить было

поздно – прямо перед ним стоял медведь. Да не какой-нибудь там недоросток-пестун, а матерый, здоровенный зверище.

Глаза его углями светились под луной. Но зла в них не виделось. Только любопытство светилось. Да и стоял он в такой позе, что, казалось, заиграй сейчас баянист плясовую, и зверь с радостью пустится вприсядку или настоящего трепака задаст.

Баянист не знал, что ему делать. Бултыхнуться через невысокие перильца в речку? Но там камни-покатни лежат. Упадёшь на них и разобьёшься. Бежать? Зверь догонит сразу же. Оставалось одно – сидеть и ждать своей участи.

А медведь подошёл ближе и уже совсем не смотрел на парня, а с явным любопытством разглядывал баян. Что, мол, за штука такая голосистая? И, казалось, просил: сыграй, что ли, а не то отниму твою забаву и унесу к себе в тёмный распадок.

То ли с перепугу, то ли умышленно баянист прошёлся пальцами по звучным ладам. Зверю, видимо, понравилось. Он склонил голову и внимательно-внимательно прислушался.

Парню даже показалось, что он головой кивнул в знак одобрения.

И начал играть баянист одну песню за другой, один танец за другим, словно перед ним совсем не хозяин тайги стоит, а большая аудитория, да не просто слушателей, а истинных ценителей музыки. Он играет, а медведь стоит и слушает. Стоит баяну умолкнуть, он недовольно рычит – видать ещё музыки требует.

Но не играть же так целую ночь. И баянист решил. Он поднялся с перил и, не переставая играть, начал пятиться в тот конец моста, куда убежали ребята. Парень сделает шаг, медведь – шаг, парень – шаг, медведь – шаг.

Так дошли до конца моста. И тут медведь рывкнул. То ли поблагодарил за музыку, то ли по-своему обругал баяниста за то, что тот мало играл ему. Потом повернулся и был таков.

Прибежали охотники из деревни с ружьями да собаками. Но медведя уже и разыскать было трудно.

Может быть, это и был тот самый медведь, которого у телеграфного столба видели. А может, другой, тоже любящий музыку.

ПОЧЕМУ КАРАСЬ НА ДНЕ ЖИВЁТ

В тихом озере на дне
Жил карась на глубине,
Ел букашек, воду пил,
Спать ложился в мягкий ил.
С кем судьба бы ни свела,
Никому не делал зла:
Ни ершам,
 ни окуням,
 ни налимам,
 ни линям...

Говорил:

– Живите дружно,
Рыбам ссориться не нужно.
Потому округа вся
Полюбила карася.

Но пришла беда – не шутка:
Заплыла однажды утка
С шумным выводком утят
И – давай ловить малят.
Как нырнёт, так нет малёнка,
Передаст его утёнку,
Тот проглотит, скажет: «Кря!» –
Просит мать ещё нырять.

Увидал беду чебак:

– Горе нам! Погибнем так!
Нужно рыбью рать собрать,

Утку с выводком прогнать,
Чтобы этой утке жадной
Больше не было повадно!..

Понеслись во все концы
Добровольные гонцы.
Через несколько минут
Были рыбы тут как тут.
Дружно рвутся в бой они –
Чебаки,

ерши,

лини...

Разъярясь, примчался язь.
А карась?

Струхнул карась!

И друзей в беде покинул,
Закопался где-то в тину,
Там подводною водой
Он закрылся с головой.

А ершишки-забияки
В это время шли в атаки,
Норовя утят кольнуть
В брюхо,

в лапы

или в грудь.

Язь хлестал врагов хвостом,
Окунь их толкал хребтом...
И встревоженная утка
Испугалась не на шутку –
Увела утят скорей
На лужок, в густой пырей.
Под озёрной тихой зыбью

Ликовало племя рыбье,
Позабыв о карасе:
– Ай да мы! Герои все!
Но прервал сердито язь:
– Нет не все! А где карась?
Вот скажи-ка ты, чебак,
Где он был в разгар атак?
Разве он герой, как мы?
Все – на бой, а он – в кусты.

Порешили:
– Пусть отныне
Будет жить он в грязной тине.
И живёт теперь карась
Там,
где тина,
ил
и грязь.

Рекомендуем почитать

Володин, Г. Г. Почему карась на дне живёт : [стихи] / худож. В. Калашников. – Барнаул : Алт. кн. изд-во, 1964. – [11] с. : ил.

Володин, Г. Г. Я иду по тайге : [стихи] / [худож. Я. Свенч]. – Барнаул : Алт. кн. изд-во, 1965. – 64 с.

Володин, Г. Г. Гудки : [стихи] / худож. В. Еврасов. – Барнаул : Алт. кн. изд-во, [1968]. – 78, [1] с.

Володин, Г. Г. Берёзовый свет : стихи. – Барнаул : Алт. кн. изд-во, 1971. – 126, [1] с.

Володин, Г. Г. Сладёна : [стихи]. – Барнаул : Алт. кн. изд-во, 1969. – 13, [2] с. : ил.

Володин, Г. Г. Росынька : [стихи]. – Барнаул : Алт. кн. изд-во, 1979. – 110, [1] с.

Володин, Г. Г. Волны души : избр. стихотворения. – Барнаул : ГИПП «Алтай», 2001. – 63 с. – (Книжная серия «Август» ; вып. 3 (26)).

Володин, Г. Г. В природе не бывает тишины : стихи / [предисл. А. Зуева]. – Барнаул : [б. и.], 2013 (Алт. дом печати). – 143, [1] с. : портр.

(27.11.1926 - 16.11.2007)

Родился в с. Верх-Бобровка Косихинского района Алтайского края в крестьянской семье. В 1944 г. окончил среднюю школу, в мае 1945 г. – ускоренный курс Смоленского артиллерийского училища. Участник войны с Японией. Служил на Дальнем Востоке, в ГДР, Омске, Бийске. В 1973 г. ушёл в отставку в звании подполковника.

Работал научным сотрудником Бийского краеведческого музея им. В.В. Бианки, в Государственном архиве Алтайского края. Член Алтайской краевой краеведческой ассоциации с 1989 г.

Лауреат краевой литературной премии им. В.М. Шукшина (1990), премии Демидовского фонда Алтайского края (1993), премии главы администрации г. Барнаула (2001), литературной премии им. Г.В. Егорова (2005).

Награждён премией В.М. Шукшина Самарским литературным центром В.М. Шукшина (2000), медалью Сергия Радонежского II степени (2004). Дважды награждён Сибирским казачьим крестом (2000, 2006) и медалями Петровской академии наук и искусств: за большой вклад в развитие литературы Алтая (1999), за книгу «Алтайские горные инженеры» (2002).

Член Союза писателей России с 1993 г.

НАША МАРИЯ

ебята, прежде чем читать эту книгу, посмотрите внимательно на обложку. Кто на ней изображён? Наверно, и не узнаете сразу. А между тем вы не раз о ней слышали. Это отважная барнаульская подпольщица Эмилия Августовна Алексеева. Она погибла от рук колчаковцев в 1919 году. Её именем названа теперь одна из улиц в Барнауле.

О ней и рассказывается в этой книжке.

Эмилия родилась в Финляндии, она финка по национальности, её фамилия по отцу – Солин.

В поисках заработка семья переехала в Петербург. Отец работал литейщиком на Путиловском заводе. Вскоре он погиб при взрыве литья. Рабочие говорили, что если бы капиталисты заботились о безопасности труда, Август Солин остался бы жив. Но капиталистов больше интересовали прибыли.

Эмилия рано испытала горькую долю сиротства и бедности. У матери их осталось четверо. Миле после окончания школы сразу пришлось идти работать, хотя она была очень способной и мечтала учиться дальше.

Миля стала телефонисткой на городской телефонной станции. Подругам по работе она полюбилась за доброту и отзывчивость, за весёлый характер. Когда на станции вспыхнула забастовка, её выбрали в стачечный комитет. Но комитет был арестован, и Эмилия три недели отсидела в тюрьме.

Мать и сестры со слезами на глазах умоляли её не рисковать больше собой, не губить свою жизнь. Но девушка уже выбрала дорогу – трудную и опасную дорогу борьбы за народное счастье.

Она рано задумалась, почему мир устроен так, что одни утопают в роскоши, другим не хватает самого необходимого, хотя они всю жизнь трудятся.

Поиски правды привели её в партию большевиков, созданную Лениным.

Тогда за принадлежность к этой партии, вы знаете, сажали в тюрьму, отправляли на каторгу и в ссылку. Не избежала этой участи и Эмилия. За первым арестом вскоре последовал второй. Снова месяц в тюремной камере...

Её уволили с работы, запретили жить в Петербурге. Она поселилась в пригороде, а на работу ездила на завод «Новый Айваз».

Наверно, у многих из вас, ребята, выписывают в семье журнал «Работница», и вы его читали. А обратили внимание на такие слова под названием журнала: «Основан 8 марта 1914 года»?

Этот первый в нашей стране женский журнал создан по инициативе Ленина. В составе редакции журнала были Надежда Константиновна Крупская и старшая сестра Ленина Анна Ильинична. А Эмилия им помогала: собирала деньги за подписку, писала заметки.

Анна Ильинична потом так отзывалась о ней в своих «Воспоминаниях»:

«Завод «Новый Айваз» был одной из главных опор «Работницы»... Особенно выделялась в качестве организатора работница «Нового Айваза» товарищ Эмилия Солин...».

Незадолго перед выходом первого номера журнала почти все члены редакции были арестованы. Но журнал всё же вышел в назначенный срок – 8 марта 1914 года. И Эмилия, рискуя быть тоже арестованной, разнесла его подписчицам.

Наверное, метель тогда мела,
шныряла всюду слежка, как ищейка,
когда журнал «Работницу» несла
работница под старую шубейкой...

Эти стихи написала поэтесса Ирина Волобуева. Они как будто об Эмилии, не правда ли?..

В июле 1914 года началась первая мировая война. В ней участвовали многие страны, в том числе и царская Россия.

Большевики, а значит и Эмилия, выступили против войны. В ноябре Эмилия была арестована в третий раз. После четырёхмесячного тюремного заключения её выслали в Сибирь, в глухое таёжное село Курагино Минусинского уезда.

Там она познакомилась и подружилась с известной соратницей Ленина Еленой Дмитриевной Стасовой. Под её руководством занялась самообразованием. В ссылках и тюрьмах большевики всегда стремились пополнить свои знания.

Стасова составляла письма-прокламации, в которых призывала усилить борьбу против несправедливой войны. Эти письма она размножала и отправляла ссылкой во все концы Сибири.

«В этом помогала мне Эмилия Солин, ссылкойоселенка», – пишет Елена Дмитриевна в своих «Воспоминаниях».

В Курагино Эмилия нашла и своё личное счастье. Она вышла замуж за питерского рабочего-большевика Михаила Алексеева, тоже отбывавшего ссылку. В июне 1916 года у них родился сын. Они называли его Борисом.

Вскоре Бориного отца отправили на фронт. Там погибло уже столько солдат, что царское правительство вынуждено было призывать в армию даже ссылкойных.

Эмилию освободила от ссылки февральская революция. Она вернулась в Петроград (так с 1914 года стал называться Петербург).

Царя свергли, но власть захватила буржуазия. Вернувшись из тюрем, из ссылки, большевики развернули борьбу за переход всей власти к Советам.

Большевиков была горсточка, им трудно приходилось. Но вот, 3 апреля 1917 года, в Петроград из-за границы, где он долгие годы скрывался от царской полиции и жандармов, прибыл Владимир Ильич Ленин.

Тысячи и тысячи рабочих, солдат, матросов с флагами,

с оркестрами пришли на Финляндский вокзал встретить любимого вождя. Среди встречавших была и Эмилия с маленьким сыном на руках. Со слезами радости и волнения слушала она речь Ленина, произнесённую с броневика...

Вскоре ей удалось встретиться с Лениным лично. В конце апреля с группой женщин она была у него на беседе. Владимир Ильич сказал, что если работницы поддержат революцию, то никакой враг ей не страшен. Он посоветовал провести конференцию питерских работниц.

В ноябре такая конференция состоялась. На ней присутствовало около 600 делегатов. Эмилия была одним из организаторов этой конференции. Она выступила на ней с докладом о задачах работниц.

У нас на Алтае в то время было мало опытных партийных работников. В мае 1918 года на помощь им, по указанию Ленина, выехала из Петрограда группа рабочих-большевиков. В её составе была и Эмилия Алексеева с двухлетним сыном. Муж снова был на фронте, в Красной Армии.

Конечно, никто не стал бы посылать в далёкую Сибирь молодую мать с ребёнком против её воли. Да ещё в такое время, когда в стране разруха, голод, мятежи. Эмилия сама настояла на этой поездке. В дни, когда шла борьба за укрепление Советской власти, ей хотелось быть там, где всего труднее. А труднее было, конечно, в далекой Сибири, на Алтае. За годы ссылки она немало насмотрелась на бесправную долю сибирячек. Надо было поднимать их на борьбу за новую жизнь. Ведь Ленин сказал: «Если женщины поддержат революцию, то никакой враг ей не страшен...»

Весной 1918 года через Сибирь двигались эшелоны с бывшими военнопленными – чехами и словаками. Советское правительство разрешило им вернуться через Владивосток на родину. Но они, подстрекаемые иностранными капиталистами, подняли мятеж и с помощью русских белогвардейцев свергли в Сибири молодую неокрепшую Советскую власть.

Это случилось через несколько дней после приезда Эмилии в Барнаул.

Красногвардейцы Алтая около трёх недель бились с врагом, но силы были не равны. 15 июня белочехи и белогвардейцы вступили в Барнаул.

Захватив город, они устроили расправу над сторонниками Советской власти.

Кто из вас живёт в Барнауле, тот, наверно, бывал на Выставке достижений народного хозяйства, на горе. Раньше там было Нагорное кладбище. Так вот, на этом кладбище только в первые три дня белогвардейцы расстреляли более двухсот человек. Среди них были водник Елисей Дрокин, железнодорожники Савелий Лучанинов и Трофим Тяптин, прапорщик Николай Малюков, член совдепа Сергей Сычев, учитель Николай Тихонов...

Их именами названы теперь улицы Барнаула.

Расстрелы проходили и в других местах города. Наверно, многие из вас видели памятник расстрелянным в парке Октябрьского района. Здесь тоже погибло много невинных людей. Будете проходить мимо, поклонитесь их праху. Они отдали жизнь за нашу свободу и счастье...

Эмилия с маленьким сыном оказалась за решёткой, в переполненной до отказа камере. От жары, духоты, тесноты заболел ребёнок. С трудом добилась она перевода в тюремную больницу. Через три недели её освободили. Белогвардейцы, к счастью, не знали о прошлом Эмилии.

Едва вырвавшись из лап смерти, отважная женщина начинает создавать подпольную большевистскую организацию в Барнауле. Ей трудно пришлось, ведь она почти никого не знала ещё в городе, к тому же люди были запуганы расстрелами и арестами.

В августе 1918 года в Томске состоялась подпольная конференция сибирских большевиков. Из Барнаула на конференции был всего один делегат – Мария Зверева. Под таким именем приехала сюда Эмилия Алексеева.

Вы, конечно, хорошо знаете, ребята, писателя Максима Зверева, читали его прекрасные книжки о зверях и птицах. Он родился и вырос в Барнауле, но теперь живёт в Алма-Ате, ему

90 лет. Его мать звали Марией. Так вот, когда я выслал ему фотографию Эмилии Алексеевой и сообщил, под каким именем она была в Томске, он ответил:

«Ещё не читая письма, взглянул на фотографию и с удивлением увидел мою мать. Но это оказалась Эмилия Алексеева. Какое поразительное сходство!»

А вы знаете, наверно, что раньше в паспорте фотографии не было, вместо неё записывались приметы. Вполне возможно, что Мария Федоровна Зверева дала Эмилии свой паспорт для поездки в Томск. И мать, и отец Максима Зверева до революции числились у полиции «политически неблагонадежными». К тому же других Зверевых в то время в Барнауле не проживало.

Интересно, что и партийная подпольная кличка у Эмилии с этого времени стала «Мария».

В сентябре 1918 года в Барнауле был создан подпольный комитет большевиков. В него вошла и Эмилия.

Она организует подпольные ячейки из рабочих («пятерки»), пишет листовки, ведает явками. Явка – это надёжная квартира, где подпольщики могли укрыться, пожить некоторое время, провести собрание. В явочную квартиру пускали только того, кто знал секретное слово – пароль.

Одна из соратниц Эмилии Елена Кужелева, тоже член подпольного комитета, вспоминает, как радовались они выходу первой листовки:

«Барнаул ещё спал, когда мы с корзинами, закутавшись в тёплые платки, пошли, будто на базар. Листовки белели всюду, даже на здании полиции.

– Какие молодцы! Какие молодцы! – взволнованно говорила Эмилия о тех, кто за одну ночь сумел напечатать и расклеить листовки. – Теперь их будут искать. Надо их поберечь...»

Но сберечь всех не удалось. Один из подпольщиков, печатник Горлов, вскоре был арестован и расстрелян колчаковцами.

Подпольный комитет не имел денег, и Эмилия, чтобы жить, поступила счетоводом в кредитный союз. На подпольную работу оставались раннее утро, вечер и ночь. А ведь у неё был ещё ребёнок!

О ребёнке долгое время не знала даже Елена Кужелева. Однажды, придя к Эмилии домой, она, по её словам, прямо-таки поразилась, увидев её в объятиях малыша трёх-четырёх лет, от которого та со смехом отбивалась.

– Мой сын, мое сокровище! – со счастливой улыбкой сказала Эмилия.

Для молодой матери была вдвойне трудна опасная подпольная работа. Но никто никогда не видел её унылой и подавленной.

За Борисом помогали ухаживать квартирная хозяйка Дуся Орехова и лучшая подруга Эмилии Фрида Андрэй, эстонка, родом из Таллина. В Барнауле она оказалась потому, что её родной город захватили немцы. Таких людей называли тогда беженцами, их немало было на Алтае.

Фрида с Эмилией познакомились в барнаульской тюрьме. Там успели подружиться и после освобождения поселились в одной квартире. Жили они в нагорной части, на Бельгийской улице. (Теперь это улица имени С. К. Денисова). Фрида много помогала Эмилии в подпольной работе, она тоже была членом партии большевиков.

Главной заслугой Эмилии было создание «Красного Креста» при подпольном комитете. Члены этой организации под видом родственников добывались свиданий с политическими заключёнными, передавали им бельё, продукты, лекарства, а нередко и записки о положении на фронтах и другими сведениями. Записки писались на ленточках из тонкой ткани (батиста) и зашивались в одежду.

«Красный Крест» помогал семьям заключённых, собирал и переправлял партизанам лекарства и перевязочные материалы. Многим узникам он помог не только сохранить бодрость, здоровье, но и спас жизнь.

В феврале 1919 года по доносу провокатора часть членов подпольного комитета была арестована. Особенно большая опасность грозила Виктору Тиуну. Колчаковцы дознались, что раньше он был председателем Томского Совета. Надо было срочно спасти товарища.

За это взялась Эмилия Алексеева. Она сумела сделать так, что Тиунова под конвоем привезли в учреждение, где он работал до ареста, будто бы для сдачи дел. В коридоре он спокойно разделся, повесил на вешалку пальто, шапку и прошёл в кабинет. Конвойные задержались у дверей – покурить. Тиунов, не теряя времени, чёрным ходом вышел во двор, где его ждали уже сани, запряжённые резвой лошадей, в санях сидела Эмилия. Она отвезла его в надёжное место, где Тиунов переоделся, загримировался, после чего уехал в Омск. Там он тоже включился в подпольную работу.

Летом 1919 года, ночью, колчаковцы вывели в лес и расстреляли группу заключённых. Но один из них, большевик Петр Кудрявцев, чудом остался жив. Истекая кровью, он выбрался из могилы, куда его бросили вместе с другими казнёнными и пришёл к родственникам, жившим недалеко от дома, где снимали квартиру Эмилия Алексеева и Фрида Андрэй. Но родственники побоялись надолго оставить его у себя. Об этом сообщили Эмилии. В ту же ночь она вместе с Фридой перевязала раны Кудрявцеву и переправила его в безопасное место.

Вот, лишь два случая из жизни бесстрашной подпольщицы. А сколько мы не знаем и, наверно, уже никогда не узнаем!

Каждый день она рисковала собой, ходила, как говорят, по краю пропасти.

Работать между тем становилось всё труднее. Чем ближе подходила Красная Армия и ярче разгоралось пламя партизанского движения, тем сильнее лютовали колчаковцы.

Но, казалось, никакая опасность не в силах была запугать Эмилию Алексееву. Всегда весёлая, энергичная, увлекающаяся (близкие подруги ласково называли её Кипяток), она умела заражать истомившихся в колчаковской неволе людей своей жизнерадостностью и страстной верой в победу.

«От неё исходил незримый свет любви к людям, – пишет Елена Кужелева. – Это был исключительно чуткий, сердечный человек, всегда готовый протянуть руку помощи. Вспоминаются её слова: «Ну что у меня за характер? Почему я такая привязчивая? Вот, люблю Борьку. Это понятно, он сын. Но ведь не

меньше люблю Фриду, тебя, других товарищей. Так переживаю за каждого...»

Говорят, она всю жизнь была такой. Подруга Эмилии, работавшая с ней с 1912 года на заводе «Новый Айваз» (они и жили в одной комнате), вспоминает, что Эмилия при довольно неплохих заработках ходила в рваных ботинках (это в петербургскую-то слякоть и сырость), питалась впроголодь, зато два-три раза в неделю носила передачи политическим заключённым. Однажды отнесла им единственные одеяло и подушку, хотя у них в комнате, по словам подруги, было ничуть не теплее, чем в тюрьме.

Наверно, такие люди, ребята, и становятся борцами за народное счастье...

«Наша Мария», – с любовью называли её железнодорожники и пимокаты, кожевники и водники – рабочий люд Барнаула.

Колчаковские ищейки долгое время не догадывались, что красивая голубоглазая хохотушка с певучим голосом и тяжёлыми золотисто-рыжими косами, скромная служащая кредитного союза, и есть та неуловимая «Мария», большевичка из Питера...

В июле 1919 года Красная Армия перевалила Урал и двинулась сибирскими просторами, громя Колчака. В августе она уже освободила Тюмень и Курган. Близился радостный день победы. Но дожить до него Эмилии не удалось.

23 августа колчаковцы арестовали Фриду Андрэй, когда она по поручению Эмилии передавала через знакомого надзирателя записку заключённым женщинам.

Надзирателя тоже арестовали.

Эмилия не знала об этом. Вернувшись домой, она попала в засаду. При обыске у неё нашли шифр для переписки с заключёнными и план расположения помещений, где содержались арестованные женщины. Она готовила их побег.

Опасаясь, что на допросах, под пытками, а колчаковцы не щадили и женщин, она может выдать кого-нибудь, Эмилия приняла яд. И в эту страшную минуту она заботилась не о себе, а о других...

Ей было двадцать девять лет.

Наверно, вам, ребята, интересно узнать, как сложилась судьба сына Эмилии Алексеевой?

После гибели матери за Борисом ухаживала квартирная хозяйка Дуся Орехова, а 10 декабря 1919 года, когда партизаны изгнали колчаковцев из Барнаула и освободили политических заключённых, его взяла к себе Фрида Андрэй.

Незадолго до ареста Эмилия, видно, в горькую минуту, призналась подруге:

– Мне ничего не страшно, только жаль Бориса. Останется он сиротой, пойдёт в приют...

Фрида тогда ответила:

– Если с тобой что случится, а я останусь жива, то Бориса не брошу.

И слово своё сдержала.

Выйдя из тюрьмы, она осталась в Барнауле. Работала с беспризорными детьми, их было много тогда, организовывала детские приюты. И воспитывала Бориса.

В октябре 1920 года их нашёл муж Эмилии Михаил Алексеев. Сражаясь в рядах Красной Армии на разных фронтах, он ничего не знал о судьбе жены и сына.

Михаил увидел, что лучшей второй матери, чем Фрида, для сына не найти. Они поженились, уехали в Петроград.

«Борис рос ласковым и внимательным сыном, помогал мне в домашних делах, – вспоминает Фрида Яновна. – Успешно окончил семилетку, фабрично-заводское училище, работал токарем. Потом окончил вечернее отделение рабфака, поступил в институт механизации сельского хозяйства».

В 1939 году он добровольцем – бойцом лыжного батальона участвовал в войне с белофиннами. Вернувшись, продолжил учебу.

А в июле 1941 года весь третий курс их института добровольно вступил в народное ополчение, чтобы защитить родной Ленинград от немецко-фашистских захватчиков.

Через месяц, в августе, Борис погиб в боях под Лугой.

Одновременно с сыном ушёл в народное ополчение и Михаил Алексеев. Он был назначен политруком роты. В августе,

когда погиб Борис, отец был тяжело ранен под Кингиссепом...

Как видите, ребята, на Красном Знамени нашей Родины есть капли крови и матери, и отца, и сына Алексеевых...

Михаил Николаевич всю жизнь работал на заводе имени Ильича. Начал рабочим, потом окончил Промышленную академию, стал инженером. Не раз избирался депутатом Петросовета, затем Ленсовета.

Много лет переписывался с учениками школы колхоза имени Гринько Шипуновского района. Он умер в 1967 году.

А Фрида Яновна всю жизнь работала с детьми, потерявшими родителей, сиротами. Их много было и после гражданской, и после Великой Отечественной войн. За самоотверженный труд награждена орденом Трудового Красного Знамени.

Ныне она персональная пенсионерка, живёт в Ленинграде. И хотя ей уже много-много лет и здоровье слабенькое, она ещё переписывается с пионерами и школьниками Алтая, рассказывает им о суровых годах революции и гражданской войны, о своей незабвенной подруге Эмилии Алексеевой и сыне Борисе.

Вглядитесь, ребята, ещё раз в лица этих людей!..

Рекомендуем почитать

Гришаев, В. Ф. Прописаны навечно : (о людях, именами которых названы улицы Бийска) / худож. Н. Смирнов. – Барнаул : Алт. кн. изд-во, 1976. – 88 с. : портр.

Гришаев, В. Ф. Тропую памяти : записки краеведа / худож. А. Кальмуцкий ; фото А. Познякова, С. Пирогова. – Барнаул : Алт. кн. изд-во, 1987. – 272 с. : ил.

Гришаев, В. Ф. Наша Мария : для детей мл. шк. возраста / худож. В. Туманов. – Барнаул : Алт. кн. изд-во, 1988. – 14 с. : ил.

Гришаев, В. Ф. Сыны Алтая и Отечества. Ч. 3 : Ефим Мамонтов / худож. И. Мамонтов ; фото С. Пирогова. – Барнаул : Алт. кн. изд-во, 1989 – 200 с. : ил., портр.

Гришаев, В. Ф. Повесть о берг-механикусе Ползунове, жизнь положившем на то, дабы сложением огненной машины водяное руководство пресечь и, облегчая труд по нас грядущим

щим, славы Отечеству достигнуть : [повесть] / худож. В. Бровкин. – Барнаул : Изд-во «Анна Поом и К», 1993. – 48 с. : ил.

Гришаев, В. Ф. Шукшин. Сростки. Пикет / худож. И. Мамонтов. – Барнаул : Алт. кн. изд-во, 1994. – 149, [2] с., [12] л. фот. : портр.

Гришаев, В. Ф. В тыловом городе / [предисл. В. А. Возчикова ; худож. В. М. Хвостенко]. – Бийск : НИЦ БИГПИ, 1995. – 72 с. : портр. – (50-летию народного подвига, 1941–1945).

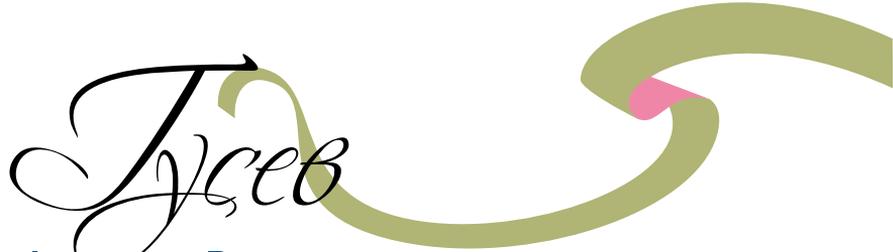
Гришаев, В. Ф. Алтайские горные инженеры / Администрация Алт. края, Ком. по образованию и др. – Барнаул : День, 1999. – 255 с. : ил.

Гришаев, В. Ф. Барнаульский печальник : док. повесть о В. К. Штильке / Ком. администрации Алт. края по образованию и др. – Барнаул : Изд-во БГПУ, 1999. – 150 с. : ил.

Гришаев, В. Ф. Избранное / вступ. ст. М. Юдалевича. – Барнаул : Алт. полигр. комбинат, 2001. – 416 с. , [8] л. ил. – (Библиотека «Писатели Алтая» ; т. 10).

Гришаев, В. Ф. Бийчане рассказывают... – Барнаул : Изд-во АлтГУ, 2003. – 147 с. : портр.

Гришаев, В. Ф. Алтайские краеведы / [ред. совет: В. С. Олейник и др.]. – Барнаул : [б. и.], 2010 (Алт. дом печати). – 225 с. – Имен. указ.: с. 213–224.

Александр Васильевич

(30.08.1921-28.04.2010)

Родился в г. Омске, затем семья переехала в г. Томск, где А.В. Гусев окончил зубоврачебную школу. С 7 июля 1941 г. по апрель 1945 г. находился в рядах действующей армии – Калининский, Белорусский, Прибалтийский фронты – в должности полкового медика-хирурга. Участвовал в войне с милитаристской Японией.

В 1947 г., после демобилизации, приехал в Томск, работал зубным врачом. С 1986 г. жил в г. Барнауле.

Литературной деятельностью начал заниматься с 1940 г.: стихотворения публиковались во фронтовых газетах «Красное знамя», «Врага на штык», «Сын Родины». В 1955 г. окончил Литературный институт им. М. Горького. Продолжая писать стихи, начал писать прозу.

Награждён орденами Красной Звезды, Отечественной войны и одиннадцатью медалями, полученными за участие в боях против фашистских захватчиков и японских милитаристов: «За боевые заслуги», «За взятие Кенигсберга», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.», «За победу над Японией» и др.

Лауреат премии им. В. Бианки за книгу стихов «Откровенность» (2004) и Демидовского фонда за книгу повестей «Таки-ми они были» (2007).

Член Союза писателей России с 2001 г.

СКОРАЯ ПОМОЩЬ

 акричал в испуге Саша:
– Подавилась кошка наша
И не может рот закрыть,
Надо в скорую звонить!
Ну, а папа без волненья
Садит кошку на колени,
Как-то ловко удалось
Вытащить у кошки кость.
И сказал тогда ей Саша:
– Рыба – это ведь не каша.
Осторожней будь, кись-кись,
Рыбу ешь – не торопись!

ДЯТЕЛ

Если в лес зайдешь, и вдруг
Ты услышишь: тук-тук-тук,
Жди, покажется сейчас
Добрый дятел-верхолаз –
На сучках и на вершинках
Собирает он личинки.
Вот как высоко залез!
Он, как доктор, лечит лес.

ДОЖДЬ

С братом шла из бора,
Грибов там набрала.
И как-то очень скоро
Нас туча догнала.
И капли засверкали,
Скрывая горизонт.
Под дерево мы встали,
Как под огромный зонт.
Засеребрились нити
У нас над головой.
А нам хотелось выйти
Из клетки дождевой.
Но побоялись, знали:
Чуть ступишь – и промок.
А капельки стучали,
Смеясь, у наших ног.

УТРО

Ударился ветер о ели.
Затих в ледяном серебре.
Последние звёзды дотлели,
Как угли в забытом костре...
Рассвет синеватый струится,
Пугая морозом денёк.
У елей на длинных ресницах
Повис и не дрогнет снежок.
И всё в этом мире нарядно.
Здесь пень, как серебряный стул.
И, грудь выставляя парадно,
Глухарь на суку хохотнул.
И зайцу, вскочившему с лёжки,
Медведя почудился храп.
Тряхнул своей лёгкою дошкой,
Оставил созвездие лап.

ОДНА ДОМА

– Подожди-ка меня, Нина,
Я дойду до магазина.
И осталась я одна,
Наступила тишина.
Не боялась я. Сначала
В кухне что-то заурчало.
А потом, как бы назло,
В кухне что-то заскребло,
Уловила шорох лап:
Цап-цап-цап-цап.
Чтоб ещё страшней не стало,
Забралась под одеяло.
Только плакать не хочу.
«Мама, мамочка», – шепчу.
Слышу, мама позвонила,
Я скорее ей открыла
И повисла на руках,
Убежал куда-то страх!

СИНИЦЫ

Слетаются синицы на обед,
В кормушку, приготовленную мною,
Как будто от деревьев шлют привет,
И радуют своею красотой.
Как я люблю тревожных этих птиц
С их суетой и вечною заботой.
А осенью задорный свист синиц
Сливается с деревьев позолотой.
Смотрю на них, а легкий ветерок
Уже листву сбивает на опушке...
Чтоб сохранить синицам голосок,
Не забываю за окном кормушку.

ПЧЕЛА

– Посмотри, цветочек вот.
Венчик, как кошёлка.
Села на цветок, ползёт
Осторожно пчёлка.
Хоботком перебрала
Все его тычинки.
– Что же ищет тут пчела.
Будто золотишки?
– Здесь нектар она берёт,
Понимаешь, дочка?
– Значит, будет пахнуть мёд
Этим вот цветочком?!

ВОРОБЕЙ

Воробей случайно сел на люк,
Показалось, что попал на юг.
Снизу грело – трубы шли в дома –
А вокруг белым-бела зима.
Пробежал по люку воробей,
Весело взглянул он на людей.
Натаскал он крошек, рад и сыт.
Снег кругом сугробами лежит.
Носиком он тронул тёплый люк
И чирикнул: «Человек мне друг!»

ВОВКА

Говорить про брата Вовку
Мне, сестре, совсем неловко.
Но и трудно промолчать.
Потому хочу сказать:
Вовка ходит в пятый класс.
Но ленивый он у нас.
Он принёс в тетрадке двойку.
А подтёр, и сделал тройку.
Улыбнулся: «Глянь, не видно!».
Мне за Вовку очень стыдно.

ФАКИР

Алёша и Димка нашли удобное место возле кустиков, где река образовала маленькую заводь, и закинули удочки.

Прошло около часа. Но не клевало. Потеряв терпение, Алёша сказал:

– Тут нет рыбы.

– Подожди, заклюёт, – ответил Димка. Ему не хотелось уходить от реки, он весело смотрел на катившуюся в блёстках воду и, казалось, совсем не думал о рыбе.

Подождав немного, Алёша решил:

– Пойду домой, – он вытащил удочку и хотел уже её смотреть, но Димка подбежал к нему.

– Не уходи! Тут хорошо! Хочешь, я тебе фокус покажу? Вот, смотри, бумажка. Видишь, целая! – он стал вертеть бумагу перед глазами Алёши. – Раз, два, три! – из его кулака посыпались мелкие бумажные клочки. – Этот фокус называется «Звёзды факира».

– Ну-ка, разожми кулак, – попросил Алёша.

На ладони Димки лежала та же целая бумажка.

– Откуда эти клочки? – удивился Алёша.

– Великая тайна факира! – подмигнул ему Димка.

– Ты настоящий фокусник.

– Я ещё кое-что умею! – Димка достал из кармана небольшой шарик-подшипник. – Смотри, я его зажму в кулаке и буду дуть. Очень хорошо смотри! –напрягаясь изо всех сил, он стал дуть в кулак. – Сейчас разжимаю и...

Подшипник исчез.

– Куда он девался? – недоуменно спросил Алёша.

– Я его выдул... Он превратился в маленькие невидимые частицы – и они исчезли. Но я их могу собрать. – Димка стал ловить руками воздух. – Теперь они у меня в пригоршнях. Но они очень горячие. – Димка дует в ладони. – Минуточку, уже частицы соединяются и затвердевают. Ещё терпение! – он говорит голосом факира и раскрывает ладони, показывая подшипник.

– Ловкий ты! А ещё знаешь фокусы?

– Знаю. С иголкой. Только иголки нет. Я ведь фокусы сам придумываю. В прошлом году показывал ребятам, старался, чтобы всё было гладко. Под конец кашель меня взял, дохнул не так – и подавился подшипником. С тех пор отец мне запретил

фокусы делать. Говорит, если увижу, что ты этим занимаешься, то я тебе такой фокус покажу, что ходить будешь, а сидеть...

– Строгий он у тебя.

– Да нет. Если что натворю, то сразу на глаза не показываюсь – ох, и даст сгоряча! А пройдёт полчаса, он уже и не заденет. Горячий, а добрый. Я как что натворю, так прячусь. Тактика такая!

– Значит, подшипник проглотил? – улыбнулся Алёша, не веря Димке.

– Проглотил бы – ничего. Прошёл бы. А он у меня в бронх попал. В больницу положили. Сам профессор посмотрел меня и сказал: «Доигрался?! Бронхоэктомию придётся делать». Ничего себе! У меня даже ноги затряслись. Это ты знаешь что?! Вот тут надо резать, – Димка показал рукой на грудь. В это время колокольчик удочки звякнул, Димка бросился к ней. – Смотри, обклевала и ушла – опоздал дёрнуть, – он насадил на крючки червячок, поплевал на них и зашептал: – Ловись большая, ловись маленькая. Ловись, старайся, да не срывайся.

– Это ты что, наговор какой-то делаешь?

– Наговаривают только старухи. Тут какая-то вера в удачу вселяется – думаешь, попадётся. Я этим часто пользуюсь. В школе так бывало: сидишь, не знаешь урока. А учительница у нас такая строгая по математике. Как начнёт спрашивать да «двойки» ставить, так весь класс в холод кидает, аж дышать трудно. А я про себя шепчу: хоть бы не спросила. И на неё стараюсь не глядеть. Так ведь обязательно спросит. Да ещё как!

– Выходит, твоё нашептывание – впустую?

– Нет. Ты погоди. Потом я по-другому стал делать. Значит, самую эту важную точку нашёл. Вместо того чтобы говорить: «Хоть бы не спросила», я шепчу: «Спрашивай, спрашивай – всё равно отвечу, не боюсь!». И прямо ей в глаза смотрю. Вот она полкласса опросит, а меня нет. Мой сосед, Лёвка, тот всё за сучок на столе держится. Так сучок аж побелел от Лёвкиного пальца.

– Ну, а помогает он ему?

Димка усмехнулся.

– Такое разве поможет. Я уж говорил Лёвке: «Брось ты это».

– Ты бы ему свой метод предложил, – скрывая улыбку, сказал Алёша.

– Этого нельзя делать, – серьёзно ответил Димка. – Мне помогать не будет.

Алёша взглянул в Димкины доверчивые глаза и съехидничал:

– Выходит, сам вылез, а товарищ – тони. Ничего себе!

Это возмутило Димку.

– Да я ему всегда подсказываю. Контрольные задачи сначала ему сделаю, а потом себе.

– Как ты умудряешься?

– А я на контрольных не теряюсь! Соображение приходит. Умнее становлюсь. Смотри, клюнуло! – Димка дёрнул удочку. Но крючки опять были пустыми. – Мелкая рыбёшка клюёт. Тянет за самый кончик червя, а до жальца крючка не достаёт – рот маленький, – он насадил червей, пошептал и закинул удочку.

Немного помолчав, Алёша спросил:

– А как шарик из тебя вынули? Разрезали?..

– Нет. Я как услышал про разрез, так и заснуть не мог. Думаю: будут резать, а сердце-то рядышком – жик, и все. Потом, не обязательно задеть сердце, ведь к нему сосуды идут, хоть какой перережь – всё равно конец. Лежу, а жить страшно хочется! В палате все спят. А тут разве уснёшь, если тебя утром резать будут, да ещё ненароком сердце могут задеть. Встал я с кровати, надел пижаму, решил домой убежать. Спустился по лестнице, а двери на замке. Это дежурная сестра закрыла, чтоб никто не вышел. Хитрющая была. Хотел я в окошко со второго этажа вылезть. Открыл окно, а дождь такой хлещет – свету не видно, аж вода в трубах гудит. Постоял, холодно стало. Пришёл в палату и думаю: если встать на голову, ногами к стенке, может, шарик и выкатится? Осторожно, чтобы не шуметь, раз – и встал на голову, потом ещё раз, как в цирке, чувствую – легче стало. И пошёл я, значит, столбики делать. Стою до тех пор, пока в глазах не покраснеет. А шарик, кажется, поддается. Тут заходит сестра, а я на голове стою. Она напугалась, подумала, что я спятил, и спрашивает так осторожно: «Тебе что, плохо, мальчик?». Шарик, говорю, хочу из себя выжить. Вот уже поддается. Она быстро к врачу. А врач, Михаил Семёнович, здоровенный, как медведь, пришёл, усталился на меня, заставил снова на голову встать. Да как схватит за ноги, да ка-ак тряхнет! Аж мозги у меня зашевелились. Потом положил меня на кровать. Сестра за носилками побежала и – на рентген. Проявили пленку и видят: шарик ближе стал. Тут ещё два студента дежурили, подошли, подняли меня за ноги и начали трясти.

А доктор ими командует. Хорошо, что у меня всё внутри крепко держится, а то бы что-нибудь оторвали.

Вдруг слышу: шарик бульк – и выкатился. Вот так и достали... А доктор мне сказал: «Ты, парень, новый метод изобрёл. Так и в твоей истории болезни и запишем: извлечение шарика из бронха путем подергивания за ноги». И засмеялся. А утром выписали меня домой.

– Не много ли ты мне приврал? – усомнился Алёша в правдивости рассказа Димки.

– Это проверить можно! – возбуждённо ответил Димка. – Больница-то на месте стоит. Да и доктора того я недавно видел. Смотри, у тебя леску потянуло!..

Алёша дёрнул удилище. Маленький пескарь блескуче забился на крючке.

– Тебя заслушался и попался, – радостно сказал Алёша.

– Ты мне не веришь? – обиделся Димка.

– Верю! В жизни ещё и не такое бывает. Вот раз мальчишку ёрш проглотил...

– Ну, это брехня! – сказал Димка.

И они оба засмеялись.

Рекомендуем почитать

Гусев, А. В. Печальный долг : повесть, рассказы / А. Гусев, С. Згорышев. – Барнаул : Алт. кн. изд-во, 1990. – 221, [2] с. : ил. – Из содерж: Гусев, А. В. Боль : повесть.

Гусев, А. В. Окруженцы : повесть / авт. вступ. ст. В. Возчиков. – Бийск: НИЦ БигПИ, 1995. – 71 с. – (50-летию народного подвига, 1941–1945).

Гусев, А. В. Повести / А. В. Гусев, В. С. Шевченко. – Барнаул : Алт. полигр. комбинат , 2002. – 416 с. : портр. – (Библиотека «Писатели Алтая» ; Т. 15). – Из содерж: Гусев, А. В. Попутчик ; Окруженцы ; Боль.

Гусев, А. В. Откровенность : стихи / авт. вступ. ст. А. Зуев; худож. А. Карпов. – Барнаул : Алт. дом печати, 2003. – 111 с. : ил.

Гусев, А. В. Такими они были : повести. – Барнаул : А.Р.Т., 2005. – 223 с.

Гусев, А. В. Беспкойные : рассказы, повесть / [авт. предисл. А. Зуев]. – Барнаул : Алт. дом печати, 2009. – 109, [2] с. – (Городская библиотека ; вып. 20).

(р. 01.02.1938)

Родился в с. Каяушка Родинского района Алтайского края. Окончил семилетнюю школу в с. Степной Кучук; десятилетнюю – в с. Родино. Заочно учился в Славгородском сельскохозяйственном техникуме, Барнаульском сельскохозяйственном институте, в 1985 г. закончил Всесоюзный институт усовершенствования зоотехников-пчеловодов.

25 лет возглавлял агрономическую службу в совхозе им. Куйбышева Завьяловского района. После переезда в г. Барнаул (1987) работал педагогом на Краевой станции юных натуралистов методистом по ученическим производственным бригадам сельских школ края.

Награждён Орденом Трудового Красного Знамени (1972).

ПРО ЕЖА

Е

жик чует за версту
Нашу ласку, доброту.
Потому всегда ручной
Хищник маленький, ночной.

А из сказочных персон
Для ребят – любимец он.
Привыкает к ним легко,
Пьёт из блюдца молоко.

Лишь на миг бывает злюкой,
Если встретится с гадюкой.
Тут его не удержать...
Пусть не трогает ежат!

НАШ КРАЙ

Золотым называют
Благодатный наш край.
И не зря величают
Этим словом Алтай.

От Бурлы до предгорий
Далью хлебных полей
Разливается море
Для «степных кораблей».

В силе нашей пшеницы
Хлеборобская статья.
Этим нужно гордиться,
Гимны хлебу писать.

Золотистому полю
До земли поклонюсь,
В нём родное раздолье,
Наша хлебная Русь!

ИЮЛЬ

На вершину лета
Солнышко взошло,
Улыбнулось детям
Ласково, тепло.

Земляникой спелой
Так и манит лес,
Луг ромашкой белой
Запорошен весь.

Разворчатся в полдень
Гроном облака –
Спрячемся от молний
В доме лесника.

Нас душистым чаем
Угостит старик...
Он уже встречает
Наш весёлый крик.

ЗВЁЗДНАЯ НОЧЬ

Ночь пушистыми ресницами
Убаюкает меня
И волшебной синей птицею
Улетит навстречу дня.

По лугам с травой нескошенной,
На обители земной,
Бродит месяц – конь стреноженный,
Рыжегривый, золотой!

Млечный Путь в реке купается –
Звёздный бархат без границ.
Ночь короткая кончается,
Тает в росчерках зарниц.

ЖУРАВЛИК

Плачет журавлёнок,
Плачет – не унять,
Просит свою маму:
«Научи летать!
Сколько же мне бегать
Следом за тобой,
Путаясь ногами,
По траве густой?
Я хочу с тобою
Высоко с небес
И луга, и нивы –
Всё запомнить здесь.
Чтоб весной вернуться
В наш родимый дом,
Где шумит осока
Над пустым гнездом».

ОСЕНЬ

Отзвенело, как и не бывало,
Лето пышной зеленью листвы.
Незаметно дни короче стали,
Ночь наводит длинные мосты.

Собираясь в дальнюю дорогу,
Чтобы легче путь преодолеть,
Осень рассыпает, как из рога,
Свежепозолоченную медь.

Воздух чист, и легкая прохлада,
Зажигая гроздь у рябин,
Упадёт с последним листопадом
На вуаль из белых паутин.

ПАМЯТЬ ЛЕТА

Растеряли тополя
Золотые купола,
Обнажились кроны
У берёз и клёнов.

Потемнел сосновый бор,
А под хвойной лапой
Догорает мухомор
В конопатой шляпе.

В чаще ходит тишина
Осторожней лани,
За собой ведёт меня
По лесной поляне.

Разгорелись у рябин
Гроздь ярким светом.
Их пылающий рубин
Нам – как память лета.

СНЕГОПАД

Люблю, когда снежок пушистый
На землю падает с небес.
Он, как художник белой кистью,
Нам разрисует зимний лес.

Посеребрит парчой берёзы.
Рябине шарф повяжет он,
А ель укроет от мороза
Пуховым вязаным платком.

Не обойдёт сосну вниманьем:
В ершистой зелени ветвей
Поселит он с таким стараньем
То птиц, то сказочных зверей.

И мчит уже с весёлым звоном
По ненакатанной лыжне
В морозной солнечной короне
Зима-красавица ко мне.

ЗИМА

Раскуражилась метель,
Закружилась весело,
Стелет белую постель,
Кружева развесила.

Вяжет сказочный узор
Ледяными спицами,
На распахнутый простор
Пала лебедицею.

А волшебник-чародей,
Наш мороз трескучий,
Осыпает снегирей
Инеем колючим.

СОСУЛЬКИ-ВИСЮЛЬКИ

Уронило солнце лучик –
От весны заветный ключик.
И сосульки, строго в ряд,
Дружно вышли на парад.

За ночь выросли из капли
Ребятишкам шпаги, сабли,
Леденцы хрустящие,
Ну, как настоящие!

А вот маленькой Олесе
Вечер был уже не весел:
Вся в испарине, горит...
Отчего? – не говорит.

ПОСЛЕ ДОЖДЯ

Пахнет спелую пшеницей
И грибным дождём.
На уставших колесницах
Не резвится гром.

Спит дорога полевая,
Дремлет тишина.
Лишь цикады не смолкают,
День и ночь без сна.

Отпускает ночь зарницы
Погулять в хлеба.
Лишь взмахнут крылом Жар-птицы –
Гаснут без следа.

ЛАСТОЧКИ

Ласточка-певунья,
Песенку нам спой,
Что из стран далёких
Принесла с собой.

Там, в заморских странах,
Птиц зимует много,
Но весной их тянет
До гнезда родного.

Птички сели рядом
И всю щебечут,
Потому что рады
И весне, и лету.

ЛАНДЫШИ

В царстве сказочном, лесном,
На тенистой грядке,
Под калиновым шатром
Кто играет в прятки?

Майский ландыш – ну, краса!
Развернул листочки.
В них жемчужная роса –
Белые комочки.

Серебристых бубенцов
Чудятся мне звоны
Вешних, трепетных гонцов
В тишине зелёной.

ХИТРАЯ ЛИСА

(Сказка)

До чего ж хитра плутовка –
Светло-рыжая воровка.
Речи сладко говорит,
Петушка к себе манит.

«Подойди, дружок, поближе.
Что-то я тебя не вижу:
Стала старою совсем...
Да не бойся – я не съем!

Вот пшено, а вот горошек...
Кушай, кушай, мой хороший,
Золотистый, золотой...
(Вот сейчас ты будешь мой!)»

Полетели пух и перья –
Зря петух лисе поверил.
Та мелькнула за кустом
Распушившимся хвостом.

И, чтоб не было беды,
Замела свои следы.

СТРЕКОЗА

Самолётик-стрекоза,
Золотистые глаза,
Я твой маленький пилот,
Ты возьми меня в полёт!

Полетим мы круг за кругом
Над водой, зелёным лугом,
Выше леса, выше гор...
«От винта! Включай мотор!»

МОТЫЛЬКИ

Бабочка, милая,
Сядь на цветок,
Выпей у лилии
Сладкий медок.

Крылья-ладошечки
Вместе сложи,
Сказку хорошую
Нам расскажи.

Слушать готовы
Тебя мотыльки:
Танечки, Вовы
И Васильки.

НА ОЗЕРЕ

Чуть светлеет восток.
Просыпается день –
Света властный поток,
Растворяющий тень.
Что-то шепчут в тиши,
Чуть играя с волной,
Сторожат камыши
Утра сонный покой.
Занавесил туман
Всю озёрную гладь,
Чтоб дотошный баклан
Перестал хохотать.

Рекомендуем почитать

Денисов, А. С. Планеты хрупкое стекло : стихи и загадки о природе. – Барнаул : Азбука, 2004. – 74 с.

Денисов, А. С. ...Я начинаю путь : книга для детей и родителей. – Барнаул : Алт. дом печати, 2009. – 96 с. : ил.

Злышко

Иван Силыч

Головина

Нина Александровна

Злышко Иван Силыч

(17.03.1908 – ?)

Головина (Самыгина) Нина Александровна

(04.08.1906 – 23.01.1968)

Иван Силыч Злышко родился в с. Лютинские Будища Зеньковского района Полтавской области. Начал печататься на украинском языке с 1940 г. в г. Киеве.

Нина Александровна Головина (Самыгина) родилась в г. Севастополе, получила высшее образование. Первое произведение было издано в 1953 г. (совместно с И.С. Злышко).

Злышко И.С. и Головина Н.А. писали в основном в соавторстве. Сказки и рассказы издавались в Барнауле, Новосибирске, Москве. В начале 1960-х гг. уехали в Москву.

ЧВАНЛИВЫЙ ПЕТУХ

В

весёлый летний день ходила по двору наседка Рябушка и созывала цыплят. Десять пушистых жёлтых цыплят бежали на зов, только самый маленький, с чёрными пятнышками, отворачивался и делал вид, что не слышит.

– Иди сюда! – квохтала Рябушка.

– Пи-пи-пи, я занят, – важно отвечал Пятнашка, хотя ему и хотелось подбежать посмотреть, что нашла мать.

Чем дальше, тем хуже он становился. Все цыплята по двору ходят, а Пятнашка на улицу убегает, и однажды чуть в когти кошке не угодил. Вечером все в курятник спать идут, а Пятнашку бабушка по всему двору ищет, еле в садике найдёт.

– Какой противный цыплёнок! – говорила про него бабушка.

– Какой я красивый! – думал Пятнашка, глядя на себя в дождевую лужу.

Время шло, – и впрямь Пятнашка вырос в красивого петуха. Грудь жёлтая, точно из золота, крылья в чёрной каёмке, хвост разноцветный, а красный гребень, точно корона, горделиво на голове возвышается. И зовёт его бабушка уже не Пятнашкой, а Золотым гребешком.

Всё было бы хорошо, но уж очень Золотой гребешок зазнавался. Ходит по двору, голову задрал, ни с кем не раз-

говаривает. Даже не стал спать в курятнике, спит на дереве, у бабушки под окном.

Задумал Золотой гребешок жениться. Три дня думал, кого ему в жёны взять, чтобы честь свою не уронить. И решил сватать лебедь белую, что за садом на озере плавает. Пригласил он весь птичий двор на свадьбу, а лебедь белую не спросил, хочет ли она быть его женой. Подошли птицы всей гурьбой к озеру. Взлетел петух на камень, кукарекнул:

– Плыви сюда, лебедь белая!

Подплыла она и спрашивает:

– Что это вы все собрались?

– На свадьбу твою с Золотым гребешком пришли, – отвечают все хором.

– На какую свадьбу? – удивилась лебедь.

– Тебя замуж беру! – гордо заявил Золотой гребешок.

– А если я не пойду? – спросила лебедь.

– Как же можно за меня, Золотого гребешка, не пойти! – воскликнул петух.

Рассмеялась лебедь:

– Хорошо, пойду за тебя, только плыви за мной на ту сторону озера.

И поплыла.

Обмер петух, что делать, не знает. И в воду лезть страшно и не плыть – все насмеяться станут. «Будь, что будет», – подумал, и в озеро прыгнул. И сразу же, захлебнувшись, заорал:

– Ка-ра-ул, тону!

Тут ему и конец был бы, да утки сжалились, вытащили. Вылез он на берег мокрый, тонкий да худой... И куда его красота девалась! Перья слиплись, гребень в тине вымазан. Как увидели его жители птичьего двора, так со смеху и покатались.

До того смеялись, что курочки охрипли, утки на землю попадали, а от гусяного гогота все на три дня оглохли.

С той поры петушка нашего мокрой курицей прозвали, и гордиться ему не под стать стало.

КИСЕЛЬ-ВЕСЕЛЬ

Жила на краю села бабушка Анюта. Была она старенькая, седенькая, но весёлая-превесёлая. Коль спросит её кто, отчего она всегда весёлая такая, отвечает старушка:

– Потому, что умею варить кисель-весель.

А по соседству с бабушкой Анютой жил мальчик Вася – ленивый-преленивый и балованный-пребалованный. Папа его баловал, мама его баловала, тётя его баловала – ну как тут балованным не будешь?

Раскапризничался как-то Вася, а мама ему и говорит:

– Хоть бы тебя бабушка Анюта своим киселем-веселем накормила.

«Наверно, очень вкусный этот кисель», – подумал Вася и тут же побежал к соседке.

– Бабушка, а бабушка, дай мне твоего киселя попробовать!

– Не сварила я ещё киселя, деточка.

– Ну, так вари скорей!

– Ишь ты, указчик какой нашёлся! – засмеялась бабушка. – Если хочешь поесть моего киселя-веселя, приходи ко мне жить на три дня.

Прибежал Вася домой и заявил:

– Ухожу к бабушке Анюте на три дня жить, кисель-весель есть буду.

Заохала мама:

– Ты же без присмотра простудишься! Заохала тётя:

– Да кто же тебя без меня умоет, оденет?

– Не пуцу! – сказала мама.

– Не пустим! – повторила тётя.

А Вася как заплачет, как закричит на всю улицу:

– Хочу к бабушке Анюте! Пойду к бабушке Анюте!

Жалко стало Васю маме и тёте, и отпустили они его в гости. Обрадовался он, бежит, во всё горло кричит:

– Бабушка Анюта, я к тебе на три дня жить иду!

– Проходи в горницу, – встретила его на пороге хозяйка, – только ноги о половики вытри.

Вошёл в избу Вася, смотрит – стоят на лавке горшки: большой-пребольшой, потом поменьше, а в конце – самый маленький.

– Ну, Вася, – спрашивает бабушка, – в каком горшке кисель-весель варить будем?

– Вот в этом! – показал Вася на самый большой.

– Хорошо, – согласилась бабушка, подала ему горшок и велела вымыть.

– А я не умею! – возразил Вася.

– Дело нехитрое, научись!

Моем горшок Вася, брызги кругом летят, да всё же вымыл – хорошо, чисто.

– Молодец, – похвалила бабушка, – а теперь мы с тобой крахмалу натрём.

– Не умею я крахмал тереть, – запыхтел Вася, – дома я кисель только ем, а варит его мама.

– А мне ты поможешь, – и бабушка подала Васе тёрку и ведро с картошкой.

Начали они вдвоём картошку тереть. Скоро Васе надоело работать, и хотел он уже захныкать, что руки болят. Да бабушка на него посмотрела и предложила:

– Чтоб вкуснее кисель вышел, давай, Вася, песенку споём. И запела:

Вот мы весело вдвоём

На крахмал картошку трём,

Будем мы варить кисель.

Не простой – кисель-весель.

Забыл Вася, что капризничать собрался, стал бабушке подтягивать. Споют они песенку и начнут снова, не заметил Вася, как и работу кончили.

– А теперь, – говорит бабушка, – принеси щепок со двора.

Растопили печку, закипела вода. Начала бабушка в горшок фрукты сушёные класть, приговаривать:

– Бросим мы вишенки красные – росли они, зрели на веточке, от ветерка тихонько качались, на солнышке сладким со-

ком наливались. Теперь вот яблочек добавим, румяными я их срывала, на кружочки резала и на ниточку нанизывала. А сейчас крахмалу положим, что с Васей приготовили...

Сварился кисель, сели хозяйка с Васей за стол, взяли ложки круглые расписные и стали есть. Наелся Вася киселя и говорит:

– Ох, и вкусный кисель, бабушка Анюта, никогда ещё такого не ел!

– Оттого он вкусный, – отвечает бабушка, – что ты сам трудился, варить мне помогал.

– И правда, весело мне! – воскликнул Вася.

– А это потому, что тебе за работой скучать да капризничать некогда было.

Прожил Вася у бабушки Анюты три дня, пора и домой идти. Подарила она ему на прощанье горшочек самый маленький и сказала:

– Как нападут на тебя хныкалки-капризы, бери лукошко с картошкой, натри крахмалу побыстрей да свари киселя послаще.

И стал с той поры Вася кисель-весель варить, весело, без капризов жить. А коль вам скучно станет, поезжайте к нему в гости, он и вас тот кисель варить научит.

ОЛЯ И МЯЧИК

Шла Оля из школы. Шла и по сторонам смотрела, а луж не замечала, и промочила ноги.

«Надо потише идти, чтобы чулки высохли, а то бабушка мокрые ноги увидит – сердиться будет», – подумала Оля, и пошла медленней. Шагнёт – направо посмотрит, шагнёт – налево посмотрит, а вниз смотреть неохота. Глядь – опять в луже стоит, да преглубокой. Выбралась Оля из неё – слёзы закапали: все по сухим дорожкам ходят, а перед ней лужи плещутся.

И совсем бы расплакалась Оля, да взглянула вперёд – и рот раскрыла: сидит под деревом на скамейке дедушка маленький, в шляпе с большими полями, и держит в руке мячик

– один бок красный, другой синий. И мячик у бабушки в руках сам прыгает, видно, не лежится ему на месте.

– А ну-ка, подойди, девочка, – окликнул её бабушка. Подошла Оля.

– Ты зачем в лужу полезла? – спрашивает он.

– Не я в неё полезла, а она сама мне под ноги попала.

– Э, да ты, я вижу, выдумщица, – сказал бабушка. – Нравится тебе мой мячик?

– Очень нравится!

– Тогда возьми его, но помни: солжешь первый раз – он ударит тебя, второй раз солжешь – прыгать перестанет, а если и в третий раз неправду скажешь – мячик ко мне вернется.

– Спасибо, бабушка, – сказала Оля. Мячик прыгнул ей в руки, и она побежала. Оля бежит, а мячик вокруг неё прыгает: то в руки, то из рук, то вверх, то вниз. Быстро домой добежали, в дверь постучали: Оля – стук, мячик – тук-тук.

Бабушка открыла дверь и сразу же спросила:

– Где мячик взяла?

– Бабушка подарил! – ответила Оля быстро.

– Батюшки мои, а где это ты ноги промочила? Оля ответила медленно-медленно:

– Ма-а-альчишки толкну-у-ули меня в лужу...

Но ещё окончить не успела, как мячик отскочил от стены, стукнул её по лбу, да пребольно.

Бабушка внуку переодела, накормила. Отдохнула Оля час, и посадила её бабушка уроки учить. А уроков на завтра много: задачу решить, три строчки переписать, пять строк букваря прочитать. Села Оля за книжки, мячик рядом положила, а он лежит, красным бочком ей улыбается.

«Эх, – подумала Оля, – учи и учи каждый день уроки. Бабушка в кухне долго будет пирожки печь, поиграю я немножко мячиком».

Но мячик играть не захотел, под диван закатился, никак его оттуда не достанешь.

Пришла бабушка – книжки на столе лежат, скучают, а внучка вокруг дивана ползает.

– Ты что это делаешь? – спросила бабушка.

– Ручка под диван закатилась, достать не могу, – соврала Оля. И тут же в руки ей мячик попался. Но, видно, он на что-то острое наткнулся, сморщился, совсем не прыгает.

– Вот же, на столе твоя ручка! – рассердилась бабушка, – ты, наверное, за мячом лазила и совсем за книжки не садилась?

– Нет, – ответила внучка, – я три раза букварь прочитала.

Тут подскочила собачка Авка, схватила мяч и убежала. Искала Оля мячик, искала, да так и не нашла.

На другой день сидит она без мячика, скучает. Смотрит, лежат на столе бабушкины очки. Надела их – ничего не видно, стала коту примерять, и за диван уронила. Зазвенели очки жалобно. «Ой, – испугалась Оля, – наверное, разбились».

А вечером принёс почтальон письмо от мамы. Стала бабушка очки искать, спрашивает внучку – не видала ли?

– Нет, не видала, – покраснела Оля.

– Ох, – вздыхает бабушка, – письмо-то срочное, может, ты, Олечка, попробуешь прочитать?

Но Оля ещё и печатные буквы не все знала, письмо прочитать не смогла. Так и легли спать, не узнав, о чём мама пишет. На другой день играл котёнок и вытащил лапкой очки из-под дивана. Подняла их Оля и очень обрадовалась – очки были целы!

Прочла письмо бабушка, а в нём написано, чтобы в субботу вечером слушали, как мама будет выступать по радио. А суббота вчера была.

Заплакала Оля и думает: «Никогда больше не буду говорить неправду, вон как всё плохо получается».

САПОГИ ДЕДА НИКИТЫ

Случилось мне однажды проезжать через село Правдивое. И рассказал дедушка, мой попутчик, о том, почему это село так называется.

Жил на краю села сапожник, дед Никита. На сто верст кругом не было такого мастера: не сапоги у него получались, а загляденье. Наденет их парень, сразу осанистей и стройней станет, наденет девушка – ноги у неё сами в пляс пускаются...

А дед, подавая сапоги, всегда приговаривал:

Не сапожки, просто диво,
Но смотри, живи правдиво,
А в тот день, когда соврёшь,
Вмиг сапожки разорвёшь.

И впрямь: были сапоги крепкими, казалось, износу им не будет, а соврёт парень или девушка – глядь, дырявыми сапоги стали: или на гвоздь напорются, или о камень ударятся – что-нибудь да случится.

Проезжал раз тем селом купец богатый с женой. Увидела купчиха на девушках сапожки красивые, пристала к мужу: купи да купи ей такие. Пришлось купцу девушек останавливать, про сапожки расспрашивать. Повернул он тройку и поехал к деду Никите. Вынес тот сапожки, подал купчихе и говорит:

Не сапожки, просто диво,
Но смотри, живи правдиво,
Коль в сапожках станешь врать,
Будут ноги сильно жать.

Приехала купчиха домой, и ну перед соседкой хвастаться: – Вот какие мне сапожки красивые муж из столицы привёз! Не успела сказать, правый сапог так сжал ногу, что побледнела купчиха и закричала:

– Пошутила я, соседка, пошутила, эти сапоги я купила в одном селе, у деда Никиты.

И тут же ей сапог ногу жать перестал.

В это время купец на ярмарку уезжал и послал вместо себя жену в лавку торговать. Да лучше б она в этот день торговать не начинала. Только станет купчиха гнилой ситец расхваливать, как сожмёт ей сапог ногу – и расскажет она покупателю, что ситец этот плохой, втридёшева купленный.

Удивится покупатель и уйдёт ни с чем.

Закрыла купчиха лавку, со слезами домой прибежала, сапоги сбросить хочет, да они не снимаются, точно к ногам приросли.

Пришлось ей к деду Никите ехать, просить, чтобы он сапоги назад забрал.

Рассмеялся дед Никита:

– Не всем, видно, мои сапоги носить можно. Снимай-ка их, купеческая жена, скорее.

Сбросила сапоги купчиха и домой уехала.

С той поры кто врать да обманывать любил, не то что к деду Никите, даже в село, где он жил, заходить боялся. И стали называть то село Правдивым.

ПОЧЕМУ ПАПОРОТНИК НЕ ЦВЕТЁТ

Давным-давно это было. На лесной полянке солнечным летним утром расцвело много красивых цветов. Под лёгким ветром тихо качались скромные белые ромашки, весёлые синие колокольчики, гордые яркие тюльпаны. Но красивей всех среди них был красный, как огонь, цветок папоротника. Такой он был чудесный, что соловей тут же сочинил и запел ему хвалебную песню.

Услышал эту песню папоротник, гордо качнул головой и подумал: «И правда, я самый красивый из всех цветов, и нет на белом свете мне равного».

Слетелись на полянку пчёлки-работницы, бабочки-танцовщицы, букашки разные, с цветка на цветок порхают, пыльцу и нектар собирают. А как увидели цветок папоротника, от восторга зажужжали и к нему бросились. Да только он лепестки закрыл, никого не пускает и говорит:

– Не смейте трогать, вы меня пыльцой запачкаете, лапками поцарапаете, красоту мою испортите.

Просят пчёлки-работницы:

– Дай нам немного пыльцы и нектара, у всех цветов мы берём, никому вреда не причиняем, и никто на нас не в обиде.

– Никого не пущу, – ответил папоротник, – убирайтесь прочь, не мешайте мне мою красоту всем показывать.

Обиделись пчёлки, бабочки, букашки – улетели. А папоротник снова раскрыл лепестки, стоит посреди поляны, как жар горит. Только никто к нему теперь не подлетает, красоту его не восхваляет. Посмотрел вокруг себя папоротник и подумал: «Это мои соседи-цветы из зависти меня закрыли, чтоб меня никто не видел». И закричал на них сердито:

– Как вы смели, ничтожные колокольчики да ромашки, рядом со мной вырасти, только любоваться мной всем мешаете!

– Никому мы не мешаем, – прозвенел синий колокольчик, – да и любоваться таким кичливым цветком больше никто не хочет. Одумайся, папоротник, пусти к себе пчёл!

Покачнулся от злости папоротник и закричал:

– Не для того я расцвёл, чтобы надоедливых пчёл поить-кормить!

– Глупый ты да и только, – сказал колокольчик, – о том и не подумал, что пчёлы опылили бы твой цветок, семенам вырасти помогли, а так ты пустоцветом можешь остаться.

– Зато я красивей всех цветов, а до семян мне дела нет, – гордо ответил папоротник.

Настала осень, отцвели лесные цветы, бросили свои семена на землю, лишь у папоротника ни одного семечка не оказалось. И весной, когда запестрела поляна цветами краше прежнего, не расцвёл только один папоротник.

С той, поры он не цветёт никогда, а крохотные споры, которые вместо семян у него появляются, стыдится другим цветам показывать и так прячет их на нижней стороне своих листьев, что трудно даже эти споры заметить.

КАК У ЕЖА ИГЛЫ ПОЯВИЛИСЬ

В лесу на полянке жил ёж. Мордочка – рыльцем, глазки – бусинки, а шерсть мягкая, длинная, пушистая. Уши у ежа чуткие, они только и спасали его, беззащитного.

Лежал однажды ёж, на солнышке греясь, и горькую думу думал про жизнь свою горемычную. У каждого зверя своя защита есть: у кого – зубы, у кого – рога, у кого – когти острые. А ежа кто захочет, тот и съест. Заплакал ёж и решил утопиться. Но до речки и то спокойно не дойдешь: лиса пробежит – под куст хоронись, волк завоюет – опять прячься. Всего и не расскажешь. С утра вышел, а к реке добрался только к вечеру, хотя пройти нужно было всего двести ежовых шагов. Ну, жизнь ли это?

Помахал ёж лапкой лесу на прощанье и – в воду. Да видно не пришёл ещё час ежовой смерти. Вода ли вынесла, сам ли выкарабкался – только очутился снова на берегу; сидит похрюкивает, с мохнатой шубки воду стряхивает.

– Ладно, – сказал ёж, – значит, суждено мне ещё пожить на белом свете, – и поплёлся домой. А дело к зиме шло, мороз ночью брался. Идёт ёж, приплясывает, чтобы согреться, и не заметил, как лиса появилась.

– Вот добро, ужин сам в рот пришёл! – пропела она и – хватать ежа. Да как выплюнет, как завизжит, и наутёк во весь дух пустилась. Мокрая шерсть у ежа заморозилась, со страху ошетибилась, иголками острыми растопырилась – весь язык лиса исколола. После этого три дня молчала лиса-сплетница, язык лечила. А когда встречала ежа, за сто вёрст убегала.

А ёж рад, посмеивается, идёт дальше, песенку мурлыча. Вдруг, откуда ни возьмись – волк, зубастую пасть разинул:

– Хоть и мал ужин, а всё ж нужен!

Ёж в комок свернулся, иглы ледяные выставил, ждёт. Волк – хватать его! – и взвыл, наколовшись. Удивился волк, повертелся, повертелся вокруг ежа небывалого и прочь убежал.

И пошла по лесу молва про ежовую шубку колючую. Хищники боятся трогать ежа, слабые звери завидуют ему. А тут время подошло ежу на зиму спать ложиться. Заснул он в своей норке, и всю зиму снилась ему шубка колючая. А весной проснулся, увидел, что на нём опять только мягкая шёрстка. Вылез ёж из норки, размял спинку, лапки, кругом осмотрелся, на яркое

солнышко прищурился и загрустил: шерсть в иглы уже не заморозишь, с житьём безопасным распрощайся, снова каждого шороха бойся, каждую минуту прячься.

Сидит однажды ёж под сосной зелёной, песню грустную мурлычет:

В старину портные жили,
Для зверей тулупы сшили,
Чтоб от холода зимой
Не страдал народ лесной.
Каждый шубою гордится:
Белка, волк, медведь, лисица.
Только ёжик день-деньской
Не расстанется с тоской.
Ох, ежовая ты шуба,
Всем была б ты хороша,
Если бы от когтя, зуба
Защитить могла ежа...

Да помешали две мыши юркие ежу песенку окончить. Начали они нору рыть, корни сосны перегрызать, жильё себе устраивать.

Рассердился ёж на разбойниц серых за то, что портят сосну молодую, бросился на них, одну схватил, другая убежала, Сел ёж, снова свою песенку продолжает:

Только, видно, шубы новой
Мне иметь не суждено,
Ведь звериного портного
Нет в живых давным-давно.

Вдруг сосна ветвями качнула и говорит:

– Не горюй, Ёж Ежович, не печалься, за услугу твою я тебе помогу. Напою я тебя своим соком янтарным, превратится шерсть твоя в иглы колючие.

И выступили на коре сосны три капли смолы золотой, пахучей. Выпил ёж одну каплю – шерсть вся дыбом поднялась, выпил вторую – превратилась шерсть в иглы, выпил третью –

стали иглы у него твёрдыми да острыми, как шипы терновника.

Поклонился ёж сосне низко-пренизко:

– Спасибо тебе, сосна, век услуги твоей не забуду!

И стал ёж с той поры жить не тужить и с сосною дружить.

ХРАБРЫЙ ЛЯГУШОНОК

На опушке леса было болото, и жило в нём лягушек видимо-невидимо. Жили они себе мирно, тихо: мошек ловили, друг другу сны рассказывали, а по вечерам песни пели. Одна запоёт:

– Ква-ква, ай да я!

А другая перебьёт:

– Ква-ква-ква, красавица я!

А третья их перекричать старается:

– Ква-ква-ква, ква-ква-ква. Всех милее я, всех милее я!

– Вот крикуны, – заметил однажды маленький головастик, – хорошо, что я рыба, а не лягушка, нет у меня лапок противных, один хвостик красивый.

– Подожди немного, вырастут и у тебя лапки, а хвостика не станет, – сказал лягушонок, сидевший вблизи на кочке. – Я тоже недавно был головастиком. Но ты не горюй, с лапками даже удобней – прыгать можно.

Как услышал это головастик, так ему жалко хвостик стало, что заплакал он с горя.

– А может, этот лягушонок надо мной посмеялся, – утешал он себя целый день. Только глядь, – и у него сзади две крохотные лапки появились. Помахал он ими, и поплыл ещё быстрее.

– Э, да лапки мне не помешают! – обрадовался головастик. Прошло немного времени, выросли у него ещё две лапки и исчез хвостик. С лапками он примирился, а вот о хвостике всё жалел. За это и прозвали лягушонка Хвостиком.

И вот, когда Хвостик совсем подрос, стряслась на болоте беда большая. Сидел раз лягушонок на кочке, с друзьями разговаривал. Вдруг видит: две птицы невиданные прилетели.

– Какие смешные, – сказал Хвостик, – ноги длинные, шея длинная, клювы длинные!

И ну хохотать. Обернулся – а на болоте ни одной лягушки не видно.

– Эй, Хвостик, прячься скорей, а то тебя цапли съедят, – крикнула из камыша старая лягушка.

И начался с того дня на болоте плач и стон. Ходят длинноногие цапли по болоту, из-под кочек длинными клювами лягушек достают. Не жизнь стала, а мученье: сиди и дрожи, чтобы не попасть цаплям на обед. Не слышно лягушечьих задорных песен, не видно красивых зелёных спинок. Стало Хвостикку жить скучно-прескучно. Предлагает он старым лягушкам:

– Давайте прогоним противных цапель!

– Что ты, что ты, – замахали на него лапками старшие, – как можем мы, беззащитные лягушки, прогнать таких страшных птиц с болота?

– Ну, так я их сам прогоню, – заявил лягушонок и под кочку залез, чтоб никто ему думать не мешал.

На другой день утром вылез Хвостик на кочку и во весь голос заквакал:

– Ква-ква-ква, ждёт цапель беда! Ква-ква-ква, ждёт цапель беда!

Удивились цапли: что за глупый лягушонок – на кочку вылез да ещё во все горло кричит! Подлетели они к Хвостикку, и одна цапля другой говорит:

– Вот для одной из нас завтрак готов.

– Готов, да не совсем, – квакнул лягушонок. – Я травки-переедки наелся, мне-то ничего, только во рту горько. А если вы меня съедите, все перья у вас выпадут, и летать больше не сможете.

– Врёшь ты всё! – сердито крикнула младшая цапля. Очень ей есть хотелось, да страшно стало лягушонка глотать.

– Ну-ка съешь, попробуй, ну-ка съешь, попробуй! – кричит лягушонок, подпрыгивая к самому носу цапли. Попятилась та от него и говорит:

– Ну его, пойдём лучше других лягушек поищем!

А Хвостик им вслед кричит:

– Все лягушки той травки наелись!

Ходят по болоту голодные цапли, трогать лягушек боятся.

А вечером взмахнули крыльями, и прочь улетели. С той поры Хвостика Храбрецом прозвали.

Рекомендуем почитать

Злышко, И. С. Сказки и рассказы / И. С. Злышко, Н. А. Головина ; рис. Р. Овивяна. – Барнаул : Алт. кн. изд-во, 1955. – 110, [2] с. : ил. – Из содерж.: Юнга ; Дрессированный щенок ; Случай с Димой ; Рыболовы : рассказы; Про Улю : цикл рассказов.

Злышко, И. С. Волшебные часы : [повести] / И. С. Злышко, Н. А. Головина ; [худож. С. Чернов]. – Барнаул : Алт. кн. изд-во, 1956. – 157, [2] с. : ил.

Злышко, И. С. Синичкина сказка : [сказка] / рис. Р. Овивяна. – Барнаул : Алт. кн. изд-во, 1956. – 31, [1] с. : ил.

Злышко, И. С. Сказки / И. С. Злышко, Н. А. Головина ; [худож.: М. Терещенко, Ю. Панин]. – 3-е изд., доп. и испр. – Барнаул : Алт. кн. изд-во, 1957. – 86, [2] с. : ил.

Злышко, И. С. Маленькие новоселы : повесть / И. С. Злышко, Н. А. Головина ; [худож. П. П. Давыдов]. – Новосибирск : Новосиб. кн. изд-во, 1958. – 169, [3] с. : ил.

Злышко, И. С. Заговорщики с улицы Речной : [повесть] / И. С. Злышко, Н. А. Головина ; худож.: Ю. Кабанов, В. Туманов. – Барнаул : Алт. кн. изд-во, 1960. – 145, [3] с. : ил.

Злышко, И. С. Ручеек-Говорок : сказки / И. С. Злышко, Н. А. Головина ; [рис. Х. Аврутиса, Г. Тарского]. – Барнаул : Алт. кн. изд-во, 1961. – 44, [2] с. : ил.

Злышко, И. С. Воробей – художник : сказки / И. С. Злышко, Н. А. Головина ; [худож. Ю. Кабанов]. – Барнаул : Алт. кн. изд-во, 1964. – 147, [1] с. : ил.

Злышко, И. С. Три подружки : повесть / И. С. Злышко, Н. А. Го-

ловина ; [худож. В. Туманов]. – Барнаул : Алт. кн. изд-во, 1964. – 105 с. : ил.

Злышко, И. С. Ната : [повесть] / И. С. Злышко, Н. А. Головина ; [худож. Ю. Кабанов]. – 3-е изд. – Барнаул : Алт. кн. изд-во, 1965. – 110, [2] с. : ил.

Злышко, И. С. Волшебные часы : сказки и повесть / И. С. Злышко, Н. А. Головина ; худож. Т. Гуськова. – Барнаул : Алт. кн. изд-во, 1969. – 207 с. : ил. – Из содерж.: Волшебные часы : повесть.

Извекова
Людмила Николаевна

(р. 25.04.1948)

Родилась в г. Иркутске в семье геологов. Среднюю школу окончила в Чите, училась в художественной школе, математической школе при пединституте, школе юных корреспондентов при областном Читинском радио. Окончила Уральский университет.

По распределению приехала в г. Барнаул, работала корреспондентом, обозревателем в «Алтайской правде». Более 30 лет в газете публиковались статьи Л.Н. Извековаой на темы, связанные с природой Алтайского края, её ресурсами, обитателями, проблемами и сбережением.

Лауреат премии Алтайской краевой организации Союза журналистов.

Заслуженный работник культуры Российской Федерации (2003).

Награждена медалью ордена «За заслуги перед Отечеством» (1997), медалью «За заслуги в труде» (2015).

ЧТО ВСЕГО ДОРОЖЕ?

днажды учительница вместе с первоклассниками рассматривала их альбомы для рисования. В окна светило майское солнце, и на рисунках ребят тоже было солнечно. Вот идёт по морю большой белый пароход, а над ним – весёлый жёлтый круг с лучами. Вот деревья с крохотными весенними листочками. И над ними тоже ласковое приветливое солнце. А вот первомайская демонстрация. Много людей, красных флагов, цветных воздушных шаров. На стенах домов, в колоннах большие красочные полотна со словами МИР, ТРУД, МАЙ. Оркестр играет марш.

– Очень хороший рисунок у тебя, Миша, – похвалила учительница.

Она отложила Мишин альбом и раскрыла другой, Олин. Там был нарисован бородатый старик перед сундуком, из которого тоже шли лучи.

– Оля, а кого ты нарисовала? – спросила учительница.

– Это из сказки про Кощея Бессмертного, – ответила девочка. – Там написано: «Царь Кощей над золотом чахнет».

– А почему он чахнет? Объясни ребятам.

– Потому что жадный и любит золото.

– За что же он его так любит?

– За то, что оно самое дорогое.

– Самое дорогое? – улыбнулась учительница. – И нет ничего дороже?

– Не знаю, – честно ответила Оля.

– А вы, ребята, знаете? – спросила учительница первоклассников. – Помогите Оле. Ну-ка, Миша, ответь.

– Дороже всего – мир.

– Правильно, молодец. А ещё что у нас самое дорогое?

– Родина, – сказал Серёжа.

– Дружба, – добавил Денис. И учительница кивнула ему.

– Вот видите! Оказывается, золото не самое дорогое. Есть что-то и подороже его. Сейчас я расскажу вам одну историю. Жил в давние времена один царь. Звали его Мидас. Был он жадный и всё хотел стать самым богатым. И тогда попросил богов сделать так, чтобы он мог всё превращать в золото. Прикоснётся к любому предмету – тот становится золотым. Боги дали ему такую способность. Но скоро Мидас и сам был не рад. Потому что в золото превратилась и еда. Даже хлеб. И тогда стал он снова просить богов: не надо ему никакого золота, лишь бы хлеб был. Ну так как же, ребята, что дороже золота?

– Хлеб, – догадался Миша.

– Конечно, хлеб дороже. Вы все отвечали правильно. Но хлеб дороже всего. Давайте-ка внимательно посмотрим на этот рисунок. Что тут нарисовано?

Учительница взяла со стола большой лист картона и показала классу.

– Герб! – дружно закричали первоклассники.

– Да, это Герб нашей страны. Приглядитесь повнимательней, что в Гербе изображено.

– Земной шар! Серп и молот! – слышались голоса.

– А ещё?

– Ленты. Колосья.

– Правильно. Я объясню вам, что значат серп, молот и колосья. Перекрещенные серп и молот – это союз рабочих и крестьян. А колосья пшеницы – богатство нашей Родины. Хлеб ведь делают из пшеницы. Вы, конечно, слышали поговорку: «ХЛЕБ

– ВСЕМУ ГОЛОВА». И это действительно так. Чем больше у нашего государства хлеба, тем оно богаче и могущественней.

Учительница сложила альбомы стопкой, задумалась и спросила:

– Хотите, ребята, я расскажу вам о хлебе побольше?

Первоклассники зашумели:

– Хотим, хотим!

– Хорошо. Тогда я начну с рисунка одного ленинградского малыша.

Мама, хлеба хочу!

Учительница подошла к шкафу, нашла там книгу «Рисуют дети блокады», отыскала нужную страницу.

– Вот, смотрите. Это нарисовал трёхлетний мальчик и отдал воспитательнице. Посреди карандашных загогулин один старательно выведенный овал, круг.

– Что это? – спросила его воспитательница.

– Это война, – ответил мальчик, – вот и всё, а посередине булка. Больше не знаю.

Этот рисунок трёхлетний мальчик Саша Игнатьев нарисовал в окружённом фашистами Ленинграде 23 мая 1942 года.

Потом воспитательница запишет в уголке рисунка число, год. Через много лет после окончания войны вышла вот эта книга с рисунками детей блокадного Ленинграда. Напечатали в ней и рисунок трёхлетнего крохи. Вот она, в центре всего – булка. Хлеб. Хлеб, которого так не хватало детям Ленинграда.

Когда фашисты окружили город, они первым делом разбомбили огромные склады продовольствия. Рассчитывали на то, что не вынесут ленинградцы страшного испытания голодом, сдадутся. Но мы знаем – Ленинград не сдался, выстоял. В голоде, холоде он сражался все девятьсот дней, пока Советская Армия не отогнала фашистов.

Трудно, очень трудно пришлось защитникам города на Неве, ещё труднее тем, кто остался в нём. До войны там жили больше трёх миллионов человек. Часть людей, и прежде всего

детей, эвакуировали. Но не всех. Ведь даже осажденный Ленинград работал. Там ремонтировали танки, самолёты, делали оружие, снаряды, шили одежду для солдат, лечили раненых бойцов.

А как кормить целый город, если он окружён? Муку, сахар, мясо под бомбёжками и артиллерийскими обстрелами везли сюда по Ладожскому озеру, по воде и по льду. Этот путь называли Дорогой жизни. Но привезти много продуктов не могли, потому что гитлеровцы бомбили и топили корабли, разбивали бомбами ледовые дороги, расстреливали машины с самолётов.

Всё это время ленинградцы жили на голодном пайке. Многие не выдерживали – умирали. Ведь даже рабочие получали по карточкам небольшой кусочек хлеба – 150 граммов в день. А те, кто не мог работать, и того меньше.

Труднее всего пришлось детям. Не все они понимали, почему мало хлеба, почему мама варила очень жидкую похлёбку, и всё время просили: «Мама, хлеба хочу!» Мамы, сами голодные, больные, отдавали им свой хлеб, чтобы только дети не умерли.

А какой хлеб был! Не такой, как сейчас на наших столах. Муки в Ленинград привозили мало. Если испечь хороший хлеб, всем не хватит. Потому в тесто добавляли отруби, жмых, древесные опилки, чтобы больше хлеба получалось. Даже целлюлозу, из которой делают бумагу, клали в тесто. Хлеб получался сырой, глинистый, с горьким запахом. Но и такой, невкусный, почти несъедобный, сохранил жизнь многим тысячам людей.

После войны в городе был открыт музей обороны. Среди экспонатов там есть и кусочек блокадного хлеба. Чёрный прямоугольник величиной немного больше спичечного коробка весил всего 125 граммов. В самые тяжёлые дни этот хлеб был единственной едой на весь день.

Те, кто пережил блокаду, приходят сюда и перед стендом с этим хлебом не могут сдержать слёзы. Это он, крохотный кусочек блокадного хлеба, спас им жизнь.

Вот, ребята, оказывается, и хлеб воевал, защищал Ленинград.

Тайна пшеничного зерна

Вы, конечно, читали сказку Александра Сергеевича Пушкина «О попе и о работнике его Балде». А кто вспомнит, чем поп кормил своего работника? Так вот, Пушкин писал:

Балда говорит:

«Буду служить тебе славно.
Усердно и очень исправно,
В год за три щелка тебе по лбу.
Есть же мне давай варёную полбу».

Что это такое – варёная полба? А это, оказывается, дикая пшеница. И о ней люди знают многие тысячи лет. Полба и сейчас кое-где растёт. А в давние времена была главным хлебом древних людей.

Так что же, не догадались размолоть её в муку? Наверно, пробовали, да не размелешь зёрна полбы. Они покрыты жёсткими чешуйками и не перемалываются. Так их и варили, как кашу.

Это сейчас выращивают пшеницу: только тронь сухой колос – и посыплется золотые зёрнышки. А тогда, много веков назад, и пшеницы другой не было, и мельниц таких, как теперь, и хлебозаводов.

Но всё же нашли люди пшеницу с голыми зёрнами. И перемололи их. И нашли способ, как испечь из муки хлеб.

Великий русский учёный Климент Аркадьевич Тимирязев однажды сказал: «Ломоть хорошо испечённого пшеничного хлеба составляет одно из величайших изобретений человеческого ума».

Как же был изобретён хлеб?

Кто и когда испёк первый каравай или первую лепёшку, мы не знаем. Учёные-археологи считают: давно, очень давно.

Возможно, было это так. Размолот человек зёрна пшеницы. Получилась мука. В это время его окликнули, и он пошёл к людям, а муку оставил. И тут хлынул дождь. Мука превратилась в тесто. Когда дождь кончился, человек вернулся за мукой, но нашёл что-то липкое, тягучее. Дай, думает, подсушу на солнце. А солнце горячее, жаркое... Вот хлеб и испёкся.

Может, так, может, не так был испечён первый хлеб. Никто пока не знает. Но всё же доходят до нас имена первых пекарей и поваров. Недавно археологи нашли глиняные пластинки с какими-то знаками. Когда разобрали, что там написано, ахнули от удивления. Оказалось, почти четыре тысячи лет назад люди, которые жили между реками Тигр и Евфрат – они текут в Индийский океан, вот эти люди знали триста способов приготовления хлеба. На этих пластинках даже названо имя древнего пекаря – Мулхолд.

И ещё одна находка обрадовала учёных. Во время раскопок в развалинах древнего города нашли горстку тёмных продолговатых зёрнышек. Много лет пролежали они под землёй, потемнели от времени. Их бережно собрали. Несколько зёрен посеяли. Каково же было удивление ученых, когда зёрна дали ростки. Это была пшеница. Какая сила жизни скрыта в крохотном зёрнышке!

Значит, уже тогда, в те далёкие времена, люди знали о хлебе, выращивали пшеницу.

А теперь давайте-ка подумаем вот о чем: хлеб – отец городов. Почему именно городов?

Раньше люди добывали пищу на охоте, жили в небольших поселениях. И не подолгу. Как исчезнут в округе звери, дичь, надо переходить в другое место, где этой дичи много. Так и кочевали люди. А когда научились выращивать пшеницу и печь хлеб, стали жить оседло. Поля рядом – на них растёт пшеница... Засевай поля, собирай зерно – и едой обеспечен. И уже не мелкие поселения, а целые города можно строить, потому что кочевать больше не надо. Не было бы хлеба – не было бы сёл, городов, и Москвы бы не было, и нашего Барнаула.

...Пшеница бывает разная. У нас – золотистые зёрна, а в Африке есть фиолетовая. Есть и красноватое, и зеленоватое зерно. Видите, как много сортов одной и той же пшеницы? А хлеб из неё почти не отличается ни цветом, ни вкусом.

Вы, наверное, знаете, какая история произошла у нас в России с картошкой. Она появилась при царе Петре Первом.

Крестьяне не хотели сажать её, называли «чёртовым яблоком», даже бунтовали, когда их заставляли разводить картофель. А пшеницу приняли сразу. Ездили в чужие страны, покупали там семена.

Но всё же главным хлебом русских долго была рожь. Она тоже появилась на наших полях немного странно. Вначале рожь была сорняком в посевах пшеницы. Но вскоре люди заметили, что нежная пшеница не выдерживает заморозков, гибнет, а дикая рожь растёт как ни в чём не бывало. Стали сеять её вместо пшеницы. И были довольны. Хлеб получался хоть и не белый, но очень вкусный, питательный. Мы и сейчас любим такие сорта ржаного хлеба, как бородинский, орловский, заварной. В магазине их быстро раскупают...

Сеют рожь в начале осени. Скоро поля покрываются густым зелёным ковром. Не боится она трескучих морозов. Засыпает под снегом на зиму, чтобы весной, как только пригреет солнце, расправить листики, а в июле, августе порадовать людей урожаем.

Некоторым, может быть, кажется, что пшеница и рожь всегда росли у нас. Нет. Они – южанки. И такими, как сейчас, стали не сразу. Многие годы понадобились учёным для выведения таких сортов пшеницы, чтобы получать богатый урожай, чтобы не замерзала она в нашей северной стране. И сегодня эта работа ещё не окончена. Ею занимаются люди, которых называют селекционерами. Из года в год на опытных полях они выращивают один сорт, испытывают его против заморозков, засухи, выбирают самые лучшие растения, чтобы на следующий год снова посеять зерна и отобрать лучшие из них.

Трудная это работа. Много терпения и внимания требует она. И уже не одиночки занимаются ею, а целые научные институты на Украине, в Казахстане, у нас в Сибири.

На окраине Барнаула расположился городок Алтайского научно-исследовательского института земледелия и селекции. Наши учёные уже вывели несколько хороших сортов, но каждый год на своих опытных участках ещё и ещё пробуют их. Для

чего они делают это? Для того, чтобы получить такой сорт пшеницы, которая бы лучше всего росла на нашей целинной земле.

Земля-то у нас хорошая. Но не хватает ей воды. Из-за редких дождей сохнет она, сохнут, выгорают посевы.

А бывает, налетит знойный ветер суховей и погубит пшеницу своим жарким дыханием.

Вот и ищут алтайские учёные такой сорт, который бы против всего устоял. И ветров бы не боялся, и зноя, и заморозков, и сорняков. И чтобы в колосе было как можно больше зёрен. Богаче будет колос, богаче и урожай. Значит, и хлеба будет больше.

Много его у нас, а надо ещё больше. Потому и приходится нашему государству покупать пшеницу в других странах. А за неё золотом платим.

Видите? Вот и получается, что хлеб наш дороже золота.

...Почему же хлеб стал главным на нашем столе? Ведь правда, случается, забудем выпить молоко, не всегда хочется есть наваристый борщ или жареную картошку. А без хлеба мы не обходимся ни дня, будь то кусочек батона, ватрушка, пирожок. Что же в нём такого, если рука сама тянется к нему, будто он какое-то редкое лакомство? Ещё одна тайна? Да. Хлеб потому и главный, что очень сытный, питательный. Он никогда не приедается. Ценность его в том, что он может заменить многие продукты, в нём есть все основные полезные вещества, необходимые для жизни человека. И витамины, и жиры, и сахар, и даже... металлы калий и кальций. Конечно, мы их не найдём, они растворены в хлебе и обнаружить их можно только с помощью сложных и умных приборов.

Хлеб – не просто дополнение к супу или котлете.

Он сам – пища.

Знаете, ребята, такую поговорку: «Хлеб в нас спит»? Как может спать в человеке хлеб? Нелепица! И всё-таки сказано верно: когда мы сыты, и сон крепкий.

Видите, сколько открытых тайн? И это ещё не всё. Например: из маленького зёрнышка выходит колос, в котором десятки таких зёрен. Или: земля чёрная, а хлеб родит белый.

Много ещё разных тайн хранит обыкновенное пшеничное зерно. И когда эти тайны будут открыты, мы научимся выращивать пшеницу и в засушливое, и в дождливое лето, и даже на Севере, где лето короткое и прохладное. Мы научимся получать большие урожаи, и наша страна станет ещё богаче.

Хлеб-путешественник

Давным-давно жил на земле один мудрец. Звали его Эзопом. Сочинял басни и рассказывал разные поучительные истории. Был он бедным, но за советом к нему приходили даже очень богатые люди.

Однажды, отправляясь в дальний поход, Эзоп взвалил на себя тяжеленую корзину с хлебом. Его спутники брали с собой что полегче и насмешничали над ним – где же твоя мудрость, если ты взял самую тяжёлую ношу? Он молчал и улыбался.

Вначале ему действительно было трудно, тяжело. Но после первого же привала корзина полегчала и с каждым новым привалом становилась всё легче и легче, а к концу похода совсем опустела. Хлеб был съеден. Эзоп шёл налегке, с пустой корзиной. Остальные путники изнемогали от усталости. Их-то поклажа не убавилась. Пришёл черед Эзопа посмеяться над ними.

Эта старинная легенда рассказывает не только о том, как мудрец обхитрил всех, кто был с ним в походе. Нет, в ней сказано совсем о другом: никогда не бойся тяжести хлеба, он хоть и тяжёлый, но в пути всегда прибавляет тебе сил.

Давайте-ка вспомним. Во многих русских сказках да и сказках других народов тоже рассказывается о полях пшеницы, о мельницах, о хлебе.

Особенно дорожили хлебом, почитали его на Руси. Трудно найти сказку, в которой бы герои не несли с собой хлеб или сухари. Сразу вспоминаются слова – «сухарей в дорогу засушила» или «дала ему мать ковригу хлеба»... Так было в народных сказках: есть хлеб – и сыт человек. Посыплет он краюху солью, съест, запьёт водой из родника и идёт, сильный и смелый, на

свои геройские дела. А встретит в пути голодного, нищего – чем первым поделится? Хлебом. В нём, в хлебе, богатство, сила и доброта русского человека.

Да разве только в сказках такое бывало!

Идут, например, солдаты по трудной военной дороге. Припасы кончились, полевая кухня отстала. Ждать её нельзя, дальше идти надо. Голодно. И вот на привале кто-нибудь развяжет свой мешок и вдруг найдёт в нём кусок хлеба или несколько сухарей. Какая это еда? Так себе. Но бойцы и этому рады, повеселели и будто бы новые силы в них появились.

Да, умеют люди дорожить хлебом и в бою, и в мирное время. Даже стихи ему посвящают. Вот, например, поэт Николай Рубцов одно своё стихотворение так и назвал: «Хлеб». Послушайте, как он написал:

Всё же бабка сунула краюху!

Всё на свете зная наперёд.

Так сказала:

– Слушайся старуху!

Хлеб, родимый, сам себя несёт.

Видите, как хорошо и верно сказала бабушка о хлебе! Она знает, что в долгом пути нет ничего дороже хлеба. Она сказала: «Сам себя несёт». Это значит, что подкрепишься хлебом – и легко тебе шагать, и всякая ноша тебе по плечу.

Куда бы ни отправлялся человек, всегда возьмёт с собой хлеб. Идёт на охоту в тайгу, обязательно берёт муку. Жить ему вдали от людей долго. Если взять хлеб, зачерствеет. А из муки можно каждый день свежие лепёшки печь.

Так же делают полярники, участники экспедиций на Северный полюс или в Антарктиду. Они везут с собой маленькие пекарни. И где-нибудь на полярной льдине в Северном Ледовитом океане пекут душистый горячий хлеб. И приходят к ним белые медведи узнать, чем же это так вкусно пахнет.

Так же делают в отдалённых северных поселках, на стоянках оленеводов, геологов. Даже в море. Уходят корабли в пла-

ванье на многие месяцы и на каждом вместе с камбузом, где готовят еду, своя пекарня.

Есть даже «космический» хлеб. Сейчас наши космонавты отправляются в полёты надолго. Как же обойтись без земного хлеба? Но не повезёшь ведь в космос муку. Она в невесомости превратится в пыль. И пекарню в ракету тоже не возьмёшь. Поэтому для космонавтов ещё до полёта пекут специальные маленькие хлебцы, заворачивают их в защитную плёнку, чтобы они не высохали и не крошились. Ведь там, в невесомости, хлебные крошки летали бы, как мухи.

Всегда у нас хлеб на столе на самом главном, почётном месте. Потому что для людей он – самый дорогой, самая первая еда.

И вот сейчас я хочу рассказать вам о том, как он достаётся людям, кто работает для того, чтобы всегда был хлеб на нашем столе.

Булки в колосьях

А правда, ребята, батоны на полках булочной похожи на пшеничные зёрна?

Словно по мановению волшебной палочки мелкие зёрнышки превратились вдруг в крупные...

Но волшебство тут ни при чём. Огромный и трудный путь проходит хлеб от зерна до батона на магазинном прилавке.

Наступает весна. И вместе с нею новая битва за хлеб. Прибивка влаги в земле, чтобы больше воды задержалось в почве, сев, уход за посевами, жатва.

Вы слышите: битва за хлеб? Слова звучат по-военному. И это действительно было так в первые годы революции. Часто хлеборобы трудились на полях с оружием. Потому что рыскали по сёлам белогвардейские и кулацкие банды, поджигали поля, склады с зерном. Свою землю, свой хлеб крестьянам надо было защищать от врагов. Потому и зовём с тех пор полевые работы битвой за хлеб.

Да и в мирные годы – тоже битва.

В нашем крае самое большое поле в Сибири – больше четырёх миллионов гектаров. Иные государства разместились бы на таком поле. А у нас на нём – пшеница. Самых лучших хлебных сортов.

С апреля по сентябрь идёт настоящее сражение за хлеб. Надо побороть засуху, суховеи и сильные степные ветры, сорняки, вредителей пшеницы, быстро убрать её в осеннюю непогоду. Разве это не битва? Только у нас на Алтае на неё выходят сотни тысяч людей. Целая армия. И, как в военном сражении, есть тут свои герои.

Вначале пшеницу косят в валки. Их сушат, потом обмолачивают. Быстро наполняются золотистым зерном бункеры комбайнов. К ним то и дело подходят грузовики, принимают зерно, везут на ток, где его сушат, провеивают.

Вместе со взрослыми часто работают старшеклассники. А ребята помладше тоже не стоят в стороне – они в дозоре на дорогах, следят за тем, чтобы зерно из машин не сыпалось.

Видите, почти все жители села трудятся в это время. И весь их труд, все заботы посвящены одному: чтобы получить больше хлеба, умножить богатство нашей Родины.

Всей стране известны имена таких наших хлеборобов, как Герои Социалистического Труда Варвара Максимовна Бахолдина, Семён Ефимович Пятница, Анна Васильевна Ильичева, Александра Моисеевна Кибкало, Павел Никитович Печенкин, Анатолий Максимович Ненуженко. Хлебом, который только они собрали, можно целые города кормить.

Есть у нас на Алтае священное для каждого место – Ильичёво поле в Родинском районе. Почему оно так названо?

Весной 1920 года родинцы решили создать хлеборобскую коммуну. Собрали лошадей, плуги, объединились. А земля целинная, трудно обрабатывать её такими силами. Нужен был трактор. И пошёл бывший солдат Жестовский ходоком в Москву, к Владимиру Ильичу Ленину. Долго добирался он до столицы.

Ленин выслушал алтайского посланца и пообещал прислать родинцам трактор. Время было трудное, суровое, страна в разрухе, еще гражданская война не кончилась, но нашёл Ильич трактор для алтайских крестьян, и вскоре коммуна получила его.

И первое целинное поле, вспаханное этим трактором, называли коммунары Ильичевым полем. Каждый год перед полевыми работами приходят сюда хлеборобы, чтобы отдать дань памяти и уважения первым коммунарам. Работать на этом поле – высокая честь и награда для каждого.

Приходит время жатвы, и в города к элеваторам и мельничным комбинатам спешат тысячи машин с зерном. Ведь пшеницу надо перемолоть.

Настоящие горы зерна превращаются здесь в горы муки и круп. Вы любите манную кашу? А знаете, из чего она готовится? Из пшеницы.

Но больше, конечно, мелют муки. Чтобы кормить нашу страну целый год, надо испечь больше тридцати миллионов тонн хлеба. Того, который всегда на наших столах. А ещё торты, пирожное, печенье...

Сейчас самодельный хлеб пекут редко. Трудно это. Надо завести опару, следить за ней, чтобы поспела, подошла, замесить тесто, выдержать его, печь прогреть, чтобы хлеб хорошо пропёкся. Словом, хлопотно делать это в домашних условиях. Другое дело – хлебозавод. Там готовят опару, тесто, подают его в печи машины. Они и выгружают горячий хлеб. За этим следят приборы. Разве без помощи техники обеспечишь хлебом такой большой город, как Барнаул? Понадобились бы многие десятки пекарен. А сейчас хлеб пекут всего несколько крупных хлебозаводов.

Есть в стране и заводы-автоматы. В Москве, например. Там хлеб делается автоматически. Подходит к такому заводу муковоз, из него по специальным трубам выкачивается мука и поступает туда, где замешивается тесто. Через несколько часов сюда

же приходят крытые грузовики с надписями на боках: «Хлеб», их загружают горячими буханками, которые везут в магазины.

Много сортов хлеба выпекается на хлебозаводах. Ржаной, обойный, пшенично-ржаной, пшеничный, с добавлением дроблёного зерна, батоны, сайки... Сейчас, например, многим горожанам понравился хлеб, замешанный на сыворотке от молока. В другие сорта добавляют анис, тмин...

Есть в нашей стране сёла или города, которые особенно славятся хлебом. У нас в крае таких мест много. Потому что из алтайских пшениц получается самый лучший хлеб.

Есть такое место и в Барнауле. Это Затон, посёлок на обских островах. Многие гости нашего края, возвращаясь домой, непременно возьмут с собой «кирпичик» затонского хлеба, хвалят алтайские караваи. А почему? Только ли потому, что испечены они из отличной муки, полученной из прекрасной пшеницы? Не только. Ещё и потому, что создан этот хлеб руками людей, любящих свою землю, дело, талантливых.

Хлеб в поле.

Хлеб на столе. Вдумайтесь, ребята, сколько людей участвуют в его создании. Трактористы, комбайнеры, шофёры, агрономы, учёные, мельники, пекари. Потому и колоски пшеницы – в Гербе нашего трудового государства. Потому хлеб – всенародное богатство.

А богатство надо беречь. Вот об этом мой следующий рассказ.

Почему плакал Алёша?

Возвращались мальчики из школы. В своём дворе замешкались. Домой идти не хотелось. Поиграть бы.

Вдруг Алёша заметил: сайка на земле валяется. Обрадовался:

– Сюда! Давай в футбол! Я – нападающий.

Поставили портфели, как штанги. Витя в ворота встал. Алёша разбежался – р-раз! Поддел ногой так, что сайка далеко улетела.

– Мазила! – кричит Витя и громко хохочет. Всему двору показать хочет, как ему весело.

Алёша подогнал сайку и снова – р-раз!

Вдруг кто-то сильно сжал его плечо.

– Ты что делаешь, разбойник? Почему хлеб пинаешь?

Парнишка оробел, когда увидел, кто перед ним. Дед Иван Акимович из четвёртого подъезда. По праздникам он надевал пиджак, который сверкал боевыми орденами и медалями. Во дворе Ивана Акимовича очень уважали все. А особенно – мальчишки, потому что знали: на войне дед был бесстрашным разведчиком.

«Чего доброго, отцу пожалуется», – подумал Алёша и плаксиво сказал: – А я-то что? Она сама тут валялась.

Он очень удивился, когда дед отпустил его. Нагнулся, поднял сайку, раскисшую, всю в песке, и с горечью проговорил:

– Эх, люди!

Мальчишки уже разбежались, во дворе остались лишь дед и Алёша. Иван Акимович помолчал, потом кивнул мальчику, указывая на скамейку. Устало сел рядом и спросил:

– Ну, понял?

Алёша повесил голову, смотрел исподлобья.

И сосед рассказал ему, как приехали люди на Алтай со всей страны в голые Кулундинскую, Алейскую степи, во многие другие районы края. Как жили они в палатках, как работали от зари до зари, не щадили себя, лишь бы был урожай. Очень нужен стране целинный хлеб.

Иван Акимович внимательно посмотрел на Алёшу и сказал:

– Запомни, сынок, на всю жизнь: нет ничего дороже хлеба.

Запомнишь?

От этих слов у Алёши запершило в горле, и слёзы потекли сами собой.

Иван Акимович уже ушёл, а мальчик сидел на скамейке и размазывал по щекам слёзы.

– Кто тебя обидел, Алёша? – спросила Витина бабушка. – Ребята?

Алёша молчал. Да и что он мог сказать!

В классе была тишина. Учительница помолчала немного, потом спросила:

– Как вы думаете, ребята, почему плакал Алёша?

– Потому что ему было больно, – ответил Серёжа.

– Да, ему было больно, но плакал он не от этого.

Алёше было стыдно – так решили первоклассники. Потому что он пинал хлеб, который всего-всего дороже.

– Да, ребята, – согласилась учительница. – А как бы вы поступили на месте Ивана Акимовича?

– Я бы сказал Алёше, – ответил Миша, – что хлеб пинать нельзя. Он очень дорогой.

– Как же – дорогой? – улыбнулась учительница. – Хлеб у нас самый дешёвый в мире.

Миша смутился. Ведь и вправду хлеб в магазине очень дешёвый, всего четырнадцать или двадцать копеек. А как ответить, как объяснить, что всё-таки дорогой?

И учительница помогла Мише: дорогой потому, что очень много труда затрачивается на него, потому что он – наш первый кормилец.

Нет ничего священнее хлеба. Не зря наш народ говорит: «У кого хлебушко, у того и счастье».

Хлеб XXI века

Теперь, ребята, вы знаете, как появился хлеб, как трудно он давался, даётся и, вероятно, всегда будет даваться людям, как учёные-селекционеры подбирают лучшие сорта. От многого зависит, каким уродится хлеб: от семян, от земли, от погоды, от мастерства хлеборобов. А давайте-ка зададим себе вопрос: можно ли предсказывать, заранее рассчитывать хороший урожай? И подумаем.

Каким бы ни был старательным земледelec, ему не вырастить пшеницу на вечной мерзлоте, на Крайнем Севере, где мало солнечного тепла, где земля неурожайная, почти бесплодная. Значит, человек должен прежде всего считаться с по-

годой, климатом. Солнце, вода, удобрения – это для растений то же, что витамины для нас. Будут только вода и удобрения, не получится урожай. Точно так же не вырастет пшеница, когда только солнце и удобрения, без воды. Всё сразу необходимо растению: и вода, и удобрение, и солнце.

Вы, конечно, видели, какая трава растёт под камнями. Отодвинешь камень, а под ним бледные, белые ростки. Отчего это? От того, что ростки не видят солнца и никогда не зазеленеют и не вырастут. А кругом зелень. Без солнца, без его света и тепла бедное растение почти мертво, потому что не может расти и плодоносить.

Сейчас во всём мире собирают полтора миллиарда тонн хлебного зерна. Это очень много. И всё-таки людям надо получать от земли ещё больше. Всего, что растёт на ней и кормит человека. Прежде всего – хлеба. Во все века земледельцы мечтали собирать его «по своему хотению», сколько им нужно. Не у всех и не всегда это получается. И потому уже сейчас учёные занимаются вопросом, как из года в год выращивать урожай, не зависящие от капризов природы. Они берут орошаемые участки в засушливых районах и на полянках высевают разные сорта пшеницы, кукурузы, ржи, ячменя, подбирают наилучшие для урожая будущего века.

Например, в Волгоградской области живёт профессор Устенко. Он и его товарищи несколько лет подряд получают очень высокие для этих мест урожаи озимой пшеницы. Учёные говорят себе: нужно собрать по 75 центнеров с гектара. И собирают по 73 центнера. Видите, как точно можно рассчитать урожай. Это оттого, что люди учитывают всё: и климат, и землю, и обработку посевов, и искусственные дожди – полив полей, и необходимость в подкормке для растений, удобрениях, микроэлементах. Если бы каждый гектар давал так много, то одна наша страна получала бы хлеба примерно столько, сколько его собирают сейчас во всем мире.

Вы, конечно, понимаете, что такие урожаи на всех полях – дело будущего. Нужен строгий научный расчёт, нужны слож-

ные приборы и машины, чтобы рассчитать урожай в каждой области, в каждом районе, совхозе, даже на каждом поле. Ведь растущая пшеница отзывается на самые малейшие изменения в погоде, в почве. А помочь ей без помощи науки и техники, на глазок, нельзя – необходима машинная точность.

Ребята, сейчас вам семь-восемь лет. А в двухтысячном году будет около двадцати пяти. К тому времени вы станете совсем взрослыми, выучитесь, начнёте работать. Возможно, кто-то из вас станет заниматься этим делом: расчётом, программированием урожаев. Ведь только очень образованный человек сможет ежегодно предсказывать и получать хлеба столько, сколько нужно людям. Тут понадобятся знания математики, физики, химии, биологии, навыки учёного-экспериментатора и инженера-программиста для электронно-вычислительных машин. А в первую очередь – огромный труд и желание добиться успеха.

Какими будут урожаи XXI века? Можно ли предсказывать их? Да, можно. Уже сейчас на небольших участках собирают по 100 и больше центнеров озимой пшеницы с гектара. Значит, с развитием науки, когда она придёт в деревню, такой урожай перестанет быть редкостью. К этому люди готовятся сегодня. Нужно готовиться и вам. Полю, земле понадобятся высокообразованные специалисты. И хлеб будущего века – это ваш хлеб, ребята. И ваше счастье.

Прозвенел звонок. Учительница раздала первоклассникам их альбомы для рисования. Но ребята не торопились на перемену. Они будто ждали продолжения рассказа – очень понравился им урок хлеба.

Рекомендуем почитать

Извекова, Л. Н. Что всего дороже? / [худож. С. Ковалев]. – Барнаул : Алт. кн. изд-во, 1984. – 22 с. : ил.

Извекова, Л. Н. О чём рассказала кедровка / [худож. В. Кошкарров]. – Барнаул : Алт. кн. изд-во, 1987. – 28 с. : ил.

A stylized signature of the name 'Ильиных' (Ilyinich) in a cursive font. The letters are black, with a blue and green ribbon-like graphic element looping through the 'И' and 'н' characters. Below the signature, the name 'Владимир Иосифович' is written in a blue sans-serif font.

Владимир Иосифович

(р. 29.02.1948)

Окончил исторический факультет Пермского государственного университета, журналистское отделение Новосибирской высшей партийной школы. Служил в Советской Армии. Работал матросом, судомонтажником, редактором сельской районной газеты.

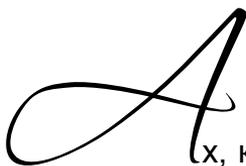
Публиковался в газетах и журналах Барнаула, Новосибирска, Томска, Новокузнецка, Москвы и др.

Лауреат премии «Золотой листопад» детского журнала «Сибирячок» (2009). Награждён Почётной грамотой Губернатора Алтайского края А.Б. Карлина за большой вклад в развитие культуры края и в связи с празднованием Года литературы в России (2015).

Живёт в с. Быстрый Исток Алтайского края.

КЕПКА

х, какое чудо – эта новая кепка – шестиклинка! Она только что сшита портным дядей Изей в своей мастерской на дому и так ловко сидит на Венькиной кудлатой голове, как будто специальным клеем приклеена! Венька гордо вертит головой во все стороны. Он только что вышел из мастерской и искоса смотрит по сторонам, какое же впечатление произведёт его обновка на окружающих?

Дед Парфёнов, сосед, одобрительно смотрит на парнишку. Уж он-то догадывается, каких трудов стоило Венькиной матери купить головной убор к школе сынишке. Яиц только от любимой серой несушки отнесла потихоньку грозному заготовителю немереное количество! Да и молока от коровы Красули, помимо занаряженного сельским Советом, втайне ото всех сколько на молоканку перетаскала! Но зато обновку справила сыну на загляденье! Будет в чём пойти в школу, когда прозвенит первый звонок. То-то Венька, как петух среди кур, гордо вышагивает посреди улицы, неся драгоценную кепку, как гребень на голове!

Дед Парфёнов благосклонно ответил на приветствие мальчика. Ласково кивнула и тетя Катя Калашникова – мамина подруга. Но улица ведёт дальше. Так много на ней всего интересного! Парнишка горд своей обновке и не замечает, как ноги несут его мимо двора строгого кузнеца дяди Миши Медведева. Вот он

и сам стоит у кузни, отирая пот с лица. Чувствуется – он подустал, выковывая очередную деталь для колхозной сенокосилки.

Подойдя ближе, Венька восторженно смотрит на то, как под ударами молота по тяжёлой наковальне, раскалённый стальной прут превращается в заготовку для нужной детали. Заглядевшись, парнишка забывает первым поздороваться с уважаемым на селе взрослым человеком.

– Венька! Ну-ка, подойди сюда, – зовёт парнишку дядя Миша. Он ловко снимает с Венькиной головы красавицу-кепку и, поддев плечом угол деревянной кузни, осторожно закладывает козырёк кепки под верхний венец сруба. И близок локоток, да не укусишь! Венька растерянно смотрит на дядю Мишу. Тот нахмурился строго, но глаза улыбаются.

– А кто первым забыл поздороваться со взрослым? – вопрошает он. Парнишка молчит. Он на минуту забыл деревенский обычай первым приветствовать старших. Потому потерянно затих. Непрошенные слёзы сами собой наворачиваются на глаза. Бежать бы к маме, чтобы выручила из беды, ан бесполезно. Она тоже участница заговора взрослых.

Глядя на парнишку, дядя Миша смягчается. Он ведь вовсе не злой человек.

– А, ну, бери клещи, держи заготовку, – командует он.

Парень с радостью бросается к горну, где около него, на специальной металлической подставке, разложены всякие приспособления для облегчения тяжелого кузнечного дела. Клещами цепко ухватывает только что откованную заготовку. Мечет её в огненное жерло горна. Дождавшись, когда раскалённое железо побелеет, он осторожно, крепко зажимая клещами, кладёт заготовку на наковальню.

Дядя Миша уже тут как тут. Он, поначалу прицеливаясь, слегка опускает большой молот на металл, крепко удерживая тяжёлое орудие в правой руке. В левой руке у него зажат другой молоток – поменьше. Им он ловко намечает место для будущего удара. И пошёл по деревне перестук! Да такой, что старый и малый, поначалу приноравливаясь друг к другу, выковывают

сначала одну нужную деталь, потом – вторую, третью... Горка готовых изделий для сенокосилки изрядно подросла.

Дядя Михаил пьёт воду из привязанного к потолку кузницы большого медного чайника с узким носиком, обливается водой из него с ног до головы. Веньке тоже перепадает вкусной влаги. Вместе они вываливаются из помещения на улицу, падают на зелёную траву. Дядя Миша закуривает, хитро поглядывая на Веньку. Потом подходит к венцу сруба, легонько его плечом приподнимает, вынимает не помятую Венькину гордость – кепку.

– На, пацан! Носи! Да только об уважении к старшим не забывай! – наставительно советует он.

Веньке, пожалуй, не хочется уходить. Но руки и ноги «гудят» от усталости. Он оглядывается на двери кузни и, зажав новую кепку в руке, бежит купаться на светлую местную речку, которая протекает как раз посередине села.

ЁЖИК

Осенний лес притих в ожидании будущих неизменных холодов. Берёзовая роща отряхнула листья с ветвей и замерла в неведении, стыдливо обнажив густые чащи. Вся краса, от светло-жёлтых до багряно-красных чешуек, свисавшая ранее со старых берёз, как монисто, покорно лежала теперь на сырой земле, укрывая ямки и неровности, а с ними и последние грибы, задорно показывающие порой кокетливые шляпки ищущему взгляду.

Ради таких минут и пробираешься по гулкому, настожившемуся лесу, полному неясных шорохов и сгустившейся тишины, инстинктивно выбирая во мху и влажной подстилке из листьев место для ноги, чтобы при следующем шаге ненароком не хрустнул сучок. Лес живой и ты ощущаешь это! Он смотрит на тебя множеством взглядов: заинтересованных и равнодушных, пустых и настоженных, будто решая про себя: рачительным хозяином ты пришёл или незванным гостем?

В прозрачной и словно стеклянной тишине отчётливо слышен каждый звук. Вдруг, ловишь себя на звуках негромкого храпа. В недоумении придержишь дыхание: неужели напряжённое горло пускает фистулу? Но, нет. Застыв на месте,

осторожно оглядываешься по сторонам. Взгляд замечает почти у самых ног небольшую кучку опавших листьев. Да что же это такое, – разбирает любопытство. Берёзовой палочкой, приготовленной для того, чтобы добираться до грибов, не нагибаясь, осторожно трогаешь необычную кучку.

Храп тотчас прекращается. Сбоку, кучку листьев кто-то ворошит изнутри, отбрасывает часть в сторону и вот уже на тебя уставился любопытный, круглый, коричневый, и совсем видимо невыспавшийся глаз. Ёлы-палы! Ёжик, собственной персоной! И почему место отдохновения выбрано между тоненьких берёзок, а не в чаще глухой? Выходит, где заботы застали, там и сон сморил? Похоже, осень долгой будет.

Смотрим друг на друга в полудрёме ещё утренней. Надо бы, разбежаться. Свободной передней лапкой ёжик подгрёб в кучку отвалившийся ком листьев, укрылся ими плотнее, спрятал голову между лапок и продолжил дальше сопеть, доверительно угадав во мне незлобивого чужака.

Тихонько, по своим же следам, я сдал немного назад. Зажатой в руке палкой, замахнулся на противных, прожорливых совхозных телят, выгнанных скотником на свободный выпас и направляющихся как-раз сюда, к нашему колку. Телята неохотно отвернули вбок.

Рекомендуем почитать

Ильиных, В. И. Герасимов бор : повести, рассказы, новеллы, эссе, очерки. – Бийск : Изд. дом «Бия», 2007 (Формат). – 273, [2] с. – Из содерж.: Герасимов бор ; Дети солнца : повести.

Ильиных, В. И. Максимов колодец : рассказы. – Бийск : Изд. дом «Бия», 2008 (Формат). – 144, [1] с.

Ильиных, В. И. Окоемы : повести. – Бийск : Изд. дом «Бия», 2008 (Формат). – 118, [2] с.

Ильиных, В. И. Спроси свое сердце... : повести, рассказы. – Бийск : Изд. дом «Бия», 2010 (Формат). – 254, [1] с. – Из содерж.: Спроси свое сердце... ; Дети солнца ; Герасимов бор ; Звенит высокая струна : повести.

(р. 15.04. 1979)

Родилась в г. Барнауле. Детство провела в г. Петропавловске-Камчатском. Окончила Барнаульский педагогический колледж и Московский психолого-социальный институт.

Работала учителем начальных классов, специалистом в администрации, организатором литературных мероприятий при Алтайском доме литераторов, редактором в отделе литературных и издательских проектов Алтайской краевой универсальной научной библиотеки им. В.Я. Шишкова.

Стихотворения печатались в журналах «Культура Алтайского края», «Звёздочка наша», «Литературная горница», «Счастливая пора», «Огни Кузбасса», «Солнечный зайчик», «Сибирячок», «Бельские просторы», «Енисейка», «Юла», «ПониМашка», «Миша», «Мурзилка» и др.

Дипломант Межрегионального литературного конкурса на соискание премии им. Р.И. Рождественского. Победитель краевого конкурса на издание литературных произведений в номинации «Литература для детей и юношества» (2014, книга «Ух-ты!»).

Награждена знаком администрации г. Барнаула «За вклад в развитие литературы».

Член Союза писателей России с 2015 г.

УХ–ТЫ!

Представь!
На чердаке среди темноты
Живёт спокойненько УХ-ТЫ.
Его себе представь!

Милейший в мире старичок.
На нём мой рваный башмачок,
Жилет, который съела моль,
И мамин фартук с бахромой.

Я заглянул к нему на час,
Он был мне очень рад.
Достал мой ржавый самокат
И сломанный баркас.

– УХ-ТЫ! – воскликнул я тогда
И я играл, как никогда.
Потом сказал:
– Ещё приду.
А он:
– Соскучишься, я жду.

ТАЙНЫ

Промычала мне корова
По секрету: «Му-Му-Му!»
И добавила сурово:
«Ты об этом – никому».

Пчёлка села мне на ушко:
«Хочешь, тайну расскажу?»
Только ты не будь болтушкой
И об этом ни Жу-Жу».

А кузнечик – вот проказник! –
Стрекотал и стрекотал.
Сто секретов самых разных
По секрету разболтал.

Я теперь все тайны знаю,
Но запру их на крючок.
Никому не разболтаю.
Тихо, тихо... Тс-с-с... Молчок.

В ГОСТЯХ

В гостях всё кажется вкусней:
Пирог – душистей,
Щи – сытней.
И те конфетки, что на днях
Нашёл у Светки я в гостях,
На дне дивана,
За углом,
В пыли,
С огромным пауком!
На вид им было ровно столько...
Ну, сколько мне и Светке лет.
Но не осталось даже дольки
От этих вкусеньких конфет.

МЯУ

У каждого, у каждого
Есть мама, без сомнения.
В году, хотя б однажды
У мамы – день рождения.

Но что дарить? Загадка!
Духи или цветы?
Котёночка украдкой
Спрошу: «Что даришь ты?»

Посмотрит на меня он
И к кошке подкрадётся.
Шепнёт ей нежно: «Мяу»
И носом в нос уткнётся.

Как просто! Как понятно!
Решилась та загадка –
От одного лишь «Мяу»
На сердце мамы сладко.

С ПРОГУЛКИ

Пришёл домой.
На мне вода
От шапки и до пят.
Но я не мокрый.
Я – сухой.
В сосульках мой наряд.
Они висят, как бусы,
На волосёнках русых.
И на коленках у меня
Сосулочные бусы.
Я – скоморох, я – скоморох!
Мне весело и жарко.
А через пять минут обсох.
Эх, жалко...

СЛУЧАЙ У РЕЧКИ

В понедельник возле речки
Травку кушали овечки
Слышен был приятный шум:
– Хрум-хрум-хрум.

Вторник. Утро. Та же речка,
Те же белые овечки.
Тот же аппетитный шум:
– Хрум-хрум-хрум.

Что случилось утром в среду?
Речка – есть. Овечек – нету.
Но зато идёт жираф,
Гордо голову задрав,
Всех овечек распугав
Невоспитанным:
– Чав-чав!

У ТЕТИ АГЛАИ

У тёти Аглаи
Есть два попугая,
Хомяк, черепаха
И выдра речная.

У тёти Аглаи
Горилла живая
На кухне сидит,
Чаёк попивая.

По залу медведи
Гуляют, зевая.
Ну, в общем,
Мне нравится тётя Аглая!

СЛАДКИЙ СОН

Я – сладкий Сон.
Я невесом,
Как сахарная вата.

По облакам
Плыву я к вам
В кровати, малышата.

Я – Сон дневной,
Дарю покой,
Чтоб отдохнули ножки.

Присню вам лес,
В конфетках весь.
И улизну в окошко.

ПЛАТЬЕ

Обо мне скучает платье
На витрине в уголке:
Голубое, снизу бантик
И кармашек на замке.

Эх! А я-то как скучаю!
Даже вижу я во сне:
Платье (с грусти и печали)
Съело бублик, да ко мне.

Торопилось, волновалось,
Спотыкалось на ходу.
Через форточку прокралось
И уселось на тахту.

Просыпаюсь. Что такое?
Чудеса средь бела дня!
Платье нежно-голубое
Смотрит прямо на меня.

ТУК-ТУК

Внутри тебя сидит Тук-тук
Отстукивая молоточком звук.
Лежишь ничком – в ушах: «Тук-тук»,
Бежишь – а он: «Тук-тук, Тук-тук».

Но если что-то бахнет вдруг,
Замрёт твой маленький Тук-тук
На миг.
И снова слышно стук:
«Я здесь.
Не бойся.
Твой Тук-тук!»

КОЛЮЧИЙ ГОСТЬ

Открыла я входную дверь.
И хоть глазам своим не верь:
Гляжу – на коврике сидит
Колючий серый зверь.

Откуда вы? Издалека?
Как дотянулись до звонка?
А он надулся и сопит.
То сильно, то слегка.

Не будьте букой, гость лесной!
Хотите леденец цветной?
Зажмурились. Невкусно, да?
А булку с ветчиной?

Вы – чудо с кнопкой на носу!
Но вас ежата ждут в лесу?
Тогда в корзинку и – айда!
Домой вас отнесу.

КОМОД

Комод
Первый свой разинул рот
И быстро проглотил:
Часы, блокнотик, самолёт
И пузырёк чернил.
А рот второй – давно с дырой.
И вот что я приметил:
Всё, что бросаешь во второй –
Попадает в третий.
И третий – доверху набит,
Пыхтит,
Жуёт устало.
Зато четвёртый говорит:
– Добавочки, пожалуй!

У МЕНЯ ДВА РАЗНЫХ ГЛАЗА

У меня два разных глаза!
В это верится не сразу.
Думал я, глаза похожи
Цветом и размером тоже.
Оказалось, люди правы:
Этот – левый,
Этот – правый.

ЗЕБРА

Зебра полосатая –
Это разве диво?
Вот была бы в ягодку –
Было бы красиво.
А была бы в клеточку,
Я бы с ней играла –
Крестики и нолики
До-о-олго рисовала.

СЛУЧАЙ С БАРОНОМ ГУСЁМ

Один барон, почтенный Гусь,
Решил: «Пойду-ка я пройдуся,
Чудесный день и тихо».
Вдруг видит: впереди идёт
Огромная Слониха.

«Пардон», – сказал смутясь барон,
Не видя облака. –
«Мадам, позвольте мне пройти –
Тропинка так узка».

В ответ Слониха, как тромбон,
Ему проголосила:
«Вы невоспитанны, барон,
И это некрасиво.

Давно пора вам, сударь, знать,
Что даме нужно уступать!»

И что там было впереди,
Осталось неизвестно.
Ведь за слонихой позади
Гулять неинтересно.

КАРУСЕЛЬ

Карусель, карусель,
В голове моей кисель.
В голове моей вертушка:
Дом, скамейка, Ромка, Ксюшка,
Дом, скамейка... Я на взлёте!
Промелькнули дяди, тёти,
Окна, крыши, тополя...
До свидания, Земля!
Я лечу и слышу Рому:
– Покатался,
дай другому!

КТО УМНЕЙ?

Спросил учитель тихо нас:
– Кто в классе всех умней?
– Я, – громко выкрикнул Тарас,
Я знаю, где Бомбей.
– Нет, я! – сказала Тая. –
В уме я всё считаю.
Все сразу выкрикнули:
– Я!!!
И получилась толкотня:
Никто руки не поднимал,
Один другого обзывал.
И только Вовка не гудел,
Молчал, сидел, вздыхая.
Сдаётся мне, что он умнел,
За нами наблюдая.

ТРУДНОЕ СЛОВО СОБАКА

Диктант был лёгким.
Но, однако,
В нём слово встретилось СОБАКА.
Вздыхала грустная СОБАКА:
«Ты напиши меня без брака!»

Я начал рассуждать логично:
Что радует собак обычно?
Уютный дом,
Свиная ножка,
Но главная награда – кошка!
Ведь с ней всегда такая драка,
Погоня,
Схватка,
Неотложка.

В диктанте я пишу СО-БАКА!
И проверяю словом КОШКА.

ПОКУПАЙТЕ ОБЛАКА

В магазины продуктовые
Завезли издалека
Голубые, бирюзовые
Кучевые облака.

Вот, пожалуйста, Слонёнок –
Нету облака вкусней.
Вот для маленькой сладёны –
Озорной Летучий Змей.

Вот – Верблюд. Он очень сладок.
Он бежит на водопой.
– Надо вам Верблюда?
– Надо! Заверните мне с собой.

Покупайте! Покупайте!
Облака за полцены.
Не съедайте их!
Летайте!
Вместе с ними до Луны.

Рекомендуем почитать

Кан, О. В. Весёлые стихи : сб. стихотворений № 1 / рис. Н. Шорстовой ; Краев. журн. для родителей, детей и педагогов «Звёздочка наша». – Барнаул : [б. и.], 2012. – 11 с. : ил.

Кан, О. В. Карусель : сб. стихотворений / рис. Н. Чучмановой (Шорстовой) ; Алт. краев. дет. б-ка им. Н. К. Крупской, Краев. журн. для родителей, детей и педагогов «Звёздочка наша». – Барнаул : [б. и.], 2013. – 11 с. : ил.

Кан, О. В. Ух-ты! : стихи для детей / [ил. Ю. А. Нифонтовой]. – Барнаул : [б. и.], 2014 (ИП Колмогоров И. А.). – 78, [1] с. : цв. ил.

Эвальд Эмильевич

(11.06.1918 – 28.07.1992)

Родился в Грузии, в с. Белый Ключ. В 1935 г., после окончания девятилетки, уехал в Москву, работал проходчиком на Метрострое, лаборантом в МГУ. В 1941 г. окончил Московский педагогический институт иностранных языков им. М. Тореза и работал в нём преподавателем. Во время Великой Отечественной войны трудился на оборонных работах под Москвой, был мобилизован в трудовую армию в Карелию.

С 1942 г. жил на Алтае. Работал учителем немецкого языка, заведующим кафедрой иностранных языков Алтайского сельскохозяйственного института и Алтайского государственного университета.

Был членом комиссии по советской немецкой литературе при секретариате Союза писателей России; председателем немецкой секции Алтайской краевой писательской организации, внештатным сотрудником немецкой редакции краевого радио, редактором альманаха «Unser Wort» («Наше слово») – приложения к альманаху «Алтай» на немецком языке.

Награждён медалями «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.», «За доблестный труд»; Почетной Грамотой Президиума Верховного Совета РСФСР (1988) и другими наградами.

Член Союза писателей России с 1971 г.

ОДУВАНЧИКИ

блака летают смело
над деревней голубой,
одуванчик в шляпе белой
ждёт чего-то за избой.

Вдруг завыл свирепый ветер,
налетел, как ураган,
и летит по белу свету
стая резвая семян.

Полетает, приземлится,
а весной у дорог
незаметно превратится
в золотистый островок.

(Перевод с немецкого М. Юдалевича)

КЛАССЫ

Асфальт расчерчен белым мелом,
Ровны квадраты, точен глаз.
Девчонки прыгают умело
Из класса в класс,
Из класса в класс.
Косички тонкие крылаты,
Не тронет туфелька черту,
Летят от первой до десятой,
Светясь улыбкой на лету.
А взрослые проходят мимо,
И, кажется, иной бы рад
Вот так попрыгать, вместе с ними –
Квадрат, квадрат, ещё квадрат.
Но только ровные квадраты –
Ах, взрослые – смешной народ! –
Считать не с первых до десятых,
Считать совсем наоборот.
Да с кем такого ни бывало,
Чтоб где-то далеко в пути
Не захотелось вдруг с начала
Дорогу дальнюю пройти?
Асфальт расчерчен белым мелом,
Ровны квадраты, ровен глаз,
Девчонки прыгают умело
Из класса в класс,
Из класса в класс.

(Перевод с немецкого М. Юдалевича)

ВОЗДУШНЫЙ ШАР

Воздушный шар сорвался со шнурка,
Мальчишка крикнул шарик: – Пока!
А шар вскричал: – Я лунникам сродни,
Я в космос пробиваюсь, как они.
Надулся важно, лопнул и исчез –
Не в ту семью он в родственники лез.
Свою родню сыскал бы он скорей
Средь мыльных пузырей.

(Перевод с немецкого М. Юдалевича)

ПИСЬМО КОСМОНАВТУ ГЕРМАНУ ТИТОВУ

Дорогой земляк, товарищ Титов,
возьмите меня в полёты.
Товарищ Титов, я всегда готов,
хотя бы вторым пилотом.
А место будет у нас в корабле,
возьмём и мою сестрёнку,
я её испытал на земле –
стоящая девчонка.
И Ваську тоже надо бы взять –
он будет у нас за Чапая,
и Кольку, и Петьку нельзя оставлять –
этих ребят я знаю.
И Нельку давайте возьмём в звездолёт,
пусть отправляется с нами.
Её не возьмешь, эта плакса зальёт
всю землю своими слезами.
Дорогой земляк, товарищ Титов,
возьмите меня в полёты.
Товарищ Титов, я всегда готов,
хотя бы вторым пилотом.

(Перевод с немецкого М. Юдалевича)

СНЕГОВИК

Волшебная сказка

Детвора на всё на свете
ищет правильный ответ,
часто спрашивают дети:
«Это правда или нет?»
Это правда. Только было
в дальней сказочной стране.
Это было, только сплыло
ручейками по весне.

– Тень, тень, тень, – синица пела,
воробьишка: – Чик-чирик,
в зимнем царстве снежно-белом
появился Снеговик.
В зимнем царстве птичьи лапки
оставляют хрупкий след.
Ледяной высокой шапки,
зимней шубы лучше нет.
Меховые рукавицы
шиты для Снеговика.
Он мороза не боится,
пусть ведёт свои войска.
А мороз шипит сурово:
– Ишь ты, стужа не страшна!
Не страшна, а сам без крова.
Мы накажем хвастуна.
И туманов караваны
опустились на снега,
снегирей из-за тумана
не видать за два шага.
И зайчишка – дай Бог ноги –
в норку прятаться помчал,

и медведь в глухой берлоге
сквозь дремоту заворчал.
Но стоит, искрист и светел
Снеговик в родном краю.
Вдруг встревожился, заметил –
смолкли птицы, не поют.
– Чик-чирик, откликнись, где ты? –
ищет-свищет воробья.
И нахохленный ответил
воробьишка:

– Вот он, я.

Я ледышка-воробьишка, –
он, прокашлявшись, сказал. –
Жмёт мороз без передышки,
даже крылья нам сковал.
Замерзаем все мы – птицы,
живы мы едва-едва,
рябчики, клесты, синицы,
совы и тетерева.
В темноте туман клубится,
Снеговик не спит всю ночь,
размышляет, как бы птицам
замерзающим помочь.
А на завтра, утром ранним,
подзывает воробья:
– Пусть немного будет странной
просьба личная моя.
Нужно в шапке сделать ноты,
постарайся, воробей,
острым клювом поработай,
семь отверстий в ней пробей!
Воробей долбил упрямо,
из последних бился сил.

Вот и ноты. Вышла гамма –
до, ре, ми, фа, соль, ля, си
Снеговик промолвил:
– Вейте,
ветры, вейте надо мной!
И раздались звуки флейты
в белой шапке ледяной.
И раздался голос нежный,
сотворилось волшебство –
в зимнем царстве белоснежном
все заслушались его.
Голос флейты трогал души,
плыл далёко-далеко,
солнце, чтоб его послушать
вышло из-за облаков.
Всё вокруг оно согрело.
Солнце! Кто ему не рад?
Только снег, недавно белый,
стал угрюм и ноздреват.
И мороз – куда там злиться! –
подобрел и стал слабей,
затетенькала синица,
зачирикал воробей.
Из краёв далёких южных
ветры вешние пришли,
и снега, растаяв дружно,
ручейками потекли.
Вдруг в подвижной птичьей стае
зазвенел тревожный крик:
– Чик-чирик! Вот-вот растает
наш спаситель Снеговик.
Снеговик промолвил:
– Птицы!

Не печальтесь обо мне,
видно, так должно случиться,
я исчезну по весне...
Через день его не стало,
и плыла, невесть куда,
что-то грустно напевала
шапка-флейта изо льда.
И она вот-вот растает
на весеннем ветерке,
но надолго нам оставит
память о Снеговике.

(Перевод с нем. М. Юдалевича)

СОРОК НОЖЕК БЕЗ САПОЖЕК

У кого по сорок ножек?
У одних сороконожек.
Отчего же сорок ножек
без ботинок, без сапожек?
А легко ли обуваться,
натянуть на столько ног
не одну, а целых двадцать,
целых двадцать пар сапог?
Трудно очень, долго очень
и ботинки надевать,
ведь с утра до поздней ночи
их пришлось бы шнуровать.
Зашнуруют пар пятнадцать –
вечер. Нужно разуваться.
Оттого-то сорок ножек
без ботинок, без сапожек...

(Перевод с немецкого М. Юдалевича)

(20.04.1922 – 27.02.1996)

Родился в Риге, учился в гимназии в г. Даугавпилсе. С 1941 г. – участник Великой Отечественной войны, воевал в Латышском стрелковом полку. После войны работал в Будапеште и Вене военным журналистом.

С конца 1953 г. жил в Барнауле. Работал корреспондентом, заместителем главного редактора газеты «Молодёжь Алтая», главным редактором Барнаульской студии телевидения. Был членом редколлегии и редактором журнала «Алтай», членом редколлегии журнала «Барнаул»; ответственным секретарем Алтайской краевой писательской организации, членом правления Союза писателей РСФСР, возглавлял Алтайское краевое отделение фонда милосердия и здоровья. Организовал первый в крае благотворительный телемарафон «Поможем солдатским вдовам» (1990).

Тираж книг, вышедших в разных издательствах страны, более 2,5 миллионов. Многие произведения переведены на латышский, эстонский, венгерский, немецкий и другие языки.

Награждён орденами Отечественной войны I степени, Красной Звезды, «Знак Почёта», тремя орденами Венгерской Народной Республики, медалями.

Заслуженный работник культуры России (1980). Член Союза писателей России с 1957 г.

МАЛЬЧИШЕЧЬИ ТАЙНЫ

М

ПОДЗЕМНЫЙ ХОД

На крыше

Миша высунул голову в слуховое оконце, подтянулся на руках и вспрыгнул на крышу. Ого, какая теплая! И день, кажется, был не особенно солнечным, а жечь как нагрело!

Он снял тапочки и, стараясь не греметь, прошёл по крыше к своему излюбленному месту у трубы. Улегшись, стал смотреть на реку. Отсюда, как на ладони, был виден новый железнодорожный мост – стройный, красивый, удивительно лёгкий.

Вдалеке раздался протяжный гудок. Приложив руку ко лбу – солнце било прямо в глаза – Миша увидел поезд. Он вышел из леса и теперь торопился к мосту. Паровоз казался маленьким, хлопотливым, а вагоны были совсем как игрушечные.

Состав въехал на мост, растянулся на нём длинной лентой. Стук колёс сделался громким и чётким. Затем поезд прокатил мимо сторожки, мимо старого форта на берегу реки и скрылся за пригорком.

Миша опустил подбородок на сложенные руки и тяжело вздохнул. Люди куда-то едут, куда-то спешат, а ты вот сиди здесь, на месте – и всё тут!

Да, неудачно складываются каникулы в этом году. Сначала заболела мама, и её положили в больницу. Сама собой от-

пала поездка к бабушке на Рыбье озеро, о которой Миша мечтал всю зиму. Потом у папы на аэродроме началась какая-то большая работа, и его не пустили в отпуск. Да что там отпуск – он по суткам не бывает дома. Возись тут с Толиком да вари обеды! И ещё погода стоит всё время неважная.

Правда, в этом потоке сплошного невезения сегодня появился небольшой просвет. Папа обещал приехать к девяти вечера и забрать Мишу и Толика на аэродром. А сегодня чётное число. Значит, ночью будет рейсовый из Киева, и Миша сможет, наконец, побывать на самолёте. Смешно сказать: папа работает начальником охраны аэродрома, а он ещё ни разу не посмотрел, как выглядит внутри настоящий большой самолёт. Один только «кукурузник» и видел. Просто даже неудобно перед ребятами...

Звякнула жесь. Миша поднял голову и посмотрел назад. Из слухового оконца показались полные загорелые руки, коротко остриженная голова. Сверкнули на солнце стёкла очков. Витька! Жесь загремела.

– Эй, ты! Поаккуратнее, – негромко сказал Миша. – Услышит дядя Ерофей, – в два счёта сгонит. Он вчера шум поднял, что мы крышу проломим.

Витя зашагал осторожнее, но когда он стал опускаться рядом с Мишей, снова раздался стук.

– Что там у тебя? – нахмурился Миша.

– Камень. В кармане, – лаконично пояснил Витя.

Камень... Снова принялся за свои краеведческие дела. Вот человек! В кружке одни девчонки, а он у них вроде как за председателя. Дружи с таким!

Миша отодвинулся от Вити, давая понять, что сердится. Но на Витю это не произвело впечатления. Он лежал, подперев руками голову, и смотрел вдаль. Миша обождал ещё немного, может быть, в нём всё-таки заговорит совесть?.. Где там!

Наконец, Миша не выдержал:

– Ты почему на реку не пришёл?

– Кружок, – не поворачивая головы, ответил Витя.

– Кружок, кружок!.. – передразнил его Миша. – А знаешь, что ребята про тебя говорят?

Витя равнодушно молчал.

– Что ты боишься в воду лезть, что вообще... Ну, что ты трус, потому и с девчонками возишься!

Витя повернулся на спину.

– Тепло как... – сказал он не совсем кстати. И, помолчав, добавил:

– Не знают они ничего. Пусть говорят, что угодно.

– Как это «пусть говорят»? – возмутился Миша. – Тебе всё равно? А мне нет! Ребята смеются над тобой и на меня смотрят – ведь я твой друг. А что я могу им ответить? Ну, почему ты не пришёл?

– Я сказал. Кружок.

Миша только рукой махнул: говори вот с таким!

– Послушай, – примирительно начал Витя. – Есть новость. Я был в форте и...

Но тут снизу, со двора раздался звонкий голос:

– Миша! Ми-и-и-ша-а-а!..

Это Толик. Опять, наверное, есть хочет. Что за зверский аппетит! Скоро придётся для него дополнительный обед готовить. И хоть бы ел, что дают. Так нет же: «Мишка, суп невкусный!», «Мишка, опять в кисель соли насыпал!». Словно он повар какой-нибудь! Нет, надо будет категорически заявить папе...

– Ми-и-и-ша-а-а! Иди сюда!.. Я знаю, ты на крыше, – снова донеслось снизу.

– Погоди, Витя... Пойду, ему поесть дам. Теперь уж не отвяжется...

Миша на животе сполз вниз по скользкой жести и нырнул в слуховое оконце.

Витино открытие

Толик стоял посреди двора, задрав голову, и смотрел на крышу; вероятно, собирался снова закричать. Миша подошёл к нему сзади:

– Чего орешь?

Тот повернулся. Смуглое лицо, на котором грязь дополняла загар, обрадованно заулыбалось. Сверкнули белые неровные зубки.

– Есть хочу.

– Так я и знал!.. Пошли уж...

У подъезда на раскладном стульчике сидел старик с седыми волосами ёршиком и, закрыв глаза, подставлял лицо тёплым лучам вечернего солнца.

– Здравствуйте, Андрей Викентьевич, – поздоровался Миша. Старик открыл глаза. Взгляд у него был цепкий, острый.

– А, здравствуй, здравствуй, молодой человек.

Андрей Викентьевич, железнодорожник-пенсионер, одиноко жил в сторожке рядом с домом. Ничем особенным он не выделялся. Но несколько месяцев назад Андрей Викентьевич выиграл пятьдесят тысяч по облигации и купил себе «Победу». Эта «Победа» принесла ему славу у всех окрестных мальчишек. Тем более, что Андрей Викентьевич не любил ездить без пассажиров, а среди ребят желающих прокатиться на машине всегда более чем достаточно.

Мишу старик катал на «Победе» чаще, чем других. Так уж получалось, что по вечерам, когда Андрей Викентьевич выводил из гаража свою «Победу», Миша всегда оказывался вблизи. Впрочем, в этом не было ничего удивительного: окно Мишиной комнаты находилось напротив гаража.

Совсем иного рода взаимоотношения сложились между Андреем Викентьевичем и Толиком. Сначала всё было тихо, мирно. Но однажды дядя Сережа – брат папы – неосмотрительно подарил Толику перочинный ножик. Толик немедленно приступил к испытаниям. Порезал на куски свежий номер Мишиной «Пионерской правды» – бумагу нож брал хорошо. Дерево тоже – это Толик испробовал на ножке кухонной табуретки. Ну, а резина? Как ножик берёт резину? И тут Толик вспомнил про «Победу». У неё ведь колеса из толстой резины. Ничего страшного не будет, если отщипнуть от них кусочек.

...Андрей Викентьевич застал Толика, когда тот уже успел вырезать из покрышки полоску сантиметров в пять. Они стали непримиримыми врагами. «Башибузук» – так прозвал старик мальчугана...

– Что там башибузук визжал во дворе? – спросил Андрей Викентьевич.

– Проголодался, видите ли. Два часа назад обедал, – пожаловался Миша.

Старик зачмокал языком.

– Да, Мишенька, трудно тебе... Сочувствую, сочувствую. Но ничего, мне тут ребята говорили, что ты сегодня с папашей на аэродром поедешь. Все-таки развлечение... Хе-хе...

– Да, Андрей Викентьевич. Папа будет в девять, возьмёт меня с собой.

– Миша! Ну, Миша! Скорей! – раздалось с лестницы.

– Иди, иди, – заторопил Мишу старик, – а то ещё башибузук, чего доброго, тебя самого проглотит... Хе-хе...

Дома Миша стал разжигать керогаз. Фитиль никак не загорался. Он поднял резервуарчик для керосина и потряс его. Так и есть – пуст!

Толик сидел в комнате и с нетерпением ждал обещанную яичницу.

– Иди сюда, – позвал Миша. Толик побежал на кухню:

– Уже готово?

– Готово, готово! – передразнил Миша. – А керосин?..

Толик открыл кладовую, где стоял бидон. Керосин – это было по его части. Миша стряпал, а Толик должен был снабжать его горючим. Так мама распределила обязанности перед своим уходом в больницу, и это соблюдалось свято.

Как назло, бидон был пуст. Толик подхватил его, виновато пряча глаза, шмыгнул мимо Миши. На ходу вытащил из тумбочки припрятанные три рубля и понёсся за керосином.

Только он выбежал, пришёл Витя. Молча уселся в угол дивана – он всегда сидел здесь, когда приходил к Мише. Вытащил из кармана какое-то краеведческое сокровище – обломок красного камня – и принялся сосредоточенно его разглядывать.

Миша возмутился: ну что это такое? Будто никого больше в комнате нет. Только хотел съязвить на этот счёт, как Витя неожиданно спросил:

– Про подземный ход слышал?..

Миша опешил. Чего ради Витя вдруг вспомнил о подземном ходе?

– Ну, предположим, слышал, – осторожно сказал он.

И тут Витя его огорошил:

– Я его нашёл.

– Что?!

Если бы Витя заявил, что он прыгал сегодня с парашютом, или съел пятьдесят пирожных «наполеон», или выбросил свою коллекцию минералов, – Миша не был бы так потрясён.

– Ты нашел ход? Под реку?.. Брось заливать.

– Вот.

Витя положил на стол красный камень. Миша взял его, повертел в руках, недоуменно пожал плечами и снова положил на стол:

– Ну и что же?

– Ход замурован. Кирпич оттуда.

– Оттуда!

Миша схватил кирпич, словно Витя собирался его отнять. Он тёр его пальцами, скрёб ногтями, даже для чего-то понюхал. Самый обыкновенный кирпич!

Он испытующе посмотрел на Витю. Нет, Витя не врёт. Его можно назвать и сонёю, и увальнем и, может быть, даже трусом. Но вруном его никто не назовёт.

Миша положил камень на стол.

– Да ты расскажи толком.

Но тут вернулся Толик с керосином. Сделав Вите предостерегающий жест, Миша сказал:

– Мы с Витей пойдём на кухню и приготовим тебе яичницу. А ты сиди спокойно и жди, а то ничего не получишь.

На кухне Миша делал сразу две работы. Он готовил яичницу и тянул из молчаливого Вити подробности об его неожиданном открытии. Обе работы были достаточно трудны, и уже на первых минутах Мишин лоб покрылся испариной.

Все же, слово за словом, Мише удалось выяснить если не всё, то, по крайней мере, самое важное.

Дело происходило так. На заседании краеведческого кружка Витя высказал догадку, что огромное красное здание казармы в центре города и старые укрепления вдоль восточного берега реки построены в одно время. Ему возразила Валя Красавина, решительная курносая семиклассница, которой по-

баивались даже самые заядлые драчуны, переведённые «на исправление» к девочкам из бывшей мужской школы. Она заявила, что по её мнению сначала строился форт, и лишь потом, лет через пятьдесят, была построена казарма.

Загорелся спор. Витя решил доказать свою правоту. Но как это сделать?..

Кирпичи!

Мысль была очень простой: сравнить кирпичи из стен казармы и стен форта. Если они окажутся одного возраста, значит... Ну, дальше всё ясно.

И вот сегодня Витя решил пробраться через бойницу в форт. Два раза срывался, падал. Но всё-таки забрался наверх, распутал проволоку и влез внутрь.

В большом помещении форта он не нашёл ничего подходящего. Все кирпичи сидели так плотно, что было бессмысленно пытаться выковырять их железным прутом, который Витя захватил с собой вместо лома. Но зато в тёмном коридоре, уходившем в глубь форта, ему повезло. В стене явно выделялось несколько рядов кирпичей – вероятно, их подмочила вода. Витя ковырнул один из кирпичей. Тот поддался.

За кирпичом открылась чёрная пустота. Из неё несло сыростью и холодом. Витя заинтересовался – что это такое? Он вытащил другой кирпич, третий. Да, за кирпичами был...

– Ну что, что там было? – не выдержал Миша. Ох, этот Витька!

– Ход, вот что, – спокойно ответил Витя. И тут же, потянув носом добавил:

– Горит!

Горела яичница. Миша схватил тряпку, снял сковороду с огня и понёс в комнату.

Толик, обжигаясь, потащил в рот первый кусок. И тут же поморщился:

– Сладкая!

Миша сразу сообразил, что посолил яичницу сахаром. Но признаться в этом значило ославиться на всю округу – Толик немедленно сделал бы эту новость достоянием всех своих горластых друзей. Поэтому Миша согласно кивнул головой:

– Правильно, сладкая... Ты же сам вчера просил гоголь-моголь. Вот я и сделал яичницу с сахаром. Это то же самое... Кушай, кушай...

Толик растерялся. Верно, он просил вчера гоголь-моголь. Но яичница... Мама никогда не делала её с сахаром.

Воспользовавшись его замешательством, Миша позвал Витю и выскочил с ним во двор.

– А теперь что? – сгорая от нетерпения, выдохнул он.

– Завтра пойду.

– Туда? В ход? – У Миши сладко заныло в груди. – И я с тобой.

– Что ж, давай, – подумав, солидно согласился Витя. – Вдвоём веселей.

Они договорились, что следует взять с собой. Электрический фонарик. Спички на всякий случай... Встреча завтра в семь утра на берегу реки.

Беспокойная ночь

Лишь поздно вечером, когда папа приехал домой, Миша вдруг вспомнил, что хотел сегодня поехать на аэродром. А как же тогда ход?

Миша словно раздвоился. Одну его половинку безудержно влекло на аэродром, другую – на исследование подземного хода. И кто знает, чем бы закончился этот поединок между двумя Мишиными половинками, если бы папа вдруг не спросил:

– Ну как, ребятки, со мной на аэродром поедете?.. Только на киевский самолет не надейтесь – его не будет. Телеграмму получили – сегодняшний рейс переносится на завтра.

Вопрос решился сам собой. Обе половинки снова слились в одного Мишу, который видел перед собой только одну цель: подземный ход.

Папа поел обед, над которым Миша колдовал всё утро. Похвалил картофельный суп, даже попросил ещё налить. А потом одел свой китель, фуражку, подхватил, ребят и улыбнулся, хитро подняв левую бровь:

– Есть у меня замечательная новость. Только я вам её не скажу – не просите, не просите, всё равно не скажу. Под тарелкой лежит бумажка – прочтёте сами.

На улице послышался протяжный гудок аэродромного автобуса. Папа пошёл к двери, на ходу торопливо чмокнув ребят в щёки.

Миша и Толик, перегоняя друг друга, ринулись к папиной тарелке и вытащили записку. Там было написано: «Зереч авд янд ястёнрев амам». Миша расхохотался: вот папка какой! Всегда что-нибудь придумает. Попробуй теперь, расшифруй, что он здесь написал.

Как ни странно, первым нашёл ключ к разгадке Толик, хотя ещё и не умел как следует читать. Он повторил несколько раз загадочное слово «амам» и вдруг заметил, что это «мама» – только наоборот. И Миша сразу прочитал всю записку: «Через два дня вернётся мама».

Радостная пляска прекратилась лишь после того, как пришла Раечка из нижней квартиры и сказала, что у них сыплется штукатурка и качается лампа.

Потом стали укладываться спать. Толик улёгся на диване, а Миша на своей постели у окна. И тут Толик спросил:

– А в подземном ходе электричество горит?

Миша насторожился. С чего это он спрашивает о подземном ходе? Неужели слышал их разговор?

– Нет, там темно. А что?

– Так. Ничего, – неопределенно ответил Толик.

Миша ждал следующего вопроса. Но не дождался:

Толик заснул.

Вскоре уснул и Миша. Но спал он очень тревожно. Ему всё грезился старый форт с узкими бойницами, похожими на прищуренные глаза, подземный ход, ярко освещённый электрическими лампочками...

В середине ночи Миша проснулся. Его разбудил шум начавшегося дождя. Он полежал немного, соображая, стоит или не стоит закрывать окно. Повернулся на другой бок, устроился поудобнее и тут услышал лёгкое гудение.

Где-то невдалеке пролетал самолёт, Значит, всё-таки прибыл рейсовый из Киева. А папа говорил...

Когда Миша снова проснулся, ему казалось, что он не

спал и минуты. Но на самом деле прошло уже немало времени. Дождь перестал. На востоке заалела узкая полоска зари.

Миша выглянул в окно и удивился. Два человека – в одном он угадал Андрея Викентьевича – закатывали в гараж безмолвную «Победу». Неужели с ней что-нибудь случилось? Ведь почти новая машина. Надо завтра спросить Андрея Викентьевича. Может быть, придётся помочь. Баранку Андрей Викентьевич крутить умеет, а вот в моторе копать ему одному трудно...

В третий раз Миша проснулся от чьего-то негромкого покашливания. У стола стоял папа, серьезный, нахмуренный, и закладывал обойму в пистолет.

– Доброе утро, папка, – сказал Миша. – А ведь самолёт-то из Киева прилетел. Я слышал...

Папа поднял голову:

– Ты слышал? – с интересом спросил он. – Ну ладно, сынок, спи. Ещё совсем рано...

Он сунул пистолет в кобуру и на носках вышел из комнаты.

В старом форте

Миша с ходу захлопнул дверь, быстро вставил ключ и дважды повернул его. Тотчас же в дверь забарабанили.

– Миша, Мишка! Мишенька! – на все лады зывал Толик.

– Перестань стучать, весь дом разбудишь, – наставительным тоном сказал Миша.

– Я тоже хочу в подземный ход! – неслось из-за запертой двери.

– Нельзя... Я скоро вернусь. Тогда пойдем купаться. Понял?

Толик умолк. Но стоило только Мише начать спускаться с лестницы, как дверь снова загрохотала. Миша махнул рукой и оропливо сбежал вниз. Удивительный человек этот Толик. Со всем уже большой и не понимает, что он ещё маленький ходить по подземельям.

Утро было чудесное. Солнышко ласково улыбалось всему свету. Небо было высокое и чистое, без единого облачка. Лишь грязь на дороге да большие мутно поблескивавшие лужи говорили о том, что ночью был проливной дождь.

Миша вышел за ворота и зашагал по обочине дороги. Его

так и подмывало пуститься бегом, но он сдержал себя. Ещё не хватало, чтобы кто-нибудь увидел, как он мчится по лужам, словно какой-нибудь первоклассник.

Но как только дом скрылся из виду, Миша снял тапочки, взял их в руки и припустил к форту...

Легенда о том, что в старину от форта, построенного ещё при Екатерине, шёл подземный ход под рекой, не давала покоя пылким мальчишеским умам. Она, как эпидемия, то затихала на время, то вспыхивала вновь, да с такой силой, что почти всё мужское население этой части города в возрасте от шести до шестнадцати лет с утра до ночи бродило по берегу реки, по форту и его окрестностям с лопатами, кирками, ломками, топорами и искало, искало, искало... То и дело проносились воспламеняющие кровь слухи, что какому-то Витьке, Кольке, Ваньке удалось найти таинственный ход, что этот Витька, Колька, Ванька уже побывал под рекой. Но потом оказывалось, что всё это выдумки, и поиски возобновлялись снова. Эпидемия утихла только в сентябре, когда начинались занятия в школах.

В прошлом году какой-то мальчуган, тоже из числа заболевших подземным ходом, забрался в форт, неудачно прыгнул из бойницы и сломал себе ногу. Мама и папа – эти известные противники смелых мальчишеских фантазий – добились, чтобы городские власти запретили лазить по форту. Дверь в форт заколотили, а бойницы оплели колючей проволокой.

С тех пор поиски подземного хода ограничивались лишь берегом реки. Это уже было не столь интересно. Да тут ещё река – ласковая, светлая, прохладная, – в жаркий день так и манила ребят; они на ходу сбрасывали с себя одежду и с визгом кидались в её прохладные объятия. Форт привлекал их всё меньше и меньше.

Но теперь Миша смотрел на знакомый форт другими глазами. Так вот где этот легендарный ход...

Витя ждал в условленном месте. Взглянув на него, Миша удивился:

- Ты зачем свитер надел?
- Холодно, – последовал неожиданный ответ.

– Холодно? Тебе холодно?

– Там холодно будет... А ты так и думаешь в майке идти?

Миша высокомерно хмыкнул:

– Не бойся, не простыну. Я физзарядкой занимаюсь... По-лезем, что ли? – предложил он, с вожделием поглядывая на бойницы.

Но тут Витя сказал:

– Иди домой, надень что-нибудь.

– Да хватит тебе дурачиться! – рассердился Миша.

Но нет, Витя вовсе не дурачился. Он сел на камень, скрестил руки на груди и ещё раз сказал, совсем спокойно:

– Иди одевайся.

И сколько Миша не доказывал, что он закалённый – зимой даже умывается снегом, что возвращаться ему домой никак нельзя – Толик слышал их вчерашний разговор и чуть не побегал вслед, – Витя не трогался с места:

– Пока не оденешься, – не пойдём.

Не помогли даже угрозы...

Пришлось Мише пускаться в обратный путь. И тут он впервые подумал, что Витя вовсе уж не такой мягкотелый, каким его считают...

У двери квартиры Миша прислушался. Всё было тихо. Вероятно, Толик успокоился и снова лёг спать.

Тихонько, стараясь не произвести ни одного звука, Миша повернул ключ. Но только отворил дверь, как оттуда выскочил Толик и метеором промчался по лестнице, оглашая весь дом торжествующим визгом. Пытаться загнать его обратно было так же бессмысленно, как пытаться вернуть вчерашний день.

– Вот это другое дело, – сказал Витя когда Миша, запыхавшись от быстрого бега, предстал перед ним в старой залатанной футболке.

– Скорей, скорей, – заторопил его Миша. – Случилась беда, Толик удрал из квартиры. Того гляди, сюда прискачет.

Витя сразу посерьёзней. Он тоже знал, что такое Толик.

Первым в форт полез Витя. Со стороны это выглядело так, словно он взбирается на гладкую отвесную стену. Но в этой стене то здесь, то там были выбоины и впадины. Витя, осторожно

нащупывая их ногами, медленно поднимался к бойнице. Она находилась метрах в трёх от земли.

Миша с восхищением наблюдал за другом. Вот тебе и толстяк! Вот тебе и трус!

Добравшись до цели, Витя бросил Мише конец крепкой бечёвки. Тот ухватился за неё и быстро вскарабкался наверх. Протиснувшись сквозь узкую щель бойницы, он оказался в большом полукруглом помещении. Окон здесь не было. Свет проникал лишь через бойницы и стлался по полу узкими, длинными полосами. В помещении царил густой полумрак.

– Пойдем, – шепнул Витя и, взяв Мишу за руку, повел его в глубь помещения. Они вошли в тёмный коридор. Витя включил карманный фонарик, и луч света выхватил из темноты высокий сводчатый потолок, кирпичные стены.

В коридоре было очень сыро. Мише стало холодно. Прав был Витя...

Ребята прошли несколько десятков метров вниз по коридору. Луч Витинога фонарика терялся где-то вдали.

– Здесь, – наконец сказал Витя шёпотом. Он осветил кирпичную стену, и Миша увидел в ней дыру. Витя ударил по стене железным прутом. Звук многократно повторился в своде коридора, но только не раскатисто и звонко, как вольное эхо, а дребезжаще, торопливо, словно кто-то провёл палкой по плетню.

Мише стало не по себе. Он оглянулся, зябко передёрнул плечами. И тут же, вспомнив, что Витя вчера был здесь один, совсем один, устыдился своей слабости. Давай я теперь! – потребовал он у Вити, который уже вытащил из стены несколько кирпичей.

Тот с готовностью передал ему прут. Миша принялся за дело...

Первым в образовавшуюся дыру полез Витя. Он поводил лучом фонарика, прошёл чуть вперед, а потом повернулся и сказал:

– Залезай... Только пригнись, а то ушибёшься.

Голос его звучал глухо, словно из бочки.

Миша перешагнул через кирпичи и оказался в тесном про-

ходе. Потолок нависал над самой головой. Идти приходилось согнувшись. Иначе можно было стукнуться о камень.

– Держи. – Витя сунул Мише в руки конец бечёвки. – На всякий случай, – пояснил он. – Пошли. Я вперёд.

Сердце у Миши стучало быстро и гулко. Вот он, легендарный ход под реку. Они с Витей найдут здесь склады старинного оружия... А может быть, сокровища?.. Ну конечно же, они найдут клад! Ход, вероятно, расширится и приведёт в тайное хранилище.

Но ход оставался таким же тесным и узким, как вначале. Он шёл не прямо, а всё время заворачивал.

Витя вдруг остановился:

– Стоп!.. Стена.

– Какая стена? – не понял Миша.

– Обыкновенная. Кирпичная, – ответил Витя, не оборачиваясь.

Послышались удары о камень. Витя пустил в ход свой железный прут.

– Поддаётся...

Витя вытащил один кирпич, второй... Потом с трудом просунул голову в образовавшееся отверстие, угадал в темноте знакомый сводчатый потолок и сразу понял:

– Всё, Миша. Кончена экскурсия... Мы снова вернулись к коридору.

– К коридору?

– Ну да... Ход описывает полукруг.

Миша свиснул:

– Значит, не тот ход, не подземный.

– Не тот, – вздохнув, согласился Витя. – Поворачивай обратно... Бери фонарик, впереди пойдешь...

Какое теперь имело значение, кто пойдёт впереди! Миша шёл, полный разочарования. Вот тебе и подземный ход.

Он слышал, как сзади Витя постукивал по стенам, и в нём закипало раздражение. Витьке что! Возьмёт отсюда пару кирпичей и будет с ними возиться в своём кружке всё лето. А он...

В этот момент Миша услышал позади себя звук падения.

Бечёвка вырвалась у него из рук. Он обернулся:

– Ты что – упал?

Никто не ответил.

– Витя... Вить!

Миша посветил фонариком. Позади никого не было.

Андрей Викентьевич

Миша рассердился. Что это Витька, в прятки задумал играть? Нашёл подходящее место, нечего сказать.

Он с трудом повернулся в узком проходе и пошёл назад.

Ну погоди, Витька! Всё равно дальше кирпичной стены не уйдёшь.

Но когда Миша дошёл до конца хода, его удивлению не было границ. Никого!

Может, Витя вылез в коридор через отверстие в стене? Ну, это невозможно! Оно ведь совсем маленькое.

Для успокоения совести Миша всё же крикнул в коридор:

– Витя! Витька!

– ка-ка-ка... – поспешно отозвался коридор.

И всё. Больше Миша не услышал ни звука.

Куда же девался Витя? Мимо него он не проходил, это совершенно точно. Укрыться здесь, вроде, тоже негде... Надо ещё раз пройти по ходу. Вероятно, Витька спрятался в какой-нибудь нише.

Миша повернул обратно. Двигался медленно, осторожно, внимательно осматривая стены хода. Так он дошёл до коридора. Никаких ниш!

Миша присел на груды кирпичей. Что за чертовщина! Не мог же Витя пройти сквозь каменные стены или провалиться сквозь землю. И испариться он тоже не мог.

На миг Миша потушил фонарик. Тьма обволокла его со всех сторон. Лишь из помещения с бойницами в коридор проник сероватый свет. Мише вдруг сделалось страшно. Он вновь включил фонарик. Тьма отступила, но страх не прошёл. Миша часто дышал и, озираясь по сторонам, направлял луч фонарика то сюда, то туда. На лбу у него выступили капли пота.

Превозмогая страх, он заставил себя вновь вернуться и несколько раз громко позвать Витю. Но по-прежнему никто не откликнулся...

Миша не выдержал. Опрометью кинулся из хода, помчался по длинному коридору. Вскочил на подоконник, протиснулся сквозь щель бойницы и с трехметровой высоты прыгнул вниз, на кучу щебня.

На улице ослепительно голубело солнечное утро. Река сверкала и искрилась. Волны лениво перекатывались под ласковым прикосновением ветерка, шурша стлались по песчаному берегу.

Миша словно проснулся от тяжёлого сна. Неужели он только что был в форте? Неужели Витя исчез в этом тёмном, узком проходе? Да не может быть. Вот же он! Сидит себе наверху, на насыпи, свесил вниз босые ноги и насвистывает «чижика».

– Витя!

Босые ноги исчезли и вместо них появилась смуглая физиономия с радостно изумлённым выражением хитрящих маленьких глаз.

Это был не Витя, а Толик.

– Витя здесь не появлялся? – спросил Миша. – Ну, говори же скорей.

– Нет. А что?

Миша не ответил. Он пробежал вдоль берега реки. Потом обогнул форт со стороны дороги. Снова вернулся к реке.

Вити нигде не было. У Миши упало сердце. Никаких надежд больше не оставалось. С ним что-то случилось там, в форте.

Что делать?.. Миша вспомнил, что Иван Сергеевич, Витин папа, недавно взял отпуск. Надо бежать к нему, он сейчас, наверное, дома. Иван Сергеевич соберёт людей, они обыщут весь форт и найдут Витю, непременно найдут.

– Слушай, Толик, – торопливо заговорил Миша. – Посиди здесь ещё немного. Если увидишь Витю, скажи, пусть сейчас же идёт домой...

Чтобы сократить путь, Миша побежал не по дороге, а прямо по полю, к забору, сколоченному из досок разных размеров.

За этим забором находился гараж Андрея Викентьевича. Поэтому Миша несколько не удивился, когда, пробравшись через дыру между досками, столкнулся лицом к лицу со стариком. Но зато тот был удивлён безмерно:

– Миша? Уже вернулся с аэродрома?

Всегда аккуратный, чистый, приглаженный, Андрей Викентьевич имел сегодня необычный вид. Его брюки были в земле и глине. Рукава рубахи закатаны. Жилистые руки перепачканы до локтей. С мокрой тряпки, которую он держал, на землю стекала жидкая грязь.

Миша подумал, что Андрей Викентьевич чистил «Победу». Вероятно, её ночью здорово заляпало.

– Я не был на аэродроме, – ответил Миша. И так как старик стоял на самой тропинке, попросил:

– Разрешите пройти, Андрей Викентьевич. Я очень спешу.

– Пстой, пстой. – Старик подошел ещё ближе. – Значит, ты сегодня ночевал дома?

– Дома, – сказал Миша. И тут же вспомнил:

– А что у вас с «Победой» ночью случилось? Мотор отказал?

– Мотор? – удивился Андрей Викентьевич. И вдруг он снова заулыбался, весело, добродушно, как всегда. – Конечно, мотор... Ты видел, как мы... как я её толкал? Хе-хе... Ишь глазастый какой! Молодец!.. Понимаешь, забарахлила вдруг. Вероятно, карбюратор... А куда ты, собственно, так несёшься? Помог бы мне немного. Кататься вы все охотники, а как работать... Хе-хе...

Вот это уж несправедливо. Миша всегда охотно возился у машины. Но сейчас...

– Сейчас не могу. Андрей Викентьевич... Понимаете, пошли мы с Витей – он из тридцать четвёртого дома, мой друг. Толстый, очки носит, знаете? – пошли с ним в подземный ход...

Андрей Викентьевич выронил из рук тряпку. Миша нагнулся и поднял её.

– Спасибо... Так, значит, вы пошли... И что же дальше?..

– Ну и Витя там пропал. Как сквозь землю провалился. Понимаете, вместе шли и вдруг его не стало...

– Ай-яй-яй, – покачал головой Андрей Викентьевич. – И что ты сейчас думаешь делать?

– Да вот, бегу к его папе. Надо собрать людей, искать его. Весь форт перерыть. Ведь он никуда не мог деваться...

– Да, да, – рассеянно сказал старик, думая, видимо о чём-то своем. – Ой, что это я! – Он хлопнул рукой по лбу. – Совсем от старости память потерял... Миша, ведь тебя папа искал... Пусть, говорит, сейчас же садится на попутную машину – и на аэродром. Ты ему очень нужен.

– Потом поеду, Андрей Викентьевич...

Миша шагнул вправо, чтобы обойти старика. Но Андрей Викентьевич взял его за плечо.

– А ведь ты молодец, что так за своего друга беспокоишься... Ладно уж, помогу тебе... Не сомневайся, – усмехнулся он, заметив неуверенность на лице Миши. – Ты не смотри, что я стар. Хе-хе... Ведь я здесь живу давным-давно. Все ходы и выходы знаю. Найдём твоего друга... Вот так.

Андрей Викентьевич бросил через забор грязную тряпку и, по-стариковски волоча ноги, пошёл по тропинке к своему домику. Миша, все ещё сомневаясь, последовал за ним.

– Посиди здесь, – сказал Андрей Викентьевич, когда они вошли в дом. – Я переоденусь.

Он жестом показал на себя – не идти же в таком виде – и пошёл в соседнюю комнату. Миша услышал, как он там с кем-то перешёптывался. Кто же это мог быть? Ведь Андрей Викентьевич живёт один... Ах да, наверно, тот самый, с которым он сегодня ночью толкал «Победу». Родственник какой-нибудь.

Андрей Викентьевич поможет ему отыскать Витю... А всё-таки надо сказать Витиному папе. Может, случилось что-нибудь серьёзное. Андрей Викентьевич ведь не знает, как это всё произошло. Наверное, он думает, что Витя просто спрятался...

Миша подошёл к раскрытому окну и посмотрел на форт. Он казался ему теперь мрачным чудовищем, распластавшимся у реки. А кто там бегают по насыпи? А, это Толик...

Чья-то жёсткая рука прикрыла Мише рот, а другая с силой рванула за футболку. Он потерял равновесие. Но упасть на пол

ему не дали. Те же сильные руки подхватили его и понесли в ту комнату, куда ушёл Андрей Викентьевич.

Это была кухня. В полу у стены зиял открытый люк. Из него торчала лестница.

– Сюда, сюда, – слышался из люка приглушенный голос Андрея Викентьевича.

Миша вырывался изо всех сил. Он несколько раз лягнул человека, схватившего его, даже укусил. Тот ругнулся, но Мишу не отпустил. Донёс его до люка и передал Андрею Викентьевичу.

– Пустите меня! Пустите! – рвался Миша.

– Нет уж, шалишь, хе-хе! – бормотал Андрей Викентьевич, с силой заламывая ему руки назад.

Тяжело дыша, он поволок мальчика в угол погреба, где виднелось большое отверстие.

Не успел Миша сообразить, что произошло, как старик швырнул его куда-то вниз. Он упал на мягкую влажную землю. Сверху стукнула тяжёлая крышка

Миша остался один в совершенной темноте.

Подземный ход

Когда нужный человек где-то запропастился, обычно восклицают с досадой: «Да что он, сквозь землю провалился?». При этом, конечно, никто не предполагает, что человек действительно провалился. Это говорится так, для красного словца.

Витя же провалился сквозь землю в буквальном смысле слова. Земля расступилась под ним. Не успел он опомниться, как ухнул вниз, пролетел какую-то трубу и упал в липкую грязь.

Сейчас, стоя в кромешной тьме и счищая с лица налипшие комья грязи, Витя старался припомнить, как это всё произошло.

Он шёл следом за Мишей и осматривал стены хода. Увидел кирпич, который сидел в стене глубже других. Тронул его рукой. Кирпич поддался. Витя удивился и нажал изо всей силы. Кирпич ушёл в глубь стены. И в этот самый момент Витя провалился.

Что же случилось? Есть ли связь между его падением и этим странным кирпичом?

Ну, конечно! Ведь крепости в старину строились с множеством тайных ходов, ловушек, волчьих ям – об этом не раз говорил на заседаниях кружка Федор Акинфиевич. Вероятно, Витя провалился в одну из таких ям. Кирпич приводит в действие механизм, и в полу открывается люк.

Интересно, долго ли придётся сидеть в этой яме? Миша, конечно, уже заметил, что он исчез. Что он подумал? Побежал, вероятно, звать ребят на помощь.

Витя вытер перепачканные руки и полез в карман за спичками. Вытащил коробок и чиркнул. Спичка зашипела, вспыхнула ярким пламенем и тотчас же погасла. Но и за этот короткий миг Витя успел заметить, что находится вовсе не в яме. Он зажгёт еще одну спичку. На стены лёг неровный дрожащий свет. Да, это была не яма, а коридор, длинный коридор, уходивший отсюда в обе стороны.

На потолке коридора зияла чернота – вероятно, конец той трубы, через которую он летел. Она была довольно высоко – метра два от земли.

Витя приставил ко рту руки, сложенные рупором, и крикнул: – Миша! Ми-и-ша!..

Он удивился, как глухо прозвучал его голос. Да, кричать нет смысла. Миша его вряд ли услышит. Придётся ждать. Сидеть и ждать, пока не явится помощь.

Витя поправил очки (они чудом уцелели во время падения), потоптался немного на месте. Потом подумал, что стоять здесь, собственно, нет смысла. У него ведь полно спичек. Можно пройтись немного по коридору, посмотреть, что там. Может быть, он сам найдёт выход. А если нет, то снова вернётся обратно. Вряд ли помощь придёт очень скоро.

Чиркая спичками, Витя пошёл по коридору. Под ногами всё время чавкала грязь. Один раз он чуть было не упал в какую-то яму с водой. Хорошо, что успел вовремя заметить сверкнувшую чёрным лаком поверхность. Стал идти осторожно. То и дело останавливался, нащупывал ногой дорогу.

Вот показалось большое отверстие в стене. Витя осветил его спичкой. Глубокая ниша или боковой вход.

Он пошёл дальше. Коридор то и дело заворачивал, вновь выпрямлялся. Ниши встречались всё чаще и чаще. Грязи тоже стало больше. Он месил её ногами, как жидкое тесто.

Витя опорожнил уже целый коробок спичек. В кармане у него осталось ещё два. Что делать: идти дальше или поворачивать назад? Он остановился в раздумье. В этот момент ему за шиворот упала холодная капля. Он вздрогнул и зажёл спичку. Вода медленными каплями стекала с потолка.

Откуда вода?

И вдруг Витя всё понял: это же ход! Подземный ход под рекой. Таинственный, легендарный ход – и он, Витя, первый из современных людей его обнаружил. Он открыл подземный ход! Ура!

Но крикнуть «ура» Витя не успел. В тот момент, когда он хотел провозгласить славу самому себе, за поворотом, который делал коридор, совершенно отчетливо послышались звуки ударов.

Где-то вблизи били по камню тяжёлым металлическим предметом.

С трудом вытаскивая ноги из вязкой грязи, Витя подошёл к повороту и увидел впереди, метрах в двадцати, человека, стоявшего спиной к нему и державшего высоко в руке керосиновую лампу. Затем Витя увидел другого человека. Тот стоял на лестнице, прислонённой к стене, и ломом выворачивал кирпичи из дыры, зиявшей у самого потолка.

Человек с лампой в руке сказал:

– Хватит. Закладывайте тол.

Он поставил лампу на землю и стал подавать второму длинные круглые пакеты, похожие на толстые свечи. Тот уложил их в дыру.

– Теперь подведите провода... Быстрее, быстрее, – торопил стоявший внизу.

Витя, наконец, сбросил охватившее его оцепенение. Человек по-прежнему стоял к нему спиной, но он узнал его по голосу. Это был Мишин сосед, Андрей Викентьевич, у которого «Победа». А второй? Второго Витя не знал. Он никогда раньше не видел этого человека с бритой головой.

Что они здесь делают? «Закладывайте тол». Но ведь тол

– взрывчатое вещество. А если взорвать свод, то вода ворвётся и затопит весь ход. Они ведь под рекой.

Витя явственно представил себе широкую быструю реку с её крутым левым берегом, новый мост...

Мост!

Андрей Викентьевич и бритоголовый заложили дыру кирпичами. Затем они взяли лестницу, Андрей Викентьевич поднял лампу...

Хорошо, что Витя успел юркнуть в нишу, оказавшуюся поблизости. Иначе они заметили бы его. В нише была яма, полная воды, и когда Витя забрался в неё, послышался всплеск. Андрей Викентьевич и бритоголовый в это время проходили совсем близко. Вите было видно, как незнакомец, сощурился глазами, встревоженно огляделся.

– Что случилось? – спросил Андрей Викентьевич.

– Вроде вода хлюпнула, – ответил тот.

Андрей Викентьевич засмеялся своим мелким дребезжащим смехом:

– Хе-хе... Нервы, голубчик... Как у вас хватило духу прыгнуть с парашютом?

– Это не так сложно, – буркнул тот. – Даже вы сумели бы. Просто сбрасывают, как мешок с картофелем.

– Хе-хе...

Они скрылись за поворотом. Голоса становились глуше и, наконец, стихли совсем.

Витя вылез из своего убежища еле живой от страха. Вода лилась с него ручьями. И – что было хуже всего – спички в кармане безнадежно промокли. Теперь у него оставался лишь коробок, который он держал в руке. В нём было всего несколько спичек. Он пересчитал их – десять штук.

Две спички Витя израсходовал, пока добрался до места, где работали Андрей Викентьевич с незнакомцем. Ещё три спички он сжег, чтобы хорошенько разглядеть отверстие, в которое они заложили взрывчатку. А потом случилось несчастье, Витя попытался по выступам в стене взобраться наверх. Но сорвался и уронил коробок с последними пятью спичками.

Надо же так! Теперь, когда ему стало ясно, что они собираются взорвать новый мост, лишиться возможности помешать им! Что он сумеет сделать без света!

Витя снова стал карабкаться на стенку, ощупью. Но упал и больно ушиб ногу. Тогда он понял: до взрывчатки ему не добраться! – и заплакал от злости.

Ничего он не может больше сделать. Скоро этот проклятый старик со своим другом вернутся сюда и взорвут мост. Вернутся? Ну да, будут они возвращаться! Ведь старик ясно сказал: «Подведите провод». Они будут взрывать электричеством, издалека. Преспокойно нажмут кнопку – и готово. Мост взлетит на воздух.

Так, так... Значит, здесь должен быть провод. Его надо немедленно перерезать.

Витя стал лихорадочно шарить руками по мокрым, покрытым слизью стенам. Где провод? Никак его не найти! Может быть, лучше попробовать поискать на земле? Ага, вот он...

Нож, где нож?

Ножа не было. Вероятно, выпал из кармана, когда Витя провалился через люк.

Провод был толстый – в палец толщиной, покрытый твердой эбонитовой оболочкой. О том, чтобы порвать его, перегибая много раз в одном месте, как это можно сделать с обыкновенным проводом, нечего было и думать. Витя решил идти по проводу. Он должен привести его куда-нибудь. А там... Там, возможно, подвернётся подходящий случай.

Витя пошёл вперед, пропуская провод между пальцами. Он ничего не видел. То и дело ударялся о стены, падал, вставал, снова падал, но провода из рук не выпускал.

...Провод свернул в сторону и нырнул вниз. Витя опустился на колени и пошарил рукой. Провод уходил под стену. Витя ощупал её. Странное дело: деревянная. Перегородка? Или дверь? Ну да, дверь. Вот и ручка... Он осторожно потянул её к себе. Тщетно. Потянул сильнее.

Ничего не получилось, дверь была заперта. С досады Витя хватил по ней кулаком и тотчас же испугался: а вдруг там те двое?

Но он совершенно неожиданно услышал испуганное: «Кто?» И хотя это было произнесено шепотом, Витя сразу узнал Мишин голос.

– Ты здесь? – обрадовался он. – Открой.

– Не могу, – последовало в ответ. – Заперто... Ты знаешь, Андрей Викентьевич и ещё какой-то бросили меня сюда... А ты откуда взялся? Куда ты исчез? Как нам выбраться отсюда?

Но Витя решительно прервал этот каскад вопросов. Нельзя было терять ни минуты.

– Миша, у тебя нож есть? Нет?.. Ой, что же теперь делать?

Поезд идёт через мост

Толик сидел на земляной насыпи над фортом, грыз сладковатые стебли травинки и думал невесёлую думу.

Плохо всё-таки устроен мир. Главное, никакого тебе доверия. Выбежишь во двор с мячом в руках – даже ещё толком не решил, что с ним делать – отовсюду уже несутся возгласы: «Толик – окно разобьёшь!», «Мальчик – во дворе не сметь!», «Уходи отсюда – я маме скажу!». Как будто он только и делает, что окна бьёт. Ну, было один раз. Так ведь это не он. Рыжий Иоська подал пас, а он только ногу подставил. Кто мог знать, что мяч отскочит в окно?.. И потом, с тех пор, как это случилось, уже дней пять прошло. Неужели теперь всю жизнь будут напоминать?..

И почему это большие считают, что он делает всё нарочно? Как с будильником было? Стоял он в спальне на столике. Толик взял и открыл крышку – интересно ведь, что внутри. Там мильён разных винтиков и колесиков. Он чуть-чуть их потрогал. А часы взяли и остановились. И пошло! Мама на него накричала, папа не взял в воскресенье в кино. И даже Миша сказал, что он вредный ребёнок. А когда сам до этого чайник разбил – то ничего!..

А с Барсиком что было! Все ругали Толика. Андрей Викентьевич, так тот даже говорил, что надо в милицию заявить. А кто виноват, что Лёлька, Иоськина сестра, такая трусиха? Сама попросила, чтобы он её с Барсиком подружил, а потом, когда Барсик на неё чуточку залаял, заревела и побежала. Барсик не

любит, когда бегут. Он кинулся за ней и вцепился в платье. Тут выскочила Лёлькина мама и стала кричать на Толика. Как будто он Барсика нарочно подговорил, чтобы тот платье порвал.

Миша тоже хорош! Как что, сразу – «я старший брат». Подумаешь, на шесть лет старше. Вот дядя Серёжа тоже старше папы – на целых восемь лет даже – и совсем не задаётся. В домино с папой играет... А Миша Толика ни во что не ставит. Взять его с собой на реку или, например, сегодня – в подземный ход – где там! Он ведь «маленький». Вот керосин тащить или двести грамм лапши – это пожалуйста! Тут он не маленький.

Обидно как! Бегают сами по подземному ходу, что-то там с ними случается – интересное, наверно! – а ты сиди наверху, жди, когда появится Витя. Сколько же можно тут сидеть?

С насыпи Толику было хорошо виден их двор. Он видел отсюда, как Миша разговаривал с Андреем Викентьевичем, как зашёл к нему в дом, стоял там у окна. Что же он там так долго делает? Неужели он думает, что Толик так и будет сидеть и караулить весь день? У него тоже дела. И потом он ещё не завтракал.

Стоило Толику вспомнить про завтрак, как он сразу же почувствовал голод. В животе заурчало, засосало под ложечкой. С каждой минутой голод становился всё сильнее и сильнее. Наконец, Толик решил, что ждать больше нельзя. Надо бежать за Мишей. Пусть кормит, раз он старший брат.

Толик спрыгнул с насыпи и побежал к дому. Там он присел на скамеечку напротив окон домика Андрея Викентьевича и стал ждать. Но окна были закрыты, и Миша не появлялся. Толику надоело ждать. Он встал и крикнул:

– Миша!

Обождал немного, и снова, чуть громче:

– Ми-ша!..

В окне показался Андрей Викентьевич. Он сердито погрозил Толику пальцем: не кричи, мол.

Ну и пусть грозит. Двор ведь не его. Здесь каждый может кричать, сколько хочет.

– Ми-и-и-ша-а-а!

Открылась дверь. Не это был не Миша, а снова Андрей Викентьевич:

– Что ты спать мне не даёшь? Вот погоди, приедет папа...

– Мне Мишу надо, – надувшись, сказал Толик, предусмотрительно отступив на несколько шагов.

– Так иди и ищи его. Раскричался тут под окнами.

Толик удивился:

– А разве он не у вас?

– У меня? Хе-хе... – Андрей Викентьевич поднял брови. – Что ему у меня делать?

– Ушёл уже, значит?

– Да что ты... Он у меня и не был.

– Ну да, не был... Вы с ним у забора разговаривали, а потом он к вам пошёл.

Андрей Викентьевич осмотрелся. Во дворе никого, кроме них, не было.

– Чудак ты, хе-хе... Заходи, посмотри, если не веришь.

Он распахнул дверь. Но Толик отрицательно покачал головой и отступил ещё дальше.

– Ах ты, паршивец! – рассердился Андрей Викентьевич. – Попробуй только, крикни ещё раз...

Дверь с треском захлопнулась.

Толик остался стоять с разинутым ртом. Как же так? Он же сам видел, как Миша вошёл к Андрею Викентьевичу. Он ещё стоял у окна...

С дороги донёсся шум мотора. Толик подбежал к воротам. Мимо него, разбрызгивая грязь, пронёсся мотоцикл, на котором сидело двое. Далеко он не уехал – только до развилки дорог. Потом повернул обратно и остановился возле ворот. Подъехал ещё один мотоцикл с коляской.

Мотоциклисты заглушили моторы и принялись тщательно разглядывать колею, негромко переговариваясь. «Потеряли что-нибудь», – решил Толик и побежал на помощь.

– Ты здесь живёшь, мальчик? – спросил его один из мотоциклистов. На нём была гимнастёрка с погонами старшего лейтенанта.

– Да, – ответил Толик и, сложив руки за спиной, в свою очередь задал вопрос:

– А это ваш мотоцикл?

– Мой... Скажи, есть здесь у кого-нибудь автомашина?

– Есть... У Андрея Викентьевича есть. «Победа». «М-20». Пятьдесят лошадиных сил, – выложил Толик свои технические познания и гордо взглянул на старшего лейтенанта: мол, знай наших.

– А ну, герой, веди нас к Андрею Викентьевичу...

Старик открыл дверь не сразу. У него было злое-презлое лицо. Но как только он увидел старшего лейтенанта, то сразу заулыбался.

– Хе-хе... Я думал – опять мальчишки... Вы ко мне?

– Да, к вам... Скажите, вы сегодня выезжали на своей машине? – спросил старший лейтенант.

– Нет, не выезжал... А почему, собственно...

– Можно взглянуть на машину? – прервал его другой мотоциклист, в кожаной куртке без погон. Толик никак не мог определить, кто он: солдат, офицер или, может, генерал.

– Сделайте одолжение...

Андрей Викентьевич широко распахнул дверь гаража. Голубая «Победа» сверкнула в солнечных лучах. Она была без единого пятнышка, словно только что с завода.

Мотоциклисты переглянулись.

– М-да... Машина чистая, – неопределенно сказал старший лейтенант.

Мотоциклист в кожаной куртке обошёл «Победу» вокруг, осмотрел одно колесо, другое...

– Это у вас отчего? – спросил он, указывая на широкий порез на заднем скате.

Андрей Викентьевич склонился над порезом, словно увидел его впервые.

– А; это... Вот чья работа... – Он показал пальцем на Толика. – Ужасный мальчишка! Башибузук – хе-хе!..

Толик не знал, куда деваться от стыда. Он бы немедленно сбежал, но Андрей Викентьевич стоял на пути.

Тут мотоциклист в кожаной куртке неожиданно сказал:

– А ведь вы солгали, гражданин... Машина выезжала. Я по этому порезу узнал – он отчетливо виден в следе.

– Что вы говорите? – всплеснул руками Андрей Викентьевич. – Как же так?... Неужели мальчишки без моего ведома... Ай-яй-яй! Покоя нет от озорников...

Они зашли в дом. Толик тоже шмыгнул туда. На кухне, возле стола сидел человек с бритой головой и пил чай из блюдечка. Он спокойно глядел на вошедших.

– Кто это? – спросил мотоциклист.

– Не знаю, – быстро ответил Андрей Викентьевич. – Напросился переночевать человек. Из Киева, говорит, прилетел.

– Из Киева? Рейсовым? – заинтересовался старший лейтенант. – Прошу ваши документы, – обратился он к бритоголовому.

Тот порылся в кармане, достал мятый паспорт, командировочное предписание.

– А вот и самолетный билет... Не понимаю, что за подозрительность такая.

Старший лейтенант и мотоциклист в кожаной куртке внимательно просмотрели документы.

– Бумаги в порядке, – произнёс старший лейтенант. – Одна только неувязка: никакого самолета из Киева сегодня не было. Рейс отменён по техническим причинам. Не знали, да?... Не дурить! Руки вверх! Оба! – вдруг крикнул он, и в его руке появился пистолет. – Афонин, обыщите их.

– Послушайте, – умоляющим голосом заговорил Андрей Викентьевич, стоя с поднятыми кверху руками. – А я-то здесь при чем?..

– Что вы дураком прикидываетесь? – усмехнулся старший лейтенант. – Его сбросили ночью с самолета над Заячьей рощей, а вы там ожидали с машиной... Повернитесь лицом к стене, – приказал он.

– Ай-яй-яй... Что же это такое? – причитал Андрей Викентьевич, стоя у стены. – Обижаете старого человека... Ну, простил его на ночь. Дождь ведь лил какой, жалко. Откуда я мог

знать... А машина... Машина что! Её мог любой взять. Гараж ведь у меня не запирается...

И тут он вспомнил: этот мальчишка в погребѣ всё видел! Сейчас они обнаружат люк, полезут в погреб, найдут мальчишку, ход в подземелье, взрывчатку.

Послышался гудок паровоза, и сразу же раздался чёткий перебор колес. Поезд въезжал на мост.

Андрей Викентьевич встрепенулся. Мост! Немедленно взорвать мост! Вода хлынет в подземелье. Погреб затопит. Не будет моста, не будет поезда, не будет и мальчишки. Он выполнит задание и выйдет сухим из воды... Какое счастье, что он придумал это, с настольной лампой. Надо нажать только кнопку на лампе...

До стола, на котором стояла лампа, было всего каких-нибудь два метра. Андрей Викентьевич сделал незаметное движение, потом ещё одно... Теперь уже можно дотянуться.

Левая рука Андрея Викентьевича потянулась к белой кнопке выключателя лампы. Глаза у него расширились, как у безумца. Нажать и...

И вдруг Андрей Викентьевич почувствовал, что его руку сжало, как в тисках.

– Зачем вам лампа понадобилась? Потемнело в глазах? Отойдите в сторону! Ну! – приказал мотоциклист в кожаной куртке.

Перебор колёс прекратился. Поезд миновал мост.

Старший лейтенант подошёл к столу и осторожно приподнял лампу. От неё шло два шнура. Один к штепселю, – а другой... Другой провод шёл вдоль стены. Он вёл в закрытый люк.

– Поднимите крышку...

В глубине погреба нашли Мишу. Толик бросился к нему с радостным воплем.

– Поймали их? – спросил Миша, отстраняясь от его чересчур стремительных объятий.

– Поймали, дружок! Куда они денутся, – сказал старший лейтенант.

– Слышишь, Витя! Их поймали! – крикнул Миша куда-то

в сторону. Старший лейтенант посветил туда и увидел дверь. Она была крепко заперта. Пришлось высадить её плечом.

За дверью сидел толстый мальчик в очках. Его лицо было вымазано чем-то чёрным, он был весь в грязи. С исцарапанных губ стекала кровь, и он то и дело сплевывал её.

На земле валялись два разорванных конца провода с эбонитовой оболочкой. Того самого провода, который шёл от настольной лампы...

Эпилог

Миша лежал на крыше и, зажмурив глаза, жарился на солнце. Не надо было ни варить обед, ни воевать с Толиком – он был свободен, совсем свободен. Лето теперь уже не казалось ему пропавшим. Мама выздоровела, и вот уже несколько дней, как вернулась из больницы.

Сзади загремела жесь.

– Нельзя ли потише? – лениво бросил Миша. – Дядя Ерофей во дворе.

Витя опустил на крышу рядом с ним. Оба молчали.

– Почему не пришёл на реку? – не выдержал, наконец, Миша.

– Кружок...

«Кружок, кружок... Знаешь, что ребята говорят?» – хотел было по привычке сказать Миша, но тут же спохватился.

Он посмотрел на реку. Из воды поднимались могучие быки, похожие на громадные каменные головы с выдвинутыми вперёд прямыми носами-волнорезами. Над макушками быков пролетало стальное тело моста, одетое в причудливые кружева ферм, балок, перекрытий. Новый мост казался стремительным и легким, словно застывшая в полёте стрела. И вместе с тем он стоял уверенно, твёрдо, будто родился вместе с рекой, навечно соединив её берега.

ТРУСИШКА

Валя Шевцова была ужасной трусихой. Вечно чего-то боялась, постоянно смущалась и краснела. К тому же она была

худенькой и очень маленькой – меньше всех в классе. Многие даже не верили, что она учится уже в пятом.

Когда объявили, что мальчики и девочки будут заниматься вместе, Валя приуныла. В доме, где она жила, было полным-полно мальчишек. Все они задиры и крикуны. Выйдут двое мальчишек во двор, такой галдёж поднимут, словно их там сто. И драчливые мальчишки очень. Сколько раз Вале от них попадало – просто так, ни за что, ни про что. А теперь с ними вместе учиться!

Первые недели занятий подтвердили Валины опасения. Раньше был класс, как класс. Ну, конечно, не обходилось без разных неприятностей. То кому-нибудь чернила на платье прольют, то кто-нибудь уроки не выучит. А однажды даже драка была: Катя Есенина с Милой Косоглазовой подрались. Но всё равно класс был дружный и озорницам воли не давал.

А теперь класс словно на две половины раскололся: большая – девочки, меньшая – мальчики. И хотя Эмилия Васильевна всех мальчишек рассадила, всё равно они держались особняком и с девочками разговаривали свысока. Эмилия Васильевна говорила, что это от смущения и скоро пройдёт, но почему-то долго не проходило.

Правда, не все мальчишки противные. Вот Витя Жолобов. Он совсем не вредный. Учится хорошо, песни красиво поёт. И такой весёлый, словно всё время получает пятёрки.

Или Саня Иванов. Он тоже хороший, никогда не дерётся. Саня почти все книги прочитал в школьной библиотеке. Эмилия Васильевна говорит, что он их глотает. Однажды Валя с ним вместе шла из школы домой – они живут рядом. Он ей так много интересного наговорил – и про Северный полюс, и про каких-то там москитов, и про огнедышащие вулканы. Она даже удивилась – сколько он всего прочёл!

Петя Ивочкин, Саша Масленников, Лёша Кобяко – тоже ничего ребята. Но только когда по отдельности. А как сойдутся вместе – сразу противные делают. Дразнят, ругаются, а то и за косички потянут.

Верховодил у мальчишек Женя Симонов. Сразу Валя и не

догадалась, что он у них главный. Женя смирный на вид, никогда не кричит. Очень вежливый. Толкнет тебя – скажет: «Извини». Одет всегда аккуратно. Тетради у него чистые – ни одного пятнышка. И учится хорошо, на пятёрки и четвёрки. Эмилия Васильевна его всегда хвалила, говорила: «Берите с Жени пример».

Женю посадили с Валею за одну парту. И оказалось, что Женя только притворяется тихим. Он очень вредный и хитрый. Порядок в классе нарушал больше всех, учителей обманывал. Только он это делал так, что никто не замечал.

Однажды Женя потихоньку привязал нитку к скелету собаки в кабинете биологии и во время урока стал дергать за неё. Скелет подпрыгивал, и все очень смеялись. Эмилия Васильевна рассердилась, но так и не узнала, кто это сделал: как только она подошла к скелету, Женя отпустил нитку.

А ещё раз он лезвие от бритвы принёс. Вставил лезвие в парту и давай потихоньку дергать пальцем. Дзинь, дзинь, а где – не поймешь. Григорий Иванович всё просил перестать, а потом встал и прошёлся между партами.

Женя не успел вытащить лезвие. Валя видела, как он побледнел – испугался, вероятно, что попадётся. Но близорукий Григорий Иванович лезвия не заметил.

К концу урока Женя расхрабрился и снова стал дзинькать. На перемене ходил гордый такой, и ребята за ним табуном.

А недавно он вот что проделал. Достал где-то карбид и насыпал в чернильницы. По классу такой запах пошёл, просто нельзя было заниматься. И опять Эмилия Васильевна не подумала, что это Женя. Она даже ему «спасибо» сказала. Он суетился больше всех, когда стали мыть чернильницы.

Валя как-то осмелилась сказать ему, что так не красиво. А Женя в ответ показал ей кулак. Валя перепугалась и больше не стала ничего говорить.

Один раз, когда Валя возвращалась с Саней Ивановым со сбора отряда, она все-таки не выдержала и сказала, что Женя поступает нехорошо. Саня только посмеялся:

– Много ты понимаешь! Женя – смелый. Он никого не боится. Настоящий герой.

Но Валя не согласилась:

– Если герой, то почему всё делает исподтишка?

Тут Саня рассердился:

– Сама трусиха, а о геройстве рассуждаешь...

И Валя, покраснев, замолчала. Действительно, где уж ей говорить о геройстве!

Но вскоре случилось вот что...

На большой перемене Валя зашла в класс – понадобился учебник истории. Дежурный был Женя. Он сидел за учительским столом. Вокруг него стояли Витя, Саня и другие ребята. Никто не видел, как вошла Валя.

– ...А девчонки никогда героями не бывают, – говорил Женя. – Они все трусихи.

Вале стало обидно. Она вступилась за девочек:

– А Люба Шевцова, а Ульяна Громова? А Зоя?

Женя повернулся к Вале. У него было очень злое лицо, и Валя испугалась, что он её сейчас побьёт. Но он не стал драться, лишь сказал:

– Убирайся!

И Валя, как загипнотизированная, повернулась и пошла к двери.

Через минуту ребята вышли из класса. Жени с ними не было. Валя обождала ещё немного – он не появлялся. Но учебник всё же ей был нужен, и она вновь шмыгнула в класс.

Женя стоял далеко, у окна. Тревожно посматривая на него, Валя вытащила свой портфель.

– Шевцова, – сказал Женя. – Есть у тебя листок бумаги?

Валя замотала головой.

– Нет?! Я тебе сейчас дам – нет! – Женя сделал шаг в её сторону. – Хотя вот какая-то тетрадка... Твоё счастье!

Он остановился у парты Вити Жолобова. Валя не стала медлить. Схватив учебник истории, она побежала к двери. Женя проводил её насмешливым взглядом.

Когда после звонка все вошли в класс, то увидели на доске: «Девчонки трусихи, а Валька самая трусливая из них».

Валя разревелась. Пришла Эмилия Васильевна, прочитала надпись и спросила:

– Кто сегодня дежурный?

Женя встал.

– Кто это сделал?

– Я не видел, Эмилия Васильевна... Вероятно, кто-то написал, когда я ходил за чернилами.

Эмилия Васильевна спросила у заплаканной Вали, не знает ли она, кто писал. Валя отрицательно покачала головой, хотя отлично знала, чья это работа.

Учительница стала объяснять новый материал. Валя сначала слушала, но потом её отвлек шорох бумаги. Она искоса посмотрела на Женю. Он сидел и как будто тоже внимательно слушал. Но руки, спрятанные под партой, шевелились. Женя сворачивал полоску бумаги.

Вот он свернул трубочку, вот перегнул её пополам. Осторожно вытащил руку из-под парты, надел бумажную птичку на резину, оттянул другой рукой и как пустит!

– Ай! – закричала Люба Смирнова и ухватилась рукой за глаз...

...Вскоре Эмилия Васильевна возвратилась в притихший класс.

– Любу повезли к главному врачу, – волнуясь, сказала она. – Ну, ребята, думаю, что у виновного хватит смелости признаться...

Валя глянула на Женю. Как он может сидеть так спокойно? Да ещё осматривается вокруг, словно ждёт, что кто-нибудь встанет.

– Я прошу виновного признаться, – повторила Эмилия Васильевна. – Не думала, что среди вас может быть такой трус, – добавила она, помолчав немного. – Ладно, тогда я сама назову. Жолобов, встань! Подойди сюда!

Витя, растерянно моргая, вышел вперёд.

– Почему не признаёшься? Ведь ты стрельнул бумажкой.

– Я... я не стрелял, Эмилия Васильевна, – запинаясь, сказал Витя.

– Ах, так! – Учительница развернула бумажную птичку. – Из чьей это тетради? Чей это почерк?

– Мой... Но я не стрелял. Честное пионерское!

– Ты ещё отпираешься?.. Кончится урок, уходи домой. А завтра пусть отец в школу придёт. Без него не являйся...

Валя слушала и не верила своим ушам. Ведь она сама видела, как Женя стрельнул, а теперь обвиняют Витю... Бумажка из его тетради, он сам сказал.

И тут Валя вспомнила, что на перемене Женя брал тетрадь с Витиной парты. Вот он какой!

– Слушай, Женька, – шепнула она ему. – Сейчас же признавайся. Это не честно. Ты стрелял. Я видела.

– Молчи, а то убью, – прошипел Женя.

Валя побледнела и отшатнулась...

До конца урока оставалось минут пять. Валя сидела, глотая слёзы. Какая она трусиха! Знает, что Витю наказывают несправедливо, и молчит. Боится сказать правду! И как ей не бояться, если Женька грозит.

Но ведь она пионерка. А пионерка должна всегда говорить правду. Вот она сейчас промолчит, а потом когда-нибудь, может, увидит шпиона. Тот ей тоже пригрозит, она снова будет молчать. А шпион будет вредить Советскому Союзу. Так, да?

Ну, шпион – другое дело!.. Почему другое? Ничего не другое! Если она такая трусиха, что какого-то Женьки боится, то, значит, шпиона с пистолетом подавно испугается. Тот ведь в самом деле убьёт. А Женька, наверное, только побьёт сильно.

Что делать, что делать? Всё равно надо сказать. Она пионерка. Зоя, когда училась, всегда говорила правду в глаза... Сказать!.. Но тогда Женька проходу не даст...

В эту секунду зазвенел звонок. И Валя решилась. Она поднялась и заговорила быстро-быстро, словно боялась, что Женя потянет её обратно:

– Эмилия Васильевна! Это Женя стрелял, а не Витя. Я видела. А теперь признаться боится. Хочет, чтобы за него другой пострадал...

Что тут было!..

После уроков всем классом пошли в поликлинику узнавать, что с Любой. Не было только Жени. Его послали домой за родителями.

Когда возвращались из поликлиники, мальчишки решили проводить Валю до дома. Она стала возражать, но Витя сказал:

– Мы берём над тобой шефство... А то Женька тебя где-нибудь подкараулит и побьёт.

По дороге ребята говорили, что с девчонками заниматься всё же можно. Они думали – будет хуже. И ещё говорили, что Валя молодец. Правильно сделала, что разоблачила Женьку. Вот ведь какой он трус оказался!

Возле дома Валя попрощалась с ребятами и вошла в подъезд. И тут ей навстречу шагнул Женя. Валя перепугалась.

Женя схватил её за руку:

– Ты была в поликлинике, да? Как у Любки глаз?

– Г-глаз? Ничего... Поцарапано веко. Перевязали, и она пошла домой. Завтра в школу придёт.

Женя отпустил Валину руку.

– Уф... А я думал – глаз выбил, в тюрьму посадят... Ну, зачем наябедничала! – накинулся он на Валу. – Как я теперь домой пойду? Мне знаешь, что будет...

Неожиданно он всхлипнул, повернулся и пошёл к выходу, сгорбившийся, жалкий, похожий на ошипанного петуха.

Валя смотрела ему вслед, широко раскрыв глаза. Сердце у неё колотилось. Она все ещё не могла оправиться от испуга.

Валя ведь была известной трусихой!

ТРЕУГОЛЬНАЯ МАРКА

В один из летних вечеров мы, студенты-выпускники, собрались на квартире нашего однокурсника Димы Павликова, без пяти минут архитектора. Как-то сам собой завязался разговор о школьных годах, о недавних мальчишеских увлечениях.

– Я был ужасно неустойчив, – рассмеялся один из нас. – Сегодня голуби, завтра марки, послезавтра фотооткрытки...

– А у меня коллекция марок до сих пор сохранилась, – сказал Дима Павликов, высокий широкоплечий парень с задумчивыми серыми глазами.

– Да ну!.. Покажи!

Дима вышел из комнаты и вернулся с толстой тетрадью. Мы принялись рассматривать её.

– А это что за треугольная марка? – опросил я. – И почему

она у тебя отдельно наклеена, да ещё на первой странице?

Дима ответил не сразу.

– Это для памяти... Чтобы не забывал.

– Чтобы что не забывал?.. Расскажи, Дима, – стали мы упрашивать его, учуяв интересную историю за этой странной маркой.

– Рассказать?.. Ну ладно, слушайте.

Он взял в руки тетрадь и, машинально листая страницы, начал рассказывать:

– Произошло это в 1947 году. Я учился тогда в восьмом классе...

Коллекция Глеба Салова

Эту марку Дима Павликов впервые увидел в коллекции своего одноклассника Глеба Салова. Большая, нежно-голубого цвета, с изображением жирафа... Но больше всего поразило Диму то, что она была не такой, как обычные почтовые марки, а треугольной.

Он долго разглядывал непонятную надпись на марке, но так ничего и не разобрал.

– Какой она страны?

Глеб Салов склонился над плечом Димы, посмотрел, неторопливо доел кусок бутерброда – он вечно что-нибудь жевал, даже на уроках; ребята прозвали его за это «Хлеб с салом». Потом сказал:

– Это Ньясаленд... Где-то там в Африке или в Азии.

Ньясаленд?.. А, это ведь английская колония в Центральной Африке...

Дима стал дальше листать альбом... Родезия, Золотой берег... Коллекция у Глеба была богатая.

Досмотрев до конца, Дима снова открыл страницу с треугольной маркой.

– Понравилась? – самодовольно усмехнулся Глеб.

– Ага... Сменяемся? – предложил Дима. – Даю за неё любые марки из моей коллекции.

Глеб хмыкнул.

– Из твоей коллекции... Знаешь, сколько эта марка стоит? Двадцать пять рублей! А у тебя в тетрадке пшик найдёшь.

– Почему же? – обиделся Дима. – У меня есть перепечатка Франца Иосифа, острова Фиджи... У тебя, конечно, коллекция лучше. Так ведь я всего год, как собираю... Ну, будешь меняться?

– Нет, – отрезал Глеб и взял альбом из рук Димы.

Домой Дима возвращался расстроенным. И чего только задаётся этот Хлеб с салом. Сам позвал меняться, а потом стал нос задирать. Наверное, ему не меняться надо было, а пофорсить: вот какая у меня коллекция!

Что и говорить, коллекция у него, действительно, хороша. Вот эта, треугольная – ну и марочка! Двадцать пять рублей!.. Глебу можно – у него папа профессор и даёт ему кучу денег на марки.

У Димы таких денег не было. Его отец погиб на фронте во время войны. Мать работала лаборанткой в научно-исследовательском институте. Зарабатывала прилично, потом ещё пенсия. На жизнь вполне хватало. Но и лишнего не оставалось.

Словом, двадцатипятирублевая треугольная Ньясаленд была для Димы недостижимой мечтой. Бесполезно было даже говорить с мамой на эту тему.

Всё же за ужином он не утерпел.

– Знаешь, мама, какую я марку сегодня у Глеба Салова видел!

Он подробно описал все достоинства марки.

– И стоит всего-то двадцать пять рублей...

Мама ужаснулась:

– Двадцать пять?

– Но, мамочка, это же редкая марка... Вот если бы у меня была такая...

Дима печально вздохнул...

Чужой портфель

На другой день было воскресенье. Мама ушла очень рано: в институте велась срочная работа. Дима немного повалялся

в кровати, потом встал, подошёл к окну. Сыпал надоедливый мелкий дождь.

Было время идти к Лёве Свирскому – они вместе делали уроки. Дима собрал нужные тетради и учебники, положил их в портфель и, накинув на плечи старый папин дождевой плащ, вышел на улицу.

На соседнем квартале находилась парикмахерская. Проходя мимо неё, Дима вспомнил, что мама еще вчера велела подстричься. Он зашёл в зал ожидания. Народу было немного. Повесил плащ на вешалку, пристроил рядом портфель и стал ждать.

Очередь подошла быстро. Маленький парикмахер с замысловатой прической молча усадил его в кресло и накинул простыню. Затем он принялся с такой быстротой щелкать ножницами, что Дима не решался пошевелиться, опасаясь за свои уши. Раза два или три парикмахер отскакивал назад и, прищурившись, опять бросался к клиенту, словно тот мог сорваться с места и убежать. Наконец, он схватил бритву и, широко взмахнув ею, поправил несколько волосинок на висках.

– Освежить? – неожиданным басом спросил он, сметая волосы с Диминой шеи.

– Не надо, – покраснел Дима. Он никак не мог избавиться от детской привычки краснеть и очень сердился на себя за это. Старшекласснику можно бы научиться получше владеть собой.

Он заплатил, пошёл к вешалке...

Лишь возле самого дома Лёвы Свирского Дима вдруг обнаружил, что взял чужой портфель. Правда, очень похожий на его – такой же величины, окраски – но всё же чужой. Дима открыл портфель – может быть, там лежит что-нибудь, указывающее на владельца? Несколько книг, две чистых тетради. Отдельно в бумажке две сотенных... И больше ничего.

Пришлось возвращаться в парикмахерскую.

– Где ваши глаза были? – сердито буркнул маленький парикмахер, и Дима снова залился краской. – Приходил уже этот, с кем вы сменялись, целый скандал тут устроил. Как будто мы виноваты... Муся, где его адрес?

Муся – молоденькая уборщица с маленькими любопытными глазками и стоптанными туфлями на босу ногу, подала Диме смятый кусок бумаги. На ней было нацарапано карандашом: «Финударника, 37. Ткачук А. С.».

«Финударника, 37» оказался покосившимся деревянным домишком с запылёнными подслеповатыми окнами. Дима никак не мог найти вход. Он постучал в одно из окон. Через минуту отворилась еле заметная калитка в дощатом заборе, в ней появился мужчина в кителе. Одна его рука была в черной перчатке и безжизненно висела вдоль туловища.

– Ко мне? – щурясь, спросил он.

– Мне нужен Ткачук А. С. Я по поводу портфеля, – пояснил Дима.

– А, так это ты... Заходи, чего стоять под дождём...

Внутри дом был таким же запущенным, как и снаружи. В комнате, где, очевидно, жил этот мужчина, царил беспорядок. Возле окна стоял стол с остатками еды, рядом – неприбранная кровать. На ней лежал Димин портфель.

– Вот, бери, – сказал Ткачук. – Просто не пойму, как я обошёлся.

Он взял у Димы свой портфель, открыл его здоровой рукой и нахмурился:

– Так дело не пойдёт, брат. Здесь было двести рублей.

– Ох, простите! – спохватился Дима. – Я, наверно, положил их не в то отделение.

Ткачук вытащил из другого отделения деньги и заулыбался:

– Точно... Выходит, ты честный парень... – Он пододвинул Диме стул. – Садись, чего стоишь.

Они разговорились. Оказалось, Ткачук только недавно в этом городе. На фронте он потерял руку и чуть ли не два года лечился в госпитале – всё не заживала культя.

– Купил вот эту развалину. Получу ссуду – почию, покрашу. Всё будет поприличнее... А там и работать устроюсь. Эх, и истосковался я по работе!

– А у вас какая специальность?

– Я, брат, дома сочиняю... Архитектор.

– Что вы говорите! – обрадовался Дима. – У меня папа тоже был архитектором – он школу строил на проспекте Октября. Там теперь научно-исследовательский институт. Вероятно, вы видели. Трёхэтажное здание, с колоннами... Я тоже хочу стать архитектором, – сказал он.

– Постой, постой, – Ткачук пристально взглянул на Диму. – Твой папа строил школу на проспекте Октября?.. Послушай, ты не Дима Павликов? Сын Валентина Егоровича?

«Моему фронтовому другу»

Дима вскочил со стула:

– Вы знали папу?

– Знал ли я Валентина Егоровича? – рассмеялся Ткачук.
– погоди минутку.

Выдвинув ящик стола, он вытащил оттуда бумажник, порылся в нём и показал Диме небольшую фотокарточку.

– Узнаёшь?

На Диму смотрел веселоглазый человек в военной форме и с орденом Ленина на груди. Его отец! Такой же портрет, только намного увеличенный, висел в их комнате.

– Моему фронтовому другу Антону Сергеевичу, – громко прочитал Ткачук надпись на оборотной стороне фотокарточки.

– Вы... вы были с ним вместе? – задышавшись от волнения, вымолвил Дима.

Ткачук улыбнулся, своей единственной рукой потрепал Диму по волосам. Потом стал рассказывать.

Да, он служил вместе с Диминым папой. Они были в одной роте. Рядом шагали по дорогам войны, ели из одного котелка, накрывались одной шинелью... Хлебнули горя, что и говорить... А что ещё так сближает людей, как боевая дружба! Вот и стали, как братья. А потом этот страшный бой с десятью танками. Он оставил там свою руку. А Валентин... Валентин погиб смертью героя.

Дима жадно ловил каждое слово. И хотя Антон Сергеевич, в сущности, ничего нового не сказал, ему казалось, что он отчетливо видит изрытое снарядами поле, ломаную линию

окопов, фигуру отца с гранатой в руке, озарённую багровым отблеском пылающих вражеских танков... Он слушал фронтового друга своего отца, живого свидетеля его подвига! Слёзы выступили у него на глазах...

Антон Сергеевич, замолчав, устало провёл рукой по лицу.

– Ой, как хорошо, что я познакомился с вами! – воскликнул Дима. – Пойдемте скорее к нам. Мама уже, наверное, дома. Она так обрадуется вам, так обрадуется... Идёмте же!

Но Ткачук покачал головой.

– Нет, брат, нет... Я приду к вам, обязательно приду, – сказал он, заметив на лице мальчика недоумение. – Но только потом, когда придёт мой багаж. Хорошо?

– Хорошо, – упавшим голосом произнёс Дима. И тут же подумал: а при чём здесь багаж?

– И ещё о чём я тебя попрошу: не говори ничего Марине Савельевне – так ведь, кажется, зовут твою маму?.. Понимаешь, у меня сохранились записные книжки отца. Я должен отдать ей. А они идут в багаже... Как получу, приду к вам... Ещё денька два-три. А пока пусть это будет нашей с тобой тайной. Ладно?.. Нет, ты, наверное, не выдержишь, проговоришься...

– Ничего я не скажу, Антон Сергеевич.

– Знаю я вас, мальчишек... Мне уже жаль, что рассказал тебе. Я ведь хотел, чтобы всё это было для мамы сюрпризом.

– Я ничего не скажу, – повторил Дима и плотно сжал губы. – Клянусь вам памятью отца, если вы не верите!

– Верю, верю, – улыбаясь, замахал рукой Антон Сергеевич. – Ну и характер, весь в Валентина... Заходи ко мне завтра, после школы. Почаёвничаем тут с тобой, потолкуем... Кстати, у тебя в портфеле лежала бумажка со странной надписью: «Ньясаленд». Это, кажется, страна такая? Ты уж извини меня, но любопытство захватило.

– Я записал, чтобы не забыть...

Дима рассказал про треугольную марку. Антон Сергеевич выслушал его, не прерывая, а затем сказал:

– А ведь я тоже когда-то филателией увлекался. Где-то и альбом должен быть... Значит, жду тебя завтра...

Щедрый подарок

Назавтра Дима застал Антона Сергеевича за уборкой. Одетый в старую потёртую шинель, он подметал двор. Одной рукой это было не так-то легко делать – пот градом струился с его лица.

– Я помогу вам, – предложил Дима.

– Нет уж, брат... Я всё делаю сам, – ответил Антон Сергеевич. – Мне надо так натренировать свою руку, чтобы она работала за две... Иди в дом, посиди, я сейчас...

В комнате на этот раз был относительный порядок: стол накрыт газетой, кровать застлана. А на стене в рамке без стекла висела картина с розовощекими бородачами в зелёных шляпах на переднем плане.

– «Трофеи наших войск», – весело подмигнул Диме Антон Сергеевич. Он уже возвратился со двора и вытирал руку о полотенце не первой свежести. – Садись за стол. Обедать будем.

Дима из приличия стал отказываться. Но когда на столе появилось розовое сало, банка мясных консервов, сыр, нарезанный толстыми ломтями, копчёная селёдка – он сразу почувствовал голод. Это было здорово: складным ножом резать сало прямо от большого куска, черпать ложкой консервы из банки... На Диму пахло дымом походных костров.

– А говорил «не хочу», – рассмеялся Антон Сергеевич, когда все припасы исчезли со стола. – Ну что ж, попьём чайку.

Видно, он был большим любителем чая. Хлебал его с блюда. Выпил одну кружку, другую... А Дима больше налегал на конфеты.

– Теперь уберём со стола, – сказал Антон Сергеевич.

На долю Димы досталось мыть на кухне посуду, что он и проделал с величайшим удовольствием.

Но самое главное ожидало его впереди. Вернувшись в комнату, Дима заметил, что Антон Сергеевич быстро прикрыл рукой какую-то бумажку, лежавшую на столе.

– А ну, шагом марш сюда, – шутливо приказал Антон Сергеевич. – Кру-гом! – скомандовал он. – Эх, герой, кто же это через правое плечо поворачивается? Ещё раз. Кру-гом!

Теперь, повернувшись лицом к столу, Дима вдруг увидел на нём почтовую марку. Треугольную!.. Он склонился над ней. Ну конечно, это была...

– Бери свою Ньясаленд, в память нашего знакомства.

Дима попятился.

– Нет, нет... Я не возьму, что вы! Ведь она двадцать пять рублей стоит!

– Бери, говорят тебе, – нахмурился Антон Сергеевич. – Двадцать пять рублей!.. Ты сын моего друга – какие тут могут быть счёты!.. Бери!.. Послушай, ведь ты меня просто обижаешь.

Не взять Дима не мог. Да и особенно отказываться не хотелось. Шутка сказать – треугольная Ньясаленд!

– Спасибо! Большое вам спасибо!

Он осторожно взял марку кончиками пальцев и осмотрел её придирчивыми глазами филателиста. Так... Зубчики все целы, нигде не просвечивает, штемпель виден отчетливо...

Куда бы её положить, чтобы не смялась?.. Дима вытащил из кармана небольшую, книжицу и вложил в неё марку.

– Что это у тебя? – заинтересовался Антон Сергеевич, увидев на обложке книжки мотоцикл.

– Удостоверение члена мотоциклетного кружка.

– Вот как! Значит, ты мотоцикл водишь?

– Ага... – Дима спрятал книжку в карман. – Только я прав ещё не имею. Их с шестнадцати лет выдают. Но езжу неплохо, вы не думайте... Инструктор говорит, что я лучший в группе, – похвалился он. – А у нас обучаются и десятиклассники...

– Ишь какой!..

Антон Сергеевич прилёг на постель, вытащил папиросу, зажёл спичку, прикурил. Он так ловко проделывал всё это своей единственной рукой, что Дима не удержался от восхищенного восклицания:

– Здорово!

– Что здорово? – опросил Антон Сергеевич. – Ах, вот ты о чём! – догадался он. – Нет, брат, это ещё не здорово. Мне надо тренироваться и тренироваться. Вот скоро я начну работать,

а у нас, у архитекторов, знаешь, сколько чертёжных работ... Да, работать! – Он выпустил струю дыма и резким движением повернулся к Диме. – Знаешь, о чём я думаю? Я скажу тебе. Твой отец хотел построить здесь театр.

– Театр? – переспросил Дима.

– Да... Он мне много раз говорил. Это была его заветная мечта... То есть какая там мечта! Реальность, самая настоящая реальность! Он уже начал работать над проектом до войны... И вот я решил завершить начатое твоим отцом... Но, понимаешь, – озабоченно нахмурился он, – нигде его бумаг не найду – эскизов, набросков и прочее. Был уже в архиве, в музее – нет!.. Но ничего, всё равно найду.

О чём говорит Антон Сергеевич? Он разыскивает папины бумаги? Так ведь они...

– Папины бумаги? Они у нас, – воскликнул Дима. – Две папки.

– Не может быть! – Антон Сергеевич вскочил с кровати. – Мальчик милый, ты не представляешь, что это для меня значит!

– Я сейчас... – Дима ринулся к двери.

– Только смотри, маме ничего не говори, – крикнул ему вслед Антон Сергеевич. – Помни: для неё это должно быть сюрпризом...

Папки с чертежами

Папки лежали в книжном шкафу, на верхней полке. Они были большие и тяжёлые. Мама запрещала Диме их трогать – папки считались семейной реликвией. Однажды Дима полез зачем-то в шкаф и уронил одну из них. Рисунки, чертежи, планы – всё это рассыпалось по полу... Мама не стала его бранить. Она только сказала:

– Здесь папины мысли...

И он долго корил себя за неловкость.

Поэтому сейчас, когда Дима открыл шкаф, у него ёкнуло сердце: а можно ли брать их? Не сегодня-завтра мама заглянет в шкаф... Но, с другой стороны, ведь он берёт папки не для баловства. Антон Сергеевич – папин фронтовой друг, он продолжит его работу...

Дима решил показать папки Антону Сергеевичу и сразу же унести их обратно домой. Если там окажется то, что он ищет, придётся сказать маме.

Получилось иначе. Антон Сергеевич попросил оставить папки до утра. Дима заколебался.

– Только на одну ночь, – уговаривал его Антон Сергеевич. – Понимаешь, это же не так просто – взял и посмотрел. Надо изучить каждый чертёж, каждый план... Неужели ты мне не веришь?

Дима вспомнил про подаренную ему марку и, скрепя сердце, согласился.

Дома он целый вечер провёл за своим альбомом. Всё примерял, куда поместить треугольную марку. Вообще-то ей полагалось быть в конце – там, где у него находились африканские страны. Но Дима не хотел загонять туда лучшую марку коллекции.

В конце концов он обернул марку целлулоидной бумагой – чтобы не запылилась – и приклеил на первую страницу альбома. Потом отошёл, полюбовался со стороны. Марка выглядела просто замечательно.

Он не заметил, как сзади подошла мама.

– Что за марка? – услышал он её голос и быстро обернулся.

– Ньясаленд.

– Та самая? Сменял-таки у Глеба?

– Сменял, – пробормотал он и покраснел...

Дима снова принялся за альбом. Но уже не ощущал радости при виде треугольной марки. Первый раз в жизни он соврал своей маме. И хотя Дима успокаивал себя – ведь дал слово Антону Сергеевичу! – на душе было тревожно, беспокойно, словно он сотворил что-то нехорошее.

Если бы Дима мог в то время увидеть Антона Сергеевича, его беспокойство возросло бы ещё больше. Фронтальной рукой он отца разбирает груды планов и чертежей, вываленных из папок прямо на стол. Он работает обеими руками. На постели валялась длинная до локтя – черная перчатка с металлическими пластинами под кожей. Она и придавала совершенно здоровой правой руке вид протеза.

Антон Сергеевич был не один. Ему помогал человек, ко-

тогого он называл Михаилом Михайловичем, – мужчина лет тридцати с нездоровым одутловатым лицом. Оба они работали молча, сосредоточенно.

– Может, это? – Михаил Михайлович развернул сложенный вчетверо лист ватмана.

– Он! Честное слово – он! Со всеми подробностями... – Антон Сергеевич склонился над планом. – Вот здесь, в этой комнате хранятся формулы. Несгораемый шкаф стоит у стены. Вот дымоход... Ну что? Выходит, недаром я таскался за этим мальчишкой! – он с торжеством взглянул на Михаила Михайловича. – Всё! В воскресенье проводим.

Тот вздохнул.

– Вам видней... Но вы учитываете, что с пятнадцатого апреля вводится летнее расписание поездов?

– Ну и пусть...

– Так ведь вечерний поезд по новому расписанию проходит на три часа позже.

– Чёрт возьми! – Антон Сергеевич потёр лоб рукой. – Так не годится. За это время поднимется шум, и мы можем застрять.

Он зашагал по комнате большими шагами, покусывая губы и морщась, словно от боли.

– Сколько отсюда километров до Н.?

– Около ста, кажется, – ответил Михаил Михайлович.

Сто километров... Где взять машину? Можно, конечно, нанять такси. Но ведь его надо заказывать заранее. Кроме того, шоферу придётся ожидать их поблизости от института. Он может услышать шум и... Нет, такси не годится!

Мимо дома проехал мотоцикл. Его характерное стрекотание постепенно замерло вдали.

– Носит этих мотоциклистов – и по ночам не угомонятся, – нервно бросил Михаил Михайлович. – Что за удовольствие: треск, вонь... Да и, того гляди, без головы останешься... Вы знаете, моего соседа недавно мотоциклом с коляской премировали – придумал что-то на заводе. Так его жена каждый день пилит: продай да продай. Не хочу вдовой быть...

Антон Сергеевич остановился.

– Мотоцикл продаёт? – спросил он. – Это же замечательно! Вы его завтра купите... Сто километров для мотоцикла – пустяк. А в Н. мы сядем на поезд.

Михаил Михайлович обеспокоенно задвигался на стуле.

– Но кто поведет мотоцикл?.. Я ведь это самое... – Он сделал рукой отрицательный жест.

– Я поведу, успокойтесь, – насмешливо бросил Антон Сергеевич и снова зашагал по комнате.

Этот вариант лучше. Правда, и он не безупречен. Как в воскресенье доставить мотоцикл к институту?

Самому нельзя – одной рукой не поведёшь, а двумя – соседи могут увидеть и заподозрить непадное. И ещё одно: пока они будут заняты в институте, мотоцикл останется на улице без присмотра. Этого тоже нельзя допустить. Мало ли что может случиться!

Что же делать?.. Ба – мальчишка! Он сумеет! Довести мотоцикл до института и постоять там – это ему вполне по силам. А за городом можно будет избавиться от него...

Антон Сергеевич удовлетворённо потёр руки.

Новый знакомый

Маме нужно было на работу к восьми. Перед уходом она разбудила Диму. Он пошёл на кухню умываться, и вдруг услышал:

– Дима! Дима!

Предчувствуя недоброе, он вернулся в комнату. Мама стояла у книжного шкафа.

– Ты не видел, где папки?

– Н-не, – невнятно произнёс он.

– Куда же они могли подеваться?.. Наверное, тётя Оля переложила во время уборки. – Она посмотрела на часы. – Ой, я опаздываю!.. Дима, ты зайди к ней, спроси...

В школе Дима сидел, как на иголках. Еле дождался конца уроков и понёсся на Финударника. К счастью, Антон Сергеевич был дома. У него сидел незнакомый Диме мужчина с пухлым лицом и сонными глазами. От него пахло сладкими духами.

– Антон Сергеевич, – прямо с порога выдохнул Дима, забыв даже поздороваться, – дайте мне папки.

Он почему-то ожидал, что Антон Сергеевич сразу папки не отдаст, попросит оставить их ещё на несколько дней. Как тогда быть?.. Но Антон Сергеевич указал рукой на стол:

– Вон они лежат. Возьми.

Схватив папки, Дима хотел сразу же бежать домой, но тут сообразил, что это неприлично. Антон Сергеевич смотрит на него с удивлением, а незнакомый мужчина и вовсе улыбается – экий, мол, невежа!

– Мама их хватилась, – пояснил Дима. – А вы нашли что-нибудь? – поинтересовался он.

– Нет, ничего не нашёл, – небрежно ответил Антон Сергеевич. – Одна ерунда...

Дима вздрогнул. Ерунда? Работы его папы – ерунда? Как он может так говорить!

– Я хочу сказать, что все эти мои поиски – ерунда, – поправился Антон Сергеевич. – Вот этот молодой человек, – он кивнул в сторону пухлолицего, – только что сообщил мне, что проект театра находится у главного архитектора города. На днях я приступаю к работе... Ах да, – спохватился Антон Сергеевич, – ведь вы незнакомы... Знакомьтесь: Дима, сын моего фронтowego друга... Михаил Михайлович Шестаков, архитектор, ученик твоего отца...

– Очень рад... Очень, – округляя рот, произнёс Михаил Михайлович и улыбнулся. Улыбка у него была какая-то настороженная, словно он готов был в любой момент снять её с лица.

– Кстати, Михаил Михайлович, Дима вас может выручить, – сказал Антон Сергеевич. – Он ведь мотоциклист.

– Ну, какой я мотоциклист, – смутился Дима.

– Не скромничай... Кто мне говорил, что ты лучший в группе?.. Знаешь, в чём дело, Дима? Михаил Михайлович купил себе мотоцикл, а ездить не умеет... Не возьмёшься его научить?

Дима хотел было отказаться – тоже учителя нашли! Но Антон Сергеевич не дал ему вымолвить ни слова.

– Отнесешь домой папки – и обратно сюда. На первый случай прокатай нас с Михаилом Михайловичем... Ты знаешь, ведь и я сам когда-то... Эх, если бы не рука!

Он зло посмотрел на свой протез. Михаил Михайлович покачал головой и сочувственно вздохнул.

Прогулка на мотоцикле

Дима сбегал домой, положил папки на верхнюю полку, прикрыл их книгами – мама подумает, что просто не заметила их утром – и вернулся к Антону Сергеевичу.

Мотоцикл стоял во дворе. Он был совсем новенький. Дима нажал стартер. Мотор сразу заработал – ритмично, чётко, что твои часы!

– Я в коляску, а вы, Михаил Михайлович, на заднее сиденье, – скомандовал Антон Сергеевич.

Тут Дима вспомнил:

– Ой, мне ведь нельзя водить мотоцикл. Водительских прав нет. Милиция заберёт.

Антон Сергеевич рассмеялся.

– Здоровый ты парень, а милиции боишься... Михаил Михайлович, где у вас права?.. На, смотри, Дима. Пусть кто-нибудь скажет, что это не ты!

На фотокарточке была жирно наляпана печать. Из-под неё виднелись лишь часть лица и волосы, зачёсанные назад, как у Димы.

Дима обрадовался, сунул права в карман. Ну, теперь он их прокатит!

Мотоцикл с рёвом вырвался на тихую улицу.

– Куда ехать? – спросил Дима.

– Всё равно... Ну, хотя бы на шоссе, – сказал Антон Сергеевич. – О, да ты, оказывается, сильнейший мотоциклист, – похвалил он, когда мотоцикл влетел на асфальтированную дорогу. – Давай махнем в город Н., а?

Сто километров по шоссе! Дима был в восторге. Как только они выехали за черту города, он подал газ. Мотоцикл рванулся вперёд.

– Тише, тише! – крикнул Михаил Михайлович и судорожно ухватился за Диму.

– Не слушай его! Жми на всю катушку, – смеялся Антон Сергеевич, и Дима ещё прибавил газу.

На полной скорости они ворвались в Н. Антон Сергеевич велел остановиться. Дима стал осматривать мотоцикл, а его спутники закурили.

– Полтора часа! – сказал Антон Сергеевич, обращаясь к Михаилу Михайловичу. – Неплохо!..

Он оглянулся на Диму и заговорил тише, так что тот не мог разобрать слов.

«Ровно в шесть»

– Багаж пришёл?

Каждый день Дима с новой надеждой задавал этот вопрос Антону Сергеевичу. Хотелось поскорее познакомиться его с мамой, посмотреть записные книжки отца. Но багажа всё не было. Где он задержался? Хорошо, что мама в последнее время работала допоздна, иначе она наверняка стала бы допытываться, где Дима пропадает по целым дням.

Антон Сергеевич по-прежнему сидел дома. Лишь один раз они с Димой и Михаилом Михайловичем выезжали на мотоцикле, да и то только до Некрасовской – совсем близко.

Этот Михаил Михайлович... Диме не нравился его угодливый смех, приклеенная улыбка. Когда только Михаил Михайлович работает? Он вечно торчал у Антона Сергеевича – утром, днём, вечером... Из-за него Дима не мог как следует расспросить Антона Сергеевича о боевых делах отца...

Словом, Дима не испытывал ни малейшей симпатии к «ученику отца». Больше того, ему казалось, что именно из-за этого Михаила Михайловича Антон Сергеевич перестал интересоваться папиным проектом здания театра. Во всяком случае, он больше ни разу не упоминал об этом, а Диме самому было как-то неудобно спрашивать.

...Снова наступило воскресенье. Дима встретил его без особой радости. Уж сегодня-то Михаил Михайлович наверняка будет целый день торчать у Антона Сергеевича! Всё же он решил идти – а вдруг прибыл багаж. И – бывает же такое везение! – ещё в сених он почуял, что Михаила Михайловича нет. Именно почуял – носом: духами не пахло. Дима опрометью кинулся в комнату.

– Здравствуйте! А Михаил Михайлович где? – выпалил он единым духом.

– Не придёт он сегодня. Занят, – сказал Антон Сергеевич, прикрыв дверцу печи, в которой горели какие-то бумаги.

Дима облегчённо вздохнул. Антон Сергеевич рассмеялся:

– А что, не нравится он тебе?

– Не нравится... Какой-то он... – Дима остановился, подыскивая подходящее слово. – Не настоящий...

– Откровенно говоря, я тоже не нахожу в нём ничего привлекательного.

– Но почему же тогда вы возитесь с ним? – вырвалось у Димы. Антон Сергеевич взглянул на него.

– Как тебе сказать... Бывают в жизни моменты, брат, когда не очень выбираешь симпатичных. Вот я инвалид, – он выставил вперед свой протез. – Ну кому я нужен? Все начальники, у которых я побывал, смотрят на мою перчатку и говорят мне: «Рады бы, да мест нет!» А сами думают: «Иди-ка ты подальше, безрукий!» Так что мне теперь, с голоду пропадать?

Антон Сергеевич зашагал по комнате, размахивая здоровой рукой. На его щеках горели красные пятна, глаза были злыми и колючими.

– Нет, брат, я подышать не хочу. Рано ещё. И вот я нашёл человека – Михаила Михайловича. Симпатичного в нём мало, но он устраивает меня на работу. Понимаешь?.. Вот и приходится перед ним расшаркиваться... Противно, но что поделаешь!

Дима молчал. Как это так? Почему Антона Сергеевича никто не берёт на работу? Однорукий? Что из того! Вот у них Семён Сидорович, учитель физики, без ноги. Так ведь его в школе уважают больше всех. Чуть кто-нибудь попытается выкинуть трюк на его уроке – весь класс шипит. Ведь человек за Родину здоровье отдал!.. А вот у Вальки Кочетова отец без обеих рук главным инженером на заводе работает...

И потом, оказывается, Антон Сергеевич перед Михаилом Михайловичем должен расшаркиваться. Удивительное дело! Ему казалось, что совсем наоборот. Впрочем, может быть, Михаил Михайлович такой человек, что привык перед всеми ле-

безить. Как Шарик в их дворе – ложится на брюхо перед каждым и ёрзает по песку. Только пахнет от Михаила Михайловича не псиной, а духами.

Диме стало весело от этой мысли, но он подавил улыбку. Антон Сергеевич ещё подумает, что он над ним смеётся.

– Но теперь все кончено, – говорил Антон Сергеевич. – Сегодня мы с тобой отвезем Михаила Михайловича в Н., а завтра... а завтра я начинаю работать у главного архитектора.

– Что? Михаил Михайлович уезжает отсюда?

– Да, да, – подтвердил Антон Сергеевич. – В отпуск. Прокатим его сегодня на мотоцикле последний раз и там и оставим. Согласен?

– Я?.. Хо-хо! Да я его... Хоть в Москву! Только поскорей.

– Так вот, слушай, Дима... Ровно в шесть ты должен ждать нас на мотоцикле на углу Шиловской и Некрасовской... Там, где прошлый раз, помнишь?

Дима кивнул головой. Ещё бы не помнить! Это рядом со школой, которую строил его отец.

– Мотоцикл возьмешь здесь, в сарае... Но только смотри, не подведи меня. Михаил Михайлович может обидеться, и всё рухнет.

– Не бойтесь, я буду, – нахмурился Дима. Зачем повторять двадцать раз одно и то же? – Антон Сергеевич, ещё не прибыл? – с надеждой в голосе спросил он.

– Кто?.. Ах, ты про багаж! Прибыл, представь себе, прибыл. Вот квитанция. – Он помахал в воздухе бумажкой. – Номер пятьсот тридцать.

– Ура! – закричал Дима. – Пошли на станцию... Нет, лучше на мотоцикле поедем... А потом к нам.

– Но сегодня воскресенье. Багаж не выдают... Не выдают же, говорю, я звонил. Потерпи, завтра получим... Ну, а теперь ты меня извини. Мне нужно уйти. Дела, понимаешь... Значит, в шесть, ровно в шесть, не забудь...

Враги

После обеда Дима вдруг вспомнил, что когда к ним из Харькова приезжала в гости тетя Нина, то её багаж получали

в воскресенье. Да, да, в воскресенье. Он тогда был дома и тоже ходил на вокзал... Но ведь Антон Сергеевич сказал, что звонил. Нет, придётся ждать до завтра.

Всё же мысль о багаже не давала Диме покоя. Ведь если его получить, то уже сегодня можно будет всё рассказать маме, познакомить её с Антоном Сергеевичем. Мама будет так рада!

И Дима решил сам пойти на вокзал, узнать, когда же выдают багаж.

Над багажной кассой висела дощечка: «Работает круглые сутки». Дима постучал в окошко. Открылась дверца и показалось длинное лицо в очках и с седыми усами щёткой.

– Скажите, багаж вы по воскресеньям выдаёте?

– Выдаём.

– Почему же тогда по телефону ответили, что нет, – возмутился Дима.

– А чей багаж?.. Я проверю, прибыл ли.

– Прибыл... Ткачук Антон Сергеевич.

Кассир полистал какие-то бумаги.

– Нет такого, – сказал он и захлопнул окошко.

Дима снова постучал.

– Послушайте, вы же сами квитанцию послали... Номер пятьсот тридцать.

Кассир снова открыл окошечко:

– Никаких квитанций мы не посылаем. Понятно?..

Когда Дима отошел от кассы, в нём всё кипело от негодования. Багажа нет.

Антон Сергеевич его обманул. Но зачем? Зачем?.. Может быть, он просто хотел отвязаться. Надоел ему своими вечными расспросами о багаже – вот и всё! Но ведь и Антону Сергеевичу нужен багаж. Он хотел быстрее встретиться с мамой. Быстрее? Ну нет, особой спешки он не выказывал. Сюрприз... Или это тоже ложь?..

Может, он всё наврал – и про папу, и про фронт... Да нет же, вот ерунда! У него ведь папина фотокарточка. Да и какой ему смысл обманывать Диму?.. Нет, это просто не логично.

Но логика – логикой, а беспокойство всё-таки порядком

охватило Диму. Он побежал на Финударника – пусть Антон Сергеевич разъяснит, в чём дело. И сегодня же нужно всё рассказать маме. Хватит играть в кошки-мышки!

Дом был заперт – Антон Сергеевич ещё не вернулся. С досады Дима хватил по двери ногой. В замке что-то звякнуло и дверь отворилась. Вероятно, Антон Сергеевич в спешке неплотно запер её.

Дима остановился в нерешительности: входить или обождать на улице? Начавшийся дождик помог решить вопрос. Дима вошёл в комнату и присел на стул у двери. Он твёрдо решил дождаться Антона Сергеевича.

Мимо дома проехала автомашина. От сотрясения тихо отворилась дверца печи. Дима встал, нагнулся, хотел закрыть дверцу и... увидел свою фамилию. Она была написана на клочке бумаги, валявшемся на полу у печки. Подняв бумажку, Дима взгляделся – и не поверил своим глазам. Это был обрывок крупномасштабного плана школы с папиной подписью. План из папки!

Дима стоял посреди комнаты, судорожно сжимая в руке бумажку. Вихрем проносились обрывки мыслей.

Чужой портфель... Папин фронтальной друг... Маме ничего не говорить... Папки... Мотоцикл... Поездка в Н... «Будь на углу Шиловской и Некрасовской»... Значит, у научно-исследовательского института... Мама говорила, что в институте завершена очень важная работа... Обрывок плана школы у печки... Нет, не школы, ведь там теперь институт...

Институт! Антону Сергеевичу зачем-то понадобился план института! А потом он его порвал и...

Не смея верить себе, но уже твердо зная, что догадка верна, Дима распахнул дверцу печи. Там лежала куча пепла и обгоревших бумаг. Вот еще обрывки плана... А это что за клочок газеты? «...двиг сержанта Павлико... Танки шли на позиц... кинулся им навстречу с гранат...»

Слово в слово, как рассказывал Антон Сергеевич. Он просто выучил наизусть эту статью. И вот здесь в газете напечатан папин портрет. Тот, что на карточке. Антон Сергеевич просто переснял его...

Он никогда не знал папу. Он всё выдумал... Но для чего? Зачем ему это потребовалось? Неужели...

Он враг! И Михаил Михайлович – тоже враг!

Враги! А он их пособник. Да, да, пособник... Он сам, своими руками отдал им план. Они купили его, бросили подачку – двадцатипятирублевую марку Ньясаленд. И он ничего не видел, ничего не понимал...

Немедленно к маме! Рассказать ей все! Ещё можно поймать этих бандитов.

Нет! Нельзя впутывать маму в эту историю. Она ничего не должна знать – у неё ведь слабое сердце.

В милицию – вот куда нужно... Но уже без четверти шесть! А в шесть они будут его ждать.

Значит, сам, только сам...

Последняя поездка

К шести часам дождь перестал, но по всему чувствовалось, что ненадолго. По-прежнему торопливо ползли по небу, чуть не задевая антенны, угрюмые рваные облака. Шумели деревья, подрагивая листвой, прошитой дождём и ветром. Даже задорные воробьи не решались высунуть нос из-под стрех и сидели там, озабоченно чирикавая.

Холодная капля сорвалась с проводов и шлёпнулась Диме прямо на шею. Он зябко поёжился. Сколько придётся ждать? Ведь так можно совершенно окоченеть. Да и мотор...

Дима попробовал его завести. Нет, ничего, мотоцикл сразу же послушно заурчал. Безотказная машина!..

Сейчас уже, наверно, половина седьмого. Они запаздывают...

Что это? Словно кто-то хлопнул дверью... Вот ещё, ещё... Стреляют! Это в институте. Забегали в ограде люди... Что там происходит? Неужели они?..

Дима решил подъехать поближе. Но в этот момент совсем рядом раздался знакомый голос:

– Разворачивай! Скорей!

Это был Антон Сергеевич. Но в каком виде! Фуражки на нём не было, китель разорван.

Антон Сергеевич впрыгнул в коляску.

– Поехали... На шоссе!.. – Он говорил отрывисто, никак не мог отдышаться.

– А Михаил Михайлович? – спросил Дима.

Антон Сергеевич махнул рукой и торопливо оглянулся.

– Потом, потом... Давай, скорей...

Дима понял: Михаил Михайлович попался... А этот ушёл. Но ничего, дяденька, ничего, «фронтной друг». Сейчас, сейчас...

Дима напряжился, как перед прыжком. Всё рассчитано. Доехать до угла, потом поворот налево. Несколько домов – и милицейский участок. Резкий тормоз и...

– Прямо, прямо! Не смей поворачивать! Продырявлю! – слышит Дима. Он скашивает глаза на Антона Сергеевича и цепенеет. Где протез? Нет протеза. Вместо него совершенно здоровая рука и в руке пистолет. Из маленького чёрного отверстия на Диму смотрит смерть.

– Пронюхал уже, да?.. Выезжай на шоссе. Сбавишь скорость – убью.

Дима подчиняется. Он чувствует – это не просто угроза. Убьёт!

Стрелка спидометра мечется у цифры сто. Воздух упругий и плотный, стекает в лицо, мешает дышать. Дома, деревья, телеграфные столбы, белые тумбы проносятся мимо в бешеном хороводе, расступаясь перед мотоциклом и снова смыкаясь где-то позади.

Мостик. За ним начинается пригород. Но вот навстречу несётся милиционер. Его фигура делается всё больше и больше... Он стоит на перекрёстке, загораживая путь, и машет палочкой: «Стой, стой!»

Дима сбрасывает газ. Но сбоку снова раздаётся резкий голос:

– Мимо! Убью тебя и его.

В последний момент милиционер отскакивает в сторону. Дима видит его искажённое лицо, орущий рот. Но он не слышит ничего. Все перекрывает рёв мотора.

Пошёл пригород... Что делать? Свернуть в канаву? Это – смерть!

Ревёт мотор... Мотоцикл несётся вперёд. Последние дома пригорода. Уже виднеется кирпичное здание казармы. А дальше пойдут поля.

Казармы! Там деревянные ворота. А за ними большой плац, где занимаются солдаты. Солдаты! Туда! Но если ворота закрыты? Ничего. Мотоцикл их распахнет... Другого выхода нет!

Дима изо всех сил наваливается на руль. Визжит возмущённая резина. Машина на полном ходу заворачивает влево и проносится сквозь открытые ворота на плац.

Каким-то чудом Дима удерживается на сидении. Он резко тормозит. Со всех сторон к мотоциклу бегут солдаты.

– Держите его! Держите! – кричит Дима и вдруг перед ним мелькает искажённое злобой лицо Антона Сергеевича.

Он чувствует сильный удар в плечо и падает, теряя сознание от боли...

... Мы слушали, не шелохнувшись.

– На память от папиного «фронтowego друга» у меня остались пулевое ранение в плечо и вот эта треугольная марка. – Дима открыл первую страницу альбома. – С плечом я, разумеется, ничего поделывать не мог: на нём отметина на всю жизнь. А марку хотел изорвать, как только вернулся домой из больницы. Однако мама не разрешила: «Марка-то причём? Не троны! Напоминает о неприятных вещах, да?.. Ничего, об этом не нужно забывать»...

– Так и осталась треугольная марка на первой странице альбома, – закончил Дима свой рассказ.

ПОСЛЕДНИЙ ИЗ ШЕРЛОКХОЛМСОВ

Правдивый рассказ о любителе приключений мальчике Геше, его верном друге Лёне, их враге Тишке-Кишке и таинственном незнакомце «Д. П.»

Тайна рождается на свет

Геша ходит по комнате, заложив руки в карманы брюк, и рывками выбрасывает вперёд длинные ноги в старых, залатанных валенках – дома мама не разрешает носить новые. Он

обходит вокруг обеденного стола, затем идёт к балконной двери. Постоит здесь несколько секунд, равнодушно посмотрит, как за окном торопливыми хлопьями падает снег, и снова возвращается к столу.

– Садись за уроки, Геша. Хватит тебе вышагивать, – раздаётся из соседней комнаты мамин голос.

– Сейчас...

Геше не хочется делать уроки. Ему бы сейчас засесть за книжку, которую он вчера вымолил «на часок» у косоного Тишки с первого этажа. «Новейшие приключения великого сыщика Шерлока Холмса» – а картинки какие! Тишка нашёл её на чердаке дедушкиного дома, среди старого хлама. Но читать сегодня нельзя – понедельник!

Раньше Геша читал каждый день, и все книги с приключениями. Даже в школе на уроках читал. Но недавно Елена Дмитриевна отобрала у него «Тайну багрового следа» и нажаловалась маме, что он стал хуже учиться.

Теперь Геше разрешено читать только по воскресеньям, да и то лишь те книги, которые мама сама приносила из библиотеки – про разных там хороших мальчиков и девочек и без всяких приключений.

– Если не исправишь свои тройки, вообще запрещаю читать что-либо, кроме учебников, – пригрозила мама.

А попробуй, исправь эти тройки, если их так много накопилось! Даже двойки есть.

Правда, Геша продолжает читать книги с приключениями. Тайком от мамы. Но это очень неудобно. Приходится устраиваться в самых неподходящих местах. Вчера, например, Геша читал Тишкину книгу на чердаке у слухового окна. Там холодно, как на улице, а книжка старая, многие буквы в ней непонятные. Он чуть не обморозил пальцы, пока, наконец, прочитал первый рассказ о том, как великий сыщик Шерлок Холмс разгадал тайну лошадиного черепа. Но стоило!

Геша садится к столу, вытаскивает из портфеля учебник физической географии, находит нужную страницу и нехотя читает вслух:

– Углубление, заполненное водой ручья, называется руслом ручья...

Как ловко Шерлок Холмс распознал этого бандита! Надо же так: не видеть ни разу человека – и сразу его раскусить.

– Углубление, заполненное водой...

Какой там следующий рассказ? Глянуть бы одним глазом. Нет, сейчас нельзя. Мама увидит, отберёт книгу. Тогда от Тишки пощады не жди – побьёт.

Лучше обождать немного. Мама куда-то собирается. Может быть, она пойдёт к папе на работу и оттуда с ним в кино. Вот было бы здорово! Читай себе целых три часа. За это время можно, наверно, всю книжку прочитать. Ведь он не всё подряд читает, только интересные места.

Мама выходит из соседней комнаты. На ней шуба и тёплый платок.

– Геша, я Ирочку положила спать. Ты за ней присмотри.

– А куда ты, мама?

– Мы с папой идём в кино... Выучи уроки, покушай и ложись спать. Какао в термосе на кухне... Ну, будь умником.

Мама целует Гешу в щёку и уходит.

Он прислушивается. Вот мама затворила дверь. Вот повернула ключ в замке...

Геша идёт на кухню и шарит рукой по стене в поисках выключателя. Они въехали в эту квартиру всего неделю назад, и ему здесь ещё не всё знакомо. Но что маринованные грибы стоят в кухонном столе на нижней полке – это он знает точно.

Геша садится на корточки, достаёт банку...

– Гешка! Что ты делаешь?

С испугу он чуть не роняет банку. Но это не мама, а Ирочка. Она стоит на пороге босиком, в длинной, до пят, рубахе и водит язычком по губам. Ирочка ужасно любит грибы, ещё больше, чем Геша.

– Что смотришь? Как дам сейчас... – ворчит Геша.

Но Ирочка не боится угроз: у Гешки явно растерянный вид. Кроме того, она знает одно испытанное средство.

– А я маме скажу, что ты за грибами лазил... Дай попробовать, тогда не скажу, – предлагает Ирочка и снова облизывается.

Нечего делать, приходится делиться с ней добычей. Грибов уходит в два раза больше. Но мама не сразу заметит следы преступления: банка до краев доливается водой.

Банка снова в шкафу. Довольная Ирочка отправляется в кровать. Геша берётся за географию.

– Углубление, заполненное водой...

Зачем, собственно, учить про русло? Напрасная трата времени. Ведь в прошлый раз вызывали. Лучше сделать задачу по арифметике – и за Шерлока Холмса... А впрочем, и арифметика обождёт. Завтра он пойдёт в школу на полчаса раньше и спит у ребят.

Руки Геши тянутся под матрац, где запрятана книга. Через минуту он, обхватив голову руками, забывает про всё на свете.

Следы под окном... Погоня... Станный металлический звук... А при чём тут этот звук? Что-то непонятно.

Геша снова пробегает глазами прочитанную страницу. Ничего здесь нет про звук. Но ведь он собственными глазами... Нет, не глазами, а ушами!

Геша отрывается от книги. Звук повторяется снова. На этот раз отчётливо слышно: кто-то вставляет ключ в замочную скважину. Мама? Не может быть! Она ведь только ушла.

Геше становится страшно. А вдруг это тот самый профессор Мориэрти, гений преступного мира, могущественный враг Шерлока Холмса? Но Геша сразу берёт себя в руки. Пусть Мориэрти – он победит его и прославится на весь мир.

Схватив подвернувшуюся под руки палку – метлу, кажется, – Геша выходит в коридор, подбирается к двери и прислушивается. Вроде никого нет – тихо!

Только он поворачивается, чтобы уйти, как дверь неожиданно отворяется и в тёмный коридор кто-то входит. Щёлкает выключатель, и Геша видит перед собой высокого, румяного с мороза мужчину с чемоданчиком в руке. Он опускает в карман что-то чёрное, блестящее. «Пистолет», – решает Геша.

С минуту оба смотрят друг на друга: Геша на вошедшего – со страхом, тот на него – с удивлением.

Мужчина спрашивает первый:

– Ты что тут делаешь?

– Жи... живу...

– Живёшь?.. А это для чего? – мужчина жестом указывает на палку.

– Это?.. Это пол подметать...

– Пол? В темноте? Граблями?

– Граблями? Какими граблями?

Геша с удивлением смотрит на палку, которую крепко сжимает в руке. Он схватил Иркины грабли!

Через несколько минут недоразумение выясняется. Оказывается, что мужчина – его зовут дядя Петя – тоже живёт в этой квартире. Его комната, закрытая на замок, находится рядом с кухней. Дядя Петя въехал сюда на день раньше соседей и сразу же отправился в командировку.

Геша возвращается к себе. Но почитать не удаётся. Заходит дядя Петя. В руке у него кусок газеты, свёрнутый трубочкой.

– Ты меня извини... Как тебя звать? Геша? Это что – Геннадий?.. Так вот, Геша, спички у тебя есть? Что-то я своих нигде не найду.

Спички лежат на кухне. Геша бежит туда и приносит коробок.

– Вот... Что у вас за папироса такая?

Дядя Петя прикуривает, выпускает клубы дыма.

– Это, Геша, не папироса, а козья ножка. Махорку я хорошую достал, ейскую... Хотя ты всё равно в этом деле не понимаешь, – спохватывается он и тут же поясняет:

– Ейская махорка для нашего брата вроде как для тебя сливочное мороженое.

– Пломбир лучше, – говорит Геша.

– Ну, как пломбир, – соглашается дядя Петя и, выпустив огромное, вертящееся кольцо дыма, благодарит и уходит к себе.

Геша снова принимается за книгу. Но сегодня все словно сговорились ему мешать. Не успеваешь он углубиться в чтение, как слышит негромкое постукивание.

– Тук-тук... Тук...

Неужели мыши? Хорошо бы поймать одну и в классе пустить. Вот бы девчонки визг подняли.

Геша внимательно осматривает углы комнаты. Мышей не видно.

– Тук-тук... Тук-тук-тук...

Как будто даже и не в комнате стучит. Геша тихонько открывает дверь в коридор.

– Тук-тук...

Нет, это не мыши. Он на цыпочках подходит к комнате дяди Пети. Звук становится слышнее. Посмотреть в замочную скважину? Ничего не видно, ключ торчит.

Геша возвращается к себе. Его гложет любопытство. Где он слышал звук, похожий на этот? Точно такой же прерывистый быстрый стук: тук... тук-тук...

А, вот где – в аэропорту. Месяц назад они всем классом ходили на экскурсию. Летчик завёл их в большой самолёт и показал всё, что там в середине. Он даже поработал немного на радиоключе. Вот ключ-то и стучал, как сейчас.

Радио! Дядя Петя работает на радио. Значит, у него радиопередатчик.

Радиопередатчик? Ой!

Сердце Гешы бьётся частыми, гулкими ударами. Значит... Конечно, так! И думать долго нечего. Радиопередатчик – раз. Не знает, что Геша это Геннадий – два. Пистолет в кармане носит... Так, ясно! Дядя Петя никакой не дядя Петя, а таинственный человек, может быть, сам профессор Мориэрти. «Как вы раньше не догадались, мой дорогой друг Ватсон», – как говорил Шерлок Холмс.

Что делать? Бежать в милицию!.. А вдруг он никакой не Мориэрти? Тогда над Гешей вся школа смеяться будет... Нет, в милицию идти не надо. Сначала всё выяснить, найти... как это?.. такое странное слово... А, улики!.. Найти улики, а потом пойти в милицию и сказать: «Товарищи, я одного таинственного человека разоблачил. Как обнаружил? У меня метод! Психоарифметический. Здорово действует...»

Весь вечер до прихода мамы и папы Геша раздумывает над тем, как вывести на чистую воду дядю Петю. Наконец он приходит к выводу, что нужно привлечь к этому делу Лёньку Во-

ропаева. Во-первых, у него папа милиционер. Во-вторых, у него есть пугач, совсем как настоящий пистолет. А в-третьих, если Геша будет Шерлоком Холмсом, значит, ему нужен доктор Ватсон. Пусть Лёнька и будет доктором Ватсоном.

Решено!

«Адская машина»

Геша просыпается от ощущения холода в ногах. Он приоткрывает сначала один глаз, потом другой. Темно. Ничего не видеть. И душно, словно в печке. А ноги почему-то зябнут.

Да ведь он лежит, накрывшись с головой! Стянул вс одеяло с ног на голову. Вот ему темно и душно.

Геша рывком сбрасывает одеяло. Сразу становится легче дышать.

Через приоткрытую дверь по полу стелется луч электрического света из соседней комнаты. Оттуда доносятся приглушённые голоса и звон посуды. Наверно, папа уже встал и завтракает.

Сколько сейчас времени? Скоро восемь, вероятно. Надо встать, да пораньше в школу – вчера уроки не успел сделать. Но подниматься неохота. Вот бы заболеть сейчас. Красота! Лежи себе целый день в кровати. Никто не поругает, не накричит. Наоборот, все будут ходить да упрашивать: «Скушай пирожное, сыночек...», «Что тебе ещё дать, Гешенька...»

Кажется, у него действительно температура. Нет, лоб холодный. Но зато подмышкой, куда термометр кладут, – совсем жарко. Наверно, сорок с половиной градусов.

Геше начинает казаться, что болит горло. И в голове тоже неладное делается. Тяжёлая она стала. «Словно налитая свинцом, клонилась голова всё ниже и ниже...» Откуда это? Ах да, из вчерашнего великого сыщика Шерлока Холмса...

Шерлок Холмс! Дядя Петя!..

Геша мгновенно вспоминает всё...

Он торопливо одевается и спешит в столовую. Нужно кое-что разузнать у папы, пока он не ушёл.

Но папа ещё только бреется.

- Что так рано поднялся? – удивляется он.
- А сколько сейчас?
- Семь часов... Иди, поспи ещё.
- Не хочется...

Геша садится напротив папы и с завистью смотрит, как он водит бритвой по щекам, растягивая их пальцами и строя смешные гримасы. Папа бреется каждое утро. Однажды он проспал и не успел побриться. К вечеру у него выросла борода, цепкая и колючая, как репей.

Папа кончил бриться. Он насухо вытирает свой многочисленный инструмент, складывает в шкатулку и запирает маленьким замочком.

Замочек это появился не случайно. Как-то Геша решил проверить, не пора ли ему начать бриться. Он достал папину шкатулку, намылил лицо и принялся скоблить его бритвой. Геша очень удивился, когда по щеке потекла кровь – ведь никакой боли не было. Заклеил порез бумажкой и положил шкатулку на место. В спешке он забыл помыть бритву и помазок.

Что было назавтра, Геше даже и вспоминать неохота. А потом на шкатулке появился этот замочек...

Геша приступает к делу. Он протяжно зевает и будто невзначай роняет сквозь зевоту:

- А вчера сосед наш приехал...
- Знаю.

Папа садится завтракать. Геша ждёт ещё немного и затем спрашивает напрямик, без всякой дипломатии:

- Пап, а пап... Где он работает?

– На заводе... Знаешь, он ведь боксом занимается. Чемпион города в каком-то там весе. Попроси, пусть научит тебя драться. А то ведь тебя даже Ирка лупит без сдачи, – смеётся папа.

– Учи его, учи, – сердится мама. Она вносит из кухни алюминиевую сковородку, на которой весело шипит яичница. – И так у мальчишки всё приключения в голове. Совсем учиться перестал... Кстати, скажи, – неожиданно спрашивает она, – почему открыта дверца кухонного столика?

Геша краснеет, но быстро находится:

– Может, Васька?

– Как же! Кот решил полакомиться маринованными грибами... Ладно, умывайся и садись завтракать...

В школу Геша приходит раньше всех. Вскоре в классе появляются и сёстры-близнецы Валя и Таня Носовы. Обе беленькие, чистенькие, обе отличницы. Они так похожи друг на друга, что все их путают. А чтобы не ошибиться, зовут ту и другую – «Вата». Это уж наверняка. Хоть Валя, хоть Таня – любая откликнется.

– Ваты, дайте списать арифметику, – просит Геша.

– Нет, не дадим, – отрезает одна Вата. – Списывать – это не по-пионерски.

У другой Ваты сердце помягче.

– Мы тебе лучше объясним, – предлагает она. – Задача лёгкая-лёгкая. Ты за пять минут сделаешь.

– Очень надо, – презрительно ухмыляется Геша. Ещё не доставало, чтобы девчонки ему арифметику объясняли! Знали бы, какую тайну он открыл...

Тайна вертится на кончике языка, как раскалённый камешек. Того гляди, выскочит наружу. Скорей бы Лёнька приходил. Расскажешь ему – и легче станет. Это Геша уже по опыту знает.

Но Лёня как назло опаздывает. Он вбегает в класс уже после звонка и, прерывисто дыша, плюхается на своё место рядом с Гешей.

– Послушай, Лёнь, я тебе такое скажу, такое...

Дальше Геша не успевает ничего сказать. В класс входит Елена Дмитриевна. А она самая строгая учительница во всей школе. Её даже семиклассники боятся.

После звонка, едва только учительница уходит, в класс вбегают Петя Сиволап из пятого «Б». В руках у него бумажка.

– Внимание! Пионеры и не пионеры, мальчики и не мальчики! Создаётся кружок радиолюбителей. Будем сами делать приёмники, приборы и всякое такое. Кто хочет, прошу записываться.

Вокруг Пети тотчас образуется бурлящий водоворот.

– Где?

– Когда?

– Что?

– Для чего? – летят вопросы.

Лёня Воропаев тоже встает с парты.

– Ты куда? – спрашивает Геша.

– Записаться. Пошли!

– А ну их! Ребяшня! – фыркает Геша. – Пойдём-ка, дело есть.

Он почти силой тащит Лёню в укромный уголок под лестницей.

– Только никому! Понял? – говорит Геша драматическим шёпотом и оглядывается по сторонам.

Лёня смотрит на него с недоверием. Выдумщик этот Геша. Вечно у него какие-то тайны.

– Ты понимаешь, – шепчет Геша в самое ухо Лёни. – Я вчера таинственного человека поймал... То есть не поймал, а почти поймал. На радиопередатчике работал... «Тук-тук-тук», – поясняет он.

– Чепуха, – на всякий случай заявляет Лёня, но глаза его загораются жадным любопытством.

– Чепуха?! Вот послушай...

Геша, конечно, чуть-чуть привирает. Самую чуточку, только, чтобы побольше Лёньку заинтересовать. В его изложении вчерашнее приключение выглядит так. Ночью, когда все уже спали, он услышал стук в дверь. Взял на всякий случай грабли и пошёл открывать. Врывается дядька с пистолетом. Геша не растерялся. Как напустится на него: «Кто вы такой? Что вам здесь надо?» Дядька перепугался: «Я... я живу»... Оказалось, в самом деле это сосед. Дядей Петей звать его. Только он не дядя Петя никакой. Геша у него документы посмотрел. Паспорт совсем фальшивый. Потом дядя Петя пошёл к себе в комнату – и за радиопередатчик... «Тук-тук-тук...» Всю ночь стучал. Жаль только, у Геши азбуки Морзе под рукой не оказалось.

– А пистолет куда он дел? – в голосе Лёньки звучит волнение.

– Пистолет? В карман положил.

– В карман? Эх ты, лопух! Надо было вытащить. Он теперь с ним чёрт знает что наделает.

– Ничего, я... мы у него пистолет отберём.

Ага! Лёнька не возражает против «мы». Значит, теперь можно и дальше говорить.

– Я вот что придумал. Надо нам вдвоём его изловить. Я буду вроде Шерлок Холмс, а ты – доктор Ватсон. Ладно?

Лёнька не совсем уверенно кивает головой. Кто такой Шерлок Холмс, он не знает. Ну, а доктор – это звучит неплохо.

– Мы будем следить за дядей Петей... Слушай, Лёня...

Геша торопливо излагает свой план. Лёня внимательно слушает и с уважением поддакивает. Что ни говори, а Гешка – голова!

А не выдумал ли он всё? Гешка может! Недавно он пришёл в школу и заявил, что знает новый приём борьбы. Сверхсногшибательный... Раз-два – и любой летит на землю. А потом, когда Лёнька стал с ним бороться и свалил с ног, он надулся и сказал, что так не по правилам. Сначала надо левой рукой за правую взяться, а потом уже правой захватывать... Долго объяснял, но все ребята поняли, что про свой новый приём он все выдумал... Может, и дяди Пети никакого нет?

Лёня не любит неясностей. Со всей свойственной ему прямоотой он заявляет:

– Бреешь ты...

– Ах, брешу! – петушится Геша. – А если я тебе поклянусь... Хочешь – «Акулой»?

Он торжественно произносит:

– Акуле в зубы,

Киту в пасть.

Если вру –

Мне пропасть!

Геша сам выдумал эту клятву и гордится ею. Очень похоже на страшные клятвы морских пиратов.

Теперь не поверить нельзя. Лёня знает, что «Акулу» Геша пускает в ход лишь в самом крайнем случае. Значит, он не врёт. А если и приврал малость – всё равно, интересно.

Что так тихо стало? Лёня выглядывает из-под лестницы. Никого нет. Наверно, уже звонок был.

– Айда в класс... На урок опаздываем.

Друзья бегут по затихшему коридору. Хорошо ещё, что сейчас география, Матвей Сидорович ругать не станет.

...Вечером мама надивиться не может на Гешу. Вот уже битых три часа он сидит за уроками. Да ещё не один – своего друга Лёньку притащил. Ох, этот Лёнька! Мама никак не может простить ему разбитую фарфоровую вазу. Теперь он у неё на постоянном подо-зрении. Вот и сейчас она нет-нет, да заглянет из кухни в комнату – не шалят ли ребята? Представьте себе – нет! Сидят за столом. Книжки, тетради разложены. Пишут что-то. Вон Лёнька даже язык вывалил от усердия. Ну, пусть пишут.

Мама тихонько прикрывает дверь.

Ребята тотчас же перестают писать,

– Слышишь, Лёнь?

– Не...

Но вот в коридоре раздаются шаги. «Здравствуйте», – произносит весёлый голос.

Пришёл, – шепчет Геша. – С мамой здороваётся. Сейчас, наверно, начнёт.

Он склоняется над раскрытой тетрадью. Здесь записано столбиком:

«2600. Д. П. Н. Е.

2630. Д. П. Н. Е.

2700. Д. П. Н. Е.

2730. Д. П. Н. Е.»

Это шифрованные записи. Цифры означают время. Отбросить первую двойку – и получаются часы: 6.00, 6.30, 7.00... Д. П. Н. Е. – тоже шифр. Он читается так: дяди Пети нет ещё.

Геша вносит в тетрадь новую запись: 2800. Д. П. У. П. – дядя Петя уже пришёл.

Ребята прислушиваются. Ничего не слышно. Лёня смотрит на Гешу. Круглые настороженные глаза, полуоткрытый рот. Сгорбился в три погибели. Весь ушёл в уши. Они у него большие и красные...

Лёня вдруг начинает тихонько смеяться. Уж очень Гешка сейчас забавный. Глазами как вертит – будто нарочно, для смеха,

– Ш-ш, – машет на него руками Геша. – Уже работает.

В самом деле, в тишине слышится постукивание. Передатчик! Гешка не соврал!

– Скорей!

Ребята начинают водить карандашами по заранее припасённой бумаге. Точка. Точка, тире, тире, тире. Точка, точка, точка...

Передатчик стучит всё быстрее и быстрее. Просто невозможно угнаться...

Геша первый бросает карандаш:

– Всё! Больше не могу! Хватит... Давай, теперь читаем.

Он кладёт на стол листок бумаги, на который выписана азбука Морзе... Ну, точка – это, конечно, «А» – и смотреть нечего! Точка-тире-тире-тире – «Й». Точка-точка-точка – «С»...

– «АЙС» – ничего не понятно, – волнуется Лёнька. Он даже покусывает ногти от нетерпения и помогает Геше расшифровывать дальше. Тире-точка-тире – «К», точка-тире – «А». Точка-тире-точка-тире – «Я»... Айская...

– Айская... А дальше что?

Дальше получается «ма...» и всё. Фраза после расшифровки приобретает такой вид: «...АЙСКАЯ МА...»

– Айская ма... – Геша хмурит брови. – Что это за «айская ма»?

И вдруг он догадывается:

– Адская машина! Бомба с часовым механизмом! Мы просто спутали «й» и «д».

Адская машина. Геша строго поглядывает на Лёню – ты, мол, не верил, а дело, видишь, какое серьёзное!

Лёнька зябко передергивает плечами. Ему становится немного боязно.

Таинственный дом

Ночью Геша спит беспокойно. Он то и дело ворочается с боку на бок, всхлипывает во сне, что-то бормочет. Но утром он снова бодр и деятелен. Сегодня предстоят большие дела.

Наскоро проглотив обязательную яичницу и опорожнив залпом кружку чая, Геша выходит в коридор к своим лыжам.

– Надо поправить крепления, – говорит он маме, – а то ремни соскакивают.

По правде говоря, крепления Гешу интересуют меньше всего. Но ему необходимо побыть в коридоре – а какой можно найти ещё лучший предлог для этого! И вот он, сидя на корточках, возится с лыжами. Что-то завязывает, развязывает, кричит, пыхтит... А одним глазом зорко следит за дверью комнаты дяди Пети. Ну что он тянет! Шёл бы побыстрее. Уже четверть девятого. Скоро мама погонит в школу.

Дядя Петя выходит из комнаты ровно в половине девятого.

– Здравствуй, – говорит он. – Чем занялся?

– Да вот, лыжи... – смешавшись, отвечает Геша и дёргает с силой за конец ремня. Ремень вырывается из рук и Геша, потеряв равновесие, летит вверх тормашками.

– Ой!

Он вскакивает на ноги и быстро-быстро трёт рукой ушибленный затылок.

– Ударился, да? – участливо спрашивает дядя Петя. – Отожми ушиб ножом, – советует он, – а то шишка будет.

Дядя Петя берёт в руки лыжу и, покачивая головой, осматривает крепление.

– Эх ты, скобы погнул... Знаешь что, поставь лыжи на место и не трогай больше. Вечером я всё тебе сделаю.

Застёгивая на ходу пальто, дядя Петя выходит на лестницу. Геша, все ещё держась рукой за голову, смотрит ему вслед. Ишь какой! Задобрить пытается... «Вечером всё тебе сделаю». Нет, Геша неподкупен. Операция по разоблачению дяди Пети продолжается.

Он влетает в комнату и смотрит через балконную дверь на противоположный тротуар. Есть! Лёнька пришёл и, как было условлено, стоит у гастрономического магазина. Геша трижды машет ему рукой. Это сигнал. Лёнька кивает – понятно, мол, – и перебегает через улицу. Теперь его уже не видно. Но Геша знает: Лёнька стоит у подъезда и ждёт, когда оттуда покажется дядя Петя.

– Я пошёл, – говорит Геша маме и, подхватив портфель с книгами, натягивает на ходу шапку и пальто.

По лестнице он сбегает, перепрыгивая через две ступень-

ки. Так быстрее и интереснее. Правда, дворник ругается, говорит, что от такого слоновьего топота лестница может рухнуть. Но это он, конечно, выдумывает. Ещё ни в одном доме такого случая не было, чтобы ребята лестницу свалили. А насчёт слонов – это вообще враки. Слоны топают куда сильнее.

Потом, дворника всё равно нет – по утрам он отводит в детский сад своего внука. Бегай по лестнице, сколько хочешь! Вот после школы – другое дело. Тут надо поосторожнее.

Но оказывается, осторожность нужна не только после школы. Сбежав на первый этаж, Геша сталкивается лицом к лицу – не с дворником, нет! – с косоглазым Тишкой. Тот стоит насупившись. Поза угрожающая: руки в карманах, одно плечо вперёд.

У Геши падает сердце. Тишка сильный и отчаянный. Он даже дворника не очень боится. И курит потихоньку в подвале.

– Пусти, Тиша, – робко говорит Геша. – Я в школу опаздываю.

– Книгу шичаш давай!

Тишка плохо выговаривает звук «с», и у него получается вместо «сейчас» – «шичаш».

– Какую книгу?.. Ой! – Геша прикрывает рукой рот. – Вот приду из школы, отдам... Честное пионерское!

– Книгу давай!

Тишкины руки медленно вылезают из карманов и тянутся к ушам Геши. Тот отскакивает в угол и сыплет оттуда жалобной скороговоркой:

– Ты меня за уши не трогай... У меня недавно воспаление средних ушей было, и я могу оглохнуть. Тогда тебе знаешь, как достанется... А ты за что сердись? За книжку? Так бы и сказал. Я тебе сейчас её принесу. – Он делает два шага по направлению к лестнице, но сразу оборачивается: – Или, может, лучше после школы? Друг тут меня жёет... Тиша, миленький, а?

– Книгу давай!

Геша стремглав несётся вверх по лестнице. Он чуть не плачет. Проклятый Тишка-Кишка! Лёнька уйдет за дядей Петей, а потом бегай по всему городу, ищи их.

Дверь ему открывает Ирочка. Она кладёт палец в рот и хихикает. Что-то она знает. Надо бы расспросить, да нет времени.

Слава богу, мама на кухне. Геша бросается в спальню и просовывает руку под матрац. Пусто! Он приподнимает матрац – и не верит своим глазам. Где же Шерлок Холмс?

Ирочка стоит рядом и всё ещё хихикает. Конечно, это её работа. Геша со сжатыми кулаками подступает к сестренке.

– Ирка! Сейчас же отдай!

Ирочка вытаскивает палец изо рта и как завизжит! Тотчас же в дверях появляется мама:

– Ты что от неё хочешь? Почему вернулся?

– Книжку одну забыл. Учительнице надо отдать. А Ирка вытасила книжку и куда-то дела.

– Вот эта книга, да?

В руках у мамы появляется яркая обложка «Великого сыщика».

– Д-да...

– Значит, учительница тебе её дала?.. Что молчишь?..

Мама круто поворачивается и идёт к шкафу. Геша плетется за ней, волоча портфель по полу.

– Мама... Мамочка, – нудно тянет он. – Отдай книжку. Ну, пожалуйста... Ну, что тебе, жалко? Я больше не бу-у-у-уду.

Ничего не помогает. Мама отпирает нижний ящик, бросает туда книжку и снова закрывает.

Геша решается на большую игру:

– Если бы ты знала, что я знаю... Скоро я одну тайну раскрою...

Мама всплёскивает руками:

– Окончательно рехнулся!.. Ну, так и знай, книжку раньше лета не получишь... Марш в школу! – приказывает она.

...Геша стоит на лестничной площадке. Нет, он не плачет. Ну там одна-две слезинки. Это не считается. Сейчас ему не до слёз. Чёрт с ней, с книжкой. Есть дело поважнее. Но как пройти мимо Тишки? Ведь он ни за что не пропустит.

Нет положения, из которого бы не было выхода. Находит выход и Геша. Когда он спускается к Тишке, в руках у него книга, завернутая в газетную бумагу.

– Ну, держи... Мама как увидела: покажи, да покажи... Хорошо, что в газету завернул...

Какие интересные глаза у Тишки: один смотрит в одну сторону, другой – в другую. Мальчишки во дворе говорят, что Тишка всё насквозь видит. Неужели разглядит через бумагу? Тогда пропал!

Но Тишка берёт книгу, молча пропускает Гешу мимо себя, и легонько пинает его коленкой на прощанье.

Во дворе Геша припускает со всех ног, словно за ним гонятся черти. И правильно делает. Ровно через полминуты из подъезда выскакивает разъярённый Тишка. Обвёл его пацан вокруг пальца. Вместо «Новейших приключений великого сыщика Шерлока Холмса» всучил учебник географии...

Забежав за угол, Геша переходит на шаг. На улице Тишка не посмеет его тронуть.

Где теперь искать Лёньку? В какую сторону направился дядя Петя? Если на завод, то прямо... А вдруг он пошёл вовсе не на завод?

Бродить бы Геше целый день по улицам в поисках Лёньки: город ведь большущий. Но ему повезло. Не успел пройти и двух кварталов – смотрит, несётся по улице вприпрыжку румяный толстячок с носом картошкой и улыбается.

– Лёнька!

– Гешка! Где ты пропадал? Я тебя ждал-ждал, а потом сам за ним побежал.

Оказывается, дядя Петя на завод не пошёл. Он зашёл в дом неподалёку и там остался.

– Ясно! Там живут его сообщники. – Гешка достаёт из портфеля тетрадь. – Улица и номер дома? – лаконично спрашивает он.

Лёня досадливо морщит нос:

– Эх... Я и не посмотрел.

– Растяпа! А ещё доктор Ватсон... По крайней мере, найди-то сможешь?

– Конечно, смогу. Идти по этой улице до булочной, потом свернуть направо и на следующем углу. Деревянный дом.

– А ещё?

– Что ещё?

– Ещё какие приметы?

– Вроде, больше нет...

Что значит неопытный человек! Лёня заметил только, что дом деревянный. А вот Геша, когда они подходят поближе, находит много важных качеств, отличающих этот дом от других.

– Пиши! – говорит он Лёне. Тот раскрывает тетрадь и пристраивается под воротами. – Улица Партизанская, дом 77... Окрашен в тёмно-зелёный цвет. Четыре окна выходят на улицу. Ставни на трёх окнах открыты, на одном закрыты... Крыша черепичная. Две трубы...

– А труб сколько, зачем писать?

– Не знаешь? – Геша покачивает головой, словно удивляется невежеству Лёньки в этих делах. – А если преступники вздумают бежать через трубу?.. Две трубы. Записал?.. Высокий забор, тоже зелёный... Знаешь что, – вдруг приходит ему в голову важная мысль, – надо посмотреть через окно, что делается в доме... Так и быть, посмотреть будешь ты, – заявляет он, хотя Лёня вовсе не просит об этом. – Если меня дядя Петя увидит, он сразу поймёт, что мы напали на его след. А тебя он не знает.

Что поделаешь! Лёня нехотя взбирается на кирпичную завалинку, становится на цыпочки и упирается лбом в стекло, Геша держит его сзади.

– Что ты видишь? – нетерпеливо спрашивает он.

– Ничего, отвечает Лёнька. – Кот на окне сидит, всё загордил... Псик! – Он машет рукой, пытаясь напугать кота. Но тот лишь презрительно щурит оранжевый глаз и медленно отводит голову.

Лёня перебирается к другому окну.

– Здесь! – восклицает он. – Дядя Петя здесь. И ещё один какой-то, с обвязанным горлом. Ходит по комнате и что-то говорит... А на столе машина...

– Наверно, адская, – догадывается Геша.

– Дядя Петя встал. Вот подошёл к машине...

Тут Лёня неожиданно соскакивает с завалинки.

– Посмотрел на окно... Больше не полезу.

Но Геша и так уже сделал все необходимые выводы. Этот

дом не простой, а таинственный. Здесь хранится адская машина.

Он подходит к воротам и нажимает ручку калитки. Нет, не открывается, конечно. Чтобы пройти сюда, нужно, вероятно, сказать тайные слова, вроде «Сезам, откройся!»

Но калитка отворяется и без тайных слов. Перед растерявшимися от неожиданности ребятами предстаёт высокий, худой дядя с метлой в руке.

– Чего вам? Баловаться? Вот я вас сейчас... – Он делает грозное лицо и топает сапожищами. Геша не выдерживает. Он пускается в бегство. За ним Лёнька.

Геша останавливается только на перекрёстке. Ему немного неудобно перед Лёней. Скажет: струсил!

– Думаешь, я испугался?.. Ни чуточки... Я только хотел проверить, как быстро он бежит.

Но Лёня лишь недоверчиво хмыкает. Шерлок Холмс и прочее – тут, спору нет, Геша, конечно, мастак. А что сдрейфил, то сдрейфил. Чего тут оправдываться!

Что теперь делать? В школу идти поздно, домой – рано. Ребята бродят два часа по улицам. Разглядывают витрины магазинов, толкуются по рынку, греются на центральном почтамте. Им скучно. Скорее бы уже час. В час кончаются уроки и можно идти домой.

У Геши и Лёни беспокойно на душе. Они никогда ещё не убегали с уроков. И хотя дел очень-очень много, всё же решают узнать, что задано на завтра.

Ребята идут к Васе Воробьёву, по прозвищу Воробей. Он самый маленький и самый задиристый в классе.

Вася уже дома.

– Почему не были в школе? – строго спрашивает он друзей. Геша и Лёня переглядываются.

– Дело одно тут, – неопределённо говорит Геша и многозначительно намекает: – Потом узнаешь!

Но Васю это нисколько не интересует.

– А вчера почему на радиокружок не пришли? Вот здорово было!

– Подумаешь! – Геша фыркает. – Наверно, опять пионервожатый пять страниц из учебника физики для седьмого класса читал.

– А вот и нет! У нас руководитель кружка совсем другой. Ох, рассказывает! – Вася прищёлкивает языком. Это означает у него высшую степень восхищения. – Знаете, что такое радиолокация?.. Не знаете! А радио-те-ле-ме-ха-ни-ка? – выговаривает он по слогам трудное слово. – Эх, вы!.. А мы будем и фотоэлемент строить, и радиолокатор, и кораблём управлять по радио...

У Гешы на мгновение дух захватывает от зависти. Но только на мгновение. Он сразу берёт себя в руки.

– Врёшь ты всё это, Воробей... Пошли, Лёня!

На улице Лёня нерешительно произносит:

– Может, и нам в кружок записаться, а, Геш? Интересно!

– Ну и иди! – сердится Геша. – Без тебя управлюсь. Всё равно из тебя никакой доктор Ватсон не получится.

Но Лёня не хочет ссориться.

– Я ведь просто так, – миролюбиво говорит он. – Нет, так нет...

Дома Гешу ожидает новость.

– Что я знаю! Что я знаю! – прыгает на одной ножке Ирочка.

– Ну что, говори!

– Не скажу! Не скажу!..

Есть несколько способов, чтобы заставить её сказать. Во-первых, пригрозить. Но это ненадёжный путь. Ирка сейчас же закричит, прибежит мама... Второй способ – подкуп. Дать ей конфету – и дело с концом. Но в данный момент Геша конфетой не располагает. Обещаниям же Ирка не верит – она уже научена горьким опытом.

Остаётся последний способ – самый простой и верный.

– Ничего ты не знаешь! – говорит Геша. – Только хвастаешься.

– А вот и знаю, а вот и знаю!

– Не знаешь!

– Знаю!.. Дядя Петя взял у мамы ключ от нашего сарайчика в подвале и поставил туда свой сундучок... Ага! Знаю?

Новость важная! Дядя Петя, вероятно, спрятал в сарайчике адскую машину.

Немедленно за Лёнкой – и в подвал!

В подвале

На кухне возле окна торчит маленький гвоздик. Когда въезжали на квартиру, Геша сам забивал его Иркиным деревянным молоточком. Раз по шляпке, раз по пальцу. Все пальцы поотбивал.

На гвоздике висит новенький никелированный ключ с красной ленточкой. Это ключ от сарайчика.

Геша стоит у окна и с вождением поглядывает на ключ. Теперь только за ним и остановка. Дверь подвала открыта – это уже разведано. У входа в подвал ждёт Лёнка. У него в кармане электрический фонарик и пугач, похожий на всамделишный пистолет.

Остановка только за ключом. Но как его взять, если мама то и дело заходит на кухню. Да и Ирочка крутится тут, с любопытством поглядывая на Гешу. Она явно что-то подозревает. Хитрющая!

Но, наконец, выдаётся подходящий момент. Все вышли из кухни. Геша молниеносно выбрасывает вперёд руку – и вот он уже опускает ключ в карман.

Теперь можно отправляться вниз. Стоп! А нитки? Без них никак. Все исследователи пещер берут с собой клубок ниток. Их прикрепляют у входа и тянут за собой. Если заблудятся в пещере, то с помощью ниток можно найти обратный путь. А подвал – та же пещера, только чуточку поменьше.

За нитками нужно идти обратно в комнату. А там мама снова что-нибудь придумает – засадит за уроки или ещё что.

Геше на глаза попадает свёрнутая верёвка, на которой развешивают бельё. Взять разве её вместо ниток? Геша воровато оглядывается...

Лёня стоит у входа в подвал, пританцовывая то на одной ноге, то на другой.

– Ты чего расплясался? – удивляется Геша.

– Чего, чего! – передразнивает его Лёня. – Постоял бы ты целый час на морозе, не так, наверно, запрыгал бы... Ты что – уснул там?

Геша молчит. Он тревожно смотрит куда-то через Лёнино плечо. Лёня тоже оглядывается и видит: неподалеку стоит высокий косоглазый мальчишка и зло кривит рот.

Это Тишка. Над Гешей нависла серьёзная опасность. Он съёжился и побледнел. Тишка сейчас обязательно отлупит его.

А если откупиться от него старой медной монетой, которую он получил недавно от папы? На ней изображены скачущая лошадь и корона. Тишка уже не раз пытался выманить монету у Геши, предлагая взамен кусок пожелтевшей кости. «Зуб мамонта», – утверждал он.

Но Тишка, постояв немного, исчезает. Видимо, он решил, что на двух нападать небезопасно. Зачем рисковать, когда можно отлупить Гешку наверняка: завтра, послезавтра, в любой день.

– Что это за Квакин? – спрашивает Лёня.

– А, есть тут один воображала, – пренебрежительно махнув рукой, отвечает Геша. – Дал я ему однажды перцу, так теперь он меня, как огня боится. Увидит – и сразу тикать... Пошли скорей, – торопит он, с опаской оглядываясь. Кто его знает, этого Тишку. Ещё может вернуться.

Они спускаются по ступенькам вниз. Вот и дверь. Она открывается с неприятным скрипом.

В подвале темно и сыро. Пахнет сосной, кислой капустой и плесенью.

Лёня распахивает дверь подвала настежь. Геша закладывает под дверь конец верёвки и прижимает его кирпичом.

Ребята медленно, затаив дыхание, идут по узкому длинному проходу. По обеим сторонам сарайчики жильцов. Луч карманного фонарика прыгает с одного сарайчика на другой, выхватывая из темноты надписи, сделанные мелом: «Кв. 3», «Кв. 5», «Кв. 7».

Ребятам нужен сарайчик с надписью «Кв. 11». Они находят его в боковом проходе. Лёня на секунду выключает фона-

рик и всё тонет в полной тьме. Отсюда не видно даже открытой двери подвала.

Повозившись с ключом, Геша снимает замок. Они заходят в сарайчик.

Аккуратно сложенная поленница дров... Кадка с капустой... Сломанный пылесос, при виде которого Геша испытывает некоторую неловкость: здесь не обошлось без него.

Где же сундучок дяди Пети?

– Вот он, – шепчет Геша и показывает за поленницу.

Лёня подходит поближе. Действительно, сундучок. И – какое счастье! – он не заперт. Лёня берётся за верхнюю крышку.

– Осторожно, – шипит Геша. – Адская машина!

Но поздно. Лёня уже откинул крышку.

– Никакой тут машины нет, – разочарованно произносит он. – Одни тетради...

Гешу не так легко провести. Он склоняется над сундуком:

– Знаем мы! «Тетради!..» А под тетрадями что? Об этом ты подумал? Свети сюда.

Он начинает выкладывать тетради из сундучка. Уже целая кипа выложена, а машины всё нет.

И вот последняя тетрадка ложится на землю. Сундучок пуст!

– Ну что? – спрашивает Лёня. – Где твоя машина?

Геша не отвечает. Он шарит по днищу сундучка, стучит за чем-то по нему пальцами, даже обнюхивает

– Всё ясно, – наконец, говорит он. – Двойное дно. Эх, жаль, нет у меня с собой подходящего инструмента.

Тут Лёня выходит из себя:

– Какое двойное дно? Что ты треплешься?

Он опрокидывает пустой сундучок и просовывает в него фонарик. Сквозь щели в дне сундучка на потолок ложатся полосы света.

– Значит, я ошибся, – самокритично признаётся Геша. – Адскую машину дядя Петя в другом месте спрятал... Что ж, и бумажки пригодятся. – Он вырывает лист у тетради и засовывает в карман.

– А бумага зачем? – удивляется Лёня.

Геша внутренне торжествует. Ага! Совсем как доктор Ватсон. Тот тоже всему удивлялся, обо всем расспрашивал.

– По почерку я определю характер. Понимаешь? Весёлый человек или скучный, ну и разное другое. Это я по буквам узнаю, как они написаны: криво или прямо, жирно или чуть нацарапаны. Каждая буква что-нибудь говорит.

– Каждая буква? А если у «и» палки в разные стороны, это что значит?

Великий сыщик Шерлок Холмс по почерку мгновенно определял характер. А как это делать, в книжке почему-то не говорилось. Но если сейчас промолчать, то Лёнька подумает, что он соврал.

И Геша произносит поучающим тоном:

– Не знаешь? Если у «и» палки в разные стороны торчат – значит, кто писал, тот хвастун. Понятно?

Тут Лёнька неожиданно начинает смеяться. Сначала тихонько, потом всё громче и громче:

– Ха-ха-ха! Ох, не могу! А ты забыл, что Елена Дмитриевна тебе сказала? Что у твоих «и» палки в разные стороны, как у плохого лыжника? Значит, ты хвастун! Сам сказал. Ха-ха-ха!

Лёня плюхается на сундучок и смеётся, взмахивая руками. Электрический луч, как солнечный зайчик, прыгает по стенам.

И вдруг сразу становится темно. Лёнька перестаёт смеяться.

– Геш, а Геш! – виновато произносит он. – Я... я ударил рукой по полену и выронил фонарик...

Они долго шарят в темноте по полу, но ничего не находят, кроме щепок и камешков.

– Есть! – говорит Лёня. – Нет, не фонарик... Что-то другое. Маленькое, вроде цилиндрика...

– Клади в карман, – советует Геша. – Как выйдем, рассмотрим. Наверно, что-нибудь важное.

Но вот Геша нащупал фонарик. Он не зажигается.

– Что теперь делать? – спрашивает Лёня упавшим голосом.

– Вот, заныл уже...

По совести говоря, Геше самому тоже невесело. Страшно здесь в темноте. Хорошо, что он догадался взять с собой верёвку. Теперь на неё вся надежда.

– Держись за меня, – говорит он Лёне.

Ребята выходят из сарайчика. Геша ощупью запирает замок и движется к выходу, перебирая рукой верёвку. Вот поворот. Впереди мелькает светлый четырехугольник. Выход из подвала!

И вдруг четырехугольник исчезает. Кто-то захлопнул дверь.

– Откройте, откройте! – кричит Геша. Он бросается вперёд и толкает дверь обеими руками. Но она не открывается...

...Геша и Лёня сидят рядышком на ступеньках у закрытого выхода из подвала. Им очень холодно и очень страшно. Кто закрыл дверь? Наверное, дядя Петя. Он поймал их в ловушку.

И тут из глубины погреба доносится тихий свист. У ребят кровь стынет в жилах от страха. Они ещё теснее прижимаются друг к другу.

– Г... где... т... твой... пи... пистолет? – с трудом выговаривает Геша. У него начинают щёлкать зубы.

Лёня не успевает ответить. Свист становится громче. И вдруг раздаётся глухой голос:

– Крышка вам будет шичаш...

Геша вскакивает на ноги:

– Тишка!

Теперь всё ясно. Тишка видел, как они спускались в подвал. Подкрался, закрыл дверь подвала, подпёр её палкой. Затем обошел вокруг дома и стал свистеть у заложённого кирпичами подвального оконца.

Геша начинает колотить ногами в дверь. К нему присоединяется и Лёня.

– Бум! Бум! – это Гешины валенки.

– Бац! Бац! Бац! – это Лёнины ботинки.

Долго стучать не приходится.

– Тихо! – слышится за дверью надтреснутый старческий голос. – Кто там разбушевался?

Это дворник – дедушка Егор. Геша его побаивается и не-

долюбливает, – почему он все время ворчит? Но теперь Геша готов броситься ему на шею.

Однако дедушка Егор вовсе не склонен разделять Гешин восторг.

– Что за новости? – грозно спрашивает он, и его длинные седые усы сердито топорщатся. – Что за порядок такой по подвалу лазить?.. Курили тут, небось. Дом подпалить хотите?

Он шумно тянет носом. Но запаха табака не слышно.

– А ну, дыхни! – требует он у Геши, который стоит поближе.

Геша с готовностью выполняет приказ. Он некурящий. Однажды, правда, курил – когда мама с папой ушли в кино и его с собой не взяли. Он злился, а потом решил отомстить. Нашёл окурок, долго разжигал его. Поперхнулся дымом, закашлялся, но героически продолжал тянуть... Когда мама с папой вернулись, они нашли Гешу одетым на кровати. Он лежал испуганный, зелёный и жалобно стонал... С той поры он бросил курить.

Не обнаружив следов преступления, дедушка Егор смягчается.

– Выходите, шпингалеты... Стало быть, вас тот шепелявый балбес запер. Вертелся тут все время... Я тебе дам! – Дедушка Егор грозит кулаком Тишке, высунувшемуся на секунду из подъезда. Тишка моментально исчезает. – Пойду к ихнему папаше, пожалуй, – решает он. – Проходу не стало от озорника.

Дворник, прихрамывая, решительно направляется к подъезду. Будет сегодня Тишке баня. У него папа строгий-престрогий.

– Ну-ка покажи, что ты там нашёл, – предлагает Геша. – Скорее, скорее, – торопит он.

Лёня вытаскивает из кармана небольшую коричневую целлулоидную коробочку.

– Фотоплёнка! – восклицает Геша. – Дяди Пети фотоплёнка. Вот, оказывается, что он в подвале прятал... Что ты делаешь? Не открывай! Плёнку засветишь! – Он вырывает коробочку из Лениных рук. – Её надо проявить.

– А ты умеешь?

– Нет... Папа умеет, а я ещё нет... Знаешь что, – приходит Геше в голову. – Иди сейчас к Максимке Кочетову. Он фотогра-

фией занимается. Староста фотокружка. Попроси, пусть проявит. А завтра в школе мне отдашь...

– А ты чего к Максимке не пойдёшь?

– Нельзя. Мама и так сердится, что уроки не делаю... Но смотри, Лёнька, если ты Максимке хоть одним словом проболтаешься...

– Что я, маленький!.. Не веришь? Хочешь, поклянусь?..

Зайдя в подъезд, Геша слышит истошные вопли. Они становятся ещё громче, когда он проходит мимо двери Тишкиной квартиры. Кто-то орёт благим матом, а сердитый мужской голос спрашивает:

– Будешь?.. Будешь?.. Будешь?..

И в промежутках раздаются звуки, похожие на аплодисменты.

Геша взбегает наверх. На лице у него довольная улыбка, хотя в принципе он ярый противник телесных наказаний.

И всё-таки Тишку немножечко жаль – ведь его книгу мама спрятала. И Геша решает: надо отдать ему монету с лошадкой и короной. Это будет по справедливости.

Ссора

Геша несётся по улице, яростно размахивая портфелем. Собственно, спешить незачем. Ещё только восемь утра. Но Геша изнемогает от любопытства: что заснято на плёнке? Надо было вчера самому пойти к Максимке Кочетову. Разве можно доверять Лёньке такое важное дело? Лёнька известный разиня. Ещё и плёнку потеряет.

Геша бежит, обгоняя прохожих. Скорей, скорей!

Впереди идёт низенький, сгорбленный старичок с палкой в руке. Геша пытается обойти его, но неожиданно отступает и, потеряв равновесие, толкает старичка плечом.

– Извините, – бросает он на ходу, и тут же замечает, что у старичка чёрные очки. Слепой. Как же он улицу перейдёт?

– Можно, я вас проведу через дорогу? – предлагает он.

Старичок энергично мотает головой:

– Не надо, внучек. Я сам пройду.

Как же так? На перекрёстке то и дело снуют «Победы», «Москвичи», автобусы. Ведь могут переехать.

Светофор показывает зелёный цвет. Геша сходит с тротуара сразу же вслед за старичком. Не пустит он его одного. Всё равно пойдёт за ним. Но старичок идёт себе потихоньку, постукивая палочкой по мостовой. Геша следует сзади и с тревогой смотрит по сторонам. Нет, ничего! Вот уже тротуар...

Геша с облегчением вздыхает. Как же все-таки слепые так здорово умеют ходить? Он однажды на спор попробовал идти, зажмурив глаза. Это было в школе, на большой перемене. Сделал несколько шагов, споткнулся и ударился головой о стенку. Ребята смеялись, а ему было так больно, что хотелось плакать. И заплакал бы, если бы не подошли девчонки. Ну, а при них плакать никак нельзя...

Придя в пустую, тихую школу, Геша начинает жалеть, что так рано встал. Всё равно Лёньки нет. Он придёт на урок как всегда – тютелька в тютельку. «На полшага раньше учителя», – шутят ребята. Однажды, правда, был случай, когда Лёня прибежал в школу за час до начала уроков. Когда об этом узнала Елена Дмитриевна, она сказала, что, должно быть, случилось чудо. Но потом выяснилось, что никакого чуда не было. Просто у Лёни дома испортились часы, и он думал, что скоро девять.

Но сейчас, наверно, чудо всё-таки произошло. Когда Геша заходит в класс, то видит там Лёню. Тот стоит у доски и что-то чертит мелом. Даже не поздоровавшись, Геша бросается к нему:

– Проявил плёнку?

– Геша, ты вправду не знаешь, что на ней?

– Вот чудак! Откуда мне знать? – удивляется Геша. – Ведь я плёнку тебе отдал.

Лёня улыбается во весь рот:

– Тогда я тебя обрадую, товарищ Шерлок Холмс. – Порывшись в портфеле, он достаёт катушку. – Вот, смотри. Тут все сообщники дяди Пети... Ну и рожи! В особенности у одного...

Лёня разворачивает плёнку и показывает Геше кадр. Действительно, тип! Чёрный-пречёрный, словно трубочист.

– Да это же негатив, – догадывается Геша.

– А вот и карточка, – Лёня подсовывает ему кусок плотной бумаги. – На, смотри.

Взъерошенные волосы. Уши, как крылья, разлетелись в разные стороны. На носу разбрызганы веснушки... Что это? Геша видит на фотокарточке... самого себя.

– Хорош сообщник у дяди Пети? – хохочет Лёня, подпрыгивая от смеха и похлопывая себя по коленкам. – А вот тебе и другие карточки.

Он выкладывает целый ворох фотографий. Геша, Ирочка. Геша вместе с Ирочкой. Мама с Ирочкой и Гешей. Снова Геша...

Что случилось? Геша ничего не поймёт. Как они все оказались на плёнке дяди Пети? И Ирочка, и мама, и он...

Так вот что! Это ведь пропавшая фотоплёнка, которую папа заснял ещё до переезда на новую квартиру и потом никак не мог найти. А она, оказывается, попала в подвал.

И чего Лёнька так развеселился? Что здесь смешного? Наоборот, ничего смешного нет. Он думал, что дядя Петя уже разоблачён, а оказывается – нет, не разоблачён. Всё надо начинать сначала. Разве это смешно? Пустосмешка Лёнька, а не доктор Ватсон.

– Брось смеяться! – сердится Геша. – Давай лучше думать, как дальше быть.

– А я дальше не хочу. Опять в подвале адскую машину искать?.. Выдумки всё это, – выпаливает Лёня. – Вот пойду сегодня и запишусь в радиокружок.

– Ну и иди!

– Ну и пойду!

– Иди!

– Пойду!

Ребята становятся в боевую позу: плечо против плеча, нос против носа. Сейчас сцепятся. Но, к счастью, в класс вваливаются гурьбой другие ученики...

До конца уроков Лёня и Геша стараются не смотреть друг на друга, хотя и сидят за одной партой.

У Лёни сердце отходчивей. После уроков он первый подходит к Геше и миролюбиво предлагает:

– Давай, Геша, пойдём на кружок. Там ребята интересную штуку строят: корабль, который по радио управляется... А это... с Шерлоком Холмсом – бросим. Не интересно уже...

– Не интересно? А адская машина? Ты ведь сам слышал, как он передавал.

– Ну, слышал... Так мы, наверно, что-нибудь напутали. Нет, Геша, ерунда все это.

– Сам ты ерунда! – с обидой в голосе выкрикивает Геша и выбегает из класса.

Лёне становится жалко его. Наверно, Геше самому уже теперь не интересно. Но ведь он упрямый. Ни за что не признается...

В три часа дня Лёня просовывает голову в дверь кабинета физики, где идёт занятие радиокружка.

– Можно мне? – робко спрашивает он.

– Заходи... Смелее, смелее...

Лёня заходит в кабинет и столбенеет от изумления...

«Последнему из племени шерлокхолмсов»

Дома никого нет. Мама с Ирочкой ушли к соседке тёте Глаше на консультацию. В детском саду будет новогодний бал, и Ирочке шьют балеринное платье. Папа ещё на работе, а дядю Петю Геша не видит уже второй день. И хорошо, что не видит. Неловко как-то Геше встречаться с ним. Шерлоку Холмсу хорошо было. Он со своими преступниками в одной квартире не жил. А тут попробуй, следи за дядей Петей, когда он такой весёлый и всегда улыбается.

И, наверно, никакой он не таинственный человек.

Правильно говорит Лёнька – выдумки всё это. И уже не интересно стало. Но всё равно надо продолжать. Уж теперь-то, после ссоры, отступать никак нельзя. Назло Лёньке! И пусть это выдумки, всё равно он докажет...

Что докажет? Ничего он не докажет...

Ребята в кружке строят корабль. И управлять им будут по радио. Как это по радио? Наверно, пустят корабль в ванну. А в другой комнате будет радиопередатчик, что кораблю при-

кажут по радио, то он и сделает. Скажут повернуть налево – он и повернёт. Скажут направо – и он направо. Здорово!

Здорово-то здорово, но он-то здесь причём?.. Ну и пусть! Подумаешь, игрушек он не видел...

Геша ходит по комнате злой, как кот Васька, когда его таскают за хвост. Что делать? Разве грибов маринованных покушать с досады... Геша берётся за знакомую банку. Там уже почти ничего не осталось. Лишь две грибных ножки сиротливо плавают в бесцветном соусе. Геша вылавливает ножку и отправляет в рот. Но тут же, брезгливо морщась, выплёвывает её обратно. Фу, гадость! Совсем пресная, насквозь водой пропиталась.

В передней хлопает дверь. Дядя Петя пришёл... И с ним ещё кто-то. Ходят по комнате, смеются.

Вскоре в комнате дяди Пети начинает говорить радио. Оно запущено на полную мощность. Геша слышит страшный писк, треск, грохот. И вдруг раздаются слова:

– «Волна – 3»... «Волна – 3»... Это я, Пётр. Это я, Пётр, Как слышите? Приём.

Дядя Петя говорит по радио. Почему так громко? Вероятно, он думает, что никого нет дома.

– «Волна – 3»... «Волна – 3», – продолжает дядя Петя. – Меня кто-то обнаружил. Круг сжимается. Чувствую большую опасность. Адскую машину держать у себя больше не могу. Поставил её в кладовую на верхнюю полку... Как слышите? Прием.

У Гешы пересыхают губы от волнения. Становится жарко. Значит, всё-таки он прав! Значит, адская машина существует. Она здесь, рядом, в кладовой.

Слушать дальше ему не удаётся – вернулась мама с Ирочкой. Зато теперь он не один. Можно действовать смелее.

Геша подходит к кладовой и осторожно приоткрывает дверь. Так и есть! На верхней полке лежит чемоданчик. Адская машина!

– Тик-так! Тик-так, – раздаётся в тишине.

Геша бледнеет. «Тик-так!». Это значит, что механизм адской машины заведён. Ещё несколько минут – и дом взлетит на воздух.

Он бросается в комнату.

– Мама! Мамочка! Скорей! Скорей! В кладовой адская машина!

Мама смотрит на Гешу таким взглядом, словно хочет сказать: с ума сошёл! Но она ничего не говорит. Идёт к кладовой и снимает с полки чемодан.

– Осторожно, мамочка!

Геша отпрыгивает в сторону и закрывает лицо руками. Но взрыва нет. Круглыми от страха глазами Геша решается, наконец, посмотреть на чемодан. Он пуст – один лишь будильник лежит. Это он и тикал, так напугав Гешу.

– Вот, возьми. В чемодане было, – говорит мама и подаёт Геше белый конверт с надписью: «Геше, последнему из племени шерлокхолмсов».

Геша поспешно вытаскивает письмо и читает:

«О, великий разгадыватель тайн!

У тебя глаза зорче, чем у степного орла. Ты сумел в тёмной прихожей разглядеть пистолет в моей руке.

Но увы! Это был не пистолет, а карманный фонарик.

У тебя уши чутче, чем у зайца. Ты услышал слова, которые я выстукивал на ключе для тренировки.

Но ты плохо знаешь азбуку Морзе. Точка – это не «а», а «е». «Айская ма» – это не адская машина, а ейская махорка.

У тебя догадка остра, как бритва. Ты сразу догадался, что дом на Партизанской – таинственный дом и что живут там мои сообщники.

Но ты чуть-чуть ошибся. В этом доме живёт не преступник, а главный конструктор нашего завода. Он заболел, и я приходил к нему по делу.

У тебя нюх тоньше, чем у гончей. Ты учуял, что я спрятал в подвале адскую машину. Но вот беда – ты её не нашёл. Лишь разбросал по всему сарайчику мои тетради (кстати, тебе придётся собрать их снова).

Зато ты обнаружил адскую машину сейчас. Ну, как она тебе нравится?

Твой таинственный сосед, владелец адской машины

Д. П.»

Геша ошеломлён. Откуда дядя Петя всё знает?

– Что там написано? – улыбаясь, спрашивает мама.

– Так, ничего, – еле выговаривает Геша и бежит в спальню.

Здесь он забивается в угол между гардеробом и стеной и даёт волю слезам. И чего он только плачет? Наверно, сам не поймет. Обидно ему, конечно, что впросак попал. Но что поделаешь – сам ведь виноват!

Дверь тихонько открывается. Это... дядя Петя.

– Геша, где ты?

Геша молчит. Но дядя Петя уже заметил его.

– Что, обиделся? Вот это зря. Я ведь пошутил... Ну, пошли ко мне, я тебе кое-что покажу.

Широкая тёплая ладонь ложится Геше на шею и легонько подталкивает вперёд. Геша чуть-чуть сопротивляется для приличия, но всё же идёт. Ещё бы – в комнату дяди Пети!

Ну и комната! Сколько здесь всяких аппаратов! Вот самодельный телевизор. Большущий приёмник – таких Геша ещё не видел. А это, на отдельном столике? Наверно, радиопередатчик. Дядя Петя садится возле него, надевает наушники...

–Геша!

Геша быстро оборачивается. За ним стоит... Лёнька.

– Как ты сюда попал? – удивляется Геша.

– А я с дядей Петей пришёл, – говорит Лёня, улыбаясь во весь рот. – Никакой он не враг вовсе, а самый обыкновенный человек. То-есть не самый обыкновенный, а руководитель нашего кружка. Он на радиозаводе работает, конструктором. На войне был – радист первого класса. А теперь радиолобитель. Вот!.. Сегодня я пошёл на кружок и вдруг вижу – он! И он меня тоже узнал. Оказывается, видел, когда я в окошко смотрел. И про погреб знает – ему дворник говорил. Ну и спросил меня, зачем мы это всё делаем. Я рассказал. Вот он хохотал, вот хохотал!.. А потом позвал к себе домой, и мы с ним тебе письмо написали... Здорово, а?

Геша стоит, растерянный, и не знает, что делать... Сердиться? Вроде бы не за что... Смеяться? Над самим собой, да?..

– Эх ты, ещё друг называется, – не совсем уверенно начинает он.

– Тихо! – вдруг говорит дядя Петя. Он сидит с сосредоточенным лицом у радиопередатчика и вслушивается в позывные. Затем берётся за ключ и начинает выбивать чёткую дробь:

– Тук-тук... тук-тук-тук...

Закончив передачу, дядя Петя снимает наушники и весело потирает руки.

– Ну, шерлокхолмсы, угадайте-ка, с кем я сейчас разговаривал?

– С Москвой! – в один голос восторженно кричат ребята.

– Не угадали...

Дядя Петя склоняется над радиоловительским журналом и пишет:

«29 декабря... в 20 часов 37 минут установил двухстороннюю связь с дрейфующей станцией «Северный полюс-5»...

Северный полюс...

Перед ребятами на секунду встают бескрайние снежные просторы далёкой Арктики... Вот стоянка смелых советских полярников. У радиопередатчика склонился человек в меховой куртке... Он очень далеко отсюда – за многие тысячи километров. Но дядя Петя говорил с ним сейчас. Вот отсюда, из этой комнаты! На их глазах!

Геша и Лёня переглядываются. Они без слов понимают друг друга. Решено! Они будут радистами. Да, да, только радистами, как дядя Петя.

Разве есть на свете что-нибудь еще интереснее, а?

Рекомендуем почитать

Квин, Л. И. Экспресс следует в Будапешт : приключ. повесть / [худож. В. Заборский]. – Барнаул : Алт. кн. изд-во, 1955. – 168 с. : ил.

Квин, Л. И. Мальчишечьи тайны : рассказы / худож. Р. Овилян. – Барнаул : Алт. кн. изд-во, 1956. – 128 с.

Квин, Л. И. Тени исчезают на рассвете : повесть / рис.

А. Дерявского. – Барнаул : Алт. кн. изд-во, 1957. – 148 с. : ил.

Квин, Л. И. Палатки в степи : рассказы / худож. М. Терещенко. – Барнаул : Алт. кн. изд-во, 1958. – 122 с., [2] л. ил. : ил.

Квин, Л. И. Озорники : веселые рассказы о мальчишках / [худож. М. Терещенко]. – Барнаул : Алт. кн. изд-во, 1959. – 89 с. : ил.

Квин, Л. И. Дружья идут в ногу : рассказы / [худож. С. Карпов]. – Барнаул : Алт. кн. изд-во, 1960. – 114 с.

Квин, Л. И. В те дни / [худож. В. П. Коняшев]. – Новосибирск : Новосиб. кн. изд-во, 1961. – 132 с.

Квин, Л. И. Привет, Иошка! : рассказы о ребятах соврем. Венгрии / [худож. С. Калачев]. – Новосибирск : Новосиб. кн. изд-во, 1962. – 95 с. : ил.

Квин, Л. И. Что принесет утро? : повесть / рис. В. Богаткина. – Москва : Дет. лит., 1962. – 272 с. : ил.

Квин, Л. И. Город не спит : повесть / [худож. А. Дерявский]. – Барнаул : Алт. кн. изд-во, 1963. – 523 с. : ил.

Квин, Л. И. Звезды чужой стороны : роман / [худож. : И. Цесюлевич, Л. Цесюлевич]. – Барнаул : Алт. кн. изд-во, 1964. – 315, [1] с. : ил.

Квин, Л. И. + 35°. Приключения двух друзей в жаркой степи : повесть / [худож. Э. С. Гороховский]. – Новосибирск : Зап-сиб. кн. изд-во, 1965. – 168 с. : ил.

Квин, Л. И. Побег Сани Петушкова : веселые рассказы о мальчишках / [худож. Д. Стапренс]. – Барнаул : Алт. кн. изд-во, 1965. – 162 с. : ил.

Квин, Л. И. Семьдесят неизвестных : рассказы / рис. П. Павлинова. – Москва : Дет. лит., 1965. – 159 с. : ил.

Квин, Л. И. Незадача с задачей : рассказы / рис. Э. И. Галкиной. – Москва : Дет. лит., 1966. – 63 с. : ил.

Квин, Л. И. Сколько осталось до звонка? : повесть и рассказы / [худож. В. Туманов]. – Барнаул : Алт. кн. изд-во, 1967. – 222 с. : ил. – Содерж.: Мы, которые оболтусы : повесть ; После звонка : рассказы.

Квин, Л. И. Икс, Игрек, Зет : повесть о делах мальчишек, веселых и разных / худож. Ю. Капустин. – Барнаул : Алт. кн. изд-во, 1968. – 151 с. : ил.

Квин, Л. И. Мы, которые оболтусы... : повести / [худож. Л. А. Серков]. – Новосибирск : Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1969. – 285, [2] с. : ил.

Квин, Л. И. Толя плюс Катя : повесть и рассказы / худож. Т. Ашкинази. – Барнаул : Алт. кн. изд-во, 1970. – 241, [2] с. : ил. – Содерж.: +35. Приключения двух друзей в жаркой степи : повесть ; Любовь, любовь : рассказы.

Квин, Л. И. Было – не было : совершенно невероятная история, происшедшая с двумя закадычными друзьями не в далекие сказочные времена, а в наши дни и достоверно записанная с их собственных слов Львом Квином : повесть / худож. Б. Храбрых. – Барнаул : Алт. кн. изд-во, 1974. – 104 с. : ил.

Квин, Л. И. ...Начинают и проигрывают : повесть / [худож. Г. Бурков]. – 2-е изд., испр. и доп. – Барнаул : Алт. кн. изд-во, 1975. – 263 с.

Квин, Л. И. Высоко в синем небе : пьесы / [худож. Н. Смирнов]. – Барнаул : Алт. кн. изд-во, 1976. – 224 с. : ил.

Квин, Л. И. Три жизни Николая Струкова : док. повесть / фото Е. Шлея ; цв. фото Н. Калинина ; оформл. Б. Шляпугина. – Москва : Дет. лит., 1977. – 127 с. : фот. – (Герои нашего времени).

Квин, Л. И. Горький дым костров : док. повести / [худож. Г. Бурков]. – Барнаул : Алт. кн. изд-во, 1978. – 246 с.

Квин, Л. И. Везет же людям! : повести / [худож. Б. Храбрых]. – Барнаул : Алт. кн. изд-во, 1979. – 344 с. : ил.

Квин, Л. И. Ржавый капкан на зеленом поле : роман, повести / [худож. Н. Фролов] . – Переизд. – Барнаул : Алт. кн. изд-во, 1982. – 646 с. – Содерж.: Ржавый капкан на зеленом поле : роман ; ...Начинают и проигрывают : повесть; Горький дым костров : докум. повесть.

Квин, Л. И. До шестнадцати... : рассказы / [худож. А. Толмачев]. – Барнаул : Алт. кн. изд-во, 1984. – 127 с. : ил.

Квин, Л. И. Звезды чужой стороны : роман / [худож. А. Курдюмов]. – Переизд. – Барнаул : Алт. кн. изд-во, 1985. – 287 с.

Квин, Л. И. Характеры и судьбы : докум. повести о людях Алтая / [худож. В. И. Еврасов]. – Барнаул : Алт. кн. изд-во, 1988.

– 462, [2] с. : ил.

Квин, Л. И. Кругом шпионы ! : пять веселых пьес для ребят / худож. А. Емельянов. – Барнаул : Алт. кн. изд-во, 1990. – 333 с.

Квин, Л. И. Избранное : романы и рассказы / послесл. Ю. Мосткова ; худож. А. Курдюмов. – Барнаул : Алт. кн. изд-во , 1992. – 600 с. : портр. – Содерж.: Звезды чужой стороны ; Ржавый капкан на зеленом поле : романы ; Любовь, любовь... : из рассказов о мальчишках.

Квин, Л. И. Живы будем – не помрем!.. / вступ. ст. В. А. Возчикова. – Бийск : НИЦ БиГПИ, 1995. – 95 с. : портр. – (50-летию народного подвига. 1941–1945). – Содерж. : Начинают и проигрывают : фрагм. из повести ; Что было, то было : из новой книги рассказов.

Квин, Л. И. Улица королевы Вильгельмины : повесть о странностях времени / [худож. А. Емельянов]. – Барнаул : Полиграфист, 1996. – 352 с. : ил.

Колесникова

Галина Дмитриевна

(р. 15.12.1951)

Родилась в с. Мормыши Романовского района Алтайского края в семье сельских учителей. В 1986 г. окончила Барнаульское культпросветучилище.

С 1970 г. живёт в Барнауле. Работала на заводе «Кристалл», заместителем ответственного секретаря краевой писательской организации, ответственным секретарём краевой писательской организации, секретарём Правления Союза писателей России, была депутатом Индустриального райсовета г. Барнаула.

Публиковалась на страницах журналов «Алтай», «Наш современник», «Волга. XXI век», «День и ночь» и др.

В 1997 г. создала и возглавила поэтический клуб «Литературное кафе» при городском молодежном центре.

Лауреат премии альманаха «Алтай» и Алтайского книжного издательства (1992), литературной премии имени В. Бианки (2001), краевой премии «Лучшая книга года» (2004), литературной премии «Золотая нива Алтая» (2006), Всероссийской литературной премии имени Д.Н. Мамина-Сибиряка (2009).

Награждена медалью «100-летие со дня рождения М.А. Шолохова» (2005).

Член Союза писателей России с 1994 г.

КРАДЕННЫЙ РУБЛЬ

Что можно сейчас купить на рубль? Даже и на ум не приходит. А когда-то (мне было лет шесть или семь) на обычный бумажный рубль можно было купить почти килограмм моих любимых шоколадных конфет «Кавказских» без обёртки. Я до сих пор помню этот удивительный вкус! Вкус детства...

Эта история произошла в августе, перед началом нового учебного года. Мои родители уехали в райцентр села Романово на учительскую конференцию. Дом, как всегда без родителей, – осиротел. Особенно я скучала без мамы.

Чтобы разогнать тоску-печаль я вышла на улицу. День тоже был какой-то серый и скучный. Ноги понесли меня к магазину, там всегда было многолюдно и интересно.

Ещё не подойдя к магазину, я поняла, что привезли что-то – очень нужное: люди толпились на крыльце и даже возле него. Я припустила бегом. Навстречу мне с выпученными глазами бежал мой сосед Сашка: «В магазин конфеты привезли, «Кавказские» – мамке скажу, я уже очередь занял». Мои ноги вросли в землю, туловище по инерции качнулось вперёд, но я его «уравновесила».

Мысли в голове, словно в догоняшки играли: «Родителей дома нет. А конфеты – есть, где взять денег»? Я метнулась до-

мой. На этажерке денег нет, на трюмо тоже, но где-то же они должны быть. Раньше они мне были не нужны, и я даже не задумывалась над тем, где у нас лежат деньги: «Куда же их могли положить? Как куда, естественно в карманы деньги кладут».

Дверца шифоньера испуганно вскрикнула, и взгляд мой наткнулся на мамин серый пиджак. Рука рыбкой скользнула в карман, и сразу же наткнулась на шуршащие бумажки.

Пять рублей рублями. «Много, без разрешения не возьму, всего один рублик. Если бы мама была дома, разве бы она не дала мне денег на мои любимые конфеты? Обязательно бы дала», – успокаивала я саму себя. Но ноги уже вынесли меня за калитку, и я забыла про свои сомнения и страхи.

Сашка «поделится» со мной очередью. Красивая и добрая продавщица отвесила мне конфет на целый рубль!

Кулёк был тяжёлый, аромат кружил мне голову. Я достала из кулёка конфетку и засунула её в рот. Ах, каким изумительным был этот вкус, этот день! Как мне повезло, что я нашла деньги. Что соседский Санька разрешил мне встать в очередь впереди него, и мне хватило конфет, которые так быстро раскупались в нашей деревне.

Солнце в небе словно подмигивало мне, ноги несли меня по улице вприпрыжку, руки прижимали к груди заветный кулёк. Какой замечательный этот день! И праздника нет, а как будто праздник случился. На лавочке возле своего дома сидела бабушка Варя с какой-то незнакомой тётенькой.

«Куда, стрекоза, летишь? – ласково спросила тётя Варя. «Конфет вот купила, – важно ответила я. – Угощайтесь! Вкусные! Кавказские. У меня их много».

Ах, как я любила угощать! Праздник в душе нарастал. На пути мне встретилась баба Нина и тётя Вера, бабушка Захариха и баба Курилка. Потом Томка и Вовка, и пока я дошла до дома, в кулёке осталась только одна конфетка. Я её откусывала маленькими-маленькими кусочками, они

таяли во рту и наполняли меня таким шоколадным блаженством.

У крыльца я словно опомнилась: «Что же я наделала? Ни своей бабе Насте, ни братьям Юре и Андрею, ни маме, ни папе... Конфет-то никому не оставила». Страх и стыд росли и росли в моей груди.

Что же делать? Мама спросит, куда я девала деньги, что я отвечу? Ноги сами принесли меня к шифоньеру, я вытащила из кармана оставшиеся четыре рубля, развернула их веером и вставила в карман. Так может и не заметят? Денег как-будто больше. Вечер прожила, как во сне. Утром проснулась от громких голосов. Мама молча прошла мимо меня, и сразу – к шифоньеру, открыла дверцу, вынула из кармана мой «веер».

«Дети, идите сюда», – строго позвала мама. Мы с братьями выстроились в шеренгу.

«Кто из вас взял деньги?» – мама переводила взгляд с одного на другого. Я опустила глаза, иначе они сразу выдадут меня.

«Я не брал», – сказал старший брат.

«И я не брал», – ответил младший.

Я подняла на маму глаза и тихо прошептала:

«Это я взяла. На конфеты мои любимые, ты всё равно бы мне дала», – и слёзы градом покатались из моих глаз.

«Да, – твёрдо сказала мама, – конечно. Но ведь меня не было дома, а взять без разрешения – значит украсть! В нашей семье никогда не было воров. Значит, ты не наша девочка, не моя дочка. Уходи от нас».

Мама чуть не волоком вытащила меня, плачущую и упирающуюся, на крыльцо, и закрыла изнутри двери.

Я колотила деревяшку, отрезавшую от меня мою семью, ногами и руками. Потом в бессилии сползла на пол. Слёз уже не было, меня охватило отчаянье и страх. Я не знала, что делать, как жить теперь без родных моих бабушки, мамы, папы, братьев?

Не знаю, сколько я так сидела. Солнце напекло мне голову, я поднялась с крыльца, но идти было некуда. Ноги кружили и кружили вокруг дома, огорода, сарая... И опять принесли меня к крыльцу, за ним образовалась тень. Я легла на землю в теньке, свернулась калачиком. Ну и ладно. Вот умру здесь у крыльца, тогда будете знать.

Воображение рисовало, как меня везут по улице в машине, бросают цветы и плачут, а больше всех плачет мама. Боль и жалость смешались в груди. Дом качнулся, поплыл вместе с крылечком и куском земли на котором «умирала» я.

Проснулась я уже под вечер. Темнело. Ужас охватил меня. Что мне делать? Где жить? Как без мамы?

В желудке противно урчало и тошнотой подкатывало к горлу. Во рту пересохло. Я с утра не пила, не ела. Зачем я только родилась? Зачем привезли эти противные конфеты! Почему я взяла без спросу деньги? Не могли мои руки отсохнуть! Ну и пусть была бы безрукая. Зато не воровка. Зато в своей семье!

Куда идти? Кому нужна воровка? Но страх и голод заставили ноги идти. И мои «умные» ноги принесли меня к знакомой калитке. Руки нашли крючок, – Лёля управлялась во дворе. Слезы хлынули из глаз, как во время наводнения речная вода.

Заикаясь, давясь слезами, я произнесла: «Лёля, дай мне хоть корочку хлеба. Меня выгнали из дому. Я воровка».

Ведро выпало у неё из рук. Отирая их фартуком, Лёля чуть не бегом подбежала ко мне. Она прижала меня к груди и стала целовать моё лицо, мокрое от слёз. Затем крепко сжала мою руку в своей, и быстро зашагала к моему дому. Я едва поспевала за ней.

Наша калитка сочувственно скрипнула, Лёля подошла к кухонному окну и постучала. На крыльцо вышла мама.

Я кинулась к ней со всех ног, уцепилась за неё как клещ, уткнулась в подол платья. А Лёля говорила и говорила.

«Если бы это была не родная дочь, деревенские бабы

прибили бы тебя», – уже сквозь смех выговаривала она маме.

Мама ладонями приподняла моё лицо и, глядя мне в глаза, спросила: «Ты всё поняла, дочь?!» Я опустила глаза. Молча замотала головой, так, что она чудом не оторвалась.

И совсем тихо прошептала: «Да».

Мама прижала меня к себе, и я поняла, что никакие конфеты в мире никогда не заставят меня взять деньги без спросу.

Ела я так, как будто меня не кормили недели две.

А мама и Леля сидели за столом, подперев голову руками, и как-то странно смотрели на меня. И у обеих в глазах колыхалась неясная мне (до времени) тревога.

СОЛНЦЕ В ЛЮЛЬКЕ

Солнце было огромным и добрым. Я это точно помню: оно медленно, как будто лениво сползало куда-то за край села. Видимо, там у него мягкая постель: нужно обязательно посмотреть. Можно бы и на следующее утро отправиться к нему в гости, но завтра есть дело поважнее: нужно забрать из больницы маму вместе с этим смешным, краснолицым, с орущим ртом свёртком. Это – брат младший. Интересно, что он умеет?

...Бабушка налила в таз воды – нужно отпарить ноги, смазать цыпки и – спать. Скорее бы наступило это завтра. Свинцовые гири упали на веки. Мне снился брат. Синими, как июньское небо, глазами он смотрел на меня, и беззвучно, глазами же, мне говорил: «Я – младший. Ты моя защитница. Ты столько много знаешь и умеешь, – научи меня».

«Конечно», – закричала я во сне, и от этого же крика проснулась. Надо мной наклонилась бабушка: «Спи, ещё рано». Как это – спи?! Солнце-то моё уже встало и почему-то поднялось совсем с другого края деревни? Как оно незаметно обходит дом в середине улицы? Дом, где я живу. Нужно как можно скорее узнать, а то вдруг брат спросит, а я не знаю. «Ты же старшая, ты должна всё знать», – скажут мне его васильковые

глаза, и мне придётся краснеть, потеть и пыхтеть, потому что я страшно не люблю таких неловких ситуаций.

Я быстренько взялась за ремённые крепления люльки, в которой я, невзирая на попреки родных, до сих пор спала. «А уже ведь совсем невеста, скоро четыре года», – выговаривал мне отец. Я краснела, потела, пыхтела, но отнять у себя люльку – не позволяла! Нащупала ногой табуретку под ней: раз, два – и маленькая разбойница (то бишь я), уже на ногах.

Завтрак я буквально проглотила, присмотрела за бабушкой, которая связывала свёрток из маленьких рубашечек, пелёночек, чепчиков, любовно сшитых мамой, и всё это добро синей ленточкой. Если братик – синей, а была бы сестрёнка – розовой бы перевязали – пояснила мне бабушка. На месте не сиделось, босые ноги сами вынесли меня на улицу, прямо к солнцу. Оно смотрело на меня с укоризной, мол, что ж это ты так, подруга, припозднилась?

Я принялась с жаром рассказывать ему всё, что мне уже довелось увидеть и пережить. «Вот подожди немножко, – шептала я ему, – скоро мы вместе с братиком придём к тебе в гости. А сейчас прости, мне некогда».

У нашего дома вдруг загудела машина, и оглушительный гудок сорвал меня с места. Это же дядя Костя, это же за братиком! Машина была кирпичного цвета, чистенькая, сияющая, почти как солнышко на небе.

– Бабушка, бабушка! – заорала я не своим голосом.

И вот я в машине. Сиденья кожаные, прохладные, поскрипывающие. Дядя Костя смотрит на меня с понимающей улыбкой, а я... меня просто раздирало от гордости и счастья. На такой машине и за братом!!!

Мне казалось, что из каждого двора на меня смотрели односельчане, ребяташки – с завистью, а взрослые – с уважением, как же – я теперь не младшая, я уже большая.

Двери больницы распахнулись сразу, как только мы подъ-

ехали, как будто нас уже ждали. Я поднялась по высоким ступенькам и подала тётеньке в белом халате приготовленный бабушкой узелок. Вдруг откуда-то взялся мой отец – большой, красивый, серьёзный, в сером костюме. Он у нас директор школы, которая находится в одном дворе с больницей. Почему-то отец волнуется, я хитрая, сразу догадалась, руки у него, как и у меня, вспотели. И вот в дверном проёме показалась мама! Как я по ней скучала! Но ждала терпеливо, потому что она народила мне братика.

Мама улыбнулась нам (совсем как моё солнышко), и передала папе свёрток. Свёрток молчал. Интересно, он что, спать удумал? Неужели ему совсем не интересно посмотреть, какая у него замечательная, с чистыми ногами и смазанными цыпками, старшая сестра?!

Я села в машину рядом с дядей Костей, а мама с отцом и братишкой – на заднее сиденье. Но смотрела я не на дорогу, не на односельчан, ласковыми взглядами провожающих медленно ехавшую вдоль деревни машину со счастливым семейством. Я смотрела, не мигая, на свёрток, и мама, перехватив мой пристальный взгляд, откинула уголок свёртка, а оттуда на меня глянули синие-синие, но абсолютно бестолковые глаза, которые красовались среди белоснежных кружев, и которым не было никакого дела до сестры, сгорающей от нетерпения поделиться с ними всеми своими секретами и открытиями.

Дома свёрток развернули и уложили его на расшитую васьками подушку. Это было его место!

Когда же мама начала менять простынку и подушку в моей люльке, у меня противно засосало под ложечкой, но я не хотела верить гадкому предчувствию: всё, что угодно отдам, всем поделюсь, но люлька – это святое!

...Мама бережно уложила «захватчика» в мою постель и пошла обходить свои владения, а я ...нет, я просто не могла позволить тому, кого я так ждала, занять чужое место. Это

несправедливо! Ему и так столько внимания, столько любви! Я даже про солнышко забыла, а он!

Я решительно придвинула привычным жестом табуретку, отодвинула спеленатого братца, и заняла уже было своё законное место, как бац-бабац: гвоздь не выдержал двойного груза, люлька полетела на пол, брат переместился на середину, я – на него...

Вот тут-то я и услышала сирену! Он так громко вопил, что меня из люльки будто ветром выдуло! На меня налетела испуганная мама, на маму – бабушка, на бабушку – отец, а тут ещё и старший брат подрос из школы, я заметалась между ними. А им до меня не было никакого дела. Я шмыгнула в кладовую и забралась в полы отцовского тулупа...

Я долго, горько и беззвучно рыдала. Мне было жаль испуганную маму, раздавленного, наверное, совсем новенького брата, а больше всех – себя, такую никому не нужную, вечно попадающую во всякие истории девчонку. «Ну и ладно, – думала я. Вот умру здесь, в темноте тулупа, и даже не узнаю, где спит моё солнышко. Но и солнышку, наверное, до меня нет никакого дела, как и всем остальным. Оказывается, быть средней ещё хуже, чем младшей».

Меня нашли через два часа. Вся семья буквально сбилась с ног, разыскивая виновницу чрезвычайного происшествия. Мама прижимала меня к себе и шептала сквозь слёзы: «Глупенькая, моей любви хватит на всех, старшей быть, доченька, ох, как трудно. А хорошим человеком быть и того труднее. Ты люби его, своего братика, он скоро-скоро вырастет и станет твоим настоящим другом».

Я стала спать с бабушкой. Она рассказывала мне сказки, показывала забавных зверушек, которые рождались на стене из причудливых теней... Я полюбила синеглазого брата и по всей жизни пронесла свою виноватую к нему любовь. Но к солнышку в гости мы с ним так и не сходили. Всё как-то не хватало для этого времени.

В НОВОГОДНЮЮ НОЧЬ

Прошедший день скатился по стеклу
И в сумерках нечаянно растаял.
И разлилась, как масло, по столу
От месяца заплатка золотая.
И зашуршала тихо ель во мглу
О том, что одиноко ей и жарко...
А я сидела Золушкой в углу
И всё ждала чудесного подарка.

* * *

Моя златотканая осень
Тревог и рутины полна.
Вновь листья по саду разносит
И давит, звеня, тишина.
И горькой прохладой дышит
Вечернего ветра глоток.
И стих – синим крестиком вышит,
И гладью прощальной – листок.

Рекомендуем почитать

Колесникова, Г. Д. Дыхание любви : кн. лирики / [вступ. ст. Г. Панова, И. Пантюхова]. – Барнаул : ГИПП «Алтай», [1992]. – 52 с.

Колесникова, Г. Д. Безвременник : кн. лирики / [вступ. ст. И. Пантюхова]. – Барнаул : АО «Изд-во «Алтайская неделя», 1993. – 159 с. : портр.

Колесникова, Г. Д. Между двух миров : стихи / [вступ. ст. В. Свинцова]. – Барнаул : [б. и.], 1997. – 80 с.

Колесникова, Г. Д. Неокольцованное слово : стихи / [вступ. ст. М. Юдалевича]. – Барнаул : Алт. полигр. комбинат, 2000. – 47 с.

Колесникова, Г. Д. По зеленому – белое : стихи разных лет / [вступ. ст. И. Пантюхова]. – Барнаул : Алт. полигр. комбинат, 2001. – 101 с. : портр.

Колесникова, Г. Д. Пятое время года : стихи / [вступ. ст. Е. Безруковой]. – Барнаул : Алт. полигр. комбинат, 2003. – 59 с.

Колесникова, Г. Д. Ореховый спас : избр. стихотворения / [вступ. ст. А. Зуева]. – Барнаул, 2004. – 191 с.

Колесникова, Г. Д. Горький мед : стихи. – Барнаул : Алт. дом печати, 2006. – 47 с. : портр.

Колесникова, Г. Д. Музыка друг о друге : стихи разных лет / [предисл. И. Мордовина]. – Барнаул : А.Р.Т., 2008. – 85, [1] с. : ил. – (Городская библиотека ; вып. 19).

Колесникова, Г. Д. Небо в конверте : стихи / [предисл. В. Коржова]. – Барнаул : [б. и.], 2016 (Спектр). – 75 с.

Колпакова

Ольга Валерьевна

(р. 27.01.1972)

Родилась в с. Усть-Пустынка Краснощёковского района Алтайского края. С 1989 г. живёт в г. Екатеринбурге. Закончила факультет журналистики Уральского государственного университета.

Работала руководителем юнкорского кружка, преподавателем масс-медиа в школе, главным редактором первого на Урале обучающего журнала для малышей «Витаминка», литературным редактором в газете для школьников «Тихая минутка». Председатель Содружества детских писателей Екатеринбурга, один из организаторов Международной детской литературной премии им. В.П. Крапивина.

Дипломант Международного конкурса детской и юношеской художественной и научно-популярной литературы им. А.Н. Толстого (2007, 2009), победитель конкурса рассказов «Заветная мечта» в рамках фестиваля «Книги, зовущие в детство» (2008), лауреат конкурса «Южно-уральская книга» в номинации «Лучшее издание для детей» (2009), лауреат конкурса педагогического признания «Добрая лира» (2010), лауреат премии им. П.П. Бажова (2013), победитель краевого конкурса на издание литературных произведений в номинации «Литература для детей и юношества» (2015, книга «Это всё для красоты»).

РАССКАЗЫ ИЗ ЦИКЛА «ЭТО ВСЁ ДЛЯ КРАСОТЫ»

В

На реке

бабушкином селе две речки. Одна мелкая, тихая, маленькая. Её так и называют – Тихоня. Вода в Тихоне мутная, потому что на её дне – песок и тина. А вторая речка – не речка, а настоящая река. Она быстрая и прозрачная. На её дне камни. Детям в такой реке можно купаться только у самого берега или в заливчиках. Большая река называется Чарыш.

– Что за название? – удивилась Даша. – Что за «чар», да ещё «ыш»?

– Есть такое слово «чары». Дословно если, то обозначает «накапливать». Слово чарка слышали? Сосуд такой. Из чар древние колдуньи выливали воду, когда наколдовывали дождь. Затем от этих сосудов-чар получилось слово очаровать, то есть заколдовать, – попробовала объяснить мама. – Очаровательный Чарыш...

– Правда, может, он волшебный! Может, на этой реке живут речные феечки, – тут же предположила Даша.

– На Руси феечки не живут. Не климат. Только водяные и русалки, – сказал папа.

Но Илье очаровательный Чарыш понравился не из-за феечек и не из-за русалок, а из-за каменистого берега. Илюшка бросал, бросал, бросал камни в воду, а они всё не кончались.

Но вот резиновая лодка накачана, вёсла вставлены.

– Отдать швартовы! – крикнул папа. И дедушка, хотя никакие швартовы никому не отдал, но оттолкнул лодку от берега и долго махал путешественникам рукой.

Мама была некудышный лоцман. Она то жмурилась на солнышко, то что-то пела, разглядывая берега. И папе пришлось непросто: когда на пути лодки неожиданно встречалось сваленное дерево или большой камень, нужно было очень сильно грести.

– Влево поворачивай, ой, то есть право руля, – спохватывалась мама.

– Паво! Лево! – кричал Илюша.

– Нет, надо прямо плыть! – помогала советом и Даша. – Только осторожно!

Волны несли лодку быстро. Все берега заросли деревьями – настоящий лес. Иногда река делилась на две части, огибая острова. Илюша и Даша сидели смирно, не вертелись. Да и в спасательных жилетах было непросто вертеться. Илюша только и успевал кричать:

– Ица! Ица!

Это значит, он увидел в заводи цаплю, или в небе – коршуна, или зимородка над самой водой.

– Ой, утки! Сбежали из дома, что ли? – показала вперёд Даша.

Но это были настоящие дикие утки, с длинными клювами. Они захлопали крыльями, разбежались прямо по воде и взлетели над рекой.

Через полчаса путешествия Илюшке надоело сидеть смирно, а папе сильно захотелось рыбачить. Все стали высматривать место для стоянки. И нашли его очень быстро. Ещё издалека мама заметила остров с поповником. Это такие цветы, похожие на ромашки, только очень крупные. Они росли целыми букетами. Берег в этом месте был немного крутоват, но зато там уже лежало поваленное бурей дерево, на котором можно будет сидеть.

– Это настоящий необитаемый остров! – обрадовалась Даша. – На нём обязательно должны быть феечки. Или снежный человек.

– Да уж, снежный человек-то в нашем климате должен был выжить, – согласилась мама.

И пока папа готовил удочку, они искали феечек. Но не нашли.

– Придётся нам самим стать феями. Или снежными человеками. Или русалками, – предложила мама, – кто кем пожелает, – и сплела веночек из цветов и травы. Конечно, Даша тут же стала цветочной феечкой. А мама решила стать ведьмой, которая собирает хворост, чтобы сварить зелье, и принялась носить сухие ветки к берегу.

А папа в это время рыбачил.

Илюша превратился в индейца. Вымазанный в песке и цветочной пыльце, он бегал по острову, повизгивая, с палкой в руке и, за неимением бизонов, охотился на бледнолицых феечек и ведьм. Тогда Даше с мамой тоже пришлось вооружиться, и они немного поиграли в рыцарей, которые сражаются на шпагах.

А папа в это время рыбачил.

Затем мама разожгла костёр, и они стали играть в первобытных людей, у которых на ужин огромный фаршированный мамонт. Ну не такой уж чтобы очень огромный. Вернее, небольшой такой, размером с рюкзак. И такой же синий. Его ещё дома бабушка нафаршировала, а мама теперь доставала из мамонта лук, чеснок, яйца и огурцы, пряники и хлеб, помидоры и соль, конфеты и бутерброды с колбасой. Разложив этот фарш на стол из листьев, шкуру мамонта бросили в лодку: вдруг ещё пригодится.

А папа в это время рыбачил.

Костёр уже прогорал, и пора было запекать картошку.

И папа в это время пришёл.

– В этой речке рыбы нет! – хмуро сказал он. – Ни одной.

– Ты сам у нас вместо золотой рыбки, – попыталась утешить его мама.

– А если начнётся шторм и нам придётся остаться на острове на всё лето, я не смогу вас прокормить! – не утешался папа.

– Ничего, – сказала Даша, – у нас мама есть. И ещё мамонт.

– И полведра картошки. Кажется, ты в детстве её прекрасно пёк, – и мама пододвинула к папе картошку.

И папа, вспоминая, какую вкусную картошку он пёк много лет назад, стал закапывать её в угли, укрывать, укутывать, подтыкать ей одеялко и петь колыбельную песенку. Когда набегавшийся Илюшка, уснувший на разостланном покрывале, открыл глаза, картошка была готова. Они отламывали чёрную хрустящую корочку и добывали горячую мякоть, рассыпчатую, душистую. И смеялись друг над другом, чумазые.

Но пришло время прощаться с маленьким островом, на котором опять долго-долго не будет ни фей, ни индейцев, ни мамонтов, а будут только птицы. Папа погасил костёр. Даша с мамой собрали весь мусор в пакет. И лодка отчалила.

– А сейчас самый опасный участок пути, – сказала мама. – Слышите шум? Это быстрина.

Река, огибая остров с двух сторон, опять соединялась, сталкивалась сама с собой, на радостях поднимая большие волны, которые несли прямо к скалам. Папа крепко взялся за вёсла, дети притихли. Мама говорила папе, каким веслом грести, и вдруг замолчала, глядя на скалы.

– Что это? Водяной?

От расщелины в скале шла прямо на лодку большая волна с белой пеной на гребне. Шла против течения.

– Ох ты! – крикнул папа, налегая на вёсла. В прозрачной воде уже был виден тёмный плавник и широкая спина огромной рыбины.

– Акула! – закричала Даша.

Рыба была размером с лодку. Мама побледнела, как пена на волне, схватила Дашу с Ильей и с резиновых подушек посадила их прямо на дно лодки.

Папа грёб, как сумасшедшая утка, если бы той пришлось убежать от крокодила или какого-нибудь морского змея. Но лодка двигалась к противоположному берегу медленно, с трудом сопротивляясь волнам.

Огромная рыбина была совсем близко. Она, наверное, сначала хотела напасть на лодку, но потом почему-то передумала. Рыба отвернула в последний момент, задев дно надувного судна только хвостом, и помчалась, как катер, дальше. Как

крылья, взметнулись вверх вёсла. Лодку качнуло на большой волне, бросило вперёд, подальше от скал. Рыбина словно вытолкнула непрошенных гостей со своей быстрины.

Мокрый папа молча зарулил в тишинку и опустил вёсла. Даша с Илюшей перебрались с мокрого дна на такую же мокрую резиновую подушку. Мама сняла мокрые очки и протёрла мокрым платочком стекла. Было тихо. Только щебетали птицы, и раздавалась какая-то странная, неземная музыка. Это пел ветер, задевая леску лежащей в лодке удочки. Все ещё немного помолчали, отдышались, а потом хором принялись кричать:

– Ыба! Ыба!

– Это что, акула, да? Или это кит? Она бы могла нас проглотить!

– Таймень это! Таймень! А может, и нельма, раньше в Чарыше нельмы водились. Царь-рыба! А ты говоришь, рыбы в реке нет!

– Теперь я на этом даже настаиваю. Этот таймень всю остальную рыбу просто сожрал.

– Первый раз такую громадину вижу!

– Он всю рыбу съел, а теперь хотел нас съесть!

– Ам-ам! Ыба ашая!

Ещё долго над рекой звенели возбужденные голоса. Да и вернувшись домой, путешественники не могли успокоиться, рассказывая всем подряд про чудо-рыбу.

– Надо каждый день на рыбалку ездить, – сказала перед сном Даша. – Я очень люблю печёную картошку.

Крокодилы, бегемоты и другие тропические овощи

Опасное это дело: крокодилов ловить. Кусаются они очень. Когда раздвигаешь листья... ой, то есть ныряешь в реку и видишь там крокодила, торопиться нельзя. Сначала надо его рассмотреть. Крокодил должен быть среднего размера, потому что большой крокодил бабушке в банку не войдёт... Ой, то есть в котёл вождя племени крокодилоедов. Совсем маленьких крокодилят тоже можно ловить, их Илюшка очень любит. Они на зубах приятно так хрустят...

Если крокодил подходящего размера, на него сразу не набрасываются. Нужно присмотреться, за какое место схватить. Лучше хватать возле попки, там, где хвостик. У попки иголок, то есть клыков, меньше. Но некоторые крокодилы Дашу успевали тяпнуть.

– Пусть бабушка в следующем году другой сорт крокодилов разводит, – ворчала Даша, бросая добычу в ведёрко, – без колючек.

– Без колючек, какие же это крокодилы, – не соглашался дедушка. – Без колючек, это червяки. Тебе вот захочется на червяков охотиться?

Не, на червяков охотиться, правда, не так интересно, как на крокодилов. И Даша опять нырнула в зелёную реку.

– Ой, деда! Смотри! Это точно не крокодил! Жёлтый такой, пузатый! – вынырнула Даша.

– Ну как ты не узнала? – удивился дедушка. – Это же бегемот. Он из соседнего болота приполз, здесь рядом дынные грядки, тыфу, то есть Дынно-бегемотные заливы. Ты, главное, ему проход к реке не перегораживай, бегемоты от этого звереют, – посоветовал дедушка.

– А давай его потом тоже поймаем, – предложила Даша, – бегемотинки хочется.

Дедушка согласился. Тут на водопой два тигра пришли. Они посидели на берегу, подождали, пока Даша с дедушкой подальше от бегемота отойдут, и сами тихонечко на него решили напасть.

– Брысь, негодные! – закричал дедушка на Дрёму и Баюна. – Ишь, вегетарианцы! Марш в сарай мышей ловить!

Хищники даже и не пошевелились. Только фыркнули недовольно. Они же не полностью дыню съедают. Им всю не съесть. Откусывают только сбоку немножко. Жалко, что ли?

Но дедушка был очень воинственно настроен, не дал зверям полакомиться.

– Эй, охотники, вы там скоро? – крикнула из летней кухни мама. – Мне ещё укроп нужен.

– За укропом пусть папа с Илюшкой идут, – крикнула в ответ Даша. – Потому что это совсем не интересно. Вообще укроп в джунглях не растёт.

Но мама сказала, что это ещё как интересно. Потому что это будто бы волшебные тропические бабочки и ловить их нужно очень аккуратно, чтобы не повредить крылышки-метёлки.

Укроп у бабушки растёт не на грядке, а высокими кустиками по всему огороду. Он выше Даши, вверху у него зонтики с семенами, а по бокам пушистые зелёные венички-листочки.

Даша решила, что с крокодилами дедушка дальше управится сам, и стала подкрадываться от бабочки к бабочке.

– О! Это мне пригодится, чтобы наколдовать волшебный бульон для превращения пауков в принцев. А эта бабочка для невидимости...

Дедушка переловил всех крокодилов и тоже стал красться по укропу.

– Это от радикулита. Это чтобы новые зубы дольше носились, – приговаривал он.

Даша набрала большой букет волшебных укропных бабочек. Но оказалось, что нужно ещё три таких же пучка.

– Торопитесь! – крикнула мама. – Скоро пойдёт настоящий тропический дождь!

Из-за горки уже выглядывали тучи. Толстые, щекастые, в фартуках с оборками.

А Даше с бабушкой ещё нужно было наловить немного ядовитых змей. Змеи жили под землёй, высунув наружу только свои зелёные хвосты. По-бабушкиному змеи назывались хреном. Дедушка подкапывал змею лопаткой, а Даша с диким воплем бросалась на неё, хватала за хвост и тащила к колонке, где бабушка уже мыла крокодилов и распихивала их по трёхлитровым банкам.

Когда всех нужных зверей переловили, дедушка с Дашей сходили за бегемотом. На бегемота все сбежались: и папа с Илюшей и Вертушкой из песочницы, и мама из кухни. И Дрёма с Баюном пришли. Им тоже дали кусочек. Крапинку позвали. Она уже свободно бродила по ограде, ела травку. Но бегемота есть не захотела. Или не поняла, что это бегемот. Подумала, что это самая обыкновенная дыня.

– А теперь бежим на крыльцо! – сказал дедушка. И тут же лопнула первая туча. Выпрыгнул из неё долговязый дождь,

стукнул голыми пятками по траве и помчался, приминая цветы. Крапинка, Дрёма и Баюн дружно заскочили в предбанник. Цыплёнок-капитан спрятался под крышу сарая, громко созывая братьев и сестёр. Но утята с уткой вовсе не собирались убежать от ливня. Они барахтались в мокрой траве, радостно побрякивая.

– Пи-пи-пимокните, пи-пи-пирячьтесь! – пищал цыплёнок.

– Кряк так? – удивлялись его плосконосые родственники.

– Кряксота крягом!

Мама с бабушкой укрылись в летней кухне, рядом со своими банками. А папа, дедушка, Даша и Илюша нырнули на крыльцо дома.

– Эй, а у нас-то дыня! – кричали они маме с бабушкой. – Бегите к нам!

– Нет уж, лучше вы к нам, – отвечали мама с бабушкой. Но их было плохо слышно сквозь сильный шум дождя.

Принялась за дело вторая туча, за ней третья. Своими мягкими руками они хватали всё, что попадётся, и полоскали, тёрли, обливали, куряли, отмывали до самого блестящего блеска, до самых серебряных косточек. Каждый лепесточек на саранке был промыт, все анютины глазки, самой маленькой вишенке досталась полноценная баня. По дорожкам побежали ручьи.

С крыши загрохотал вниз водопад, пробивая у крыльца ямку. Папа выставил под струю босую пятку, и тётушки-тучи схватили его за ногу, стали массировать, разминать, растирать.

– Ох, хорошо! – заурчал папа. И только хотел он сменить ногу, как тучки вдруг взглянули на часы, охнули, словно вспомнили про оставленное на плите молоко, бросили свои тряпочки, сдулись и упали без сил за бабушкины горки.

– Додик где? – вертел головой Илюша.

– Всем на поиски дождика! – скомандовала мама и пошла босиком по траве, сбивая крупные капли.

Они искали у песочницы. Но там только радостно гудели чистые самосвалы. Они искали на полянке. Там было множество алмазных капелек, которые разбросал дождик, но самого его не было. Они искали на дорожке. Илюша очень старательно искал, мяся тёплую, мокрую землю.

– Нашёл! Нашёл! – вдруг закричал дедушка. Он стоял у самой большой яблони и смотрел вверх. Все побежали к дереву. Вертушка прыгала под ногами и тьякала, наверное, она тоже заметила, как дождик притаился среди ветвей.

– Где? Где дождик? – спрашивали Даша с Илюшей.

– Да вот он, ближе подойдите! – сказал дедушка и дёрнул ветку за листочки. Дождь кубарем свалился с яблони, промочив детей и Вертушку от бантиков до трусиков, от носа до хвоста. А потом его нашли на вишне, и на черёмухе, и на клёне. Только Вертушка больше близко к деревьям не подходила. Гавкала издалека. Но, в конце концов, хитрый дождь забрался на высоченный тополь, с тополя перепрыгнул на радугу и ушёл по ней домой. Там его ждали тётушки-тучки и, наверное, какая-нибудь вкусная еда. И Даша с Илюшей тоже пошли домой переодеться и доедать бегемота.

Следующий!

Главные специалисты по волнениям – бабушки. Но и Даша в этот раз уступать не желала. Как Дед Мороз проберётся на девятый этаж? В форточку? А если подарок большой, то ведь застрянет. Или на лифте? А если лифт сломается? А если Дед Мороз не успеет – ведь на свете такая куча детей? И вот сначала она хотела часы. Написала письмо, положила в морозилку – письмо исчезло. А затем она захотела ролики. Написала ещё одно письмо, и оно исчезло из холодильника. Так как он решит, что выбрать? Возьмёт, подарит часы, а Даша уже больше хочет ролики. Или подарит ролики, когда так нужны часы... На всякий случай про свои новогодние желания Даша рассказала всем вокруг. Вдруг Деда Мороза вообще не бывает...

Даша сделала Деду Морозу подарок: гравюру на пластилине, если он придёт, когда она спит. И новую пьеску Наседкина «Птичий базар», если он появится живьём и спросит: «Ну, девочка, как ты себя вела?». Даша сразу ответит: «Я выучила новую пьесу».

В общем, Даша по-настоящему волновалась, хотя опять же по-настоящему в Деда Мороза не верила. Ещё в прошлом году она обнаружила, что Дед Мороз был в дяди-Мишиных бо-

тинках. Она-то точно знала, Деда Морозы ходят в валенках. Ну если они, конечно, существуют.

Даша видела, что даже папа с мамой о чём-то волновались. Как оказалось, тоже о Дед Морозе.

– Миша, кажется, не может, – говорил папа, – приболел.

– Колобовым я тоже звонила, у них машина сломалась, – шептала мама. – Дедушка?

– Дедушка на дачу уезжает...

Один только Илья ни о чём не беспокоился. Желание у него было одно – большая машина. Подарок он тоже сделал. Вообще-то он рисовал светофор, но получилось удивительно похоже на Деда Мороза. Вот шапка. Вот борода. Вот красивые блестящие красные глаза. Илья даже два номера художественной самодеятельности приготовил. Стихотворение выучил. А если его спеть, то получится песня.

В пять часов вечера Даша уже не могла терпеть. Ходила по коридору вдоль двери, чтобы не пропустить, как Дед Мороз постучится.

– Тук-тук-тук!

Даша сначала бросилась к маме, затем к Илюшке с папой, затем к двери.

– Кто там? – деловито спросил Илья. А папа дверь открыл. В квартиру вошёл Дед Мороз. С густой заснеженной бородой. В синей вышитой шапке. Немного сгорбленный.

– Ох, кое-как к вам добрался, устал очень, – окая, сказал дедушка. – Пробки на дорогах.

Мама принесла дедушке стульчик, и он сел, старательно пряча обувь под шубой.

– Тут, что ли, живут самые послушные дети в России?

– Да. Тут, – серьёзно ответил Илья. – Слушай стишок.

Илья, старательно выговаривая недавно освоенную «Р», прочитал стихотворение про то, что Дед Мороз живёт не где-нибудь, а у них в холодильнике. Дед Мороз похвалил и вытащил из мешка огромную коробку. Тут и Даша заторопилась. Сыграла «Птичий базар», спела песню и получила свой подарок. Дети ещё немного из вежливости постояли возле деда Мороза и пом-

чались в комнату открывать коробки. Даше Дед Мороз принёс ролики, а Илье – машину-мусоровоз.

Не успели они хорошенько разобраться с механизмом разгрузки-загрузки мусора, как...

– Тук-тук-тук!

– Кто это там? – открывая дверь, первым удивился папа.

В дверях стоял Дед Мороз. Другой.

– Здравствуйте! Здесь ли живут двое послушных деток? – весело спросил Дед Мороз. Папа, булькнув куда-то внутрь себя, кивнул.

Дети выстроились напротив нового Деда Мороза.

– Да. Здесь, – серьёзно ответил Ильё. – Слушай песенку.

Илюша спел про Деда Мороза из холодильника. Дедушка Мороз вытащил из мешка коробку и протянул мальчику.

Даша тут же засуетилась, отбарабанила «Птичий базар» в два раза быстрее положенного, сообщила, что научилась вышивать крестиком, и получила свою коробку. Но потом у неё вдруг появилось подозрение, что, может быть, этот Дед Мороз перепутал адрес, вдруг есть ещё на свете другие двое послушных деток.

– Меня зовут Даша. А его – Илюша, – сказала она Деду Морозу. – Это мы тебе письма про часы, ролики и машинку писали.

– Читал я ваши письма! Молодцы! Ни одной ошибки! – похвалил Дед Мороз, пожал папе руку, помахал маме и удалился.

В новых подарочных коробках оказались часы для Даши и бетономешалка для Илюши.

– Это, наверное, брат первого Деда Мороза, – предположила Даша. – Или дядя Витя. Голос немножко похож.

– Ты что! – возмутился Ильё. – Это, правда, Дед Мороз! Я видел!

– Вот как хорошо быть послушными, – сказала мама, у которой камера в руке всё ещё немножко тряслась от смеха, – целых два Деда Мороза на Новый год приходят.

Уже пора было накрывать на стол. Вспорхнула скатерть с синими зимними домиками по краям. Снежинками прилетели белоснежные салфетки...

– Тук-тук-тук!

– Кто там?

Замерли в воздухе блестящие свечи.

– Да! Здесь живут! – закричал Илья в ещё закрытую дверь. Глаза у него сверкали не меньше новогодних свечек. Дед Мороз небольшого роста стоял в проёме, постукивая по полу посохом.

Илья половину стихотворения продекламировал, а половину пропел.

Даша начала играть «Птичий базар», но цыплята в нём не желали прыгать и скакать, а, повернув голову в одну сторону, глазели на третьего Деда Мороза.

– Не могу, – сказала мама папе и отдала ему видеокамеру.

Дед Мороз непонимающе посмотрел на странное семейство, но подарки раздал.

– Я встретил по дороге тётю Лесю. Она к вам в гости собиралась зайти, – на всякий случай сообщил Дед Мороз и, озадаченный, ушёл.

Какой весёлый был Новый год! Целый воз подарков! Даша в роликах и костюме снежинки сидела на диване. Кататься она не умела, и, если куда нужно было пойти, перемещалась на четвереньках. Так же двигался и Илья, развозя на новом мусоровозе по квартире кучки мусора из фантиков. Потом был фейерверк. А потом Даша с Илюшей уснули.

– Дети! Дети! – слышали они сквозь сон. – Дед Мороз пришёл!

– Завтра посмотрю... – перевернувшись на другой бок, пробормотала Даша. Но потом спохватилась, сползла с кровати и, прислонившись к стене, спела песню, лишь отдалённо напоминающую весёлую хороводную.

С трудом приоткрыв глаза, Илюшка увидел в дверях четвёртого Деда Мороза.

– Да, – сказал мальчик. – Хорошо себя вёл. В холодильнике посмотри. Там Дед Мороз живёт. У нас. Сейчас.

И, протянув руку за подарком, опять уснул.

Дед Мороз ужасно огорчился. Он ехал издалека, с самой дачи. У него был мешок подарков. А его так встречают: дети спят, а родители совсем сошли с ума – хохочут и не могут ничего сказать!

Дед Мороз всё же оставил подарки, взял гравюру на пла-

стилине и портрет светофора – Деда Мороза, выпил фужер шампанского и лёг спать на надувном матрасе.

Утром Даша уверенно промаршировала к холодильнику. Она открыла морозилку и начала выкладывать пельмени, мороженые овощи и клюкву в пакетиках.

– Я так и знала! – сказала она, добывая конверт.

– Илья, слушай! «Дорогие мои Дашенька и Илюша! К сожалению, в этом году я смогу прийти к вам только самой поздней ночью. Столько много дел, столько много детей. А помощников среди людей у меня не очень много, ведь не каждый может работать помощником Деда Мороза! Не огорчайтесь, что не увидите меня. Меня никто не видел: перемещаться приходится очень быстро. Иначе я не успею разнести все подарки. Я знаю, что вы очень славные дети, помогаете маме, слушаетесь! Загляните под ёлочку! Ваш Дедушка Мороз».

Илья тут же пошёл смотреть под ёлкой. А Даша отправилась в спальню, чтобы разоблачающим взглядом посмотреть на родителей. Ведь она так и знала: настоящие Деда Морозы не носят ботинок, не говорят дяди-Витиным голосом и ростом не с тётю Лесю! И они не спят на надувных матрасах! Кого они хотели обмануть? Настоящие Деда Морозы невидимые! Вот ведь, русским языком написано!

Рекомендуем почитать

Колпакова, О. В. Большое сочинение про бабушку : [рассказы, повести] / ил. М. Наумовой. – Москва : Жук, 2012. – 169 с. : ил. – (Для тех, кому за 10).

Колпакова, О. Как фея Колючка перехитрила дождь : [рассказы] / ил. К. Годес. – Санкт-Петербург : Акварель, 2012. – 63 с. : ил. – (Цветочные феечки).

Колпакова, О. Как фея Колючка придумала качели : [рассказы] / ил. К. Годес. – Санкт-Петербург : Акварель, 2012. – 63 с. : ил. – (Цветочные феечки).

Колпакова, О. Верните новенький скелет! : повесть / С. Лаврова, О. Колпакова ; худож. М. ван Брюгген. – Москва : РОСМЭН, 2013. – 128 с. : ил. – (Новая детская книга).

Колпакова, О. Хорошая феячка с вредным характером : [рассказы] / худож. К. Годес. – Санкт-Петербург : Акварель, 2013. – 112 с. : ил. – (Читают все).

Колпакова, О. Как фея Колбочка вылечила Лето : [рассказы] / худож. К. Годес. – Санкт-Петербург : Акварель, 2013. – 56 с. : ил. – (Цветочные феячки).

Колпакова, О. Морозейка Минус Два : [повесть] / ил. Е. Третьяковой. – Санкт-Петербург : Акварель, 2013. – 91, [3] с. : ил. – (Читают все).

Колпакова, О. Нестрашные сказки про страшную Буку / худож. С. Прокопенко. – Санкт-Петербург : Речь, 2013. – 53, [3] с. : ил.

Колпакова, О. Школа для Снегурочек : [повесть] / худож. А. Мазеина. – Санкт-Петербург : Акварель, 2013. – 140 с. : ил. – (Читают все).

Колпакова, О. Привидение – это к счастью : повесть / С. Лаврова, О. Колпакова ; худож. В. Долгов. – Москва : РОСМЭН, 2014. – 128 с. : ил. – (Новая детская книга).

Колпакова, О. Принцесса, которая совсем не принцесса : дет. сказка про заколдованных взрослых / [ил. И. Августинович]. – Санкт-Петербург : Акварель, 2015. – 75, [4] с. : ил. – (Читают все).

Колпакова, О. Луч широкой стороной : повесть / [ил. Е. Двоскиной]. – Москва : Дет. лит., 2015. – 223 с. : ил. – (Лауреаты Международного конкурса имени Сергея Михалкова).

Колпакова, О. Ничего не бойся! : большая история Маленького королевства с превращением и рецептом живой воды : [сказка] / ил. С. Прокопенко. – Санкт-Петербург : Акварель, 2015. – 174, [1] с. : ил. – (Читают все).

Колпакова, О. Это всё для красоты : повесть в рассказах / худож. С. Прокопенко ; Упр. Алт. края по культуре и арх. делу, Алт. краев. универс. науч. б-ка им. В. Я. Шишкова. – Барнаул : Алт. дом печати, 2015. – 196, [1] с. : ил. – (Весёлые летние истории) (Победители краевого конкурса на издание литературных произведений).

Колпакова, О. Лошадка мохноногая торопится, бежит... : новогодняя сказка-детектив с приложениями и песнями : [повесть] / ил. Г. Белоголовской. – Москва : Дет. лит., 2016. – 219 с. : ил.

Марченко
Валерий Федорович

(р. 17.12.1951)

Родился в с. Петропавловском Петропавловского района Алтайского края. Детство и юность прошли в селе Солдатово.

В 1976 г. закончил Иркутский педагогический институт. Работал учителем истории в Петропавловской средней школе, с 1978 года – журналист в районной газете «Ударник».

Первая книга опубликована в 2000 г., всего издано около 15 сборников повестей и рассказов.

КУСТ РЯБИНЫ

Прожай на рябину – к холодной и долгой зиме, вспомнил я народную примету, глядя на пламенеющий в моей ограде куст. Первые заморозки сбили с деревца резные жёлтые листья. Остались одни ягоды, налитые оранжевым соком-желе.

Зазимок сделал ягоды ещё краше, ещё больше добавил в них яркой краски.

В декабре начались морозы. Сначала некрепкие. Зима как бы приглядывалась к природе, к зверям, к птицам, к людям, готовя их к более серьёзным испытаниям. И хотя зима для всех была не в диковинку, нрав она показала необычайно крутой.

Рябина, как могла, спасалась от холода и спасала свои ягоды. Тесно прижавшись друг к другу, они коротали долгие морозные ночи и, хотя и солнечные, но короткие и холодные дни. И устояли в морозы, даже цвета не потеряли.

А вот когда задули февральские вьюги, те ягоды, что послабее, не удержались в кистях-корзинках и будто конопушками разрисовали сугроб, что намело вокруг куста.

Но большая часть ягод сохранилась и дождалась тёплых весенних дней. Прежней яркости в них уже не было, но глаз они исправно радовали.

А ещё в эту зиму я поближе познакомился с птицами. И всё

благодаря соседскому пареньку Владу Пичугину. Ему будто специально такую фамилию дали, чтобы он заботу о птицах проявлял. Мало того, что Владик подкармливал птиц зимой, он многое знал о них. И не только о воробьях и синицах, а вообще о птицах, живущих и в других странах.

Владик учился в четвёртом классе. По субботам, после занятий в школе, он приходил ко мне в гости, рассказывал о том, что произошло в классе, в школе, а потом переходил на излюбленную тему о птицах. Но он не только говорил, но и дела делал.

Принёс как-то мне кормушку, повесил на яблоню. Мне даже ничего не сказал. Потом зашёл в дом и говорит:

– Смотрите, дядя Петя, как воробьи прося клюют.

Я подошёл к окну, посмотрел – правда, что-то клюют. И не на снегу или какой-то дощечке, а в кормушке, с двускатной крышей. Я чувствую, как у меня начинают гореть уши. Сказал, чтобы как-то оправдаться перед Владиком:

– Сам кормушку делал?

Он без всякого бахвальства:

– Сам, конечно. Я ещё скворечники умею делать. Хотите, вам сделаю?

– Хочу, – по инерции ответил я.

– Мне только плашки нужны. А то у меня на один скворечник осталось. Баба Маша просила ей сделать.

Ну, Владик, ну даёт малый, прямо на обе лопатки меня повалил. Он и во мне, здоровом мужике, неумеху увидал. Я было взялся отказываться от услуг паренька, мол, сам сделаю, да его, оказалось, на мякине не проведёшь. Да ещё самолюбие моё щадить на-чал.

– Конечно, сделаете, только вам некогда. А у меня и инструменты все наготове. Давайте плашки.

Унёс Владик плашки. А в воскресенье опять ко мне в гости заглянул. И, едва поздоровавшись, хитро спросил:

– Хотите на сальников посмотреть?

Я сразу про кормушку вспомнил. Вчера, как научил меня

Владик, всяких зёрен, какие нашёл в доме, в кормушку насыпал. Воробьям пир устроил. Сальников там точно не было. Думаю: «Не проведёшь меня на мякине». А вслух говорю:

– Там одни воробьи, никаких сальников в кормушке не было.

А Владик меня к окну тащит:

– Смотрите!

– Да вижу, одни воробьи в кормушке.

– Да вы не туда глядите. Вон, на соседнее дерево взгляните.

Там у меня груша-трёхлетка растёт. А на ней, когда только Владик успел, кусочек сала подвешен, с которым лихо расправляются несколько желтогрудых синиц. И так у них это ловко получается! Но бдительности не теряют, по очереди завтракают. Две-три клюют, остальные по сторонам озираются. И вскоре выяснилось – предосторожность птиц оказалась не лишней. Из соседней ограды крался рыжий кот.

– Надо прогнать этого бандита, – сказал я и засобирился на улицу.

– Дядя Петя, не ходите. Они его заметили.

И действительно, синицы бросили теревить сало и перепорхнули на макушку дерева. Кот же стал подбираться к салу. Ветка, на которой висел кусочек, была слишком тонкой и прогибалась под ним. Кот двигался осторожно, ветка пружинила, и тут одна из синиц не выдержала, стремительно кинулась вниз и нанесла удар клювом в самое чувствительное кошачье место – в нос.

Не ожидавший такой атаки рыжий разбойник дико заорал, свалился с ветки и, делая гигантские прыжки, исчез в соседней ограде.

Владик так хохотал, что заразил и меня своим смехом. Потом, когда мы отсмеялись, я задал ему простой вопрос: кем он хочет стать?

– Птиц хочу получше узнать. А ещё мечтаю увидеть живых пингвинов.

– Орнитологом, значит.

– Я знаю, это те люди, что птиц изучают.

– Правильно. Тогда скажи мне, почему воробьи на рябину садятся, а клевать не клюют?

– Это не их ягода. Это дроздам лакомство сохранилось. Вот увидите, прилетят – всё снесут.

Быстро же Владик приучил меня к птицам. Чуть ли не каждый день стал я насыпать в кормушку корм и подвешивать сало.

А потом и дни прибывать стали. Всё выше забиралось солнце, всё прямее его лучи падали на землю. Расплакались крыши, развесили по краям хрустальные сосульки.

Стали оседать сугробы, почернели дороги, а на склонах появились первые проталины. Стали прилетать птицы.

В очередной свой приход ко мне в гости Владик принёс скворечник. Я стал благодарить моего юного друга и предложил деньги. Он посмотрел на меня так, что я невольно спрятал руку с купюрой за спину.

– Пойдёмте на улицу, скворечник-то надо на хорошее место поставить.

– На какое такое хорошее? – одеваясь, спросил я.

– А чтобы скворцам понравилось.

– Откуда ты можешь знать, что им нравится, а что нет?

– Посмотрим, – небрежно ответил Владик и стал осматривать мою ограду.

– Давай вон на угол дровяного сарая прибить, – предложил я.

– Нет, не пойдёт, – уверенно ответил Владик. – У вас шест есть? Хотя бы метра три.

– Кажется, да.

Я кинулся в сарай и нашёл то, что просил Владик. Вдвоём мы укрепили скворечник на шест, а шест прибили на угол дровяного сарая.

– Ну, теперь ни одна кошка не достанет наших скворцов, – бодро произнёс я.

– Погодите, дядя Петя, радоваться. Надо ещё одну штуку сделать. У вас банки консервные есть?

– Найдутся.

– А ножницы по металлу?

– Где-то лежат.

– Давайте всё сюда. Хотя подождите, у меня же мягкая жесьть дома есть.

И Владик умчался. Я всё-таки отыскал и ножницы, и пустые консервные банки, вырезал из них несколько пластин. Владик тоже принёс узкую жестянку. Мы обернули их вокруг шеста, прибили маленькими гвоздями.

Теперь уже точно ни одна кошка не сможет добраться до скворечника.

Потом мы пили чай с вареньем и конфетами. А когда Владик засобирался уходить, я чуть ли не насильно вручил ему кулёк.

Уже на пороге, как бы между прочим, Владик сказал:

– Вчера на вашей рябине я видел двух дроздов. И, как приговор, добавил:

– Теперь точно всю снесут!

– Два дрозда, и снесут всю рябину? – удивился я.

– Это только разведчики. А значит, ждите стаю.

Стаи я не видел. Но когда на другой день Владик заглянул ко мне, по его плутовской улыбке я понял – что-то произошло.

– Вы на рябину сегодня смотрели?

– Нет.

– Так посмотрите.

Я выглянул в окно и ахнул. Куст был совершенно голый, и только внизу, на съёжившемся сугробе, краснели отбившиеся от ветвей несколько ягодок.

От увиденного я испытал мимолётную грусть. Но она тут же прошла. Дрозды унесли красоту от моего окна, но зато принесли весну.

После окончания учебного года Владик с матерью уехали. А потом я получил от него письмо аж из Владимира. Я ответил ему, и между нами установилась переписка.

Прошли годы. Однажды, в один из мартовских дней, мне принесли бандероль. Почтальон вошла и сразу сказала:

– Видали, как дрозды с вашей рябиной расправляются?

– Ничего, Оленька, они нам весну принесли.

Бандероль была от Владика. В ней оказалось множество фотографий с изображенными на них птицами. А на нескольких – молодой человек, укутанный в меховую одежду, с заросшим бородой и усами лицом, весь покрытый инеем. Он стоял среди пингинов. На одной из них была надпись: «Третий слева – Влад Пичугин».

ВЫСОКАЯ ТЕМПЕРАТУРА

Перед тем, как распустить ребят с уроков домой, классная руководительница третьего «б» класса Нина Викторовна дважды повторила:

– Если температура будет ниже тридцати трёх градусов, в школу не приходите. Всем понятно?

После ответного «понятно» раздалось дружное «ура!» и посыпались вопросы:

– А если тридцать два градуса?

– А если ветер?

– А если снег с дождём?

Последнее предположение высказал Рома Палкин и тут же получил достойный ответ. Но не от классного руководителя, а от Лены Зайцевой:

– На тебя, Палкин, и цунами может обрушиться.

Все дружно засмеялись. Роман не обиделся. Вышел из класса, стал дожидаться своего закадычного друга Сёмку Макарова.

– Чего долго копался?

– Да папку не мог найти.

– Нашёл?

– Нашёл.

– Теперь айда на базар ходим.

– Зачем?

– Потом скажу.

– Да ты сейчас скажи.

– А что я тебе сейчас скажу? Пойдём, и сам всё увидишь. На базаре торговцев было совсем немного.

– Наша стоит, – радостно произнёс Ромка.

– Кто наша?

Сёмка уже был не рад, что пошёл с другом на базар. Чего он тут не видел?

– Айда быстрее, пока не ушла.

Ромка рысью пустился к палатке и прямо с ходу выпалил:

– Тётенька, у вас градусники есть?

– Есть, – нехотя ответила торговка и будто в насмешку спросила: – Тебе сколько?

– Все давайте.

– Что, все десять брать будешь? – удивилась она.

– Все, не все, а посмотреть надо.

– Чего их смотреть, все одинаковые, друг на друга похожи.

– Ну, не скажите, не скажите, – загадочно произнёс Ромка и стал перебирать градусники.

Подошёл Сёмка, стал смотреть на друга, как тот внимательно изучает шкалу каждого градусника, раскладывая их на две кучки. Одну, большую, отодвинул продавщице, а из оставшихся трёх выбрал один и протянул деньги.

– Другу-то возьми градусник, – тётка посмотрела на Сёмку.

– А у меня есть, – торопливо произнёс тот и вдруг вспомнил: – Ром, так у тебя тоже есть!

– Есть, да не про вашу честь, – усмехнулся Ромка. – Айда ко мне.

– А про тайну ты обещал рассказать.

– Потом. Сейчас ещё рано. А вон Ленка Волкова идёт. Айда ко мне.

– Никуда я не пойду. Я лучше домой.

– Как хочешь.

Ромка, похоже, не очень обиделся на отказ друга идти к нему домой.

Позвонил Ромка другу вечером и сразу задал вопрос на засыпку:

– Смотрел на градусник?

– Ну, смотрел, – нехотя ответил Сёмка, – тепло. Только двадцать восемь. Наверное, завтра в школу идти придётся.

– А у меня тридцать два, – радостно произнёс Ромка. – А к утру все тридцать пять будет.

– И где это ты такой мороз нашёл? – как можно равнодушнее произнёс Сёмка.

– Пока секрет. Потом скажу.

– Ну и катись со своим секретом, – Сёмка положил трубку. Ромка не ошибся. Утром, едва открыв глаза, кинулся к окну. Красная линия замерла на цифре –35.

– Порядок!

И позвонил другу. Тот будто ждал звонка, сразу взял трубку.

– Ну что, в школу не идём сегодня! – Ромка не скрывал радости.

– Почему не идём. У меня на градуснике тридцать.

– А у меня – тридцать пять!

– Заливаешь!

– Чего мне заливать. Можешь прийти, проверить. Вместе и в школу не пойдём.

– Нет, я пойду. Сегодня контрольная по математике.

– Контрольная?! – Ромка даже присвистнул в телефон. – Тем более можно не ходить, причина уважительная – высокая температура. Нет, наоборот, слишком низкая. В общем, я остаюсь.

Ромка сказал родителям всё как есть: температура низкая, в школу ходить не велено.

– А при какой не велено? – спросил у Ромки отец.

– При минус тридцать три.

– А я смотрел на наш градусник, там даже до тридцати не дотягивает.

– Это на вашем, а я себе другой купил. Можете посмотреть. Отец не выдержал, подошёл к окну.

– Ты смотри, правда, тридцать пять. Потом посмотрел на сына.

– Ладно, сегодня, так и быть, не ходи в школу, а завтра посмотрим, какой градусник правильно показывает.

Ромка от слов отца слегка приуныл, но когда отец ушёл на работу, воспрянул духом. Едва дождался двух часов, сразу же стал звонить Сёмке. Но у того телефон молчал.

А часа в четыре Сёмка заявился сам. Довольный, рот до ушей.

– Ты чего не отвечал на звонки? – накинулся на друга Ромка.

– Да я ещё дома не был. Прямо из школы к тебе. Представляешь, сегодня у Игорька день рождения. Там родители такой вкуснятины принесли! Представляешь, яблоки, груши, апельсины, а конфет шоколадных, представляешь, сколько было. А торт, представляешь!

– Представляю. Что, не мог кусочек принести?

– Да, знаешь, – Сёмка почесал затылок. – Я его взял для тебя, но не выдержал по дороге.

– Эх ты, а ещё друг называется, – Ромка был огорчён не на шутку.

– Подожди! А хочешь, я тебе завтра принесу кусочек торта? У Ленки Зайцевой будет день рождения.

– Нет уж, дудки. Я сам в школу пойду.

– Так у тебя же градусник не такую температуру показывает. Я и Нине Викторовне сказал, что у тебя высокая температура.

– А она?

– Она сказала, пусть не ходит, пока нормальная не станет.

Ну ладно, я домой пойду, а то ещё уроки делать надо.

И уже держась за ручку двери, Сёмка спросил:

– А про тайну когда расскажешь? Ромка вяло махнул рукой:

– А, потом как-нибудь.

СЁМКА

Семёна Цыганова мать привела в школу, когда торжественная линейка уже закончилась. Ученики, учителя, а у первоклашек и родители, разошлись по классам.

– Мам, может, домой пойдём, – захныкал Семён. – Видишь, никого нет. Пусть они без меня учатся.

– Как это без тебя? – воскликнула Цыганова, таща своё чадо по школьному коридору. – Мне учительница, Наталья Борисовна, так и сказала: без вашего Семёна класс могут разогнать.

– Ну и пусть разгоняют. Я-то тут при чём?

– А при том.

Мама Семёна заглянула уже в три двери и собиралась открыть четвёртую, как её окликнули:

– Вы кого-то ищите?

Цыганова оглянулась, узнала свою соседку по улице, технику Веру.

– Вот опоздали. Нам первый класс нужен.

– Так их два – «а» и «б».

– Да нам всё равно какой, лишь бы там Наталья Борисовна была.

– Она в последнем классе.

В классе их и вправду ждали.

– А вот к нам ещё один ученик прибыл – Семён Цыганов, – радостно произнесла Наталья Борисовна. – Я уж испугалась – вдруг вы передумали идти. Тогда и класс стоял бы под вопросом.

– Слышишь, Сёмка, я что говорила. Без тебя они обойтись не могут.

Собравшиеся в классе родители сдержанно засмеялись. Дети смотрели на учительницу, не зная, можно ли им тоже смеяться. Она улыбнулась. Дети поняли, что им тоже можно посмеяться, а ещё, что новенького можно звать Сёмкой.

Так с лёгкой материнской руки Семён Цыганов получил в первый же день в школе прозвище. Оно закрепилось за ним на целых три года, пока в четвёртом классе не произошло одно событие, после которого отношение к Сёмке изменилось не только в классе, но и во всей школе. Но до того дня было ещё целых три года, три месяца, три не-дели и три дня.

Пока же Сёмка с трудом одолевал грамоту. Он был в классе самый младший по возрасту, самый низкий по росту, и чуть ли не все чувствовали над ним своё превосходство.

В классе Сёмка особо ни с кем не дружил. Вечно взъерошенный, в измятых брюках и неглаженной рубашке, с трудом высиживал уроки. Едва звенел звонок, первым выбежал из класса, с кем-то непременно сталкивался, обо что-нибудь обязательно ударялся.

Однажды ударился о дверь, да так, что та, жалобно за-

скрипев, слетела с петли. Хорошо хоть, с одной. Сёмка от этого удара получил на лоб шишку, а от завуча нагоняй.

Едва забыли этот случай, как Сёмка снова напомнил о себе. Угораздило его столкнуться с директором школы. Дама, которая на весах перетянет пять Сёмок, не удержалась на ногах. Хорошо, что рядом стоял диван. Он, хотя и пострадал сам, спас бедную женщину.

Цыганова едва не исключили из школы. Но другой школы в посёлке не было, и после многочасовых моралей в директорском кабинете, классе и дома – оставили. Домашнее воспитание было коротким по времени, но продолжительным по воспоминанию.

Сёмин отец, не очень хорошо знавший права детей, воспитывал сына по-своему – ремнём.

Сёмка, зажатый в коленях отца, кричал, что бить детей нельзя и что он будет жаловаться, за что и получил дополнительную порцию ремня.

Никто не видел, как проходило домашнее воспитание, но едва Сёмка на другой день пришёл в класс, на него со всех сторон посыпались вопросы: чем, как и было ли больно.

– Ерунда, – усмехнулся Сёмка и скривился от боли, когда плюхнулся на стул.

Всем стало ясно – лупили как следует. Сёмке сочувствовали. И только Верка Алёшина ехидно улыбнулась: что заслужил, то и получил.

Отцовская наука, похоже, пошла Сёмке впрок. Она и на его учёбу повлияла в лучшую сторону. Правы, видимо, были Сёмкины предки, когда говорили: палка нема, а прибавит ума.

К четвёртому классу Сёмка из отстающих вплотную подошёл к ударникам. Но не перешагивал планку «бестроечника». Не то что не мог – не хотел.

Как-то на классном часе шёл разговор о будущем. Наталья Борисовна не столько говорила сама, сколько слушала ребят. У каждого уже были задумки о будущей специальности. Кто-то из ребят в открытую говорил о своём выборе, кто-то держал свои мечты в тайне.

Сёмка был из первых. Он не скрывал своих намерений остаться после школы в посёлке. Получит удостоверение тракториста, и вперёд.

– Тракторист, фи, это даже не смешно, – с оттенком грусти произнесла Вера Алёшина.

В классе знали – Вера собирается покорять столицу. Точно пока не знает чем – песнями или танцами. А может, тем и другим.

А накануне Нового года в районном Доме культуры проходил смотр юных талантов. Наталья Борисовна пришла болеть за своих. Кто выступает, она знала. А когда объявили русскую народную песню в исполнении Семёна Цыганова, не поверила своим ушам: может, другой какой.

Но вышел Сёмка, похожий и непохожий. В белой рубашке с бабочкой, в отутюженных брюках, в начищенных до блеска ботинках.

А когда Сёмка спел, зал аплодировал так, что ему пришлось повторно выходить на сцену.

Вера Алёшина тоже пела. И аплодисменты сорвала, но до Сёмкиных ей было далеко.

После Нового года, когда ребята пришли в школу с каникул, Наталья Борисовна поздравила Семёна Цыганова с заслуженной наградой. Жюри единогласно решило отдать Цыганову диплом первой степени. Спросила:

– Где ты так научился петь?

– А дядя Петя меня научил. Он рядом с нами живёт. Инвалид. Я ему по дому помогаю, а он меня петь учит.

С этого дня Сёмку перестали звать Сёмкой. Только Семёном.

Рекомендуем почитать

Марченко, В. Ф. Люська : рассказы для детей. – Бийск : Изд. дом «Бия», 2010. – 70 с. : ил.

Марченко, В. Ф. Семка : рассказы для детей. – Бийск : Изд. дом «Бия», 2010. – 47 с. : ил.

Марченко, В. Ф. Мишка : рассказы для детей. – Бийск : Изд. дом «Бия», 2012. – 97 с. : ил.

Мерзликин
Леонид Семенович

(18.08.1935 – 05.09.1995)

Родился в с. Белоярском Первомайского района Алтайского края. Окончил культпросвет школу в с. Троицком, служил в армии, работал в Калманской районной газете. В 1964 г. окончил Литературный институт им. А.М. Горького в Москве.

Первые стихи были опубликованы в 1950 г., как поэт Л.С. Мерзликин имел всероссийскую известность и любовь читателей, на Алтае его считали «королём поэтов». Именем Л.С. Мерзликина названы улицы в г. Барнауле и в г. Новоалтае. С 1999 г. проходят традиционные Мерзликинские чтения, на которых вручаются премии за лучшие поэтические книги.

Лауреат краевой премии им. В.М. Шукшина (1988), муниципальной премии г. Барнаула (1995), премии Демидовского фонда Алтайского края за поэтический сборник «Избранное» (посмертно, 1998). Награждён медалью «За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения В.И. Ленина», Почётной грамотой и премией Славянского общества (посмертно, 1997).

Член Союза писателей России с 1965 г.

СИНЕЕ

Чинно, скромно, деловито
Солнце село за лесок,
С неба, словно через сито,
Синий сыплется снежок.

Перед синим магазином
След в снегу загустенел,
Дед пришёл за керосином,
Нос у деда посинел.

Кошка юркнула под крышу,
Дед вздыхает: «Егоза».
И на синюю афишу
Пялит синие глаза.

Он смахнул с афиши иней
И читает, что к чему,
А с афиши кто-то синий
Улыбается ему.

ВЕСНА

Отнесли в кладовую валенки,
Шубу дедову отнесли.
Куры гнездятся на завалинке,
Искупав гребешки в пыли.

У калитки крышами хлопает
Рыжебокий любитель драк.
Огляделся, к хохлаткам топаёт:
Без хохлаток нельзя никак.

Вдруг он солнце заметил в лужице.
Отвернулся. Взглянул опять.
Не подсолнух ли это кружится?
Вот бы семечек поклевать!

А коснулся – и вскинул голову,
Солнце каплею протекло.
Рыжебокий моргнул и здорово
Загорланил на всё село!

ОЗЕРО И ГУСИ

Озеро темнеет в неспокое,
Гуси опускаются белы.
Озеро огромное такое,
Гуси так потерянно малы.

Плещется вода на километры,
И какую моросью ни сей,
Как бы ни посвистывали ветры,
А далёко слышу я гусей.

УТЁНОК

Солнце жмурится спросонок,
Так и думаешь – зевнёт.
У воды кричит утёнок.
До чего ж он желторот!

Он несчастней всех на свете!
И кричит он потому,
Что нырять под волны эти
Очень страшно одному.

КОЛОБОК

По утрам туман кухтолапый,
Но морозы совсем легки.
Снег такой, что бери да стряпай
Крутобокие колобки.

Я пуцу колобок по насту,
– Отправляйся, – скажу, – в леса,
Не обидит медведь мордастый,
Не обманет тебя лиса.

Где курлычет вода в ложбинках,
Где роняет кору сосна,
Эх, в шагреневых да ботинках
По еланям идёт весна!

Полушалок капелью смочен,
И махры плывут по плечу...
Передай, колобок, что очень
Повстречаться с такой хочу.

ПРЕДМОРОЗЬЕ

Заморозки сильные,
Но ещё не жмёт.
Забереги синие,
Но ещё не лёд.

Вот когда он наростью –
Тяжелей свинца!
А пока он радостью –
Вместо леденца.

А пока он краешки
Только оковал.
Надевал я варежки,
Шапку надевал.

Я спешил не на люди,
А к воде, туда,
Где у самой наледи
Плещется вода.

Волнушки уломные,
Гусь кричит: «Га-га»,
За рекой поёмные
Стелются луга.

А по сограм дроздушка
Весело свистит.
На реке морозушка
Мостики мостит.

ГУСЁНОК

Тихо ли, не тихо,
Громко ли, негромко,
Серая гусиха
Кликала гусёнка.

«Где ты, косолапый,
Где запропастился?
Может быть, ты лапой
В речку оступился,

Может быть, поплыл ты
К берегу другому,
Может, утопил ты
Тапочки из хрому.

Жёлтые, с завязкой,
В самый раз на лапу,
Может, ты с опаской
Думаешь про папу?

Он ругать не станет,
Толай по дорожке,
Он тебе достанет
Красные сапожки».

ПЕРЕПЁЛКА

Я полон картошку у околка.
– Спать пора! – свистала перепёлка.

Я домой собрался – вот те на!
– Подь полоть! – зацелкала она.

НА ЛЬДУ

Подо льдом вода течёт,
И видать, как пузырится.
Захотел телок напиться,
Но губами ткнулся в лёд.

Пыхнул паром из ноздрей,
А со дна всплывает щука.
– Это что ещё за штука? –
И телок застыл над ней...

ВОРОБЕЙ

Воробей залетел через форточку,
И вдогонку вечерний мороз
Бросил мелкого инея горсточку,
Тихо скрипнул ветвями берёз.

Воробей, маскируя смущение,
Отряхнулся, поправил крыло
И чирикнул на всё помещение,
Поглянулось, наверно, тепло.

Что ж, пернатый, живи, коль получится,
Но отпляшет ручей по горе,
Твоё пташечье сердце соскучится
По провислым жердям во дворе.

Будешь биться о стёкла оконные
И проситься, проситься туда,
Где поленницы спят запылённые
И лопочет в ночи лебеда

Рекомендуем почитать

Мерзликин, Л. С. Россия : стихи / худож. [А. Щепланов]. – Барнаул : Алт. кн. изд-во, 1965. – 80 с. : ил.

Мерзликин, Л. С. Таисья : стихи и поэмы / худож. А. Щепланов. – Барнаул : Алт. кн. изд-во, 1967. – 136 с. : ил. – Из содерж.: Таисья ; Георгиевский кавалер ; Три месяца : поэмы.

Мерзликин, Л. С. Лада : стихи / [худож. В. Еврасов]. – Барнаул : Алт. кн. изд-во, 1970. – 144 с. : ил.

Мерзликин, Л. С. Ивушка : стихи, поэмы / худож. В. Раменский. – Барнаул : Алт. кн. изд-во, 1973. – 134 с. : ил. – Из содерж.: Георгиевский кавалер ; Островитяне : поэмы.

Мерзликин, Л. С. Проталинка : [стихи для детей дошкол. и мл. шк. возраста / худож. Ю. Кабанов]. – Барнаул : Алт. кн. изд-во, 1973. – 16 с. : ил.

Мерзликин, Л. С. Снежное утро : стихи / [предисл. В. Цыбина ; худож. В. Сальников]. – Москва : Современник, 1974. – 55 с. : ил.

Мерзликин, Л. С. Поэмы / [худож. В. Бурков]. – Барнаул : Алт. кн. изд-во, 1977. – 96 с. : ил.

Мерзликин, Л. С. Облепиха – ягода : стихи / [худож. Ю. Кабанов]. – Барнаул : Алт. кн. изд-во, 1978. – 128 с. : ил.

Мерзликин, Л. С. Просека : стихи / [худож. Г. Бурков]. – Барнаул : Алт. кн. изд-во, 1981. – 87 с. : ил.

Мерзликин, Л. С. Стихи, поэмы / [худож. В. Каминский]. – Барнаул : Алт. кн. изд-во, 1983. – 250 с. : ил. – Из содерж.: Кулава; Таисья : поэмы.

Мерзликин, Л. С. Зимняя роза : стихотворения и поэма / [худож. В. Еранкин]. – Барнаул : Алт. кн. изд-во, 1987. – 143 с. : ил. – Из содерж.: Дело пятое : поэма.

Мерзликин, Л. С. Заря пылает : стихи / [худож. В. Еранкин]. – Барнаул : Алт. кн. изд-во, 1990. – 223 с. : ил.

Мерзликин, Л. С. Млечный путь : поэмы / [сост., подгот. текстов, вступ. сл. В. Башунова]. – Барнаул : Алт. полигр. комб., 2002. – 316 с. : портр.

Мерзликин, Л. С. Мамина шаль : стихи для детей / вступ. ст. В. Башунова ; худож. А. Е. Емельянов. – Барнаул : Алт. полигр. комбинат, 2003. – 32 с. : ил.

Мерзликин, Л. С. Избранное : стихотворения, поэмы / вступ. ст. А. М. Родионова. – Барнаул ; Новосибирск : ИД «Сова», 2005. – 320 с. : портр. – (Библиотека журнала «Алтай»). – Из содерж.: Купава ; Георгиевский кавалер ; Таисья ; Там, за курганом ; Три месяца ; Островитяне ; Млечный путь : поэмы.

Мерзликин, Л. С. Дорога : стихи. – Барнаул : [б. и.], 2007. – 251 с. : портр.

Мерзликин, Л. С. Поклон : избранные стихотворения / вступ. ст. Н. Ягодинцевой. – Барнаул, 2010. – 151 с. – (Литературный фонд «Август» ; № 44).

Мерзликин, Л. С. Полное собрание сочинений «Я иду по земле...» : с научным и литературно-публицистическим осмыслением : в 2 т. / [ред.-сост. и авт. вступ. ст. Е. И. Балакина]. – Барнаул : Алт. дом печати, 2011. – Изд. подгот. к 75-летию со дня рождения поэта Л. С. Мерзликина.

Т. 1 : Стихи. Воспоминания. – 437 с.

Т. 2 : Поэмы. Рассказы. – 271, [1] с. : ил. – Алф. список стихов Л. Мерзликина: с. 258–270.

(14.10.1934 – 20.05.2013)

Родился в с. Буланиха Зонального района Алтайского края. После окончания Буланихинской семилетней школы учился в Бийском педагогическом училище. Заочно закончил Бийский педагогический институт. Во время службы в армии (1954-1956) окончил полковую школу, был командиром стрелкового отделения и помощником командира взвода, активным военкором дивизионной газеты.

Работал учителем начальных классов, учителем русского языка и литературы, директором в Буланихинской средней школе, секретарём Бийского райкома КПСС.

Награждён медалями «За освоение целинных и залежных земель», «За доблестный труд», «Ветеран труда», знаком «Отличник народного просвещения».

Присвоены звания «Ветеран труда», «Почётный гражданин Буланихи», «Почётный гражданин Зонального района».

Член Союза журналистов СССР.

ЗАБИЯКА

На площадке крики, ссора,
Не понять здесь ничего.
– Это всё из-за Егора!
Это всё из-за него!
Он известный забияка,
Где появятся – там драка,
Где Егорка – там и спор
На весь двор.
Бьёт игрушки, рвёт мячи,
Всех толкает – хоть кричи.
Наконец решил весь двор:
– Хватит нам бояться!
Он один – такой Егор,
Нас всех вместе – двадцать!
И Егор не дурачок:
Понял всё он – и молчок.

ЛЕТНИЙ ДЕНЬ

Летний день пылает ярко,
Над землей струится зной.
Даже солнцу стало жарко –
В речке плещется со мной.

МОЙ АЛТАЙ

Мы живём на Алтае.
Так назвали наш край,
Где земля золотая
На любой урожай.

Ягод, фруктов и хлеба,
Молока, овощей.
Блещет золотом небо
Над землёй от лучей.

Здесь поля, словно море,
В них купается день.
В необъятном просторе
Острова деревень.

Где есть каждому место
И работать, и жить.
Малой Родиной с детства
Учат нас – дорожить.

Полям, лугом и домом,
Переулком своим.
В этом мире знакомом
Всё нам стало родным.

Мы гордимся Алтаем,
Очень любим свой дом,
Их прославить мечтаем
Своим честным трудом.

РАДУГА

Над землёю плыли тучи
И под солнцем таяли,
Пролились дождём кипучим,
Радугу оставили.

И она цветной и яркой
Поднялась над степью аркой
И стоит над морем хлеба,
Словно лестница на небо.

ЛЕТО

Цветущая гречиха –
Пчелиная страда.
Тропинку моет тихо
Молочная вода.
Овёс за косогором,
Как серебристый плёс,
Шагают в степь дозором
Полки лесополос.
Течёт в луга тропинка –
Зелёный ручеёк.
Кузнечики-пружинки,
Как брызги из-под ног.
Ромашковая пена
Вокруг белым-бела.
Берёзка по колено
В ту пену забрела.
На взгорье земляника
Томится в полусне,
И чибис с громким криком
Ласкается ко мне.

СОЛНЦЕ

Солнце вяжет кружева
Золотыми спицами,
Украшает деревья
Бархатом да ситцами.
День-деньской для детворы
Добрыми руками
Расписные ткёт ковры
С яркими цветами.

СОЛНЕЧНЫЙ ВОСХОД

Нет для души картин милей,
Чем солнечный восход:
Село моё среди полей –
Как белый пароход.
Прибой качает небеса,
Костёр зари – маяк,
Деревья – словно паруса,
А солнце – жаркий флаг.
Вокруг привольно и светло,
И лёгок птиц полёт.
И в новый день моё село
Уверенно плывёт.

МЛАДШИЙ БРАТ

Год исполнился Серёже,
Он совсем ходить не может
И весь день сидит упрямо
На руках у папы с мамой.
От души прошу я братца:
– Ты обязан постараться!
И сегодня братец вдруг
Всех обрадовал вокруг:
Ухватился он за стул,
Приподнялся и шагнул!
Он шагал и на пол падал.
И опять вставать спешил.
Я за брата очень рада,
Что он подвиг совершил.

ВОРОБЕЙ

Воробей стучит в окошко –
В стужу голодно ему.
Я дала зерна и крошек
Воробьишке своему.

Он обрадовался очень,
Только есть один не хочет:
Зачирикал воробей,
Пригласил к столу друзей.

ОСЕНЬ

Снова осень с повадкой лисьей
То в логу промелькнёт, то в сквере.
Ветер трогает жёлтые листья,
Как измятые птичьи перья.
Дождь работает, как издольщик,
Всё вокруг до нитки помокло.
Тёмной ночью мороз-стекольщик
Растерял по дороге стёкла.

ПРИЧУДЫ ОСЕНИ

В осенний день вернули лето
Нам на прощанье журавли.
И роща, в золото одета,
Пылает солнечно вдали.
И в воздухе, насквозь прогреетом,
Смола струится по сосне.
И яблоня своим расцветом
Напомнила вдруг о весне.
И празднично в речной ложбине,
Как в мае, вспыхнули жарки,
И кисти ягод на рябине –
Как в жаркой печке угольки.
И мы себя на солнце нежим,
Забыв на время о труде...
И только гуси снегом свежим
Белеют в дождевой воде.

МЕТЕЛИЦА

Закружилась, замела
Бойкая метелица
И по улице села
Белым ситцем стелется –
Как из пряжи его ткёт,
И работой хвалится,
Песню грустную поёт,
Словно в ней печалится.
Украшает все дома
Белыми волокнами,
Вьёт сугробы-терема
Во дворе под окнами.
От снегов везде бело,
Но и в царстве холода
Смотрит окнами село
Вдаль светло и молодо.

ПТИЧЬЯ СТОЛОВАЯ

На дворе трещат морозы,
Стынут сосны и берёзы,
Снег на ветках бахромой.
Птицам голодно зимой.
С папой сын решили дружно:
В сад кормушку сделать нужно!
К делу важному с утра
Приступили мастера,
И была готовая
К вечеру столовая.
От зари и до зари
Под окошком снегири,
Воробьи, синицы
И другие птицы.
И Максимке за обед
Птицы хором шлют привет.

СНЕЖНОЕ ЦАРСТВО

Окутал иней тополя,
И клёны, и берёзы,
Как будто их из хрусталя
В ночь сделали морозы.
Стоят в безмолвии они
В саду, в аллеях парка
И, как бенгальские огни,
Искрят под солнцем ярко.
В очаровании зимы
Степной простор безбрежный.
И кажется, что в царстве мы
У королевы снежной.

ДВЕ СОРОКИ

Две сороки на заборе
День встречают в разговоре.
Во дворе они стрекочут,
Тараторят и хохочут,
Словно им до вечера
Делать было нечего.

СТРЕКОЗА

Я смотрю во все глаза:
В синем небе – стрекоза.
Подлетает ближе, ближе,
Опускается всё ниже,
Замедляет свой полёт.
На виду у всех растёт.
Опустилась на лугу,
Прямиком я к ней бегу,
И бегу без передышки,
А за мною – весь народ,
Впереди бегут мальчишки
Посмотреть на вертолёт.

КАЧЕЛИ

Папа сделал нам качели,
Не качели – самолёт.
В самолёт мы сразу сели
И отправились в полёт.
В небе ветер нас качает,
На посадку возвращает,
Но бесстрашно мы летим,
На площадку не хотим.
Крепче взявшись за верёвки,
Продолжаем тренировки:
Чтобы лётчиками стать.
Смелость надо воспитать.

МАЛИНА

Я с подружками в бору,
Здесь малину я беру.
Ягода – услада,
Сахара не надо.
В полном кузовочке
Тлеют уголёчки.
Выхожу усталая
К дому по дорожке.
Будто солнце алое
У меня в лукошке.

ЁЖИК

В нашем доме ёж живёт,
Молоко из блюдца пьёт.
Он привык ко всем немножко,
А зовём его мы Ёжкой.
У него остры иголки,
Он не спустит никому,
Потому лиса и волки
Не страшны в лесу ему.

ПАСЕКА

Там, где солнышко встаёт,
В роще соловьиной,
Зеленеет и цветёт
Городок пчелиный.
Золотой алтайский луг
Плещется цветеньем.
Вылетают пчёлы вдруг
На простор с гуденьем.
Облетят поля и сад
Всем пчелиным родом,
Угостят потом ребят
Ароматным мёдом.

ЗАЙКА

Резво скачет заяка
В беленькой фуфайке:
Прыг да скок, прыг да скок
Без тропинок, без дорог.

Как в тетрадке, на снегу
Пишет заяка строчку,
А потом он на бегу
Спрячется за кочку.

Среди кочек и сугробов
Отыскать его попробуй!

МЕДВЕДЬ

Озорница-белка шишку
Кинула в берлогу мишке.
Рявкнул мишка – жалко сна,
А вокруг уже весна.

На весь лес трещит сорока,
Тараторит: «Ну и ну,
Нынче мишка-лежебока
Опоздал встречать весну!».

НЕПОСЛУШНОЕ ПЕРО

Разбежались в беспорядке
Буква «а» и буква «о».
Кляксы ставит по тетрадке
Непослушное перо.
Мимо строчек ходит – пляшет,
Чуть надавишь – и дыра,
Буква «о» теперь у Маши
Стала лучше, чем вчера.
«А» не хочет подчиниться:
То получится, то нет.
Пишет, пишет, ученица,
Забывая про обед.
Солнце спать за лес уходит,
Месяц дремлет в облаках.
До утра во сне выводит
Буквы Машина рука.

ЧИК

Маленький, только что оперившийся воробышек, с жёлтой полоской по клюву, был очень любопытным и непоседливым птенцом. Однажды, в отсутствие своих родителей, он выбрался из мягкого гнезда на угол деревянного дома и зажмурился от ослепительного солнечного света.

Налетел озорной ветерок и нечаянно столкнул воробышка в палисадник на мягкий цветник. Испугавшись падения, птенец отчаянно заработал слабыми крылышками и запутался в траве. Тут и увидел его Максимка, осторожно помог выпутаться, посадил на ладошку и стал ждать, когда воробышек взлетит. Но летать он ещё не научился, и Максимка принёс его домой.

– Опять какую-то птаху отыскал. Зачем она тебе? – спросила бабушка Маша и сокрушенно покачала головой.

– Его кошка поймает. А если не поймает, то он сам от голода погибнет.

– А ты как его спасёшь, такого махонького?

– Буду кормить манной кашей, картошкой, хлебом. Воробьи всё едят.

– Ну, испробуй, коли сможешь, – одобрительно сказала бабушка Маша и великодушно разрешила внуку оставить птенца в комнате.

Максимка отыскал небольшую картонную коробку с крышкой, внутри выстелил её ватой, сбоку прорезал круглое отверстие. Получился славный домик для нового жильца. Его поставили на шифоньер, повыше от кота Маркиза. Кот хоть и добрый, воспитанный, но как угадать, что у него на уме?

Максимка сразу познакомил Маркиза с новосёлом и, погрозив пальцем, предупредил:

– Не вздумай шалить и хулиганить!

Кот презрительно фыркнул и отвернулся, обидевшись на глупые подозрения хозяина.

Сначала птенец не хотел ничего клевать. Он просто не умел самостоятельно завтракать и обедать. Максимка расстроился до слёз:

– Бабушка, что же мне делать? Он умрёт от голода?

– А ты ему клювик осторожно открой и клади кашку. Он проглотит. Родители кормили его изо рта, – посоветовала бабушка Маша.

И кормление наладилось.

– Как же мы тебя назовём, воробышек? – спрашивал Максимка, грея в ладонях своего питомца. Птенец доверчиво моргал глазами-бусинками и вдруг храбро подал голос:

– Чик!

Потом повертел крошечной головкой, встрепенулся в ладонях и чётко повторил:

– Чик! Чик!

– Бабушка! – восторженно закричал Максимка. – Он мне сказал своё имя! Его зовут Чик!

И все в доме стали называть воробышка Чиком. Кот Маркиз, хорошо запомнив предупреждение хозяина, сначала старался не замечать птаху, брезгливо фыркал и отворачивался или уходил подальше от греха. Но со временем привык к воробьиному чириканию, с интересом наблюдал за шустрым летуном, даже позволял ему садиться рядом на свой солнечный подоконник.

Чик по-настоящему выправился и окреп, нарядился в блестящие перышки, самостоятельно управлялся с обедами и беззаботно порхал по всем комнатам. Максимку он обожал, только в нём признавал своего хозяина и друга.

– Чик! Лети ко мне! – звал его Максимка. И Чик тотчас прилетал, садился на плечо, клевал пшено на раскрытой ладони. Он почему-то разлюбил картонное жилище, ночью спал над окошком на деревянной гардине.

Однажды бабушка проветривала комнаты и забыла закрыть форточку. Спихватилась, но опоздала: на её глазах воробей пулей вылетел на волю и исчез в саду. Максимка с горя не хотел ни есть, ни пить, долго плакал и упрекал бабушку.

– Прости меня, внучек, старую. Не нарочно это я сделала. Памяти совсем не стало.

– Всякой птице нужна воля. Ты сделал доброе дело – помог воробью вырасти, спас его от беды. Но ты не должен его всю жизнь держать взаперти, как пленника. Это жестоко! – успокаивал по-своему Максимку дед.

Но не успели в доме примириться с потерей, как вдруг услышали давно привычное и радостное:

– Чик! Чик!

На гардине сидел воробей и увлеченно клювом чистил перышки. Максимка был на седьмом небе от великой радости: его питомец возвратился, он знал свой дом!

Чик стал каждый день улетать из дома. Налетавшись вдоволь, возвращался усталым и сытым, садился на свою гардину и, закрыв глаза-бусинки, о чём-то сосредоточенно думал. А может быть, ни о чем не думал, а просто дремал.

Однажды он возвратился домой не один: залетев в комнату, он долго переговаривался через форточку с другой птахой, оставшейся за окном на ветке тополя.

– Подругу нашел себе наш Чик. Жить в одиночестве на земле никому негоже, – внушительно сказал дедушка Максимке.

Вскоре Чик исчез из дома на весь день. Вернулся он под вечер какой-то беспокойный, взъерошенный, несколько раз облетел все комнаты. Садился то на шифоньер, то на комод, то опускался на подоконник. Один раз привычно присел на плечо к Максимке, почистил клюв о его рубашку и о чём-то торопливо заговорил:

– Чик-чик! Чик-чик!

Взмахнув крылышками, он сделал круг по комнате и решительно вылетел в форточку.

Больше он не возвратился. Но все в доме долго вспоминали Чика и очень хотели, чтобы он попал в добрую воробьиную компанию.

БИБЛИОТЕКА

Нина перешла в третий класс. Она – отличница. Хорошо учиться помогают верные друзья – книги. Очень любит читать Нина. У неё есть своя библиотека.

Однажды к Нине пришёл Володя. Он пошёл в первый класс. Уже знает все буквы. Володя увидел у Нины в руках журнал. На обложке медленно прочитал: «Мурзилка».

– Дай мне журнал домой, – попросил Володя.

Нина дала. Володя побежал, довольный, радостный. А Нина подумала: «У меня вон сколько книг и журналов, но их никто кроме меня не читает. Зря лежат». И придумала.

Завела картотеку. Это она видела у мамы, которая раньше работала в библиотеке. Книг набралось более пятидесяти. Пришли к Нине подружки.

– Давайте играть в библиотеку, – предложила она. – Выбирайте себе книжки! Только такой уговор: читать и пересказывать друг другу.

Девочки выбрали и ушли. Рассказали другим девочкам и мальчикам о хорошей затее. Те пришли к Нине:

– Запиши и нас в библиотеку.

Нина обрадовалась, всех записала, всем дала по книжке. Читателей становилось всё больше и больше. Кое-кто принёс свои личные книжки:

– Возьми и наши, пусть все ребята их читают.

Рекомендуем почитать

Мокшин, М. М. Я стала большая : стихи / [худож. И. Цесюлевич]. – Барнаул : Алт. кн. изд-во, 1966. – [12] с. : ил.

Мокшин, М. М. Летний день : стихи / [худож. В. Еранкин]. – Барнаул : Алт. кн. изд-во, 1981. – [15] с. : ил.

Мокшин, М. М. Жарки на поляне : стихи / [худож. А. Емельянов]. – Барнаул : Алт. кн. изд-во, 1984. – 48 с.

Мокшин, М. М. Село под небом голубым : стихи. – Бийск : Печатный двор, 1998. – 127 с. : ил., портр. – 220-летию родной Буланихи посвящая.

Мокшин, М. М. Солнечные родники : стихи / ил. И. М. Соловов. – Бийск : Печатный двор, 1998. – 55 с. : ил., портр. – 220-летию родной Буланихи посвящая.

Мокшин, М. М. Душа и память : стихи / [вступ. ст. Т. Ридель]. – Бийск : НИЦ БГПУ им. В. М. Шукшина, 2002. – 379 с.

Мокшин, М. М. Мы живем в селе : стихи и рассказы для детей / [вступ. ст. П. Беззубова]. – Бийск : НИЦ БГПУ им. В. М. Шукшина, 2003. – 164 с. : ил. – Из содерж.: Чик ; Библиотека ; Заячий хлеб ; Обида ; Куриная похлебка ; В трамвае ; Во имя жизни ; Гришкина месть ; Арбузный сок ; Андрейкины голуби ; Болотные рыцари ; Военная тайна ; Ради славы ; Памятник ; Выпускной вечер ; Губная гармошка ; Чужие капканы ; Огурцы ; Лисята : рассказы.

Мокшин, М. М. Святой источник : стихи. – Бийск : НИЦ БГПУ им. В. М. Шукшина, 2003. – 301 с. : ил.

Мокшин, М. М. Мы живем на Алтае : стихи, рассказы, басни, очерки / [сост. Т. А. Ашмарина ; вступ. ст. А. И. Колмакова]. – Бийск : Изд. дом «Бия», 2013. – 52 с. : ил.

Ольга Сергеевна

Московка (Матушкина) Ольга Сергеевна
(р. 09.03.1985)

Родилась в г. Барнауле. Училась в барнаульской гимназии № 22, детской школе искусств № 1. В 2007 г. окончила филологический факультет Алтайского государственного университета. С 2011 г. работает в Алтайской краевой детской библиотеке им. Н.К. Крупской. Активно сотрудничает с издательствами в качестве художника-иллюстратора.

ВОЛШЕБНАЯ КНИГА

Катя шлёпала по лужам, крепко держа маму за руку. Была пятница, и они вместе шли в детскую библиотеку имени Крупской, чтобы сдать прочитанные книжки и взять новые.

Ходить в библиотеку Катя не любила. А что? Там ничего интересного нету. Книжки и полки. Полки и книжки. К тому же, книжки – штуки скучные. Это тебе не планшет, в них не поиграешь.

Почти все книги, которые брались в библиотеке, читала Кате мама. Нет, нет, не подумайте, что Катя не умела читать – наоборот, умела, и очень хорошо. Просто занятие ей это совершенно не нравилось.

– Эй, Катюня, смотри, сколько новых книжек! – обрадовалась мама, когда они зашли в библиотеку. – Мы с тобой такие видели в магазине, а тут их можно почитать бесплатно. Здорово, да?

– Да, – вяло кивнула Катя.

И мама начала выбирать книжки в красивых обложках – и сказки, и повести, и истории про животных.

Катя вздохнула и пошла побродить между полок. Она шла и шла, и полки казались бесконечными. Несколько раз ей приходилось сворачивать налево или направо, и вот она заметила,

что вокруг становится всё темнее, а полки и не думают заканчиваться. Катя захотела вернуться, но куда бы она ни шла, кругом были только книги.

– Мама! – позвала она.

Никто не ответил. Только вдруг кругом зашептались разные голоски – тоненькие, как колокольчики.

– Вот она, та девочка!

– Девочка, которая не хочет нас читать!

Катя испугалась. Она посмотрела на полки, и увидела, что это шепчутся книги – все они как будто ожили и теперь копошились на полках и шушукались.

– Ой, – испугалась Катя.

Она хотела побежать, как вдруг перед ней на полке появилась особенная книга – она светилась и шелестела страницами, с которых летели маленькие мерцающие звездочки.

Катя так удивилась, что перестала бояться, и подошла поближе. Она протянула руки, чтобы взять чудесную книгу, как вдруг её ослепила яркая вспышка.

– Кхе-кхе, – кашлянул кто-то.

Катя вздрогнула и открыла глаза. Она стояла на улице, но улица эта выглядела очень странно. На ней не было ни трамваев, ни машин, и людей было очень мало. Вместо многоэтажек тут и там стояли какие-то деревенские домики, а в ограде одного из них даже ходили настоящие курицы.

А главное – не было ни светящейся книги, ни полок, ни синего дома, в котором была детская библиотека.

Значит и мамы не было тоже.

Она уже готова была расплакаться, как вдруг увидела рядом незнакомого мальчишку.

– Чего ревёшь? – невежливо спросил он и моргнул. Катя посмотрела – ресницы у него были белые, и волосы тоже, а нос усыпан рыжими веснушками.

– Ничего я не реву, – ответила Катя. – Просто я потерялась. Мы с мамой были в библиотеке, а потом я очутилась здесь.

– В библиотеке? – оживился конопатый мальчишка. – Чего

же ты сразу не сказала. Я знаю, где библиотека, и сам туда иду. Хочешь, пойдём вместе?

– Хочу! – кивнула Катя и вытерла слёзы.

Дул тёплый ветер, и светило солнце. Катя смотрела по сторонам и удивлялась – кругом были незнакомые улочки и за-коулки.

Они шли долго и наконец пришли к деревянному дому. Был он старый, с крыльцом, на котором сидели ребята. Мальчишки были коротко стрижены, а на девочках были одеты странные платья. И никто не был в джинсах, а некоторые вообще были без обуви – босиком.

– Ну вот, мы и пришли, – сказал мальчишка. – Наша Центральная детская библиотека.

Катя мотнула головой.

– Нет, это совсем не похоже на библиотеку, – сказала она. – Наша библиотека большая, находится в четырехэтажном доме, который покрашен голубой краской.

Услышав её, ребята засмеялись.

– Будет тебе придумывать! – сказал конопатый и улыбнулся.

– Я не придумываю! – сказала Катя и сдвинула брови.

– Да врёт она всё, нету в городе другой библиотеки, это каждый знает! – крикнули мальчишки. – Тем более в четыре этажа. Таких домов не бывает!

Катя почувствовала, как подбородок её начал дрожать, и слёзы предательски потекли по щекам.

Тут на крыльцо вышла высокая женщина. Лицо её было добрым и светлым. Увидев её, ребята обрадовались, и поднялись, чтобы подойти к ней.

– Здравствуйте! – поздоровалась женщина. – А кто это тут плачет?

Она подошла к Кате и положила руку ей на плечо.

– Я тебя раньше здесь не видела. Ты, наверное, новенькая? Меня зовут Анна Савельевна Шуругина, а это – наша библиотека. Пойдём с нами, мы с ребятами покажем тебе книжки, а ты расскажешь, что с тобой случилось.

И они пошли внутрь деревянного дома. В этой странной библиотеке всё было удивительно – книжки все были без блестящих глянцевых обложек, и самих книг было мало. Полки тоже были мало. Катя не увидела в библиотеке ни одного компьютера, зато насчитала три деревянные лавки и один стол.

– Ну вот, добро пожаловать! – улыбнулась Анна Савельевна. – Здесь мы с ребятами читаем книги, делаем стенгазеты, проводим беседы на разные интересные темы. А ещё у нас есть любительский театр. Ты умеешь читать?

– Умею, – кивнула Катя, и вспомнила, что там, в настоящей детской библиотеке, её уже заждалась мама, и хлюпнула носом.

– Бедная девочка! – пожалела её Анна Савельевна. – Расскажи мне, что с тобой произошло, а мы с ребятами постараемся тебе помочь.

И Катя рассказала свою историю – и про пятничные походы за книжками, и про то, что не любит читать, и про странные полки, и про книгу со светящимися страницами, и про свою маму.

Она закончила рассказ и посмотрела на ребят. Катя была уверена, что они снова посмеются над ней, но никто не смеялся. И Анна Савельевна тоже.

– Что же, Катя, мы поможем тебе, – сказала она. – Думаю, книжки решили проучить тебя за то, что ты отказывалась их читать. Я думаю, ты сможешь вернуться домой, как только прочитаешь ту самую, светящуюся книгу. Ты помнишь, как она выглядела?

– Она была небольшая, старая, – ответила Катя.

– Что же, давайте все вместе попробуем поискать такую книгу у нас. Катя, как только найдёшь похожую книгу, бери её и читай – если это та самая, то она начнёт светиться, и ты попадёшь домой.

И Катя принялась брать книги с полок. Все ребята помогали ей, находили книги и приносили ей посмотреть – подходит ли?

Конопатый мальчишка, что привёл её сюда, тоже помогал.

Оказалось, что зовут его Пашка, он приходит в библиотеку каждый день после школы и прочитал уже кучу книг.

Ещё он рассказал, что Анну Савельевну здесь все уважают, и что она устраивает интересные занятия для детей. А ещё, что сюда приходят ребята, у которых нет родителей и дома – таких называют «беспризорники». Анна Савельевна учит их читать. Много здесь и тех, кто не ходит в школу – для них тоже устраиваются занятия, их учат читать и писать, читают им вслух.

Тут Кате стало так стыдно, что она хоть и отличница в своём первом классе, а до сих пор читает ей мама.

Катя листала книжки и прочитала несколько отличных сказок, некоторые книги были удивительные – например, ей попалась одна с названием «Пионерам о библиотеке». Некоторые книги были тонкими, и в них были увлекательные рассказы про животных – Катя начала читать и не могла оторваться, пока не прочитала всё до конца.

Вдруг она заметила маленькую полочку на стене, на которой стояла всего одна книжка. Она была новенькая, в красной обложке, только название Катя никак не могла разобрать. Она взяла книжку в руки, раскрыла её, и принялась читать. Это была сказка. Кате показалось, что страницы книги тихонько мерцают. Чем дальше Катя читала, тем сильнее светились страницы, и скоро уже всё вокруг было покрыто мягким белым сиянием.

– Ты нашла нужную книжку! – обрадовалась Анна Савельевна. – Возвращайся домой, счастливого пути!

– До свидания! – крикнул Пашка и помахал рукой.

Катя почувствовала, как она поднимается в воздух, и белый свет несёт её куда-то вдаль. Она закрыла глаза.

– Эй, Катюня! – позвал мамин голос.

Катя открыла глаза. Она сидела на стуле, облокотившись на книжный стеллаж, и держала в руках книгу сказок с красной обложкой.

– Ты заснула, пока я выбирала книжки, – сообщила мама и засмеялась. – Придём домой, я тебе их все прочитаю.

– Мамочка! – Катя крепко обняла маму. – Теперь я сама

буду читать. И в библиотеку приду просто так, потому что здесь интересно.

Она смотрела вокруг. Яркие обложки, красивая мебель, компьютеры, журналы, просторные комнаты. Ей вспомнилось простенькое деревянное помещение и скромные книжки. И ребята, и добрая Анна Савельевна.

– Знаешь, мама, – сказала Катя. – А давай в понедельник придём сюда снова, и посмотрим выставку про историю библиотеки?

– Давай! – согласилась мама.

Перед тем, как уйти, Катя посмотрела на книгу со сказками, ту самую, что держала в руках, когда её разбудила мама. Она улыбнулась и помахала книжке рукой.

КОФЕЙНЫЕ СКАЗКИ

Кофейная кошка

Жила-была кошка, которая очень любила кофе. По вечерам она брала в каждую лапку по чашке, в хвосте несла кофейник, и осторожно пробиралась на крышу, чтобы вместе с соседом, красавцем-котом Тимофеем выпить ароматный напиток.

Однажды в воскресенье, когда октябрь только-только начал моросить холодным дождём, а кленовые листья полетели по узким улочкам провинциального города, кошка взглянула на свою любимую чашку и улыбнулась. Она представила, как закипает кофе, и, смешиваясь с молоком и сахаром, превращается в латте. Она аккуратно достала из шкафчика кофейные зёрна, чтобы размолоть их в меленке, как вдруг услышала чей-то плач.

Надо сказать, что кошка была особой чувствительной и чень огорчалась, когда кто-нибудь плакал. Она поставила мешочек с кофейными зёрнами на стол, и легко прыгнула на подоконник.

– Хм-м... – подумала кошка. – Кто бы это мог быть?

Она замерла и стала внимательно слушать. Сначала были

слышны только удары дождинок об оконное стекло и шелест листьев. Однако вскоре до кошки снова донеслись чьи-то горестные всхлипывания.

Кошка приоткрыла форточку и выглянула во двор. Внизу, на зелёной мокрой скамейке, сидела мышка в вязаном красном берете и плакала.

– Почему ты грустишь? – Спустившись во двор, кошка скользнула на скамейку рядом с красной береткой и раскрыла зонт.

– Никто меня не любит, – всхлипнула мышка и залилась слезами.

– Любовь начинается с любви к кофе, – произнесла кошка. – Хочешь, угощу тебя своим любимым латте?

На кошкиной кухне было светло, тепло и уютно. Мышка выпила целых две чашки и больше не плакала.

На прощанье кошка подарила новой приятельнице свой любимый кофейник и две маленькие чашечки. На случай, если той встретится такой же грустный мышонок и ей ужасно захочется угостить его вкусным кофе.

Поздним вечером кошка выключила лампу на кухне и тихонько, сидя в темноте, смотрела на свет в окнах дома напротив. Надо было срочно раздобыть новый кофейник, ведь кот Тимофей обещал ждать её вечером на черепичной крыше...

Принцесса плюшек

Ах, что за праздник был в семье плюшек! Сегодня с утра пекарь-кондитер вытащил из духового шкафа целый противень румяных сладких плюшек с маком, корицей и изюмом, и каждая была настоящей красавицей. А как они пахли! Какими восхитительно мягкими были их бока! Красавицы шушукались и хихикали, совершенно не замечая маленькую тёмную булочку в самом углу противня.

Сказать по правде, эту маленькую плюшку нельзя было назвать даже симпатичной. Один бок у неё изрядно подгорел, сквозь хрустящую корочку некрасиво торчал изюм, а внутри

(и это был страшный секрет!) плюшка вообще была черствовата. Сидя рядом с красавицами, она вслушивалась в их разговор и улыбалась.

– А у меня внутри конфитюр! – похвасталась румяная пышечка справа.

– Зато меня хорошенько смазали яичным желтком, перед тем как достать из печи, – ответила золотистая сдоба. – А ваш конфитюр давно уже вышел из моды!

– Смотрите, как красиво, – сказала вдруг маленькая плюшка с подгоревшим бочком и кивнула на окно. Там, за стеклом, был солнечный день и по голубому осеннему небу плыли тонкие белые облака.

Шум и смех румяных плюшек на мгновение стихли. Все обернулись, чтобы посмотреть на подгоревшую. Та рассеяно улыбалась.

– Чёрная, а туда же, – надменно произнесла самая большая плюшка с маком.

– Выскочка! Малявка! – зашумели вокруг. – Посмотри на себя, разве может приличная выпечка быть такой чёрствой, такой неказистой?! Разве кто-то захочет тебя съесть? Никому не нравятся сухари, дорогуша! Знай своё место!

Маленькая плюшка испуганно замолчала. По пригорелому боку покатила сахарная слезинка.

Немного подостыв, плюшки-красавицы торжественно и со всеми почестями перебрались в витрину. Ах, какой чудный сверкающий мир открылся их взору! Кого здесь только не было! Рядом с плюшками на серебряном подносе стояли красавцы торты, галантно кланялись дамам маффины с черникой, смеялись и шутили беззаботные воздушные эклеры, и даже клубника в шоколаде иногда перебрасывалась парой слов с загорелыми пирожками.

Маленькая подгоревшая плюшка ничего этого не замечала. Она стояла на простой белой тарелке за блестящей витриной и могла видеть только официанта, что время от времени подходил с тарелкой в руках и доставал очередную румяную

красавицу для кого-то из посетителей кофейни. Маленькая плюшка смотрела в окно. Из голубого небо постепенно превращалось в тёмно-синее.

– Плюшки были правы, – подумала она. – Наверное, такие, как я, и правда никому не нужны. Ведь горелки никто есть не станет.

В этот момент в кофейню вошла невысокая, элегантно одетая старушка. В руках у неё была сумочка, а на голове – шляпка. Она села за маленький столик и аккуратно сняла перчатки.

– Будьте любезны, принесите мне кофе без сахара, и отдельно тёплое молоко, – услышала плюшка. Голос старушки показался ей необычайно мягким, как свежий мёд. Она закрыла глаза, и слушала, слушала...

– А ещё я хотела бы, – улыбнулась старушка – съесть плюшку. Только будьте добры, принесите мою любимую чёрствую плюшку. Её так вкусно макать в кофе!

В блестящей витрине раздалось завистливое шушуканье.

– Сию секунду, Ваше Величество, – ответил официант.

И пошёл за маленькой чёрствой плюшкой, той самой, что хранил на отдельной полочке за витриной, специально для Королевы.

Осень рисует

Кофейной кошке не спалось. Была ночь, кошка свернулась калачиком под клетчатым пледом и тихо-тихо лежала, слушая, как падают жёлуди с пожелтевшего дуба во дворе. Эта осень не была похожа на предыдущие. Те, золотые, кофейные, пролетали как диковинные птицы, оставляли в памяти свет и тепло. Новая осень была другой – медленной, печальной, плакала мелким дождём. Кошка тоже стала печальной. Она так редко варила латте, что почти позабыла его бархатный вкус. С почтенным кофейником рассеянно здоровалась по утрам, плелась из дома в шумный город, растворялась в толпе. Вечером возвращалась домой, брала кисть, обмакивала её в чёрную

краску, водила по бумаге, фыркала, комкала листы, закрывала лапками уставшие глаза. Потом ложилась спать, и долго-долго лежала тихо, слушая, как падают жёлуди.

Однажды кошка увидела сон. Ей снилось, будто ехала она в трамвае и смотрела в окно. Вдруг вагончик качнулся и замер. «Сломался или уснул» – подумала кошка. Она вышла из вагона и подняла воротник пальто. Город шумел, дышал сентябрём. Кошка пошла по улице. Гудели машины, смеялись школьники, на площади Звезды продавались гортензии. Когда кошка шла по мосту, выглянуло солнце, и подул добрый западный ветер. Она шла вперёд, рядом с ней шагала осень. Около старой кованой ограды парка кошка увидела молодого скрипача, он играл что-то нежное, и прохожие бросали к его ногам монетки и розы.

Кошка подошла ближе, чтобы послушать, и вдруг увидела красные кисти рябины. Они пылали алым огнём среди зелёно-золотых резных листьев, клонились к земле, тяжёлые. А скрипач играл, мелодия уносилась куда-то, и кошка вдруг взлетела за ней. Она чувствовала, как отрывается от земли, становится лёгкой, ей было так хорошо, что она засмеялась. На лету дотянулась лапкой до рябиновой грозди, сорвала красные ягоды и прижала их к носу. Рябина невероятным образом пахла кофе. Кошка втянула любимый аромат, зажмурилась – и вдруг проснулась.

В окне весело блестело солнце. Кошка открыла форточку, и в комнату ворвался хрустальный воздух. Это был чистый, лучезарный день. Небо ясное, лазурно-сентябрьское, листья тихо кружились, падали на асфальт, а около дома алела рябина. Кошка сварила себе латте, завернулась в плед и вышла на балкон.

– Вчера осень рисовала серой пастелью, а сегодня выбрала акварель, – подумала кошка и улыбнулась.

Золотое донышко

Говорят, что в одной из кофеен города Б. есть Волшебная Кофейная Чашка. Говорят, она стала волшебной после того,

как однажды побывала в руках одной доброй феи, что любила захаживать в кофейню по вечерам и пить гляссе с ванильным мороженым.

На вид Волшебная Чашка совсем даже обычная – беленькая, с гладкими фарфоровыми боками и аккуратной маленькой ручкой. Единственное, чем выдаёт себя волшебница, это золотое донышко, что открывается с последним глотком кофе.

Как и любой волшебный предмет, особенная Чашка умеет прятаться от любопытных. Она притворяется обычной посудой, и когда официант подходит к посудному шкафу, Чашка старается отодвинуться подальше, пропуская вперёд обыкновенных, сверкающих чистотой подруг.

Всё дело в том, что Волшебная Чашка всегда выбирает сама, кому из посетителей кофейни она достанется.

О, какое счастливое время уготовано тому, кого выберет Чашка! Если взять чашку в ладони, потом закрыть глаза, вдохнуть густой, бархатно-сладкий аромат, подумать о самом своём заветном желании, растаять в беззаботном вечере... Тогда, с самой последней каплей кофе, блеснёт золотое донышко, и всё, о чём так мечталось, непременно исполнится.

Дочитав главу до конца, мышка захлопнула книгу с пожелтевшими, потрёпанными страницами, и взволнованно поправила очки. За окном стемнело, и на главной улице зажглись бусы фонарей. Мышка надела пальто, спустилась по лестенке и поспешила в кофейню. Там мышка заказала маленький латте. Пришлось немного подождать, и, наконец, официант поставил перед ней небольшую фарфоровую чашку.

Мышка скомкала салфетку. Сняла очки. Кофе ароматно дышал молочно-сахарным инеем. Мышка взяла чашку и сделала глоток. Мир вокруг показался ей добрее, уютнее. Она подумала о любимых пончиках в глазури, о балконе, на котором растёт герань, о том, как прекрасно блестит море в лучах вечернего, тяжёлого солнца...

Это был спокойный, мягкий вечер. Мышка сделала последний глоток, улыбнулась, накинула пальто и пошла домой.

Вечером, засыпая, она вспомнила, что совсем забыла посмотреть, какое всё-таки донышко было у чашки.

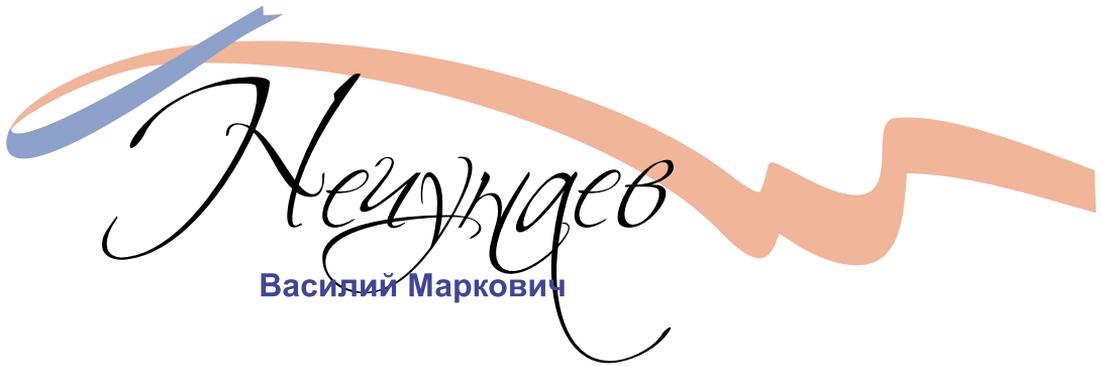
И всю ночь ей снились цветные сны. Мышка плыла по золотистым волнам огромного моря, а высоко в небе парили белые чайки. Чашка-Волшебница стояла на полочке в тёмной кофейне и радовалась, что смогла исполнить ещё одну хорошую, добрую мечту.

Рекомендуем почитать

Матушкина, О. С. Добрых снов! : [сказка для детей дошкольного возраста] / [ил. автора]. – Москва : Переход, 2011. – 29 с. : ил.

Матушкина, О. С. Кофейные сказки : [сказки для детей и взрослых] / [ил. автора]. – Москва : Переход, 2012. – 31 с. : ил.

Московка, О. С. Волшебная книга : [сказка] / [ил. автора] ; Алт. краев. дет. б-ка им. Н. К. Крупской. – Барнаул : [б. и.], 2015 (Алт. дом печати). – 24 с. : ил. – (Писатели Алтайского края – детям).

(р. 04.04.1939)

Родился в деревне Кислухе Первомайского района Алтайского края в крестьянской семье. После окончания средней школы работал на Барнаульском заводе химического волокна. Учился в Барнаульском государственном педагогическом институте, но ушёл из него. Был призван в армию, служил в пограничных войсках. В 1970 г. окончил Литературный институт им. А.М. Горького.

Работал в Доме народного творчества, консультантом в газете «Молодёжь Алтай», руководил детской литературной студией при краевой писательской организации, создал передвижной театр механических игрушек «Тэтэшка».

Лауреат литературных премий: им. А.П. Соболева (1987), им. В.М. Шукшина (2000), им. Л.С. Мерзликина (2004), им. В. Бианки (2008), им. П.П. Ершова (2009). Победитель краевого конкурса на издание литературных произведений в номинации «Литература для детей и юношества» (2009, книга «Воробьиные качели»).

Награждён медалью «За освоение целинных и залежных земель» (1957), Почётной грамотой комитета администрации Алтайского края по культуре (1997), Почётной грамотой «К 100-летию М. Шолохова» (2005).

Член Союза писателей России с 1981 г.

РИСУНОК

На зелёном парашюте
Слоник розовый повис.
Без волнения, без жути
Добрый слоник смотрит вниз.
Там, внизу, стальные краски,
Там столбы и провода.
Нет у слоника опаски,
Что случится с ним беда.
Дело вовсе не в отваге.
На столбы летит. И что ж?
Он летит ведь на бумаге,
А с неё не упадёшь.

ПТИЧКА-НЕВЕЛИЧКА

У малой-малюсенькой
Птички-невелички
Глазки, словно бусинки,
Ножки, словно спички.
Ходит, как начальница,
При таком-то росте...
Вы в неё нечаянно
Камешек не бросьте.

МАЛЕНЬКИЕ РАДОСТИ

Если хочешь благи
Посреди людей,
Маленькие радости
Делай каждый день.
Солнышко возносится,
Зорька расцвела.
Сами в руки просятся
Добрые дела.
Маленькое зёрнышко
Радостно сажай.
На дожди да солнышко
Будет урожай.
Хорошо хорошему
В песне и труде.
Помоги прохожему,
Если он в беде.
Слышишь слово едкое,
Злом не отвечай.
Угости конфеткою,
Пригласи на чай.
Радости прощения,
Как они сильны...
Ходят сновидения –
Сказочные сны.

КУДКУДАШКА

Что там случилось?! Какая беда?!
Крик во дворе: «Куд-куда! Куд-куда!

Куд-куд-куда! Поскорей! Поскорей!»
Выбежал дед босиком из дверей.
Следом за дедом сбежался весь дом!
А кудкудашка стоит над гнездом,
Гордо глядит, гребешок подняла.
Вот, говорит, я яичко снесла!

СОСУЛЬКА

Разгорался красный день.
Все запело: «Тень-динь-день.»
И сосулька ледяная
Заблестела, как стальная,
И подумала она:
«Для меня поёт весна!
Я сильнее всех и выше!
Я одна такую крышу
Поднимаю на спине!
Ай, да я! Спасибо мне!»

Я да я... А время шло.
С неба хлынуло тепло.
И не хвастаться, не якать –
Начала сосулька плакать.
Плакала да плакала...

Эх, сосулька-якала!
Греет солнце! Брызжет свет!
А тебя под крышей нет!

ЮЛА

Весь денёк была юла
Веселым-развесела.
На носочек привставала,
Как в балете танцевала.
А под вечер на полу
Дети бросили юлу...

Слышал месяц у окна
– Горько плакала она:
«Я ведь балерина!
Мне нужна перина!»

НАШ КОРАБЛИК

У кораблика «Руслана»
Всё надёжно, всё исправно:
Мачты, реи, паруса...
Не кораблик, а краса!

Смотрят бабушка и мама,
Как «Руслан» летит упрямо
Через волны вдоль пруда.
«Вот корабль! Вот это да!»

А кораблик мастерили,
Нас ругали: «Насорили!»
Вот сейчас-то, хоть бы что,
Не ругается никто!

СКВОРЕЦ

Прилетел весной скворец.
Для него готов дворец,
При дворце весёлый сад.
И всему на свете рад,
Пел скворец,
насвистывал,
Ноты перелистывал!
Людям радовал сердца!
И с улыбкой на скворца
Солнце посмотрело,
Землю обогрело.

СНЕГИРИ

Вот и улыбнулось
Мёрзлое окно.
Яблоня качнулась.
На ветвях красно.

В снежной повители
Рдели снегири.
– Яблоки поспели!
Мама, посмотри!

...Что же ты к окошку
Поздно подошла?
Пробежала кошка,
Яблоки стрясла!

СОРОКА

Белая кофта,
Над кофтой накидка.
В сизой накидке
Зелёная нитка.
Чёрный платочек
На умной головке.
Ходит сорока
В нарядной обновке.
Ходит-красуется,
Как на параде.
Смотрят в окно
Ребятишки в детсаде:
– Ай, да сорока!
Одно загляденье!
Видно, сегодня
У ней день рожденья.

МЕДВЕЖОНОК

Медвежонку Мишке
Папа сплёл лаптишки.

Показал,
Как надевать,
Левый-правый узнавать.

Только Мишка-шалунишка
Делал всё наоборот:
Надевал свои лаптишки
Даже задом наперёд,
Потешал лесной народ.

Год прошёл.
Заплакал папа –
Вырос Мишка косолапым.

КОЗЁЛ

Наш козёл-сумасброд
Всюду дело найдёт.
И повсюду, всегда,
Где козёл, там беда.

Вон опять он стоит на поленнице.
Раскатает дрова – не поленится!

Эй, козёл, погоди!
На себя погляди.
У тебя, у козла,
Борода, как метла,

Сделай доброе дело, порадуй,
Подмети тротуар за оградой!
Долго думал козёл.
Подметать не пошёл.
Бородой помахал,
А потом сгромыхал

В огород на капустные грядки...
Вот уж там наведёт он порядки!

ГЛАЗА В ГЛАЗА

Зоя встретилась с козой.
Забодать хотела Зою
Обозленная коза.

Зоя смотрит ей в глаза,
Деловито рассуждает:
Всё равно ведь забодает,
Если даже побегу.
Негде скрыться на лугу.

А коза глядит тревожно:
Забодать девчонку можно.
Забодаю, а потом
За неё дадут кнутом.

Вот ведь штука-закорюка,
Вот ведь недолга-беда...
Посмотрели друг на друга –
Пошагали кто куда.

ТАНЮШКИНЫ СЛЁЗКИ

(Дразнилка)

У Тани-Танюни
Всё нюни да нюни!

Смотри-ка, Танюшка,
Какие цветы
Сумела кукушка
Наплакать, а ты...

Поплачь-ка вот тут,
Возле этой берёзки,
А вдруг зацветут
И «Танюшкины слезки».

ЛЕНИВАЯ ИГРУШКА

Лежебока-колобок –
У него ни рук, ни ног.

От лентяя-лежебоки
Убежали руки-ноги.

Убегут еще бока –
И не будет колобка.

ЗАКЛИНАНИЕ

Ой, Мороз-Морозушко,
Пожалей воробышка.
Не гони в дома людей.
Ты ведь добрый – не злодей.

Ты, Морозушко-Мороз,
Не хватай меня за нос,
Не цепляйся за бока.
Я тебе снеговика
Сделаю за это.
Дай дожждаться лета.

ЛУННЫЙ ВЕЧЕР

Лунный свет упал в окошко,
Навострила уши кошка,
Подбирается к окну,
Хочет прыгнуть на луну.

Подожди, не прыгай, киска!
До луны не так уж близко!
Да и нет на ней пока
Ни мышей, ни молока.

НЕБЫВАЛЫЙ САМОЛЁТ

Не игрушка,
Не хлопушка –
В комара стреляла пушка.

Как попал комар в беду,
Задудел:

– Ду-ду! Ду-ду!

С перепугу сел на пушку:
– Не возьмёшь теперь на мушку!

КОЛЫБЕЛЬНАЯ ПЕСЕНКА

Баю-баюшки-баю.
Сладко спится воробью,
Спит зайчонок под кустом,
В речке спит усатый сом,
И заснула крепко
В огороде репка,
Спят ромашки, спит камыш,
Только ты один не спишь.
Спи, мой мальчик, баю-бай,
Поскорее засыпай.
Пусть тебе приснится
Добрая синица.
И пускай она споет,
Как на дне морском живёт
Рыбка золотая...
Баю-баю-баю.

НА БОЛОТЕ

На болоте зелень-позолота,
Над болотом кружево ветвей,
Прилетел однажды на болото
И запел-защёлкал соловей.

А лягушки – мокрые лягушки –
Соловья заслышали едва,
Переговорились:
– Чем мы хуже?
И запели дружное «ква-ква».
Тишину «ква-ква» разворошило,
Огласив окрестные края.
И, подумать только, заглушило
Золотую песню соловья.

МАЙ

Обещают много хлеба
Изумрудные поля.

Блещет солнце,
Светит небо,
Улыбается земля.

Под замочком,
Под приглядом
Не удержишь детвору.

И летает счастье рядом,
Как пушинка на ветру.

ОСЕНЬЮ

Душа оттаяла от бед,
Заполонилась светлой грустью.
Опять шуршит велосипед
По золотому захоластью.
Повсюду Божья благодать.
И ощущение такое,
Как будто в детстве я опять,
Как будто где-то далеко я.

ЗИМНИЙ СВЕТ

На земле не бывало и нет
Утомительных сереньких будней.
Над землёю серебряный свет,
И ему улыбаются люди.
От него на земле так тепло,
Словно снова нагрянуло лето.
Ах, как много его намело,
Искромётного звонкого света.
Рассыпное – куда ни взгляни –
Серебро на дорогах, на крышах.
Да рябиновых ягод огни
Догорают на веточках рыжих.
Хорошо-то в родимом краю
Добрым людям, кудрявой рябинке.
Ах, как царственно шубу твою
Небеса облекли в серебрянки.

Рекомендуем почитать

Нечунаев, В. М. Красная линия : стихи / худож. Я. Свенч. – Барнаул : Алт. кн. изд-во, 1966. – 52 с. : портр., ил.

Нечунаев, В. М. Небывалый самолет : стихи / худож. Т. Ашкинази. – Барнаул : Алт. кн. изд-во, 1971. – 14 с. : ил.

Нечунаев, В. М. Сказка о заводной лягушке : стихи / худож. П. Джура. – Барнаул : Алт. кн. изд-во, 1974. – [12] с. : ил.

Нечунаев, В. М. Бабушкин клубок : стихи для детей дошк. возраста / худож. Т. Ашкинази. – Барнаул : Алт. кн. изд-во, 1975. – 10 с. : ил.

Нечунаев, В. М. Мама, посмотри! : стихи для детей мл. шк. и дошк. возраста / [худож. Т. Ашкинази]. – Барнаул : Алт. кн. изд-во, 1976. – 20 с. : ил.

Нечунаев, В. М. Красный день : стихи для дошк. возраста / худож. Т. Ашкинази. – Барнаул : Алт. кн. изд-во, 1978. – 13 с. : ил.

Нечунаев, В. М. Учили азбуке козу : стихи и сказки / худож. : Г. Удалова, Г. Бурков. – Барнаул : Алт. кн. изд-во, 1982. – 79 с. : ил.

Нечунаев, В. М. Ожерелье : лирич. стихи, стихи детям, пародии / худож. А. Курдюмов. – Барнаул : Алт. кн. изд-во, 1989. – 88 с. : ил., портр.

Нечунаев, В. М. Окологесица : букет иронии / худож. В. Бровкин. – Барнаул : Алт. полигр. комбинат, 1997. – 32 с. : ил.

Нечунаев, В. М. «Ученая коза» и другие стихотворения Василия Нечунаева / худож. А. Емельянов. – Барнаул : Алт. полигр. комбинат, 2000. – 33 с. : ил.

Нечунаев, В. М. Скворушкин дворец и другие стихотворения / худож. А. Емельянов. – Барнаул : Алт. полигр. комбинат, 2002. – 39 с. : цв. ил.

Нечунаев, В. М. Фантазия-чудотазия : стихи для мл. и сред. шк. возраста / худож. А. Емельянов. – Барнаул : Алт. полигр. комбинат, 2002. – 21 с. : ил.

Нечунаев, В. М. Ностальгический романс : стихи. – Барнаул : Алт. полигр. комбинат, 2003. – 176 с. : ил., портр. – (Библиотека журнала «Алтай»).

Нечунаев, В. М. Маленькие радости : стихи для мл. шк. возраста / худож. А. А. Карпов. – Барнаул, 2006. – 27с. : цв. ил.

Нечунаев, В. М. Фантазия-чудотазия ; Ученая коза и другие стихотворения / худож. А. Емельянов, А. Карпов. – Барнаул : Алтайинформбюро, 2006. – 120 с. : ил.

Нечунаев, В. М. Воробьиные качели : стихи для дошк. и мл. шк. возраста / предисл. И. Березюк ; худож. А. Карпов. – Барнаул : Азбука, 2009. – 102, [1] с. : ил.

Нечунаев, В. М. Полино поле : стихи для детей дошк. возраста / худож. А. А. Карпов. – [Барнаул, 2009]. – 12 с. : ил.

Нечунаев, В. М. Далекое звучание : стихи / предисл. В. Метелицы ; худож. А. Карпов. – Барнаул : Алт. дом печати, 2010. – 239 с. : ил.

Нечунаев, В. М. Ларочкино море : стихи / ил. О. Матушкиной ; Алт. краев. дет. б-ка им. Н. К. Крупской. – Барнаул : [б. и.], 2013 (Алт. дом печати). – 16 с. : ил.

Нечунаев, В. М. До чего хорош денек! : стихи для детей дошк. и мл. шк. возраста / рис. О. Матушкиной. – Барнаул : [б.и.], 2014 (Спектр). – 95 с. : ил.

Никольская

Анна Олеговна

(р. 14.06.1979)

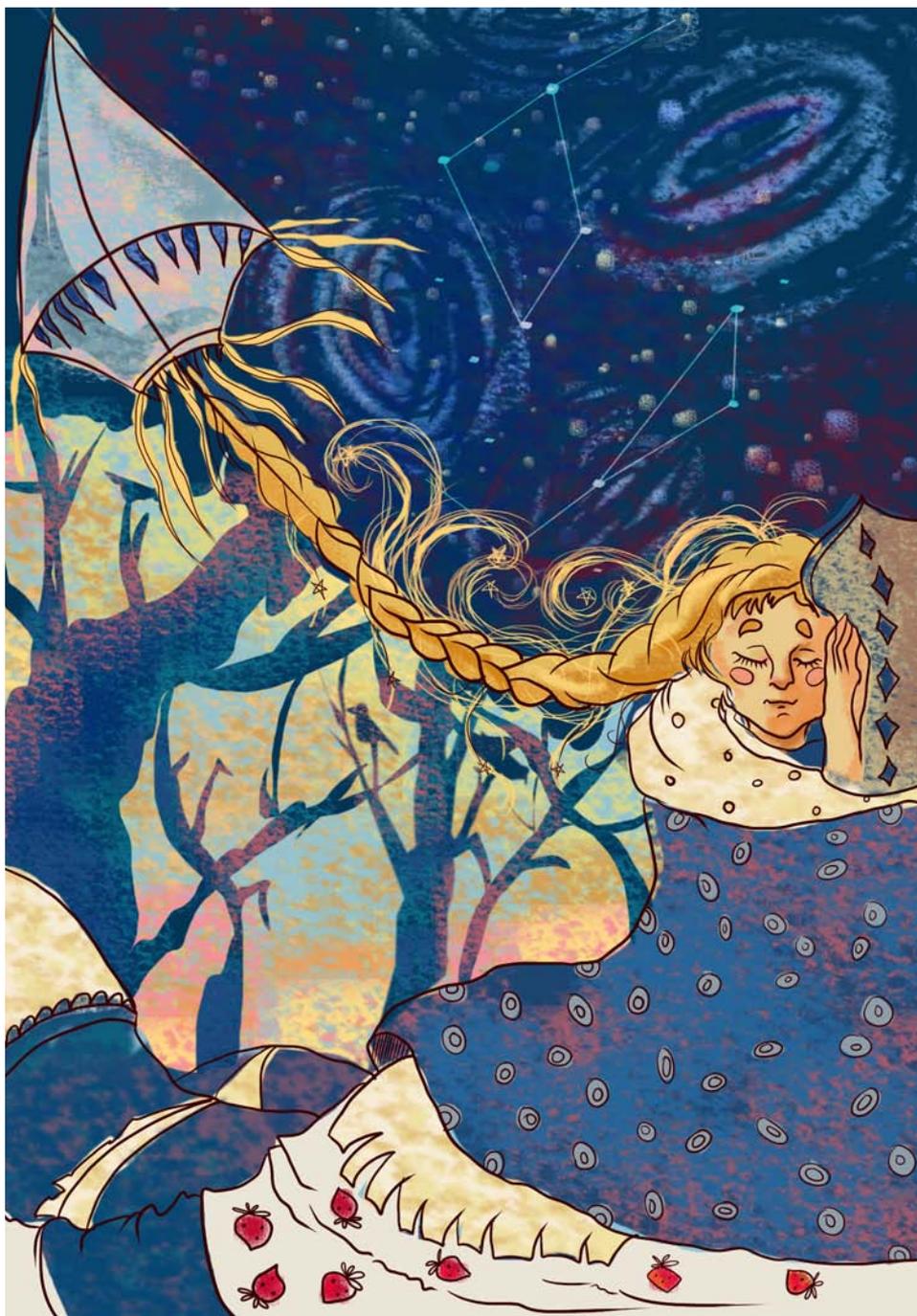
Родилась в г. Барнауле. Окончила среднюю школу № 22, Алтайский государственный технический университет, Московскую Международную школу дизайна, Колледж искусств и дизайна Челси в Лондоне.

Призёр второго Международного конкурса им. А. Толстого (2007). Лауреат премии «Издано на Алтае» (2005, 2007), Международного конкурса им. Сергея Михалкова (2010), Международного конкурса детской и юношеской художественной и научно-популярной литературы им. А. Толстого (2012), «Книжной премии Рунета» (2013). Победитель всероссийского проекта-конкурса «Книга года: выбирают дети» (2013), победитель литературного конкурса «Новая детская книга» (2015), краевого конкурса на издание литературных произведений в номинации «Литература для детей и юношества» (2012, книга «Валя offline»).

Удостоена почётного звания «Посол Мира» Международного форума неправительственных организаций «Конвент Народной Дипломатии» (Италия) за вклад в литературу (2009).

Награждена золотой медалью имени Сергея Михалкова (2010).

Член Международной федерации русских писателей, член Товарищества детских и юношеских писателей России при Союзе писателей России.

СКАЗКИ СИРЕНЕВОГО ЛЕСА

В

Земляничина

сиреновом лесу идёт дождь. На ходу он развешивает бусы на макушки сосен. Бусины продолговатые и неровные, как леденцы в моей коробочке.

– Эге-гей! – кричит дождь и с неба ему басом вторит братец гром в вязаном берете:

– Эге-гей! Не промочи ноги, братец дождь!

На влажном небе сидят гигантские белые старухи. В руках у них прялки из можжевельника. Старухи шамкают губами и прядут облака. Сегодня выходят плотные, кучевые. А вчера были перистые.

Из мокрых сосновых иголок высовывается конопатая мордочка в чепце. Это земляничина. Левая щека у неё алая, а правая – бледная, с кислинкой. Земляничина подставляет лицо дождю – на небо глядит. А небо глядит на земляничину.

– Прыгай ко мне в лукошко! – предлагаю.

– Вот ещё! – хмурится земляничина.

– Как знаешь. – Я тоже подставляю лицо леденцам.

– Повторюша – баба Хрюша! – хихикает земляничина и исчезает в иголках.

Старый пенёк

В старом берёзовом пне поселились зямлики. Они облюбовали его зимой и перекочевали сюда из сада тётушки Му. Потому что она ела сырой лук и пела по ночам серенады.

Из дырочек пня торчат фиолетовые колпаки и носочки. Это зямлики устроили стирку и теперь сушат бельё на солнце.

А чей это клюв торчит из трещины в старом пне? Неужели египетский клюст к нам пожаловал?

Он самый. Клюст собственной персоной. Устроился во флигеле, разобрал дедушкин чемодан и лакомится тыквенной кашей. Вечером он пойдет к приятелю – пропустить по стаканчику клюквенного морса и поиграть в лото.

А зямлики?

Они высушили носки и теперь пускают мыльные пузыри из распахнутых дырочек пня.

Старому берёзовому пню щекотно. И тепло.

Он вспоминает детство.

Сосновая королева

Сосновой королеве, наверное, девятьсот лет. У неё юбка из янтаря и смоляная корона.

В шкатулках у королевы лежат шишки. От них у меня липкие пальцы и нос. Сую его в лукошко с груздями и сыроежками.

Иногда Сосновая королева рассказывает опятам старые сказки. Она прыгает на одной ноге через берёзы. Их повалил дядька Бурелом, когда был не выспавшись.

Сосновая королева втыкает соломинку в муравейник. Мммм – кисло! Она набивает подушку мохом и сухими листьями. Подушка пахнет осенью, шуршит у меня под головой. Накрываюсь пледом и переворачиваюсь на живот.

В сентябре из лесной подстилки вылезли красные бусины. Качаемся на качелях и лопаем языком горькие ягоды. У меня на голове венок из бархатцев. Сосновая королева трогает корону и предлагает:

– Давай поменяемся?

Четыре дырочки

Тётеньке Мыши подарили на день рождения камышовую дудку с четырьмя дырочками. Всю зиму дудка пролежала на полке, в чулане. Она совсем охрипла. Но тётенька Мышь отпоила её чаем и укутала шарфом.

– Отдай мне дудку! – сказал братец Гром. – С ней я буду пасти облака. В последнее время они отбились от рук.

Тётенька Мышь повязала на хвост солнечный луч и печёт пражские вафли. Её передник пропах ванилью.

В вышине играет на ксилофоне крошка дятел. У него красная беретка и синие перья в хвосте.

Сосновая королева затеяла прятки с весной. Она спряталась в куст сирени и теперь пытается отыскать пятилистник. Загадывай желание и глотай!

Над розовым стеклом пруда звенят комары. Длинными носами они учуяли запах далёкого города. Шпили, старинные часы, брусчатка, горбатый мост через чёрную речку. Прага.

На берегу салфетка с ещё теплыми вафлями. Для всех – для всех!

Тётенька Мышь достаёт из кармана дудку. Всего четыре дырочки – а какая музыка!

Маленькие леди

В сиреневом лесу падает снег. Падает, укутывает пушистые лапы сосен сладкой ватой. Лизнешь языком – мигом растает.

В сугробном доме под кустом барбариса спят малышки Лу и Ли. Колыбель из хлопковой коробочки – тепло и уютно. Тлеет в углу лучина-ночник. Бабушка стучит вязальными спицами из куриных костей. Чепчик для Лу и пинетки для Ли почти готовы.

Им снится море из бутылочного стекла. Баюшко-море далеко – хмурое, северное. Плещется в чёрной лоханке из фьордов, хватает за пятки.

На песке крошечные следы – сразу и не разглядишь, чьи. Здесь прошли быстрые ножки в деревянных клопенах-башмаках.

В перламутровой ракушке – лёд. Застывшие слёзы грустного моря.

Спите, маленькие леди, усните до весны.

В сиреневом лесу падает снег.

Теплая

Я потеряла резиновый сапог. Теперь в нём живут мышата. Они поставили печь из огнеупорных кирпичей и купили у дядьки Бурелома вязанку дров.

Из трубы идёт дым. В кружке с отбитой ручкой мышата варят кашу.

Загляну в слюдяное окошко. Обои в полоску, сосновый комод, настольная лампа. Обжились масявки!

– Мышата-мышата, отдайте мой сапог. А я вам молочный зуб.

– Ещё чего, – отвечают. – Ходи босиком – так полезней.

Бегу по траве. Сосновые палки-шишки-иголки колют. Ничего – к концу лета задубеют пятки! С разбега бросаюсь в озеро.

Подо мной кубометры воды и чьи-то тени. Это подводные гиганты с далёкой жёлтой планеты. Они ходят по дну и говорят друг с другом на языке древних рыб.

Выхожу на берег – меня ждёт яичная скорлупа с тыквенной кашей.

Ещё тёплая.

Маленькой быть

Дубовый лист – мой ковёр-самолёт.

Я съела заговорённый клевер из погреба матушки Медуницы. Я стала маленькая! С дубовый жёлудь или каштан, а то и меньше.

Лечу теперь на ковре-самолёте. Сосновый воздух в лицо, смоляной!

– Здравствуйте! – кричу небесным старухам.

Они побросали прялки, охают-ахают:

– Ох-хо-хонюшки, смотри не свались! Руки-ноги береги!

Покажу им язык. А что? Он у меня теперь длинный, как у квакши.

– Привет! – кричу дядьке Бурелому.

Спит Бурелом. Не слышит моего голоса. Он теперь тонкий, как нос у комара. От храпа Бурелома дрожат сосны и белки прыгают с берушами в ушах.

– Добрый день, Ваше Величество! – кланяюсь Сосновой королеве и чуть не падаю вниз. – Как здоровье?

– Распуши хвост! Смотри вперёд гордым Юпитером! – хочет она со своего драгоценного трона.

Внизу, у ручья, бабушка Ежиха полощет носовые платки.

– Посмотри на меня, Ежиха! Сюда, наверх! Это я!

– Платок-то, платок на голову накинь! Летать, небось, зябко!

– Нет, бабушка! Летать – хорошо!

И маленькой быть – ХОРОШОООО!

Моё солнце

Тётка Щука из пруда за Лисьим холмом завтракает солнцем.

Уселась за лист кувшинки, салфеткой подпоясалась. Отрежет ножом сливочный кусок – и на вилке в рот отправит. Запивает облепиховым киселём и за новым куском тянется.

– Щука-щука, отдай моё солнце!

Молчит рыбина, только глаза пучит.

Жалко солнце. Оно дрожит на блюде у рыбы, вот-вот погаснет.

– А давай меняться? Ты мне солнце, а я тебе – килограмм копчёного мотыля.

– Давай, – соглашается тётка Щука.

Дышу на солнце. Грею его в ладонях.

– Ничего-ничего. Подорожником тебя вылечу – до свадьбы заживёт.

В сиреневом лесу идёт слепой дождик – это солнце мне улыбнулось.

Бывает

Тетя Мышь считает, что в мире не бывает трёх вещей: беспрсветного мрака, бесконечной тоски и бегемотов.

– Не бывает бегемотов! – говорит тётя Мышь и хмурится.

– Просто они живут в Африке. И ещё в зоопарке, – объясняю ей.

– Бывают лоси, божьи коровки и кукушки. Филины и сеноставцы. А бегемотов – нет! – упорствует Мышь.

Она раскатывает тесто на пирог. По кухне плывет белый мучной одуванчик.

В окно заглядывает Сосновая королева. Отодвигает пальцем кружевную занавеску:

– Привет!

Она спешит на посиделки в семейном кругу. В руках – корзинка еловых булок.

– Докажи же, что бегемотов не бывает! – кричит ей тетя Мышь.

– А вот и бывает. Смотри!

Выбегаем босиком на крыльцо.

Берёзы в золотых монистах, клёны вырядились как на пожар. Даже дубы переоделись за ночь в жёлтое. Сбросили деревья под ноги летние сарафаны – их осень поцеловала.

По небу клином плывут журавли.

– Не журавли, – тетя Мышь подкручивает подзорную трубу. – Бегемоты перелётные.

– Не может быть!

– Может.

По лесу бредёт сентябрь.

В аптеке

– Зачем тебе сиреневые очки?

– Чтобы было ясно, когда в небе облака.

– Зачем тебе сиреневые очки?

– Чтобы было светло, когда кто-то отобрал солнце.

– Зачем тебе сиреневые очки?

– Чтобы было красиво, когда вокруг город из кирпича.

– Зачем тебе сиреневые очки?

– Чтобы было радостно, в понедельник, вторник и среду.

– Зачем тебе сиреневые очки?

- Чтобы не замерзнуть среди чёрствых сердец.
- Зачем тебе сиреневые очки?
- Чтобы одинаково любить плохих и хороших.
- Зачем тебе сиреневые очки?
- Чтобы сиреневый лес всегда был со мной.

Купите сиреневые очки в лесной аптеке у дятла. Недорого, одна улыбка – и они ваши.

Госпожа Б

Госпожа Б смотрит на меня с укором. К её шляпке прилип кленовый вертолётчик, а ножка измазана землёй.

– Дай зеркало!

Роюсь в ящиках: музыкальная открытка, флакон духов, несколько пуговиц, пакет сухого счастья, куриный бог, салфетки с ароматом Кассиопеи, коробка леденцов, ореховая скорлупа. Нахожу зеркало в эмалевой оправе.

– Что ты мне подсунула! – госпожа Б в возмущении. – В нём отражаются какие-то гиганты! И... и карлики!

Она поправляет на ножке шляпку:

– Сушиться будем или жариться?

Вот глупая.

В фарфоровом чайнике завариваю чай. По вкусу добавляю сливки и щепоть вечера в лесу.

Мы пьём чай с госпожой Б и любимся на отражения звезд.

Отдохни до рассвета

У Бонифация бархатный живот и пушистые щёки. За правой он держит кедровые орехи, а за левой – семечки. Тетушка Му в восторге от его гусарских усов.

В речных камнях Бонифаций развёл костёр. На струганную палку он надевает две корочки. Бонифаций подобрал их у озера ещё в августе – берег для особого случая.

Тетушка Му вешает на сук кашемировое пальто. Она принесла кувшин молока и горшок взбитых сливок. Сосны вплетают в косы гроздь рябины и боярышника. Пощелкивает костёр.

Бонифаций и тетушка Му хрустят поджаренной корочкой, запивая её молоком, и считают до ста.

Не счёт девяносто восемь с неба падает звезда.

– Плюх! – прямо в горшок со сливками.

– Отдохни до рассвета, – говорит Бонифаций.

И они снова считают до ста.

Восемнадцатизимие

В лавке у господина Пекаря возьму пирожных. Фунт чая из сушёного лета на сдачу.

Скрипнет дверь, снежинки уколут в лицо. Сегодня я ночью у бабушки Ежихи, в вязаном носке. Мы будем праздновать восемнадцатизимие.

Ежихе уже давно перевалило за сотню. Но каждую зиму, в середине февраля, ей исполняется ровно восемнадцать.

В бусах из коралловых шариков прыгают огни. В иголках – сушёные сентябринки. Бабушка Ежиха возится на кухне. Ещё тёплый бисквит пропитывает звёздным вечером.

По лесу в валенках бредёт дед Мороз. Скрипит по снегу...

Свернусь клубком. У камелька танцуют шерстяные тени. Глоток какао – горячо внутри.

Бабушка Ежиха устроилась в кресле-качалке – вяжет сиреневый шарф из воспоминаний леса.

Вьюга.

Кто-то

В коробке со шведскими спичками живёт Кто-то.

У Кто-то сиреневая ливрея с золотыми вставками и меховая попа. Хвост пристёгнут на пуговицу.

Я вижу его мельком – только со спины. Он выбивает бабушкин половик на балконе.

Когда я собираюсь в лес, Кто-то начинает шебуршиться в коробке.

– Шебурш-шебурш.

Мы понимаем друг друга с полуслова. Госпожа Б немного ревнует.

Разбегаюсь и прыгаю с Лисьего холма. Руки – широко, в рукавах белые и зелёные ленты, как у воздушного змея.

– Ты забыла хвост! У воздушного змея должен быть хвост!
Кто-то пристегивает мне хвост на лету. На пуговицу.
Летим над лесом.

Вечер

На берегу болота я построила песочный дом. В нём будет жить матушка Медуница. Она повесит на окно занавеску и будет смотреть на небо в подзорную трубу.

По верхушкам сосен на цыпочках крадётся лето. В ушах постукивают стеклянные серьги-виноградины.

Матушка Медуница снимет бигуди и расправит складки на переднике. В кофейнике ворчит на молоко кофе. В блюде чихают булки, пудря друг другу носы.

Камышовой тростью по дверце три раза:

– Тук-тук-тук!

Это дядька Леший. Свататься пришёл.

Через два часа на крыльцо песочного дома опустится вечер.

Матушка Медуница глядит на Сириус.

Одуванчики

У меня на голове растут одуванчики.

Встану спозаранку. Туман. Соберу росу в еловый ковш. Семь капель соловьиной трели из бутылки, добавлю жемчуга – подарок Щуки на день рождения.

Опущу одуванчики в росу – засмеются! Хохочут, валяют дурака на солнцепёке, брызгаются!

Вытираю их полотенцем.

Гребень из коры – укладываю одуванчики в высокую прическу. Два сиреневых мотылька садятся за ухо. Старые русалки придиричиво шушукуются и надувают губы.

Молчите, глупые, сегодня я приглашена к самой Сосновой королеве!

Лесяне

Жук Пожарник устанавливает на крышу антенну. Он сделал её из проволоки и яблочного огрызка. По вечерам он будет смотреть футбол и закаты в далёком Рио. Красная черепица обжигает босые лапы.

– Немедленно надень панаму! – командует Госпожа Б.

Она ловит солнечных зайчиков и фасует их в пакеты.

Госпожа Б отнесёт их в лавку на углу Тополиной и Розмариновой – по пятаку за штуку. На вырученные деньги она купит бисер и отрез китайского шелка. На сарафан.

На огонёк заглянула Сосновая королева. У неё фиолетовые губы и пальцы в морщинах – накупалась в пруду за Лисьим холмом. Вся мокрая и хохочет.

Махровое полотенце из сундука и самовар на берёзовых стружках. Пирог пытит, шевелится под песочной корочкой. Отрежу ломоть – оближу с пальцев горячий сок.

Хорошо с ними, с лесянами.

Играем в лото. Тёплый ветер с реки шевелит Пожарнику рога. Сверчок достает из футляра скрипку.

Бусики

Бабушка Ежиха делает для меня бусики. Землянично-черничные, авторские. Сорвала крепкую травинку. Достает ягоды из лукошка, нанизывает: земляника – черника, земляника – черника, земляника...

Празднично. Надену завтра на кошачью свадьбу. Я свидетель невесты.

Над головой плывут счастливые собаки в белых фраках и без ошейников. Бульдоги, наверное. Кажется, тоже на свадьбу, вон – у них розы в петлицах.

– Зачем тебе иголки? – спрашиваю у бабушки Ежихи.

– Да-а-а, – вздыхает. – Кудри пошли бы мне куда больше.

Закрываю глаза. Представляю бабушку Ежиху в кудрях. Получается какая-то герцогиня Баварская.

Подставляю лицо шару в небе. Пускай и у меня будут вес-

нушки. Тогда на мне женится лесное Эхо. У нас родятся дети – шесть девочек и мальчик. Я назову их в честь полевых цветов.

– Зачем ты съела бусики?! – сердится бабушка Ежиха.

Улыбаюсь виновато:

– Прости. Я сделаю тебе кудри из яблочной кожуры.

Мадмуазель Луна

У русалок сиреневые глаза и хвосты из кружева. На поясе ремни из раковин, а в волосах звезды созвездия Орион.

Русалки качаются на ветках сосен – в невидимых гамаках из паутины. Когда они смеются, с губ слетают монеты и ключи. Таким ключом откроешь любое, даже самое черствое, сердце.

Луна их подруга. Когда-то она тоже была русалкой. Но злая принцесса украла все её звезды и кружева. Она продала их на ярмарке за моток чванства и бутылку ханжества.

Грустно Луне. Пытаюсь отвлечь её сказкой о мальчике и его баране.

– Пудинг для мадмуазель Луны! – Крошка дятел прыгает по приставной лестнице в небо.

Мне на щеку падает капля.

– Дождик!

Русалки ловят губами капли. Они похожи на больших донных рыб – юрких, с плавниками на спинах.

– А где Луна?

Съела пудинг и нырнула в пруд за Лисьим холмом.

Ты видишь?

Карамельный салют

Светлячки макают попы в ведро с неоновой краской. Они берут её у маляра, который работает на Лисьем холме.

У него пилотка из лопуха и комбинезон с карманами. В бороде из моха растёт костяника, а в карманах – драже и карамельки. Маляр раскрашивает радугу. По вечерам он достаёт из самого большого кармана складное плюшевое ружьё и заряжает его карамелью.

Светлячки съезжают на полах вниз по радуге. Рисуют созвездия – Малая медведица, Большая, Кассиопея, созвездие Гончих псов.

Вдыхаю августовский вечер. Он весь из полыни, чёрной смородины и блеска стрекозиных крыльев. Хватай его пригоршнями! Скорей! Закатывай в банки до зимы!

В небе расцвели золотые шары. Два, четыре, десять, восемьдесят шесть! Неужели светлячки?

Это карамельный салют.

В декабре

Синицы надели шапки, дышат на ледяные окна в пруду. Один вздох – одно желание.

Чешуйчатые спины сквозь серый перламутровый лёд.
– Чьи вы! Чьи вы? – беспокоятся синицы.

Спит тётка Щука под ледяной толстой коркой. Русалки бродят впотьмах, кутаются в шубы, зябнут.

Грустно в кладовке моим лыжам. Тяжко лыжам без лыжни, как нитке без иголки.

Вынесу их на двор, воткну в сугроб и смажу.

Озеро за Лисьим холмом – не видать его! Засыпало снежной манкой. Выйду на лёд с опаской – выдержит?

Выдержал. Стою на твердом айсберге. Только вместо пингинов – синицы. Катаются на самодельных коньках по тёмному пятаку. Над ними облака пара. Один вздох – одно желание.

Загадаю декабрьское – самое заветное.

Коробка воспоминаний

Глаза закрыты – Бонифаций курит трубку, яблочный табак. На голове колпак с бубенцами.

От земли идет пар. Мохнатые головёнки в снегу – подснежники сбились в стайку.

Когда-то давно Бонифаций был трубадуром. Он носил рубаху и колесил по землям далёкого Бремена. У Бонифация мандолина из груши и целая коробка воспоминаний.

На сучке кашемировое пальто тётушки Му. Висит ещё с прошлой осени.

– Можно открыть? – прошу я.

– Только осторожно. Не спугни их.

Аккуратно снимаю крышку из картона.

– А где воспоминания? Их что, украли?

На дне коробки ворох листьев и пара шишек.

– Не бойся, они всегда останутся при мне.

Бонифаций курит трубку с закрытыми глазами.

Розовое на каштановом

Вчера я поцеловала Бонифация, и наутро у меня выросли рожки. Розовые. Прямо как у оленя – крестника матушки Медуницы.

Гляжусь в зеркало и поправляю чёлку. Розовое на каштановом – это красиво.

– Да, – соглашается со мной госпожа Б.

Она пьёт чай из блюдца вприкуску с печеньем.

– Хочешь, я подарю тебе шляпу с Елисейскими полями?

– Зачем? Мне нравятся рожки.

– Они могут обгореть на солнце!

Действительно, я об этом не подумала.

Бонифаций сидит на ветке, раскуривает трубку. Ему неловко за вчерашнее.

– Смотрите, они растут! Растут!

Чувствую на голове шевеление.

– Какие ветвистые! – госпожа Б в восхищении. – Придумала! Я подарю тебе гамак! Только представь: гуляешь ты по проспекту, в платье, а мы – я и Бонифаций – качаемся у тебя на рогах!

– Это красиво, – соглашаюсь я.

Но той же ночью, пока я спала, рога у меня похитили.

Эхо

В старой сосне, на Лисьем холме есть потайная дверца. Она выкрашена зелёной краской. Увидеть её можно только

в полнолуние, взяв из дома очки в дырку. Рядом с дверцей висит колокольчик. Если дернуть за шнурок, раздастся вот такой звук:

– Динь-дирилинь!

Перелётные птицы сказали, что за зелёной дверцей живёт сам Эхо. В его бороде порхают мотыльки, а в глазах – черничное поле. На завтрак Эхо любит яичницу из восемнадцати яиц и квас из колодца. Он никогда не глядится в зеркало и не выносит комариных укусов.

Старый заяц рассказывал, что в полнолуние Эхо играет на саксофоне для летучих мышей. Они надевают шляпы и танцуют фокстрот. В Эхо влюблена сама Сосновая королева. Иногда она по нему плачет.

– Динь-дирилинь! – дерну за шнурок.

Отзовется Эхо:

– Динь-дирилинь!

Эх, шутник ты, Эхо. Затворник.

Стручковый дом

Мышиные горошки смотрят в щель. Они родились вчера. Из маленьких ртов пахнет молоком и щенками рыжей Динки.

Тётушка Му вынимает из сумки пипетку. По три молочных капли на языки. Улыбаются мышиные горошки, причмокивают от удовольствия.

В ореховой скорлупе набираю ванну. Тёплую, с пихтовым маслом. Плескайтесь, мышиные горошки!

– Баба сеяла горох и сказала деду: ОХ!

Под корнем берёзы спрятан клад. Шесть желудёвых беретов и жилеты из шерстяной нитки. Подарок крёстной, бабушки Ежихи, скоро будет впору.

Ночью делаю из маковых коробочек погремушки. Луна – моя настольная лампа. За печкой дядька Сверчок играет на скрипке.

Укутаюсь в плед, ноги в тапках. Термос с горячим брусничным соком.

Встречаю рассвет над озером за Лисьим холмом.

Секретики

Сушёная ромашка и орех на куске золотой фольги. Сверху стеклянный осколок.

Выглядывает из травы, смотрит на меня потайной глаз бабушки Земли.

Делаем секреттики с малышками Лу и Ли.

Засыпает

Иногда лес засыпает.

Спят сосны во фланелевых пижамах.

Спит матушка Медуница в постели из гусиных перьев. Рядом горит ночник.

Спит дед Медведь. Свернулся клубком, как кот, мурлычет: – Усни до завтрашнего рассвета, моя малютка Матильда.

Спят лохматые одуванчики, сунув под листик голову.

Спит жук Пожарник – повернулся спиной к госпоже Б. Во сне они идут рука об руку и никогда не ссорятся.

Спит филин на суку – из клюва торчит чей-то хвост. А рядом шестеро его братьев.

Спит Бонифаций калачиком у костра. Ему снится сахарная кость и джунгли.

Спит Сосновая королева в лодке на берегу болота. Ночной колпак вместо смоляной короны.

Спит лес на руках у бабушки Земли. Кружит его Земля, качает – баюшки-баю.

Только я не сплю.

Ты приходи к нам, приходи

Подкручиваю ручку на старом приёмнике. Пью чай с булкой и слушаю весенние новости:

«В набухшей почке новоселье. Госпожа Б усохла за зиму вдвое. Жасмин влюбился в черноплодную рябину. Кукушка красит яйца к Пасхе, а мотылёк выпил весь нектар из погреба матушки Медуницы. Рыбы построили стеклянный дом для светлячков. Братец гром печёт блины с припёком. Кукушкины

слёзки нашли сундук с бусинами. У Сосновой королевы новые башмаки. Жука Пожарника прострелил радикулит. У крошечек Лу и Ли самые розовые пятки в округе. Сморчки затеяли играть в догонялки, а по лесу идёт грибник. Солнечный луч женился на сестрице сойке. На Лисьем холме расцвел старый берёзовый пень...

Ты приходи к нам, приходи!
На рассвете родится
новый
удивительный
день!»

Рекомендуем почитать

Никольская, А. О. Путешествие на Запад, или Тайна мадам Кортни : повесть и рассказы. – Барнаул : Алт. полигр. комбинат, 2005. – 368 с. : ил. – Из содерж.: Путешествие на Запад, или тайна мадам Кортни : повесть.

Никольская, А. О. Хвостатый лекарь : собачьи рассказы. Кн. 1 / ред. В. Б. Свинцов ; ил. автора. – Барнаул : Алт. полигр. комбинат, 2006. – 156 с. : ил.

Никольская, А. О. Город Собак : собачьи рассказы. Кн. 2 / ил. автора. – Барнаул : Алт. полигр. комбинат, 2006. – 180 с. : ил.

Никольская, А. О. Приключения черной таксы : повесть и рассказы / худож. К. Прокофьев. – Барнаул : Алт. дом печати, 2008. – 414 с. : ил. – Из содерж.: Приключения черной таксы : повесть.

Никольская, А. О. По Зашкафью кувырком : повесть / [вступ. ст. В. В. Воробьевой ; худож. Е. Черныш]. – Барнаул : Алт. дом печати, 2009. – 230 с. : ил.

Никольская, А. О. Кадын – Владычица гор : повесть / ил. Е. Абдулаева. – Москва : Игра слов, 2011. – 143 с. : ил.

Никольская, А. О. Почтовый ящик Д. М. / [ил. автора ; стихи А. Игнатовой]. – Москва : МД Медиа, 2011. – 47 с. : ил.

Никольская, А. О. Валя offline : повесть / предисл. А. Кирилина ; худож. И. Лукина. – Барнаул : Алт. дом печати, 2012. – 148 с. : ил.

Никольская, А. О. неСтрашная энциклопедия чудищ, юдищ и бук / рис. Л. Рябиной. – Москва : Клевер-Меди-Групп, 2012. – 96 с. : ил.

Никольская, А. О. В яблочко! : [повесть] / А. Никольская, И. Шевчук ; ил. А. Ивойловой. – Москва : ОНИКС-ЛИТ, 2013. – [64] с. : ил.

Никольская, А. О. Валя offline : [повести] / предисл. В. Роньшина, Д. Крупской; [худож. К. Прокофьев]. – М. : Аквилегия-М, 2013. – 287 с. – (Современная проза).

Никольская, А. О. Город Собак : [сборник рассказов] / [худож. К. Прокофьев]. – Москва : Аквилегия-М, 2013. – 254 с. – (Тузик, Мурзик и другие...).

Никольская, А. О. Приключения черной таксы : [повесть] / ил. К. Прокофьева. – Изд., испр. и доп. – Москва : Аквилегия-М, 2013. – 374 с. : ил.

Никольская, А. О. Про Бабаку Косточкину : повесть / ил. Н. Мошиной . – Москва : Clever , 2013. – 336 с. : ил. – (Бабака).

Никольская, А. О. Апокалипсис Антона Перчика : [повесть] / [ил. В. Коротаевой]. – Москва : Время, 2014. – 140, [3] с. : ил.

Никольская, А. О. Кондитерские истории. На углу Тополиной и Розмариновой / худож. Г. Зинько. – Москва : Clever, 2014. – 44 с. : цв. ил.

Никольская, А. О. Маленькие по-беда принцессы Алисы : [повесть] / рис. Т. Бетехиной. – Санкт-Петербург ; Москва : Речь, 2014. – 64 с. : ил.

Никольская, А. О. Про Бабаку Косточкину-2 : повесть / стихи В. Бредихина ; ил. Н. Мошиной. – Москва : Clever, 2014. – 308, [12] с. : ил. – (Уморительно смешные книги).

Никольская, А. О. Блошкин и Фрю из бухты Баракты : [повесть] / худож. Г. Зинько. – Москва : Clever, 2015. – 108 с. : ил. – (Блошкин и Фрю).

Никольская, А. О. Блошкин и Фрю. Опасное путешествие :

[повесть] / худож. Г. Зинько. – Москва : Clever, 2015. – 111, [7] с. : ил. – (Блошкинс и Фрю).

Никольская, А. О. Блошкинс и Фрю. Сокровища бухты Бархты : [повесть] / худож. Г. Зинько. – Москва : Clever, 2015. – 103, [1] с. : ил. – (Блошкинс и Фрю).

Никольская, А. О. В самолете со страусом : [повесть, рассказы]. – Москва : Клевер-Медиа-Групп, 2015. – 221, [3] с. – (Просто хорошие книги). – Из содерж.: В самолете со страусом ; Порожек : повести.

Никольская, А. О. Необыкновенная история жизни Патрика Фицджеральда Додо – единственного и неповторимого : повесть / [ил. К. Ворониной]. – Москва : Клевер-Медиа-Групп, 2015. – 149, [3] с. : ил. – (Большая сказочная серия).

Никольская, А. О. Невероятные приключения Лоскутикова : [сказка] / рис. Н. Смоловой. – Москва : Clever, 2015. – 29, [3] с. ил. – (Книжки-картинки).

Никольская, А. О. Папатека : [повесть] / худож. Н. Бугославская. – Москва : РОСМЭН, 2015. – 96 с. : ил. – (Новая детская книга).

Никольская, А. О. Порожек : [повесть] / ил. А. Твердохлебовой. – Барнаул : Алт. дом печати, 2015. – 64 с. : ил.

Никольская, А. О. Чемодановна. Моя ужасная бабушка : повесть / худож. Е. Бауман. – Москва : РОСМЭН, 2015. – 96 с. : ил. – (Новая детская книга).

Никольская, А. О. Дом, который уплыл : [повесть] / [худож. А. Твердохлебова]. – Москва : ОНИКС-ЛИТ, 2016. – 160 с. : ил.

Никольская, А. О. Про Бабаку Косточкину-3, или Все ноги из детства : [повесть] / ил. Н. Мошиной. – Москва : Клевер-Медиа-Групп, 2016. – 238, [2] с. : ил. – (Уморительно смешные книги).

Нифонтова
Юлия Анатольевна

(р. 21.01.1968)

Родилась в г. Барнауле, закончила Новоалтайское художественное училище, Алтайский государственный институт культуры и искусств. Работала преподавателем живописи и графики, руководила Алтайским домом литераторов, после его присоединения к АКУНБ им. В.Я. Шишкова является заведующей отделом литературных и издательских проектов библиотеки. Лауреат VIII Артиады народов России в лиге мастеров (2006), краевой литературной премии им. А.С. Пушкина (2007), литературной премии им. А.П. Соболева (2011), литературной премии им. В. Бианки (2011), «Золотое перо» (2012), премии Алтайского края в области литературы, искусства, архитектуры и народного творчества в номинации «Просветительская деятельность в области литературы и искусства (литературоведение, искусствоведение)» за реализацию проекта «Краевые литературные чтения на Алтае» (2014).

Награждена медалью оргкомитета по проведению Года литературы в России (2016).

Член Союза писателей России с 2007 г.

«Я ХОЧУ НА ЛУНУ, НА ЛУНУ УЛЕТЕТЬ...»

Я хочу на Луну, на Луну улететь.
И на Землю смотреть из космоса.
Самой первой вечный встречать рассвет,
Как индийский Бог в позе лотоса.

Восседать. Молчать. Всё на свете знать.
Посылать сказки-сны засоням.
Никакая рать, никакая знать
Вас ни дать ни взять – не догонят.

Пробуй лунный пряник и лунный чай.
На Луне всё другого цвета.
Выше головы прыгни невзначай,
И летай от зимы до лета.

На моей Луне, на твоей Луне
Не бывает проблемы с весом.
Прилетай скорей на Луну ко мне,
Я тебе застолбила место.

ПИСЬМО МАЛЬЧИКА, У КОТОРОГО УМЕРЛА СОБАКА

Владимиру Свинцову

Уважаемый Боженька, здрасте!
Если Ты опечалился вдруг,
Знай, летит к Тебе пёс рыжей масти,
Настоящий и преданный друг.

Я Тебе на все сто доверяю,
И собаку родную дарю,
Но с собаками утром гуляют,
Ты давай не проспи там, в Раю.

Не смотри, что фигурой не статный,
А характером он – волкодав!
Не кричи на него, может цапнуть.
И по-своему пёс будет прав.

Ест он всё, и зовут его Чарли.
Ну, прощаюсь, огромный привет!
Намекни, что вы с ним повстречались,
И зажги поскорее рассвет.

ЮКА

*Математики из Германии высчитали,
что Бог существует с вероятностью 62%
Статья «Учёные рассказали правду о Боге»*

Николай Петрович был чрезвычайно раздражён. Уму непостижимо! Он должен бросить свои важные государственные дела, ехать посреди рабочего дня на окраину города, чтобы искать мерзавку и волочь её силой домой. Ведь и ни для кого не секрет, что жизнь чиновничья – не сахар, и над каждым, даже таким большим начальником, как он, стоит ещё целая верти-

каль крутых боссов, с которыми шутки плохи. А тем более такие отлучки в самый напряжённый день в администрации – вторник, когда в любой момент могут вызвать на совещание. Вырастили сумасбродку на свою голову. Пригрели гадину! Изводит всю семью! Сколько можно терпеть этакий позор?!

Вот с такими недобрыми мыслями большой начальник Николай Петрович направлял машину всё дальше и дальше от центра города, а значит, и от места работы. Периодически он вскипал от злости, особенно когда был вынужден простаивать в автомобильных пробках характерных для этого времени суток. Ещё недавно Николай Петрович слыл примером исключительной дисциплинированности и педантичной точности для всего административного аппарата – приходил на работу в шесть утра, задерживался допоздна, готов был и в выходные, и в праздники сидеть в своём кабинете, имитируя напряжённую мыслительную деятельность и корпоративное рвение. Тем более что это было очень по душе Самому!

А теперь что? Приходится постоянно выкручиваться, врать. Если приёмы бодрой самоуверенной лжи на всех подчинённых и доверчивых просителей действуют безотказно, то такого старого лиса, как Сам, провести невозможно. За версту чует подвох, поэтому и удержался, наверное, при всех властях и курсах на светлое капиталистическое будущее. Глянет эдак хитро из под седых бровей, словно лазерным лучом полоснёт. Да ещё и усмехнётся недобро. Наверняка думает, будто делишки тёмные обтяпываю или к любовнице посередине бела дня припекло наведаться.

И ведь не скажешь ему – Самому, Небожителю и Абсолюту, что дочь Юка до того от рук отбилась, что убегает из дому без особой на то причины! Она и в детстве всё шлялась где-то по улицам. Но сейчас, до того обнаглела – дай волю, она б вообще домой не являлась. Дармоедка неблагодарная!

Действительно, тревожные звонки классного руководителя стали почти привычными: «Ваша дочь второй день не посещает занятия. В чём дело?» Раньше Юка куда-то пропадала в течение дня, а к вечеру, как ни в чём не бывало, возвраща-

лась домой с кроткими, заранее напуганными глазами. «Мать даже наркотики подозревала, каждый раз осматривала паразитку на предмет уколов. Нет ничего. Да и откуда? Забитенькая ведь она. На своих нагловатых одноклассников из элитной гимназии совсем не похожа. Подруг нет. Парня тоже. Музыкалку Юка только в прошлом году закончила, а то каждую свободную минуту на скрипке пиликала, хоть из квартиры беги!» – размышляя так, большой начальник становился всё мрачнее, что делало его похожим на сердитого индюка, которого ради потехи обрядили в светлый дорогуший костюм и золотые очки.

Но прежние отлучки оказались ещё «цветочками» по сравнению с тем, что началось этой весной. До того довела, что вчера в интервью на радио в прямом эфире слуга народа Николай Петрович ляпнул: «Ещё один городской бассейн будет введён в эксплуатацию весной этой зимы!»

А ведь следующий учебный год – последний, пора решать, на какой вуз направлять усилия. Куда запихнуть дитятку, чтоб попрестижней? Экзамены впереди, не время для прогулов. А она взялась колобродить. Да ведь ещё и не говорит ничего, молчит, как партизанка на допросе. Вот и вывела однажды родителей – нервы-то не железные! Врезал ей по-отцовски пару раз для науки. Ничего, нас-то в детстве ещё не так уму-разуму учили. С тех пор совсем сбесилась девка. Ночь прорыдала, а потом и вовсе пропала на три дня. Мать уж и в морг звонила, и в милицию заявление приготовила. Потом училка ихняя по художественной культуре Лола Каримовна, тоже блаженная, вроде нашей Юки, подсказала. Поищите, говорит, дочь в монастыре, только будьте поделикатнее, Юка очень ранимая...

И слов-то каких нахватались – ранимая! Нянчимся с ними, мармеладничаем, а они нам скоро в глаза плюнут. Где уважение? Где почитание старших? Вам бы наши времена – полжизни в очередях постоять, да полжизни на собраниях поголосовать... единогласно. Вы б тогда и не пикнули. Эх, сейчас найду соплюху, по стене размажу монастырской, чтоб не мучиться мне больше, не позориться!

Юка с двумя послушницами в серых облачениях чистила картошку на каменной кухоньке при монастырской трапезной. Здешние псы-двойняшки, Марсик и Затейка, доверчиво положили умные головы на носки Юкиных сапог, согревая ей ноги. Изредка вскидывая на неё блестящие преданные глаза. Ванна была заполнена лишь до половины, и нужно было поторопливаться, чтобы успеть до начала вечерней службы, которая длилась здесь гораздо дольше, чем в обыкновенной церкви. Сёстры со светлыми сосредоточенными лицами мурлыкали молитвы, будто делали самое необходимое для спасения человечества дело. Юка чувствовала приближение грозы, сердце говорило: «Сейчас тебя найдёт Эн.Пэ.!» , так она про себя называла отца. Но даже под страхом смерти, девушка не хотела нарушать гармонию благодного момента.

Эн.Пэ. с нескрываемой ненавистью швырнул Юку в помпезный пурпурно-серый коридор в стиле «псевдо-ампир». Мамалия Георгиевна (мама Амалия Георгиевна) молча подошла к дочери, просверлила долгим немигающим взглядом и, так же ничего не говоря, залепила две тяжёлые пощёчины. Крепкая ладонь оставила на Юкиных щеках бордовые отпечатки. Но эмоционально это не затронуло девушку никак, так как избиения и унижения стали привычны для неё в этом доме. В душе она даже была согласна, что вполне их заслужила, ведь нарушила правила жизни, а это было непростительным преступлением для семейства господина Эн.Пэ.

И хоть к тычкам и оскорблениям у Юки постепенно креп иммунитет, но был приём, который неизменно пробивал эту хрупкую защиту. Особенно обидным казалось то, что вся её жизнь, любой поступок, фраза сравнивались с благополучной младшей сестрой, что почиталась за безусловный идеал. Сравнения эти всегда были показательными, желательно прилюдными, далеко не в Юкину пользу, хотя совершенно не соответствовали действительности.

С «лёгкой» мамалиной руки сестру называли – младшая

Викусечка. Все, кто её знал, даже консьержка в подъезде, были заранее согласны с тем, что она ангел, особенно по сравнению с исчадием ада – несносной Юкой. Странность ситуации усиливал большой разрыв в возрасте сестёр. Как семилетняя малышка может во всём превосходить почти взрослую шестнадцатилетнюю девушку? Но для того чтобы сделать приятное столь влиятельной супружеской паре, все знакомые принимали такое положение вещей как некую данность, аксиому, не требующую доказательств.

Младшая-то у нас такая сообразительная, прям на лету всё хватает. Особенно математика у неё хорошо пошла. Учительница не нахвалится. А то я поначалу испереживалась. Юка ведь по всем предметам не блещет. Боюсь, на репетиторов разоримся! Чурбан с глазами и есть, вон пошла, посмотрите, и в ус себе не дуёт, как родителям все связи поднимать – в универ запихивать!

Младшая-то у нас такая общительная, такой успех имеет у мальчиков! Они прям косяками за ней ходят! Боюсь, она у нас замуж раньше, чем Юка-бука выскочит. Бука-букой и есть, вон пошла, посмотрите, опять одна-одинёшенька, как верба!

Младшая-то у нас такая фигуристая, как я в молодости! Не то что Юка – сутунок! Сутунок и есть, вон пошла, посмотрите, мишка косолапый!

Младшая-то у нас такая боевая, Юке сто очков вперёд даст. Чуть что не по ней, сразу эту тюху на место ставит, как взрослая! А эта тюха-тюхой и есть, вон пошла, посмотрите, тени своей боится!

Младшая-то у нас такая модница... умница... красавица... не то, что Юка!

Ученики видели в Лоле Каримовне друга, тянулись к ней и постоянно приходили в кабинет ИЗО и МХК после уроков и во время перемен «поговорить за жизнь». Предметы эстетического цикла, что она имела счастье преподавать, были, по их мнению, «прикольными» и «ненапряжными», а сама учи-

тельница признана «клёвой» и невредной. Юка засиживалась дольше всех. Лола Каримовна знала эту девочку ещё по школе искусств и была не против, если та оставалась и не на свои уроки. Она раздавала наглядный материал, усердно и ненавязчиво помогала отстающим ребятам. Да что скрывать, Юка была любимицей, не только учительницы, но и многих учеников младших классов.

– Лола Каримовна, вот в сказках, типа «Золушка», «Конёк-Горбунук», «Крошечка-Хаврошечка», да вообще во всех старшие братья и сёстры сплошь тупые, грубые гадины. А младшие все добрые, терпеливые и самые-самые расчудесные. Враньё это всё! В жизни наоборот, младшие – избалованные злые эгоисты, которым всё позволено, а старших же так затюкают, что жизни не рад! – Юка затеяла дискуссию, надеясь задержаться подольше, чтобы не возвращаться в ненавистный отчий дом с пурпурно-серым коридором в стиле «псевдо-ампир».

– Юленька, милая, ну что ты говоришь. Вот я, например, была старшая в семье, у меня, между прочим, два младших брата... акробата. Так меня мамочка на руках носила, только хвалила и гордилась мной. Ведь я ей помогала с близнецами водиться. Всегда меня в пример ставила, да я была для родителей незаменима. И любили нас всех одинаково. Уверена, твои родители любят тебя...

Лола Каримовна, молодая учительница перешла в элитную гимназию из художественного отделения школы искусств уже два года назад, но до сих пор не могла привыкнуть к жутким детским откровениям.

– Да вы, Лола Каримовна, говорите всё, как положено, потому что вы – учитель и не можете про взрослых людей правду сказать! Что они меня ненавидят. Зачем они только меня родили? Чтоб было над кем поиздеваться?

– Действительно, я не имею права их осуждать. Так сказать, по статусу воспитателя. Как говорится, ворон ворону глаз не выклюет. Но, думаю, ты всё же немножко преувеличиваешь. Никто над тобой не издевается.

– Да? Уж конечно... Этой малявке Викусечке второй ноут за год покупают, потому что ей первый, видите ли, не понравился. А у меня старообрядческий комп-развалюха, что на помойку не жалко выбросить. И не смей даже трогать Викусечкины вещи. У неё шуба норковая, а я в задрыпанском пуховике третью зиму хожу – рукава короткие. Стыдно от ребят. Я даже привыкла ходить дворами, закоулками, чтоб меня знакомые поменьше видели. Опущу голову и вперёд, чтоб не окликнули. Вот, скажите, зачем норковая шуба мелкой второкласснице? Уродуют ребёнка! А та на горке рукав разодрала, так ей ещё лучше в тот же день купили по взрослой цене. А меня они специально унижают, поверьте, особенно при людях!

– Может, они думают, что так избавляют тебя от гордыни? И вообще, запомни, кто-то очень мудрый сказал, всё, что нас не убивает, делает нас сильнее. Уверена, ты добьёшься многого в жизни, несмотря на трудности в семье. Например, известный оружейник Михаил Калашников был 17-ым ребёнком в семье.

– Теперь понятно, почему он изобрёл автомат. Не знаю, как меня могут сделать сильнее постоянные придирки и несправедливость?! Викусечку хвалят даже за хулиганство. Она из школы в дневнике замечание принесла, что подралась с мальчиком на перемене. У Мамалии от восторга аж в зобу дыханье спёрло. Весь вечер всем подружкам по телефону мозги проконопатил, какая, мол, у неё младшая смелая да отчаянная! Прелесть просто! Я уж и так молюсь за их здоровье каждый день и чтоб не завидовать, не злиться. Но как отрицать очевидное? Знаете, что я вам скажу, мама относится ко мне, как злая мачеха!

– Из «Золушки»?

– Нет, скорее из «Двенадцати месяцев» или «Морозко». В «Золушке» что?! Там мачеха всего-навсего заставляла убираться. Я и так, как домработница бесплатная. А вот та – другая, из «месяцев», послала прям на мороз, чтоб падчерица окочурилась. Вот и моя меня скоро за подснежниками отправит. Только никто не спасёт: ни принц, ни Дед Мороз!

– Не правда, Юленька, не могут родные так к своему ребёнку относиться. Никто тебя на мороз не выгонит, не бойся!

– Я поняла! Значит они мне не родные! Всю жизнь об одном и просила, что б разрешили мне щенка завести. Если б вы только видели их реакцию. Эн.Пэ. в ярости, Мамалия в истерике! Клянусь вам, они меня ненавидят и им плевать, жива я или завтра умру!

– Ты не права, когда ты из дому убежала, папа твой тут и школу, и всю округу на уши поставил. Помню, какой был переполох!

– Ищут они меня только от стыда – не принято, чтоб у туза такого ранга дочь из дому ушла... да ещё в монастырь. Никогда они этого не допустят. Вот я жду не дождусь когда мне восемнадцать исполнится. Отпустили бы сейчас, только там я – дома, на своём месте!

– Ты что так и не оставила эту идею? Глупости какие! Молоденькая ты ещё, не жила. Влюбишься в красивого мальчика... захочешь семью...

– Я уже люблю! самого лучшего на свете, который не предаст! Иисусом зовут, не слыхали?

– Ладно-ладно, не сердись. Покажи лучше, что-нибудь нарисовала новенькое? – Лола Каримовна заметила, что каждый их с Юкой разговор утыкался в религиозную тему, как в тупик. Во время диалогов с этой странной девушкой, учительница ловила себя на мысли, будто беседует с женщиной вдвое старше себя, и всегда внутренне съёживалась от её невероятной решимости и уверенности в своей правоте.

В душе у маленькой «женщины» Юки словно рос алмазный стержень, который невозможно было никак одолеть, и это отпугивало от неё сверстников, не желающих думать вечными категориями. Даже о чудовищной ситуации в своей семье девушка говорила спокойно, как бы рассуждая, а не возмущалась и не сетовала, будто речь шла о ком-то другом, а не о ней самой.

Юка протянула учительнице свой альбомчик, больше похожий на записную книжку. Лола Каримовна никогда не виде-

ла подобной изобразительной манеры. Рисунки девушки можно было отнести к технике пуантилизма – живопись цветными точками. Но в отличие от французских импрессионистов она составляла свои композиции из раскрашенных фломастерами маленьких чешуек. Фломастеры, признанные художниками во все не пригодными для профессионального искусства, давали неповторимый яркий и праздничный эффект.

Эта техника была изобретена Юкой и доведена до такого совершенства, что передавала цветовые рефлексy и нюансы светотени. Миниатюры выглядели очень декоративно и напоминали драгоценную мозаику. Сюжеты тоже были своеобразны. Коричневые узловатые руки старого человека держат маленькую игрушечную деревню с церквушкой. Большая чёрная собака с человеческими глазами качает колыбельку с младенцем. Беленький домик с цветными ставнями на зелёном пригорке. Старушка в голубом платочке с рыжей кошкой на коленях. Бревенчатая комната с открытым окном и занавесками, расшитыми маками и васильками. Всё сказочное и неуловимо иконописное.

– Замечательно, Юленька!

– Лола Каримовна, называйте меня Юка. Пожалуйста! Так меня зовут все знакомые. Говорят, я так сама себя в детстве назвала. Я и не помню когда. Так и приросло.

Утро расцветало на глазах, как проснувшееся поле одуванчиков, отзываясь в душе долгожданной радостью и лёгкостью. Такое необыкновенно приподнятое настроение не покидало Юку со вчерашнего вечера. Для радости были весьма большие основания. Во-первых, правительство от великих щедрот и забот о согражданах растянуло День защитника отечества аж на 4 дня (!), чтобы показать населению все накопившиеся неостребованные военные фильмы. Но самое главное, семейство большого начальника в составе Эн.Пэ., Мамалии Георгиевны и младшой Викусечки отправилось на все праздники на неотдалённый, но престижный не менее европейских горнолыжный

курорт. А значит, конвоя не будет почти полнедели! Можно дышать свободно, включать на полную громкость пение церковного хора и колокольный звон, молиться в зале перед иконами, открыв дверцы дубового буфета!

С целью эффективного отдыха для милой Викусечки была куплена дорогостоящая спецэкипировка, подогнанная точно по росту. А для неблагодарной чернавки Юки в холодильнике имелся недопитый стакан молока, забытый подсохший кусочек сыра и целое яйцо. Ничего из этого богатства Юке, к сожалению, не пригодилось, шёл Великий пост.

«По амбару помела, по сусекам поскребла – радовалась Юка своим находкам, выставляя на стол мешочки разной степени наполненности: макарон, гречка, горох, – от голода не умру, а на службы можно, как всегда, пешком. Нужно только выйти пораньше. Господи, спаси и помилуй!»

В радостном предвкушении благодатных дней Юка села в кресло и открыла Молитвослов. Но не торопилась приступить к ежедневной молитве, сегодня можно растянуть удовольствие, не торопить соединение с Вышим, Чистым, Любящим. Каждый раз она испытывала ни с чем не сравнимое счастье, когда откуда-то сверху из неведомой выси открывался некий канал, что связывал её с нежным тёплым счастьем. Словно любящие мягкие ладони опускались на голову: «Ничего, милая Юка, всё проходит, пройдёт и это. Потерпи немного, мы скоро будем вместе. Я люблю тебя больше всех на свете, ты одна для меня. Будь спокойна, родненькая. Я с тобой!»

Юку с детства, с тех самых пор, как начала осознавать себя, тянуло в храм. Маленькая, она расспрашивала взрослых, указывая на церковь: «А что это за красивый домик? Я хочу туда!» В семье этот интерес не приветствовался. Впервые Юка решила на самостоятельный поход «в гости к Богу», учась в первом классе. Что-то непреодолимо тянуло её туда, звало, как раскрытые объятия. Она втайне от родителей шла через полгорода, чтобы посидеть на ступенях храма вместе с побирушка-

ми, не смея зайти в огромные резные двери. Но когда однажды насмелилась, то испытала столь необыкновенное острое чувство восторга и единения с Высшим началом, что разрыдалась, не зная как реагировать на открывшееся чудо.

Юка закрыла глаза и прислушалась к себе. Снова вспомнила сон, что преследовал её с детства. Маленькая слепая старица в голубом платочке ткёт полотно на старинном станке. Поёт тонким голосом песню на неизвестном языке. Она силится понять, вроде бы знает, о чём песня, и не может вспомнить ни слова. Песенка, незамысловатая и навязчивая, звучит, кажется, в реальности. И как будто ветерок по комнате пролетел.

Девушка открыла глаза и чуть не вскрикнула – старушка в голубом платочке стояла посреди зала, наклонив голову, и тонкой коричневой рукой указывала на комод. Видение длилось лишь какие-то доли секунды, но было настолько реальным, что после исчезновения старицы в комнате остался запах свежеспечённого хлеба и занесённых с мороза стиранных простыней.

Несмотря на мистическое явление, Юка совсем не испугалась. Может, потому что образ милой маленькой бабушки был уж совсем не страшный, а, напротив, доброжелательный. Девушка выскочила из кресла, как ужаленная и встала на то место, где только что находился загадочный фантом. Она даже зачем-то так же, как призрачная бабушка, вытянула руку и наконец, упёрлась взглядом в комод. Один из ящиков с особо важными документами, что всегда находился под замком, был чуть выдвинут. Это говорило о том, что родители, забрав оттуда загранпаспорта, впопыхах забыли запереть ящик.

Юка, повинувшись невидимому кукловоду, вытащила ящик и стала перебирать содержимое: «Это ведь явный знак. Только от кого? Что я должна понять?» Она перебрала и раз, и два, но ничего удивительного в ящике не лежало. Документы на кредиты, гарантийные талоны, какие-то ценные бумаги с гербовыми печатями. Времени свободного было хоть отбавляй, помешать никто не мог, поэтому девушка поудобнее забралась вместе с кипой документов на диван и стала внимательно читать суч-

ные бумажки. Ведь не каждый день в дом являются призраки и указывают на случайно оставленные открытыми ящики, которые обычно всегда тщательно запираются.

Вот гарантийники на пластиковые окна. Срок гарантии давно истёк. Надо выбросить. Вот куча свидетельств о рождении. Мамалин, Викусечкин, мой... А это чей? Что среди наших документов делает чужое свидетельство? Кто такая? Нерусь какая-то? Потёртая, выдавшая виды бумажка гласила: Юкка Тадоева, родилась в один день со мной. Мать: Людмила Васильевна Маркова. Отец: Анчи Тадоев. Если отец есть, то почему у этой девочки не записано отчество, и у отца тоже отчества нет. Может, так положено? Национальные традиции? И почему Юкка?! Уж больно напоминает, как я себя в детстве именовала – Юка, такого имени-то на свете нет. Но вот видать есть имечко похожее...

БОЖЕ!!! ЭТО ЖЕ Я!!!

Это моё свидетельство настоящее! И называла я так себя в детстве, потому что это моё имя родное и есть. Только ребёнку трудно двойное «к» произнести внятно! Конечно, это ж ясно, как божий день! Я им чужая. Ведь вчера только сама это Лоле доказывала.

Юлия Николаевна я только по паспорту, а на самом деле Юкка Тадоева. Им, сильным мира сего, любую бумажку, оказывается, легко переделать можно. Да я и не похожа на них совсем. Всё благочинное семейство белёсое с рыжими ресницами и без бровей. А я смуглая, будто в солярии прописалась. Брови и ресницы у меня такие густые и чёрные, что Мамалия периодически заставляет смывать косметику, которой я отродясь не пользовалась и трёт пальцами мне глаза, не верит, что не накрашены. Зачем скрывали? Что это за тайны? Зачем выписывали новое свидетельство о рождении?

Юка находилась в смятении. Она то как в беспамятстве металась по квартире, то принималась истово молиться, прося о прощении и душевном покое. «Юкка Тадоева. Юкка Тадоева...» – бесконечно повторяла своё новое-старое имя, словно привыкая к нему или вспоминая.

Решение пришло как-то внезапно. Что ж я раньше не догадалась, стормозила. Пока Эн.Пэ. покоряет снежные трассы в ближнем зарубежье можно безнаказанно пользоваться интернетом. В остальные дни «инет» для Юки был доступен только под предлогом «скачать для реферата». Юка, дрожа от волнения так, что постукивали зубы, набрала в поисковике: юкка тадоева, людмила васильевна маркова, анчи тадоев. Всемирная паутина выдавала, как обычно, всякий бред, но первая статья из какой-то столетней газеты содержала в себе сразу все эти имена и гласила «Девочка-Маугли из предгорья».

В статье кондовым газетным слогом рассказывалось: в детскую туберкулёзную больницу Нижнегорска доставлен необычный ребёнок. Оставленная своей матерью Людмилой Васильевной Марковой, уроженкой горного села Светлая Вышенка, трёхлетняя Юкка Тадоева была воспитана собакой овчаркой и переняла повадки животного. В больницу девочка доставлена с открытой формой туберкулёза 21 февраля (!), когда ночная температура опускалась ниже отметки 20 градусов. Ребёнок обнаружен в собачьей будке во дворе цыганского притона на окраине города во время рейдовой облавы наркоторговцев. Сколько времени провела девочка в обществе собаки и как ей удалось выжить – загадка. Нашими журналистами выяснено, что отца ребёнка-Маугли несколько лет назад в тайге задрал медведь. Местонахождение матери остаётся неизвестным.

В довершение, статью венчал красноречивый снимок грязного «зверёныша» завернутого в оборванную фуфайку. На старой чёрно-белой фотографии Юка с ужасом узнала себя!

К походу Юка подготовилась продуманно. Взяла только самые необходимые и практичные вещи. Наварила в дорогу каши, и наполнила ею несколько целлофановых пакетиков – какая-никакая, а еда, и к тому же постная.

Внимательно составляла возможные варианты маршрута по компьютерному путеводителю. Самым безопасным был

избран железнодорожный путь. Если из поезда безбилетницу выкинут, придётся автостопом, там уж как Бог даст.

Юка без сожаления обрезала пальцы на старых вязаных перчатках, и, надев их, два часа посвятила репетиции. Наигрывать популярные мелодии на скрипке, не снимая перчаток, оказалось труднее, чем она ожидала. Но, в конце концов, смирилась с удовлетворительным качеством: «Ничего, в дороге отшлифую».

Во внутренний карман куртки рядом с маленьким молитвенником Юка сунула паспорт и оба своих свидетельства о рождении. Старенький мобильник решила взять с собой, мало ли, что может случиться. Вдруг придётся милицию вызывать или скорую. Но предусмотрительно отделила от телефона батарейку. В каком-то приключенческом фильме она видела, как обнаружили «потеряшек» по сотовой связи, есть у милиции такие технические возможности. А ей хотелось, чтоб её никогда больше никто не нашёл. Ведь Юка шла искать свою родную маму, свои истоки, свою судьбу.

Она мельком взглянула на отражение в зеркале: смоляная чёлка, жгучие упрямые карие глаза с чуть заметной раскосинкой, тонкая точёная фигурка уже девушки или ещё ребёнка?

В качестве прощальной записки Юка прикрепила к магнитной доске, на которой Мамалия обычно размещала для неё списки домашних дел и покупок, распечатанную из интернета статью «Девочка-Маугли из предгорья». Вместо подписи хотела добавить что-нибудь типа: «Гав-гав, ваша Жучка». Но подумав, написала: «Не хочу вам больше мешать. Наврёте что-нибудь знакомым, что мол, отправили, Юку в Англию учиться. Прощайте. Спасибо за всё! Храни вас Господь!» и решительно вышла из дома.

II

Юкка – род древовидных вечнозелёных растений семейства агавовых. Некоторые разновидности дают прочное грубое волокно. Советский энциклопедический словарь

В колючем февральском воздухе царило предчувствие весны. Сугробы густо поседели и прижались к земле. Даже трамваи сегодня стучали и звенели как-то особенно, по-весеннему. Жизнерадостное птичье племя щебетало, радуясь яркому солнцу и призывая тепло. Дороги стали совершенно чёрными, намекая на скорую распутицу.

К поезду, идущему на Нижнегорск, Юка успела вовремя. Общий вагон был последним в составе. Вход в него, в отличие от купе и плацкарта, проводники не контролировали. На девушку с рюкзаком и скрипкой никто не обратил внимания.

Юка решила не мозолить глаза до отправления и заби-лась в холодный металлический переход между вагонами. Она оказалась запертой в продуваемом из всех щелей железном пенале с невыносимым дорожно-вокзальным запахом. Будто в одной кастрюле воздух густо перемешали с металлом, мочой, куревом и мокрой грязью.

В Нижнегорск поезд прибывал в половине восьмого вечера, а значит, Юке предстояло продержаться, оставаясь незамеченной, целых семь часов. Нет, конечно, никакой необходимости прятаться и мёрзнуть между вагонами не было – можно было сделать «морду тяпкой», пристроиться на скамеечку в общем вагоне. Но что-то упрямо сдерживало её от «явления народу».

Юка вспомнила, как в детстве очень любила прятаться в шифоньер, готова была сутками сидеть в тёмном тесном чреве в соседстве с блузками и платьями. В шуршащем ласковом пыльном мирке «зашкафья» не было окриков, подзатыльников, зла. Только там к ней приходило чувство защищённости и успокоение от любых обид.

Вагон сильно качнуло, и состав тронулся в путь. Юка закрыла глаза и стала шептать молитвы. От этого привычного шелеста знакомых слов стало легче на душе и страх, вытесняемый твёрдой решимостью, медленно отступал, как океанский отлив.

По мере того как состав разгонялся, в тесной коробочке между вагонами усиливался пронизывающий сквозняк. Ветер

поднимался снизу и продираал до костей. Юка сжалась в комочек, как нахохлившийся в стужу воробей. Она присела, прижимая к себе скрипку, потерявшись во времени и пространстве от холода, грохота и неизвестности...

На какую-то долю секунды вдруг накатил необыкновенно приятный запах... псины, а заиндепевшие пальцы словно утонули в жёсткой и тёплой собачьей шерсти. И горячая волна пошла изнутри. Что-то неясное и давно забытое перетекало из подсознания в сердце и наполняло его уверенностью, как будто кто-то большой и сильный любит тебя и защитит от всего на свете.

Все чувства обострились. Словно кожу содрали. В кромешной тьме она различала всё вокруг. Несмотря на адский скрежет и лязг металла, Юка чутко слышала, что творится в вагонах.

В предпоследнем вагоне почувствовалось нехарактерное затишье, казённые голоса дублировали одно и то же сочетание звуков и что-то внутри возопило: «Опасность!»

Контролёры продвигались быстро и вот-вот должны были подойти к переходу в последний общий вагон. Юка нырнула в тамбур. По сравнению с её «морозилкой» в вагоне была просто «баня». На её счастье дверь в туалет была приоткрыта. Девушка юркнула туда и быстро закрыла за собой замок: «Пусть теперь хоть ломают, не открою до самого Нижнегорска».

Сердце глухо билось, намереваясь выпрыгнуть из груди. Юка стояла ни жива ни мертва в холодной зловонной жиже, мечтая впечататься в серую стену и стать невидимой: «Господи, мой Отец Всемогущий, веди меня куда Ты Сам хочешь!»

Наконец, контролёры покинули последний вагон, и ушли в голову состава. Периодически дверь в туалет дёргали, иногда очень интенсивно. Но проводника, ответственного за доступность мест общего пользования, так и не нашли. Поэтому вскоре пассажиры стали смиренно ходить в отхожие места других вагонов.

Когда до прибытия на конечную станцию осталось полчаса, а находиться в спёртом вонючем плену уже было невозможно,

Юка покинула место добровольного заточения: «Теперь даже если высадят, то до темна всё равно доберусь в город».

Через стеклянные двери Юка с интересом разглядывала человеческий «муравейник». Общий вагон был переполнен и кишел жизнью. После долгого сидения в одиночестве, созерцание этого вечного кипения можно было приравнять к просмотру убойного блокбастера. Вон мать отшлёпала смешного пацана на глазах у публики, но он не заорал, как все ожидали, а насупился и убежал от неё в конец вагона. Вот влюблённая парочка, прижались друг к другу и счастливы. Хорошенькие такие. И смотреть на них приятно. Две тётки не могут никак наговориться – сто слов в минуту. Наверное, за время пути измучили соседей подробностями своей личной жизни. Три мужичка рабоче-крестьянского покроя с неподдельным азартом режутся в «дурака». Пожилая пара поедает из стеклянной банки что-то домашнее и очень вкусное.

Так, смотри – не смотри, а зарабатывать надо, хотя бы на проезд на автобусе. Юка расчехлила скрипку и вышла «на сцену». Сначала она хотела что-то сказать, представиться или попросить денег, но под обстрелом обращённых на неё глаз засмушалась. Заиграла без предисловий – и так всё ясно!

Особый успех взыскала незамысловатая украинская песенка, которую дважды пришлось играть на «бис», и кто-то даже взялся подпевать. Размеры пожертвований превзошли все даже самые смелые ожидания. Теперь Юке хватало денег не только на проезд по городу, но даже на полноценный ужин и ночёвку в гостинице «средней руки».

Когда она радостно пересчитывала в тамбуре свой гононар, к ней как две тучи подплыли два серьёзных амбала:

– Чо за чёс? Чья будешь?

– Чо молчим?

– А ты что сам не видишь? – выпалила Юка от страха, видимо, сама не понимая, что сказала. Она изо всех сил хотела казаться спокойной и уверенной: «Господи, мой Отец Всемогущий, веди меня куда Ты Сам хочешь!»

Между тем амбалы без тени сомнения в собственной правоте, говорили сами с собой отвечая на свои же вопросы:

– Похоже это Расулова лялька.

– А я-то гляжу, ты вроде из ихних. Чурбан-баши, – рыжий парень глумливо ослабился, обнажив щербатый рот.

Он неприятно потрепал Юку за щёку. Она резко увернулась, и прямо глядя в маленькие «простакишные» глазёнки обидчика дерзко и самоуверенно поинтересовалась:

– Неприятностей с Расулом хочешь? Идите, дяденьки, куда шли.

– Ох, ты какая дерзкая! Убавь динамик, пока смычок не обломали!

– Ладно, ну её. Пошли, Штопаний! Не хватало ещё разборок с Расулом по такой мелочевке.

Нижегорск встретил пассажиров промозглыми сумерками, усталой суетой и стылой слякотью. Детская туберкулёзная больница находилась далеко от вокзала за городом, в лесном массиве. Когда автобус подкатил к нужной остановке, вечер незаметно перетёк в ночь. Сосны стояли зловещим чёрным забором, бороздя макушками тёмное небесное индиго. Указатель на остановке гласил, что до больницы два километра. Стрелочка указывала на дорогу в лес, такой непроглядно чёрный, что Юка съёжилась от страха.

Автобус, презрительно фыркнув, равнодушно отчалил дальше по освещённой трассе, а одинокая девушка перекрестилась и направилась в чёрное лесное чрево. Сначала она шла, как парализованная, не чувствуя ног. Юке всё казалось, что кто-то злобно сверлит её взглядом в спину, а из леса наблюдают за ней неведомые чудовища. Она часто оглядывалась. Но широкий тракт, прорезавший ночной лес, был пуст: «Господи, мой Отец Всемогущий, веди меня куда Ты Сам хочешь!»

Скоро глаза привыкли к темноте. Снег в лесу оказался не таким чёрным и скукоженным, как на городских улицах. Лес утопал в белоснежной пуховой перине. Снег мерцал в лунном сиянии так, что дорога хорошо просматривалась. Ночная чащоба, что так напугала девушку перед началом пути, оказалась не такой уж непроглядной.

Вдруг Юка ясно услышала за спиной шаги и учащённое дыхание. Судя по хрусту снега, нечто приближалось к ней с такой скоростью, что убежать уже не было смысла. Юка остановилась, закрыла глаза и стала молиться почти в голос: «Отче наш, иже еси на небесех, да святится имя Твоё, да придет царствие Твоё...»

Страшное нечто остановилось, и терпеливо прослушав молитву, трижды чем-то ткнуло Юке в бок. Она осторожно открыла глаза и посмотрела, ожидая увидеть дуло пистолета или лезвие ножа. Но это был не нож, и не какое другое оружие, а нос большой чёрной собаки, что дружелюбно теперь обнюхивала скрипичный футляр, виляя косматым хвостом. Собаку можно было бы назвать очень крупной овчаркой, если бы не густая кудрявая шерсть. По сравнению с миниатюрной низкорослой девушкой псина казалась гигантской. В ближайших собачьих родственниках явно не обошлось без вмешательства ньюфаундленда.

– Ты кто? – Юка спросила собаку, будто та могла ей ответить, – Чего ж ты по лесу бегаешь ночью одна? Хотя кто бы спрашивал, только не я... Я-то сама кто? И чего по лесу бегаю ночью одна?... Ты мальчик или девочка?

Пёс ответил глухим низким «мужским» лаем, он явно знал дорогу к больнице и решил сопровождать новую знакомую. Юка уцепилась за лохматую холку, и они пошли по дороге. Идти стало веселее и совсем не страшно. Вскоре начали попадаться фонари и вдали из-за деревьев засверкали окнами корпуса туберкулёзной больницы.

– Давай, я тебя буду Анчи называть? Так моего папу звали, его, правда, медведь в лесу задрал. Будем надеяться, что сюда медведи не заходят.

Вокруг обширной больничной территории тянулся бесконечный высокий забор из железных прутьев, ворота оказались запертыми. Юка беспомощно топталась у ворот. Февральский морозец ближе к ночи усиливался, ноги в хлипких сапожках совсем замёрзли.

Анчи подскуливал и беспокоился, увлекая Юку прочь от ворот. Девушка не торопилась отходить от цели. Тогда вежливый пёс мягко потянул её, закусив рукав куртки. От безысходности Юка послушно отправилась за новым другом. Они шли по узкой тропинке между сугробами минут семь. Анчи привёл её к месту, где высокое ограждение из металлических прутьев переходило в деревянный заборчик, низенький и расшатанный.

Пёс энергично подскочил к узкой «прорехе» в ветхом заборе и по-хозяйски деловито протиснулся на территорию больницы, увлекая за собой новую знакомую.

Стеклянное фойе главного корпуса мерцало холодным таинственным светом. Через высокие прозрачные двери Юка с интересом рассматривала больничные интерьеры, больше напоминающий недорогой отель.

Чуть ниже строгой траурной вывески располагался звонок с указующей на него жирной стрелкой. Юка несколько раз тянулась к заветной кнопке, но каждый раз отдёргивала руку. Что-то не давало ей рискнуть заявить о себе, несмотря на окоченевшие ноги.

Меж тем у Анчи появились две не менее габаритные подружки – кавказские овчарки. Они недовольно подгавкивали и с подозрением косились на Юку. Как только девушка делала любое движение, охранницы начинали угрожающе рычать. Очумевший от женского общества Анчи вовсе не думал кидаться на защиту новой хозяйки, а заискивающе вилял хвостом, пытаясь понравиться серьёзным дамам.

В отчаянии Юка не только принялась трезвонить в звонок, но и стучала в толстое дверное стекло и даже кричала: «Эй, есть кто живой?!» Но никаких признаков жизни в фойе не наблюдалось. Снаружи наоборот нагнеталось волнение – собаки стали суетиться и лаять. И вдруг, все вместе ринулись в сторону, откуда слышался громкий скрип шагов по снегу.

Из-за угла навстречу собакам энергично вышагивал крупный человек в больших валенках, лохматом тулупе и шапке-ушанке. Сторож был вооружён совковой лопатой и решительно боевым настроением:

– Этт чо тут?! Чего шумишь? Посещений нету – карантин.

К бесконечному удивлению, грозный секьюрити оказался женщиной. Несмотря на гренадёрский рост и низкий хрипловатый голос, перепутать было невозможно, над Юкой возвышался крупномасштабный экземпляр прекрасной половины человечества.

– Извините. Я тут лечилась когда-то давно, когда маленькая была. Вот приехала... мне очень важно узнать...

– Третий десяток лет туточки на службе, а тебя чо-та не припомню. Как звать?

– Юка, то есть Юкка Тадоева, – неожиданно для самой себя вдруг заявила девушка и протянула блюстительнице порядка мятый листок со статьёй о девочке-Маугли.

На сказанное служивая великанша отреагировала неадекватно. Она резко подпрыгнула к девушке, крайне удивив собак. Скинула толстые рукавицы, которые повисли на резинках, как у гигантской растеряхи из детского сада для циклопиков. Повернула Юкино лицо к свету, и старательно вгляделась, будто старалась запомнить каждую мелкую чёрточку:

– Божечки! Божечки святой!! Не может быть!!!

В крохотной пристройке-сторожке царило райское благолепие. Главное: здесь было не просто тепло, а даже жарко. Юка умоталась за день, до костей продрогла в февральском лесу и теперь её разморило. Девушка едва могла шевелить языком. От чая и пирогов с картошкой она и вовсе размякла и «поплыла», чувствуя себя абсолютно счастливой.

Сторожиха тётя Паша была женщиной не просто весомых, а грандиозно весомых достоинств. Если бы не маленькая оплошность в паспорте, где по чистой случайности числилась в женском роде, то она вполне стала бы украшением любого взвода быстрого реагирования. Всё было в ней для ратной службы: сила, мощь, стать, отвага, даже усы и те имелись в наличии.

Но вместо того, чтоб на передовой линии фронта вести за собой в атаку, тётя Паша ворожила на кухне. Она суетилась,

потешно кудахтала, то и дело резко всплёскивая могучими натруженными ручищами:

– Я ж помню, какую тебя привезли – этт-ж страсть! Вши заедали! Побрили тебя наголо. От сажи отмыть неделю не могли! Поставят тарелку с кашей, а ты с ложки есть не понимаешь – прям лицом в чашку, и лакаешь, как зверь. Вся моська вечно в каше была. Укол тебе ставят, так ты сёстрам все руки искусаешь, а потом забьёшься в угол и скулишь по-щенячьи. Ужась!

Докторица твоя удивлялась – за год ребёнок из животины в человека превратился! По уму потом всех своих одноклассников обогнала! Помню, как ты постоянно другим детям вслух книжки читала. Оставят тебя за воспитателя – и никаких забот.

А уж заживало-то всё на тебе – прям, как на собаке! Ой, прости-прости! Нет, ну, правда, два сегмента были осеменены, – со знанием дела заявила тётя Паша, примеряя на себя личину главврача, – сначала думали, что без операции не обойтись. А потом локализовали медикаментозно... и привет – закальце-нирвалося всё!

– Тётя Паш, а меня никто никогда потом не искал? Ведь маму тогда не нашли – местонахождение неизвестно. Может, она когда-нибудь появлялась?

– Да известно её местонахождение, известно! Опустилась она до того, что к цыганам в рабство сдалась. Летом огород полоча, зимой снег гребла, печь топила. Потом прирезали её по пьяни. Бабушка твоя рассказывала. А уж как искала-то она тебя, но поздно было! Тебя тогда уже в детдом перевели, – тётя Паша помолчала, сокрушённо уронив руки на цветастый передник, – ездила, расспрашивала, голосила тута по кабинетам, потом ещё письма писала лет десять. Все глаза выплакала, да и ослепла... поди уж и померла...

– А откуда? Откуда письма-то были? Может адрес сохранился?

– О-о-о, да адрес такой – деревня Светлая Вышенка, спросить бабу Стешу!

– Тадоеву?

– Не-е, она ж по маме – Маркова.

Рано утром тётя Паша ушла «лопатить дорожки». У Юки внутри словно неугомонный маятник мотался и не давал сидеть на месте. Что-то подгоняло, как очумевший тренер: быстрей-быстрей-быстрей! Вот бы разогнаться, как следует да полететь над этим лесом в Светлую Вышенку. Как там? Жива ли баба Стеша? Помнит ли о внучке?

Юка механически жевала булочки, осознавая, что теоретически, судя по ванильному запаху и румянному виду, они, должно быть, очень-очень аппетитные. Но вкуса не чувствовала. Её душа была уже там, в неизвестной и одновременно родной деревеньке.

Тётя Паша проводила Юку до автовокзала на собственных «Жигулях». Сложность была в том, что Анчи увязался за девушкой и ни за что не хотел с ней расставаться. Впрочем, в этом их желания совпадали. В автобус «такого-то волкодава» без намордника пускать отказались наотрез.

– Ничего, тётя Паш, вывези нас на трассу. С Божьей помощью доберёмся! Чувствую, будто за руку меня ведут – доедем.

– Да кто ж вас с этим чудищем в салон-то посадит? Брось его!

– Своих не бросают!

Попрощавшись с брутальной тётей Пашей, Юка осталась посреди обледеневшей, продуваемой всеми ветрами трассы со скрипкой и чёрным псом. Время переползало к обеду. Они прошли вдоль трассы уже с десятков километров. Голосовали каждой проезжающей машине, но никто не останавливался.

От отчаяния Юка достала скрипку, и отважно встав посреди дороги, стала играть неистовый каприз Паганини: «Погибать, так с музыкой!»

Почти такой же автобус, что не повёз Юку с автовокзала, подплыл вплотную. Поначалу он намеревался объехать отчаянную скрипачку, но потом, словно поразмыслив, притормозил. В салоне

дружно заплодировали. Компания молодёжи, вооружённая лыжами, направлялась в предгорную курортную зону. Юка и пёс без особых приглашений запрыгнули в открывшиеся двери:

- Сыграйте, мозстры!
- Это что за зверррр? Гибрид болонки с гризли?
- А он не укусит?
- Как зовут образину?
- Ты играешь – он танцует?

Чтобы отвлечь повышенное внимание от четвероногого друга, и пресечь поток вопросов, переходящий в галдёж, Юка стала наигрывать популярные песенки. Компания с азартом взялась подпевать.

Юкин репертуар был проигран всего только по третьему кругу, а весёлый автобус притормозил у поворота на Светлую Вышенку. На перекрёстке добрый водитель высадил девушку с большой чёрной собакой, не взяв оплаты:

- Дальше сами добежите!

...устрой судьбу их якоже Ты
Сам хочеши и спаси души их...
Из молитвы за детей

Светлая Вышенка встретила гостей ярким, слепящим, почти весенним солнцем. Вдоль дороги захоровоидились стройные берёзки в кружевных шалях, связанных из сверкающего инея. Домишки нахлобучили высокие снежные папахи и приосанились перед пришлыми. Белолобый телёнок в рыжих пятнах с интересом разглядывал их сквозь худую ограду. Здесь почему-то было много белого и голубого: резные деревянные наличники, разри-сованные диковинными цветами и птицами ставни. Деревенька напоминала забытую съёмочной группой декорацию давно поставленного кинофильма по народной сказке.

Румяная тётка, укутанная в цветастый платок, переваливаясь, как уточка, везла на санях флягу с водой.

– Здравствуйте. Подскажите, пожалуйста, к бабушке Стеше Марковой как пройти?

– Прямо иди, милая. Во-о-он на пригорке, он один там домик-то, – тётушка с интересом рассматривала Юку сквозь хитрый монгольский прищур. Видно было, что женщине до ужаса хочется расспросить незнакомку, но она сдержалась.

Анчи бежал впереди, будто всю жизнь знал эту тропинку между сугробами. Одинокий домик, оседлавший холм на отшибе, выглядел совсем как игрушечный.

Баба Стеша была трогательно маленькой, сгорбленной, белоснежно седой, но всё равно напоминала Золушку из старого детского фильма. Старушка сидела перед закопчённой печуркой и до смешного сосредоточенно чистила картошку. Несмотря на усилия, получалось это у неё из рук вон плохо: картофелины оставались грязными и недочищенными.

Бабушка повернулась к двери, но яркие васильковые глаза не фокусировались на Юке. Стало ясно, что старушка слепая.

– Бабушка, это я – Юкка!

Слепая старица на секунду выронила из слабой руки картофелину и та подкатилась к самым ногам девушки. На секунду словно прислушалась к звуку прозвеневшего голоса, и открыв слабые дрожащие объятия, баба Стеша со слезами кинулась к внучке:

– Ты?! – старушка прижалась к Юке всем хрупким тельцем. – Счастливая я, счастливая! Дождалась! – она гладила детскими шершавами ладошками Юкино лицо и улыбалась сквозь слёзы, которые ручейками лились из невидящих глаз, – теперь и в могилочку-то мне лечь не страшно!

За приоткрытой печной дверцей огонь плясал свой вечный танец, превращая даже такую маленькую кухню в таинственный и уютный чертог. Они сидели, прижавшись, как два голубя на карнизе, и говорили, говорили...

– Бабушка, а почему мне такое имя необычное дали?

– Отцу так шаман приказал. Что б выжила, говорил. Я потом тебя в нашу церкву снесла. Батюшка окрестил. Не то что по-басурманскому, а как положено. Окунают тебя маленькую в купель, ты ж ни пикнула даже, не то, что другие ребяташки.

– Я теперь, знаешь, в монастырь пока погожу. Теперь ты у меня – есть о ком заботиться. Баб, а ты в храме-то давно была?

– Оо-ой, давно. И не помню уже. Когда ноги ещё боле-мене ходили. А щас кто меня поведёт. Кому надо с чужой старухой возиться? Дома молюся-молюся каждый день. У меня иконочка есть! А вообще охота побывать хоть перед смертушкой. Послушать...

– Завтра пойдём с тобой. Тут недалеко. Дойдём потихонечку...

Юка сняла с печи готовую картошку и стала накрывать на стол нехитрый ужин. «Сегодня всё переваю, завтра возьмусь за бельё. Как там во дворе Анчи освоился? – Юка глянула мимоходом в окно, на душе у девушки было и светло, и покойно, – Господи, веди нас куда Ты Сам хочешь!»

Последнее мягкое закатное солнышко осветило голубые купола скромной церквушки. Словно в жилистых ладонях Земли нахохлилась перед сном, распушилась по-воробьиному деревня Светлая Вышенка. Загорланили задиры петухи, соревнуясь, кто громче возвестит о наступающем покое. Расстелился периной сизый смог затопленных по всему местечку бань. Вместе с ароматным этим дымком накрыло тихое место благословенным покоем. И стало в мире на два счастливых человека больше... на два человека и одного большого чёрного пса!

Рекомендуем почитать

Нифонтова, Ю. А. Провода гудящих строчек : [стихи] . – Барнаул : А.Р.Т., 2006. – 75 с. : ил.

Нифонтова, Ю. А. Шиза. История одной клички : [повесть] / [предисл. В. Свинцова ; ил. автора]. – Барнаул : Алт. дом печати, 2009. – 182 с. : ил.

Нифонтова, Ю. А. Предчувствие : стихи разных лет/ [предисл. В. Коржова]. – Барнаул : Азбука, 2012. – 69, [1] с. – (Городская библиотека ; вып. 28).

Нифонтова, Ю. А. Не хочу в Нормандию! : [повесть, рас-

сказы] / [предисл. Ж. Алимовой-Картер ; ил. автора]. – Барнаул : [б. и.], 2012 (ИПП «Алтай»). – 230, [1] с. : ил. – Из содерж.: Не хочу в Нормандию! : повесть.

Нифонтова, Ю. А. Шиза в квадрате : [повесть] / ил. автора. – Барнаул, 2013 (ИП Колмогоров И. А.). – 182 с. : ил.

Нифонтова, Ю. А. Осколки матриархата : [стихи] / [предисл. С. Ключникова ; ил. автора]. – 2-е изд., перераб. – Барнаул, 2014 (ИП Колмогоров И. А.). – 94, [1] с. : ил.

Новичихина

Валентина Александровна

(р. 01.05.1940)

Родилась в с. Брусенцево Усть-Пристанского района Алтайского края. Детство прошло в с. Клепиково Усть-Пристанского района. С 1955 г. живёт в Барнауле. С медалью окончила школу № 103 и поступила в Барнаульский государственный педагогический университет на физико-математический факультет, отделение математики. Из-за тяжёлого заболевания на третьем курсе оставила учёбу. Первое стихотворение для детей было опубликовано в газете «Алтайская правда» в 1970 г.

Победитель краевого конкурса на издание литературных произведений в номинации «Литература для детей и юношества» (2010, книга «Планета детства»).

СТРАННЫЙ КОТИК

Чёрный котик, котик Васька,
Почему не жмуришь глазки?
Не мурлычешь почему?
Целый день сидишь в дому.
Мыши над тобой смеются!
Молоко не пьёшь из блюда,
Не царапаешь диван...
Где тут правда, где обман?
Расскажу всем откровенно:
Нет у Васьки коготков.
Смастерила Ваську Лена
Из пушистых лоскутков.

РАДУГА

В небе радуга горит –
Яркая тропинка!
«Посмотрите, – говорит
Девочка Аринка, –
Там, за речкой, на лугу,
Я достать её могу!
По цветной дорожке
Проведу ладошкой!»

УДИВИТЕЛЬНЫЙ РЕБЁНОК

Ярику Коробейщикову

Говорят, что нынче дети
Не приучены читать.
Есть один малыш на свете –
Без стихов не ляжет спать!

Любит он стихи с пелёнок,
Смотрит радостно на мир.
Удивительный ребёнок
Носит имя Яромир!

От стихов, как от молитвы,
Спит младенец до утра...
– Сколько годиков малютке?
– Скоро будет полтора.

БЕДНЫЕ МОИ КОЛЕНКИ

Наташе Поляковой

Бедные мои коленки:
Не везёт им больше всех –
То ударятся о стенку
Или шлёпнутся на снег.
А ещё бывает хуже:
Прямо в грязь!
А то и... в лужу!..
Я нечаянно споткнулась,
На асфальте растянулась –
На коленках синяки.
Брат смеётся: «Пустяки!»
Сосчитали все ступеньки
Бедные мои коленки.
Не везёт им. Почему?
Не известно никому!

ПРИЯТНАЯ ПРОГУЛКА

Посмотрите: я всех выше!
Смело я иду во двор.
Я могу достать до крыши,
Заглянуть через забор!
Уступают мне дорогу
Страшный пёс и ребятня,
И задира Ромка Рогов
Мирно смотрит на меня.
Не достанет мне до пяток
Даже Колька-каланча!
До чего ж гулять приятно
Мне у папы на плечах.

ПЕРВАЯ КОЛЫБЕЛЬНАЯ

Раз, два, три, четыре, пять,
Девочек уложим спать:
Леночку – у стеночки,
Раюшку – с краюшку,
Иринку – в серединку,
Маринку – на перинку,
Танюшку – на подушку,
А Юленьку... в люленьку.
Раз, два, три, четыре, пять,
Мальчиков уложим спать:
Бореньку – в горенку,
Андрюшку – на раскладушку,
Славку – на лавку,
Олежку – в тележку,
Тараску – в коляску,
А Юрочку... на печурочку.
Раз, два, три, четыре, пять.
Уложили деток спать.
Повернулись на бочок
И... молчок.

СУПЕРКЛАСС

Г.И. Пановой

Не перестану удивляться!
И заявляю без прикрас:
Есть школа номером 12,
В ней 3 «Б» – активный класс!

Такого раньше не встречала:
Все двадцать семь учеников
На все вопросы отвечали
Из мира сказок и стихов.

Все любопытны беспредельно,
Фантазии – не занимать!
И знают много колыбельных,
Которые им пела мать.

Все очень влюблены в природу,
К добру их души не глухи.
Как губка впитывает воду,
Так дети слушали стихи.

ЧУТЬ-ЧУТЬ ПЕРЕСТАРАЛСЯ

Говорю сестрёнке: «Жарко!»
А она вздыхает: «Жалко».
Говорю ей: «Это рак».
Повторяет: «Это лак».
Вот упрямая девчонка,
Наказанье – не сестрёнка!
Час твержу ей: «Тёрка! Кружка!»
А она всё: «Тёлка! Клушка!»
Я так дело не оставлю,
У сестрёнки речь исправлю.
И кричу со злостью: «Рожь!»
А она сквозь слёзы: «Ложь».
А сегодня привереда
Говорит: «Отрежьте хреба».

Я – БОЛЬШАЯ

Я уже большая. Вот!
Мне пошёл четвёртый год.
Всех могу я сосчитать:
Раз, четыре, восемь, пять!
Я умею рисовать
Дом, котёнка, стул, кровать.
Вот щенок, а вот петух,
Гусь один. Могу и двух!
Брат смеётся: «Ха-ха-ха! –
Три ноги у петуха!»
Я не стану губы дуть.
Ну, ошиблась я чуть-чуть...
Я ошибку вмиг исправлю:
Ногу тут... ещё подставлю.

ТРЯПИЧНАЯ КУКЛА

Я – кукла тряпичная, вышитый рот.
Без сердца в груди я жила без забот.
Вокруг были куклы, такие как я,
И не было в мире друзей у меня.

Но добрая фея раскрыла ларец
И мне приколола на грудь леденец –
Конфетное сердце, но я ожила,
В большой хоровод всех детей собрала.

Теперь я умею любить и жалеть.
Могу танцевать и смеяться, и петь!
И ангелы с нами поют в небесах –
Ведь сердце, что любит, творит чудеса!

МНЕ БЕЗ ПАПЫ ПЛОХО

Володе Огневу

У меня есть мама,
Есть велосипед,
Есть собака Лана,
Только папы нет.
Вот идёт Серёжка
С папой на рыбалку.
Я гляжу в окошко –
И себя мне жалко.
Знаю: папа тоже
Без меня скучает,
Но прийти не может –
Мама запрещает.
Говорит: «Другого
Мы найдём. Не ной!»
Не хочу чужого.
Лучший папа – мой!
И шепчу упрямо:
– Кто поможет мне?
Ведь люблю я папу
С мамой наравне.

ОТКУДА БЕРУТСЯ ДЕТИ?

– Откуда берутся дети? –
Я всем задавал вопрос.
И дедушка мой ответил:
– Нам аист тебя принёс.
А бабушка мне сказала:
– В капусте тебя нашли.
А дядя шутил: «С вокзала
В корзине его принесли...»
Я знаю – неправда это!
Мама меня родила.
Я только не знаю ответа:

Где меня мама взяла?
Сестра на меня кричала:
– Ты голову всем вскружил!
А я начинал сначала:
– А где я до мамы жил?
Никто эту тайну из взрослых
Мне так объяснить и не смог.
Лишь папа ответил просто:
– Ты жил в моём сердце, сынок!

ПРОКАЗНИК

коту Кузе

Все разбросаны игрушки,
На полу лежат подушки...
Безобразье! Стыд и срам!
Кто устроил тарарам?
Дети выросли давно.
Может кто-то влез в окно?
Занавески оборвал
И пронёсся, словно шквал,
По ковру под потолок,
Половик собрав в комок.
Со стола стащил котлету,
В клочья разодрал газету,
Сбросил с полки на пол книжки...
Но все рамы на задвижках.
Дверь закрыта на замок.
Кто бы это сделать мог?
Кто сломал кусты герани
И улёгся на диване?
Это Кузя – кот проказник.
Вовсе он не безобразник!
Просто любит поиграть.
Ну, за что его ругать?
Может, вы порою тоже
На него чуть-чуть похожи?

НА КАКОМ ЯЗЫКЕ ГОВОРIT НАСТЯ

Насте Семиненко

Радостно сказала Настя:
– Мы ходили в памазин.
Мама мне купила сласти –
Лябоко и лаписин.

Камарелек сладких-сладких
И ещё чипапаген!
И босую скалаладку –
На картинке – супермен!

Завтра мы гуляли в парке
И смотрели там кино.
Мне купили мамиралку
И два раза эскимо.

Вдруг Настюша загрустила,
Слёзы брызнули из глаз:
– Мама в садик не пустила,
Чепатурка поднялась.

СОЛНЕЧНЫЙ ДОЖДЬ

Вот так чудо из чудес
Есть на белом свете:
Дождик капает с небес,
Ярко солнце светит!
Этот дождь слепым зовут.
Почему же люди лгут?!
Ну, какой же он слепой?
Он весёлый, золотой!
Потому что солнечный!

УСЛЫШАННЫЙ РАЗГОВОР

– Когда я вырасту большим,
буду летчиком.
Я очень люблю Небо.
Оно такое голубое-голубое
и высокое!
В Небе летают самолеты
и птицы.
А ещё на небе бывает радуга!
– А когда я вырасту,
то буду путешественником.
Я Землю люблю.
Зимой вся Земля белая-белая
и пушистая!
А летом Земля такая тёплая
и ласковая!
По ней можно ходить босиком.
А ещё на Земле растут
одуванчики!
– Зато в Небе есть Солнце!
А ночью на Небе горят
яркие звёзды!
– А на Земле зато есть зелёная трава,
а в ней трещат кузнечики!
– А я ещё не знаю, кем буду.
Я всё-всё люблю:
И Небо, и Землю,
И Солнце, и одуванчики,
И звёзды, и кузнечиков!
А больше всего я люблю
Маму!

НЕОБЫЧНЫЙ ЗООПАРК

Святославу Полякову

Я сегодня посетила
Необычный зоопарк.
В нём живут два крокодила
И верблюды по кличке Марк.
Голубой слонёнок Чонга,
Кот Маркиз, Гусар – петух,
Три оранжевых зайчонка,
Братец Лис и Вини-Пух...
В этом дивном зоопарке
Звери пляшут и поют.
А когда бывает жарко –
Эскимо всем подают.
Приходите, дети, в гости!
Вас прокатят с ветерком
Красный конь, Зелёный ослик
И щенок по кличке Гром.

Не пугайтесь львиной пасти,
Звери – вежливый народ!
Говорят при встрече: «Здрасьте!»
И не спорят, кто вперёд.
Поиграет с вами в салки,
Всех зверей в кружок собрав,
Сам директор зоопарка –
Семилетний Святослав.

Я НЕ ВИНОВАТ

Я разбил окошко в спальне,
Но разбил не специально.
Я подбросил мяч рукой,
Пнул его ещё ногой.
Мяч взлетел и – вот упрямый! –
Полетел в окошко прямо.
Не успел сказать я «Ах!»,
А стекло в окошке – трах!

НАТАШИНА ОКРОШКА

Наливаем газировку,
Добавляем шоколад,
Режем яблоко, морковку,
Апельсин и виноград.

А потом кладём приправу –
Земляничное варенье.
Получается на славу –
Не окрошка – объеденье!
Взрослым всем на удивленье.

* * *

Красками рисует Настя
Удивительных зверей:
Вот бычок зелёной масти,
Красный котик у дверей,
Голубые поросята
И в цветочек свинка...
Удивляются ребята
Настиной картинке.

Рекомендуем почитать

Новичихина, В. А. Страна Играния : стихи / худож. В. Максименко. – Барнаул : Алт. кн. изд-во, 1989. – 22 с. : ил.

Новичихина, В. А. Проталинки : стихи. – Барнаул, 1993. – 63 с. : портр.

Новичихина, В. А. Откуда берутся дети : стихи для детей и для родителей / худож. Т. Плотникова. – Барнаул : Алтай, 1995. – 64 с. : ил. – (Авторский альманах «Август» ; № 3 (15)).

Новичихина, В. А. Свет моей души : (сб. стихов в авторской редакции). – Барнаул, 2005. – 84 с. : портр.

Новичихина, В. А. Давайте познакомимся! : стихи / худож. Т. И. Плотникова. – Барнаул : Печатный двор, 2007. – 100 с. : ил. – (Городская библиотека).

Новичихина, В. А. Давайте познакомимся! : (стихи для дошк. и мл. шк. возраста) / худож. Т. Плотникова. – Барнаул : [б. и.], 2007 (Тип. ЗАО «Алтайвитамины»). – 65, [1] с. : цв. ил. – (К 70-летию образования Алтайского края. Детям от депутатов Алтайского краевого Совета народных депутатов).

Новичихина, В. А. Планета детства : стихи / худож. Т. Плотникова. – Барнаул : Алт. дом печати, 2010. – 104 с. : ил.

Новичихина, В. А. Лесная ярмарка : [стихи] / [худож. О. Московка] ; Алт. краев. дет. б-ка им. Н. К. Крупской – Барнаул, 2014 (Алт. дом печати). – 20 с. : ил. – (Писатели Алтайского края – детям).

Новичихина, В. А. Приключения зелёного лягушонка : [стихи] / [худож. О. Московка] ; Алт. краев. дет. б-ка им. Н. К. Крупской. – Барнаул, 2014 (Алт. дом печати). – 19 с. : ил. – (Писатели Алтайского края – детям).

Новичихина, В. А. Незабудка : сказка для детей, которую полезно послушать и взрослым / худож. О. Московка ; Алт. краев. дет. б-ка им. Н. К. Крупской. – Барнаул, 2015 (Алт. дом печати). – 23 с. : ил. – (Писатели Алтайского края – детям).

Новичихина, В. А. Сказка-быль про девочку Валю и Чудесный замок под названием Библиотека / худож. О. Московка ; Алт. краев. дет. б-ка им. Н. К. Крупской. – Барнаул, 2015. – 23 с. : ил. – (Писатели Алтайского края – детям).

Новичихина, В. А. Изумруды памяти : [стихи] – Барнаул, 2016 (Концепт). – 87 с.

Новичихина, В. А. Рисую радугу в судьбе : стихи. – Барнаул : [б. и.], 2016 (Новый формат). – 119 с. : фото. – Авторбиограф. на 4-й с. обл.

Новичихина, В. А. Разноцветный мир : [стихи] / худож. Т. Плотникова ; Алт. краев. дет. б-ка им. Н. К. Крупской. – Барнаул, 2016 (Алт. дом печати). – [55] с. : ил.

Ожич (Клишина) Елена Михайловна
(р. 14.04.1975)

Родилась в Барнауле. Окончила факультет филологии и журналистики Алтайского государственного университета. Работала корреспондентом, редактором в издательском доме «Алтапресс», «Российской газете», консультантом в Управлении по печати и информации Алтайского края, специалистом отдела по связям с общественностью «Алтайэнерго». В настоящее время – редактор отдела по связям с общественностью Алтайского краевого института повышения квалификации работников образования, внештатный заместитель редактора журнала «Барнаул литературный».

Дипломант литературной премии Владислава Крапивина, лауреат Пушкинской премии (2012), краевого фестиваля «Издано на Алтае» (2014).

Победитель международного конкурса педагогического признания «Добрая лира» (2010), поэтического конкурса интернет-журнала «Лексикон» (США, 2010), краевого конкурса на издание литературных произведений в номинации «Литература для детей и юношества» (2011, книга «Как я ничего не ела»; 2016, книга «Старый город»).

Живёт в Барнауле.

РАДИ ЛЮБВИ К ИСКУССТВУ

крипач Котин однажды пришёл в класс с фингалом под глазом. Нет, Котин и раньше приходил с синяками, все давно уже к этому привыкли. Но в этот раз котинский фингал был совершенно выдающийся: во-первых, он был раза в три больше, чем обычно, во-вторых, глаз распух и почти закрылся. В-третьих, Котин даже принес справку из травмпункта, чтобы его временно освободили от занятий в школе.

Конечно, такой фингал никак не мог остаться незамеченным. Все обступили Котина и стали расспрашивать, а девочки – даже жалеть его.

– Ого, Котин, вот это «финик»!

– Бедный Котин!

– А все скрипка проклятая, – пожаловался Котин. – Как идешь со скрипкой в музыкальную школу, так обязательно схлопочешь!

– Точно-точно, – сказал домрист Левченко, который тоже не один раз приходил в школу с синяками. – Подтверждаю! Когда иду с домрой, так обязательно где-нибудь хулиган встретится! Как будто специально меня поджидает!

– И меня, – сказала Таня Корочкина, которая училась играть на фортепиано и поэтому ходила в школу с одной нотной папкой, – один раз даже в грязь толкнули.

И все трое стали хором говорить о том, что, возможно, пора бы и бросить занятия музыкой, так как они становятся весьма опасными для здоровья.

В этот день Димка Мишин решил записаться в музыкальную школу. Он что, больной, спросите вы. Только сумасшедший человек может записываться в «музыкалку», когда другие из неё бегут. Да нет, Димка Мишин был вполне здоровым, даже очень. Более того, Димка Мишин был самым здоровым мальчиком в классе – при росте метр сорок он весил пятьдесят три килограмма и в школьной столовой на обеде всегда брал вторую порцию.

И Лёха, друг Димки Мишина, тоже записался в музыкальную школу. Но перед этим у них был тайный совет. Они собрались у Димки дома на веранде, и Димка сказал:

– Я считаю, это несправедливо! – и рассказал про Котина, Левченко и Корочкину. – Надо убедить хулиганов в том, что нельзя бить человека только из-за его любви к музыке!

В музыкальной школе преподаватель посмотрел на Димку Мишина и его друга с недоумением – эти двое, явно не обладая ни слухом, ни голосом, пришли вдруг, посреди учебного года записываться на отделение струнных: один – на скрипку, а другой – на домру.

Преподаватель как представил изящную скрипку, зажатую в кулачищах Димки Мишина, так сразу схватился за сердце. Он бы отправил их восвояси, но молодые люди уже который час демонстрировали в его кабинете завидное упорство и виртуозное владение искусством убеждения.

– Но надо! – горячо настаивал Димка Мишин, – Вы понимаете, во, как надо! Ради любви к искусству! Если вы нас не примете, то рискуете потерять лучших музыкантов! Гениев! Творцов! Будущее музыки под угрозой!

Он, конечно, не себя имел в виду, а Котина, Левченко и Корочкину, которые собирались бросить занятия в музыкальной школе из-за того, что их частенько преследуют хулиганы. Но преподаватель подумал, что Димка Мишин говорит о себе и сво-

ём друге. И, поддавшись его напору, начал вдруг сомневаться – а вдруг и вправду будущие гении сидят сейчас перед ним?

– Хорошо, – сдался педагог и записал Димку Мишина и его приятеля Лёху в класс баяна.

Родители Димки движение его души в сторону прекрасного тоже оценили и сказали:

– Занимайся. Но пока возьмём инструмент в прокате. Вдруг ты ещё передумаешь...

И родители взяли в прокате баян с перламутровыми клавишами.

На следующий день Димка взвалил на себя короб с инструментом и поволок его в музыкальную школу:

– Зачем? – вытаращил глаза педагог по классу баяна. – Это же вовсе не обязательно! На своём инструменте вы будете заниматься дома, а в школе мы, так и быть, найдём для вас какой-нибудь баян!

Но Димка промолчал и продолжал таскать с собой баян в деревянном коробе, высланном изнутри красной байкой. Он же не мог признаться в том, что баян нужен ему как приманка. На баян Димка собирался ловить Варнакова – главного хулигана, от которого не раз страдали Левченко и Таня Корочкина. И это именно Варнаков поставил скрипачу Котину под глаз тот самый выдающийся фингал. Если бы Димка ходил без баяна, то Варнаков ни за что не догадался бы о том, что Мишин тоже теперь учится музыке.

По дороге в музыкальную школу Димка и Леха несли баян по очереди. Пока один пыхтел и обливался потом, другой высматривал, не притаился ли где в кустах Варнаков со своими хулиганскими замашками наготове.

Так друзья ходили в музыкальную школу примерно с месяц. За это время Варнаков отобрал у Корочкиной папку с нотами и закинул её на крышу гаража. Левченко он столкнул в котлован с водой, а у Котина оторвал рукав куртки.

А Димке и Лёхе на их пути хулиган Варнаков не встретился за этот месяц почему-то ни разу. Ничего, решили приятели,

потерпим. Ради торжества справедливости и любви к искусству. И продолжали на занятиях жать неуклюжими пальцами на перламутровые кнопки, писать диктанты по сольфеджио, учить биографии композиторов и петь в хоре.

Однажды вечером, когда Димка нёс свой баян из музыкальной школы, пришёл и его черёд пообщаться с врагом всех местных юных музыкантов.

– Так-так, – сказал Варнаков, выходя из-за куста, который рос в тени одного дома на тёмной узкой улочке. – Кого я вижу? Димка Мишин, ты ли это?

Варнаков был на два года старше, но учился в параллельном третьем классе, потому что уже дважды был оставлен на второй год. У Варнакова был старший брат, который уже отслужил в армии, и этот факт почему-то давал Варнакову моральное право унижать других, хотя брат ни в какие его хулиганские дела не вмешивался, а только приходил на собрания в школу вместо родителей, а после дома, по слухам, воспитывал Варнакова-младшего ремнём по мягкому месту.

– Ну, я, – сказал Димка, сваливая с плеча короб с баяном на землю.

– А это у тебя что? – спросил Варнаков, цыкая слюной в дорожную пыль и тыкая носком ботинка в футляр. – Вы что, баян из «музыкалки» сперли?

– Нogu убери, – сказал Димка. – Это музыкальный инструмент, между прочим.

– Так ты, что ли, тоже? Того? – и Варнаков, шевеля пальцами, развел руки в стороны, как будто сам играл на баяне. – Лабух? Мишин, ты – лабух?

И главный хулиган среднего школьного возраста схватился за живот и перегнулся от смеха пополам:

– Нет, ну я понимаю, эта фифа Корочкина! – Варнаков даже сделал вид, что утирает слёзы, так ему было смешно. – Или этот очкарик Котин! Но ты, Димон?

Тут Варнаков резко перестал смеяться и сказал, будто бы сильно огорчившись:

– Ты разочаровал меня, Димон. Разве я не предлагал тебе самых разных хулиганских дел? Мы б тут такое могли творить, ух! А ты...

Никаких, конечно, хулиганских совместных дел Варнаков ему не предлагал, потому что Димкин отец был директором школы, а связываться с директором школы – это себе дороже. К тому же, Димка любил читать книги и изобретал всякие разные штуковины у отца в гараже, так что хулиганскими делами ему заниматься было совсем некогда. Да и твердые моральные принципы никогда бы не позволили Димке Мишину пойти на разбой и угнетать тех, кто слабее его. Поэтому он ответил Варнакову просто:

– Ты темный человек, Варнаков, и не понимаешь, что музыка даже из самого нехорошего человека может сделать вполне добродушного и умиротворённого.

Я же говорю, что Димка любил читать книги и поэтому знал и не такие мудрёные слова, как «умиротворённый». Варнаков же книг не читал, и поэтому решил, что Мишин над ним издевается. Варнаков замахнулся и попробовал дать Димке в глаз, но Димка увернулся и провёл на Варнакове приём «бросок через плечо». Варнаков упал прямо на короб с баяном и мстительно прошипел:

– Ах, ты так, значит... Мы ещё посмотрим, кто тут тёмный и умиротворённый!

На следующий день Димку недалеко от городского стадиона подкараулил Варнаков с его приятелями.

– Ну, что, – сказал главный хулиган, – сейчас кто-то тут на гармошке доиграется! Мы тебе пальцы быстро переломаем!

Но все приятели у Варнакова были какие-то мелкие, тщедушные. Какие-то отпетые второклассники, рано начавшие курить и ни разу в жизни не заглянувшие в спортзал. Поэтому крепкий, спортивный и некурящий третьеклассник Димка легко взял за широрот двоих, потрянул слегка, а потом поставил на землю и не больно поддал ногой под зад сначала одному, а потом другому. Отпе-

тые второклассники отбежали на безопасное расстояние и оттуда крикнули:

– Варнаков! Чего это он? Мы так не договаривались! Мы лучше очкарика Котина бить будем! Или этого, с балалайкой, Левченко!

И убежали, оставив своего хулиганского вождя с Димкой один на один.

На следующий день Варнаков с отпетыми второклассниками обстрелял из рогатки Таню Корочкину, которая бежала до самой музыкальной школы, прикрываясь папкой с нотами. На скрипача Котина они с балкона кинули пакет с водой. В домриста Левченко пульнули из-за угла дохлой крысой.

Димка Мишин понял, что метод ловли на живца особой пользы его друзьям не приносит, и решил сменить тактику. С этого дня Корочкина, Котин и Левченко стали ходить в музыкальную школу под конвоем. Так оказалось и удобнее, и безопаснее. Музыканты шли по улице клином: в середине – Таня, слева – Котин со скрипкой, справа – Левченко с домрой, в авангарде – Димка, а с тыла прикрывал компанию верный друг Лёха.

Когда однажды на колонну с улюлюканьем и гиканьем налетели отпетые второклассники Варнакова, музыканты как по команде достали рогатки и бумажные бомбочки с водой и отбили атаку. А когда в Корочкину кинули дохлой крысой, Лёха так ловко отбил её ногой, что отвратительная тушка приземлилась Варнакову прямо на плечо.

– Фу! – закричал Варнаков, стряхивая крысу и поспешно ретируясь с поля боя.

А однажды Варнаков неосмотрительно попался на глаза компании без своих хулиганчиков. Он не придумал ничего лучшего, как отпрыгнуть на пару метров и прокричать дразнилку:

– Танька-манька-пианистка, дрессирована сосиска!

Но убежать не успел. Таня Корочкина, – зря, что ли, ещё в секцию легкой атлетики ходит, – догнала Варнакова в две секунды.

– Ребята, подержите-ка! – сказала Таня, и пока Димка с Лёхой придерживали трепыхающегося хулигана, поставила

ему три звонких щелбана. Котин дернул хулигана за ухо, а Левченко поставил ему «сливку».

– Пятеро на одного? – завопил Варнаков. – Это честно?

– Беги-беги, – сказала ему в след Таня Корочкина, – и больше нам не попадайся!

На следующий день, и через неделю, и даже через две к музыкантам больше никто не приставал. Димка с Лёхой поняли, что выполнили свою благородную миссию и решили бросить музыкальную школу.

– Ну, как же это так? – всплеснул руками педагог по классу баяна. – Пусть не все у вас продвигается гладко, но некоторые успехи всё-таки есть! Тебя, Дима, я хотел включить в концерт с номером «Во саду ли, во огороде». А ты, Лёша, вполне мог бы исполнить «В траве сидел кузнечик»...

Но Димка с Лёхой были непреклонны. У Димки в отцовском гараже стояла почти собранная парусная тележка, а Лёха никак не мог допаять одну микросхемку. Эта музыка вместе с хулиганом Варнаковым отнимала столько времени! Но на концерт они придут обязательно, и Варнакова с собой приведут. Пусть Варнаков послушает, как замечательно играет на фортепиано Таня Корочкина, Вова Котин – на скрипке, а Миша Левченко – на домре.

Рекомендуем почитать

Ожич, Е. М. Истории взрослых : [стихи]. – Барнаул : [б. и.], 2010 (Принтэкспресс). – 49, [2] с.

Ожич, Е. М. Звезды, найденные в лесу : [сказка] / ил. О. Матушкиной ; Алт. краев. дет. б-ка им. Н. К. Крупской. – Барнаул : [б. и.], 2011. – 15 с. : ил.

Ожич, Е. М. Как я ничего не ела : [рассказы и сказки] / [вступ. ст. А. Зуева ; худож. О. Матушкина]. – Барнаул : Алт. дом печати, 2011. – 78, [1] с. : ил, портр.

Ожич, Е. М. Ради любви к искусству : [рассказ] / ил. О. Матушкиной ; Алт. краев. дет. б-ка им. Н. К. Крупской. – Барнаул

[б. и.], 2013 (Алт. дом печати). – 24 с. : цв. ил. – (Про Димку Мишина).

Ожич, Е. М. Валяный сапожок : [сказка] / худож. О. Москвонка ; Алт. краев. дет. б-ка им. Н. К. Крупской. – Барнаул : [б. и.], 2014 (Алт. дом печати). – 20 с. : ил. – (Писатели Алтайского края – детям).

Ожич, Е. М. Мой папа – мальчик : [повесть] / ил. О. Демидовой. – Москва : Clever, 2015. – 119, [1] с. : ил. – (Современные российские писатели – детям).

Ожич, Е. Старый город : повесть-сказка / ил. М. С. Хозяйкина ; Упр. Алт. края по культуре и арх. делу , Алт. краев. универс. науч. б-ка им. В. Я. Шишкова. – Барнаул : Алт. дом печати, 2016. – 69 с. : ил. – (Победители краевого конкурса на издание литературных произведений).

СОДЕРЖАНИЕ

Э.П. Хомич Читателям: детям, родителям и педагогам.....	3
Александров Александр Сергеевич.....	23
Про кокс, батарею и город Заринск.....	25
Атаманов Иван Алексеевич.....	29
Заяц-путешественник.....	31
Чужие перья.....	32
Лягушка и Барбос.....	35
Ленивый воробей.....	36
Башунов Владимир Мефодьевич.....	37
Лесные сторожа.....	39
Чуки-чок.....	40
Тс-с!.....	40
Свей.....	41
Сороки-вороны.....	41
Дождик.....	42
Лесное эхо.....	43
Лесная дрема.....	44
Таймень.....	45
Бызова Елена Юрьевна.....	49
Большое приключение маленькой девочки.....	51
Бычков Владимир Николаевич.....	119
Друзья.....	121
Конь.....	127
Власов Алексей Валентинович.....	133
Вышивала бабушка.....	135
Мой дедушка.....	136
Я – солдат!.....	136
Дочке.....	137
Не трусь, моряк!.....	138
Богатырская.....	138
Дождик в лесу.....	139
Солнечный зайчик.....	140
Доброта.....	141
Колыбельная.....	142
Сазан.....	142
Чудесная страна.....	143
Мама.....	143
Лес – наш дом!.....	144
Радуйся.....	145
Володин Геннадий Григорьевич.....	147
Любитель музыки.....	149
Почему карась на дне живет.....	151

Гришаев Василий Федорович	155
Наша Мария.....	157
Гусев Александр Васильевич	169
Скорая помощь.....	171
Дятел.....	171
Дождь.....	172
Утро.....	172
Одна дома.....	173
Синицы.....	173
Пчела.....	174
Воробей.....	174
Вовка.....	174
Факир.....	175
Денисов Александр Степанович	179
Про ежа.....	181
Наш край.....	181
Июль.....	182
Звёздная ночь.....	183
Журавлик.....	183
Осень.....	184
Память лета.....	184
Снегопад.....	185
Зима.....	185
Сосульки-висюльки.....	186
После дождя.....	186
Ласточки.....	187
Ландыши.....	187
Хитрая лиса.....	188
Стрекоза.....	188
Мотыльки.....	189
На озере.....	189
Злышко Иван Силыч, Головина Нина Александровна	191
Чванливый петух.....	193
Кисель-весель.....	195
Оля и мячик.....	197
Сапоги деда Никиты.....	199
Почему папоротник не цветёт.....	201
Как у ежа иглы появились.....	202
Храбрый лягушонок.....	205
Извекова Людмила Николаевна	209
Что всего дороже.....	211
Ильиных Владимир Иосифович	229
Кепка.....	231
Ёжик.....	233
Кан Ольга Викторовна	235

Ух-ты!.....	237
Тайны.....	238
В гостях.....	238
Мяу.....	239
С прогулки.....	239
Случай у речки.....	240
У тети Аглаи.....	240
Сладкий сон.....	241
Платье.....	241
Тук-тук.....	242
Колючий гость.....	242
Комод.....	243
У меня два разных глаза.....	243
Зебра.....	243
Случай с бароном Гусём.....	244
Карусель.....	244
Кто умней?.....	245
Трудное слово СОБАКА.....	245
Покупайте облака.....	246
Каценштейн Эвальд Эмильевич.....	247
Одуванчики.....	249
Классы.....	250
Воздушный шар.....	251
Письмо космонавту Герману Титову.....	251
Снеговик.....	252
Сорок ножек без сапожек.....	255
Осенью.....	256
Квин Лев Израилевич.....	257
Мальчишечьи тайны.....	259
Колесникова Галина Дмитриевна.....	353
Краденый рубль.....	355
Солнце в люльке.....	359
В новогоднюю ночь.....	363
«Моя золотоканая осень...».....	363
Колпакова Ольга Валерьевна.....	365
Рассказы из цикла «Это всё для красоты».....	367
Марченко Валерий Федорович.....	381
Куст рябины.....	383
Высокая температура.....	388
Сёмка.....	391
Мерзликин Леонид Семенович.....	395
Синее.....	397
Весна.....	398
Озеро и гуси.....	398
Утёнок.....	399

Колобок.....	399
Предморозье.....	400
Гусёнок.....	401
Перёпелка.....	401
На льду.....	402
Воробей.....	402
Мокшин Михаил Михайлович.....	405
Забияка.....	407
Летний день.....	407
Мой Алтай.....	408
Радуга.....	408
Лето.....	409
Солнце.....	409
Солнечный восход.....	410
Младший брат.....	410
Воробей.....	410
Осень.....	411
Причуды осени.....	411
Метелица.....	412
Птичья столовая.....	412
Снежное царство.....	413
Две сороки.....	413
Стрекоза.....	413
Качели.....	414
Малина.....	414
Ёжик.....	414
Пасека.....	415
Зайка.....	415
Медведь.....	415
Непослушное перо.....	416
Чик.....	416
Библиотека.....	419
Московка (Матушкина) Ольга Сергеевна.....	421
Волшебная книга.....	423
Кофейные сказки.....	428
Нечунаев Василий Маркович.....	435
Рисунок.....	437
Птичка-невеличка.....	437
Маленькие радости.....	438
Кудкудашка.....	438
Сосулька.....	439
Юла.....	439
Наш кораблик.....	440
Скворец.....	440
Снегири.....	440

Сорока.....	441
Медвежонок.....	441
Козёл.....	442
Глаза в глаза.....	443
Танюшкины слёзки.....	443
Ленивая игрушка.....	444
Заклинание.....	444
Лунный вечер.....	444
Небывалый самолёт.....	445
Колыбельная песенка.....	445
На болоте.....	445
Май.....	446
Осенью.....	446
Зимний свет.....	447
Никольская Анна Олеговна	449
Сказки сиреневого леса.....	451
Нифонтова Юлия Анатольевна	469
«Я хочу на луну, на луну улететь...».....	471
Письмо мальчика, у которого умерла собака.....	472
Юка.....	472
Новичихина Валентина Александровна	499
Странный котик.....	501
Радуга.....	501
Удивительный ребёнок.....	502
Бедные мои коленки.....	502
Приятная прогулка.....	503
Первая колыбельная.....	503
Суперкласс.....	504
Чуть-чуть перестарался.....	504
Я – большая.....	505
Тряпичная кукла.....	505
Мне без папы плохо.....	506
Откуда берутся дети.....	506
Проказник.....	507
На каком языке говорит Настя.....	508
Солнечный дождик.....	508
Услышанный разговор.....	509
Необычный зоопарк.....	510
Я не виноват.....	510
Наташина крошка.....	511
«Красками рисует Настя...».....	511
Ожич Елена Михайловна	513
Ради любви к искусству.....	515

Литературно-художественное издание

Алтайские писатели – детям

Антология в двух томах
Том 1

Редакционный совет:
Л.В. Санкина, Э.П. Хомич, Л.Н. Зинченко

Редакционный совет благодарит за помощь в отборе материала
Т.Н. Кушвид и членов Общественной Алтайской краевой писательской
организации

Составитель библиографии: Е.В. Лукинец

Художественное оформление и дизайн: К.М. Паршина

Книгу проиллюстрировали студенты
Новоалтайского государственного художественного училища:
Н. Адамов, А. Газукина, М. Домрачева, И. Друкер, А. Камнева, О. Карпова,
К. Макаренко, В. Проскурякова, Е. Ренцис, Н. Савицкая, Е. Свиридова
под руководством К.М. Паршиной

Компьютерная вёрстка Е.В. Семёновой

Подписано в печать
Формат 70x108 1/16 Усл. п. л. 46.11
Тираж 1500 экз.

